

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Колобов Владимир Васильевич

**ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА А. В. ЖИГУЛИНА)**

Специальность 10.01.10 – журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор В. В. Тулупов

Воронеж – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Дневник писателя как литературно-художественный и документально-публицистический феномен (теоретико-методологические основы исследования)	31
1.1 Дневник писателя – объект теоретического анализа в отечественной научной мысли конца XX – начала XXI вв.	31
1.2 Проблема жанра дневника и самоидентификации писателя.....	42
1.3 Жанрово-типологические характеристики дневника А. В. Жигулина..	51
ГЛАВА 2. Становление и развитие писательского таланта (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.)	71
2.1 Начало литературного пути А. В. Жигулина (1954 – 1963 гг.).....	71
2.2 Сотрудничество с А. Т. Твардовским и журналом «Новый мир».....	83
2.3 А. И. Солженицын: от повести «Один день Ивана Денисовича» – до «Письма вождям».....	123
2.4 Портреты поэтов-шестидесятников.....	149
2.5 «Процесс Синявского и Даниэля» как предвестие эпохи «застоя».....	185
ГЛАВА 3. Закрепление писательской репутации (1970-е гг. – первая половина 1980-х гг.)	200
3.1 Развитие писательской репутации А. В. Жигулина в годы «застоя»...200	
3.2 О литературной критике и критиках.....	211
3.3 Деятельность в редакциях «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов».....	222
ГЛАВА 4. Переход к автобиографической прозе (вторая половина 1980-х гг.)	227
4.1 История создания автобиографической повести «Черные камни».....	227
4.2 Жанрово-тематические особенности повести «Черные камни».....	255

ГЛАВА 5. Жизненная и творческая позиция писателя в 1990-е гг. ...	273
5.1 Отношение А. В. Жигулина к общественно-политическим процессам в стране в конце XX века.....	273
5.2 Духовно-нравственная эволюция писателя.....	279
5.3 Вневременные темы родины, природы, семьи, женщины в дневнике А. В. Жигулина.....	285
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	296
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	302

ВВЕДЕНИЕ

Обоснование темы исследования. Дневник как литературная и публицистическая форма, особая коммуникационная система, своеобразная матрица эпохи – одно из самых удивительных и значительных по своим масштабам достижений человеческого интеллекта, креативный продукт развития цивилизации, концепт мировой и национальной художественной культуры.

Пройдя большой исторический путь, вобрав в себя ауру различных эпох и народов, став многоязычным и многонациональным явлением, дневник сохранил в себе главные природообразующие качества: это диалог автора с самим собой, это диалог автора с аудиторией, это диалог автора со своим Временем.

Таков пока не изданный и по этой причине неизвестный широкой читательской публике дневник Анатолия Владимировича Жигулина (1930 – 2000), выдающегося российского поэта, прозаика, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края.

Для раскрытия феномена его литературного и публицистического таланта необходимо понимание того, как проходили формирование его личности, мировоззрения в целом и художественно-эстетических взглядов, в частности, творческая деятельность в контексте эпохи, в которой оставили драматический след две мировые войны, три революции, массовые политические репрессии 1930-х – начала 1950-х гг., денонсация договора об образовании СССР и другие катаклизмы XX века, с одной стороны, и которая отмечена великими свершениями и событиями: создание первого в мире социалистического государства, коллективизация, индустриализация, ликвидация безграмотности, освоение космоса и целины, строительство новой, демократической России, с другой стороны.

Для достижения намеченных целей новой властью были мобилизованы все силы и средства, в том числе в сфере литературы и искусства. Основным художественным методом на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. был провозглашен *социалистический реализм*. В соответствии с новой теорией, одним из создателей которой был А. В. Луначарский, профессиональный революционер, активный участник революций 1905 и 1917 гг., первый нарком просвещения РСФСР, искусство ориентировалось не на сущее, а на должное, и творчество приравнивалось к идеологии¹.

Главным инструментом партийно-государственного контроля над литературной деятельностью стал Союз писателей СССР – своеобразный конвейер по производству идеологически выверенных, созданных в рамках метода соцреализма произведений. Таких, как «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Бруски» Ф. И. Панферова, «Белая береза» М. С. Бубенного, «Журбины» В. А. Кочетова, «Кавалер Золотой Звезды» С. П. Бабаевского и др., в советское время считавшихся классикой. Их авторы пользовались различными привилегиями, регулярно награждались Государственными и Ленинскими премиями, орденами и медалями, избирались «по квоте» депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, членами и кандидатами в члены ЦК КПСС, входили в состав различных редколлегий, их произведения печатались огромными тиражами и т. д., и т. п.

Тем не менее, о прошедшей эпохе мы, живущие в XXI веке, сейчас судим не по этим, уже канувшим в Лету, романам и повестям, а по произведениям М. А. Булгакова, М. А. Шолохова, И. А. Бунина, А. П. Платонова, И. Э. Бабеля, Б. Л. Пастернака, А. И. Солженицына, стихам А. А. Блока, С. А. Есенина, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, А. Т. Твардовского, носящим эпический, надклассовый характер.

Не совсем вписывается в рамки метода социалистического реализма и творчество А. В. Жигулина, о чем наглядно свидетельствует его рукописный дневник, одной из главных сюжетобразующих линий которого в советский

---

¹ Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. – Собр. соч. : В 8 т. – Т. 7. – Москва : Худож. литература, 1967. – С. 32 – 619.

период являлись постоянная и непримиримая борьба с цензурой, попытки отстоять свои произведения от административно-партийного произвола.

Биографические факторы (активное участие в создании и деятельности подпольной антисталинской организации КПМ в 1948 – 1949 гг., арест, следствие, ссылка в Сибирь и на Колыму, освобождение, реабилитация) определили главные контуры судьбы писателя, стали главной темой его стихов и автобиографической прозы.

Пройдя тюрьмы и лагеря, перенеся тяжелейшие испытания, чудом выжив на урановых рудниках, Жигулин сумел сохранить человеческое достоинство, талант, веру в добро и справедливость, реализовать себя в творческой деятельности.

Большую роль в судьбе Жигулина сыграл А. Т. Твардовский (1910 – 1971), великий поэт, автор «Василия Теркина» и «Страны Муравии», главный редактор «Нового мира», не раз публиковавший его стихи на страницах своего журнала, «пробивавший» в печать в столичном издательстве один из его первых поэтических сборников.

В середине 1960-х гг. имя Жигулина уже называлось в числе лучших представителей отечественной поэзии наряду с Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенским, Р. И. Рождественским, Б. А. Ахмадулиной, Б. Ш. Окуджавой, Д. С. Самойловым, В. Н. Соколовым, Н. М. Рубцовым, Б. А. Слуцким, К. Я. Ваншенкиным, Н. К. Старшиновым, Р. Ф. Казаковой и др.

Вышедшая в конце 1980-х гг. автобиографическая повесть А. В. Жигулина «Черные камни», в основу которой легли события, связанные с созданием и деятельностью в послевоенном Воронеже подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ), оказалась в эпицентре жарких дискуссий, не утихавших до окончания века. По популярности среди читателей «Черные камни» сразу же вошли в число бестселлеров. Изданная многомиллионным тиражом в нашей стране и за рубежом, повесть А. В. Жигулина наряду с такими произведениями, как «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Т.

Шаламова, «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, «Новое назначение» А. А. Бека, «Крутой маршрут» Е. С. Гинзбург, «Московская сага» В. П. Аксенова, рассказывает суровую правду о трагических страницах в истории страны и является убедительным «документом», свидетельствующим о преступлениях тоталитарного режима.

В 2011 – 2013 гг. в соответствии с волей вдовы поэта И. В. Жигулиной материалы личного архива А. В. Жигулина, в том числе его дневники, рабочие тетради и письма, различные документы, были переданы на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина и заняли достойное место рядом с фондами А. В. Кольцова, Д. В. Веневитинова, И. А. Бунина, О. Э. Мандельштама, А. И. Эртеля, А. П. Платонова, Н. А. Задонского.

Без сомнения, самой ценной частью архива Жигулина является дневник, который писатель вел на протяжении более 45 лет: с 7 апреля 1954 г. и до последних дней жизни.

До сих пор мы знали Жигулина в двух творческих ипостасях: как *поэта* и как *прозаика, мемуариста*. Впервые вводимые в научный оборот дневниковые записи Жигулина позволяют нам увидеть его в третьем, не менее интересном и важном, качестве: *публициста, дневниковеда*.

На страницах дневника Жигулина, как в зеркале, отразились его многогранная творческая деятельность, личный и глобальный литературный процесс, запечатлено отношение автора к историческим (узловым) моментам минувшего века. И в этом смысле дневник писателя является *своеобразным документом минувшей эпохи*.

Сразу поясним, что, употребляя это понятие, мы подразумеваем, что дневник, как жанр и форма повествования, в том числе принадлежащий перу профессионального писателя, – весьма абстрактная и субъективная категория; определение его типологии, функций, целей, задач, границ, несмотря на многовековую историю существования, не завершено. Дневник писателя находится в постоянном и активном развитии; он так же своеобразен и

субъективен, как своеобразна и субъективна публицистика – особый род литературы, стоящий на перекрестье беллетристики и науки, правды и вымысла (вымысла не нарочитого, а того, который диктуется внутренними законами построения художественного или документального произведения, логикой создания системы образов, композиционно-архитектонической структуры текста, сквозного сюжета и т. д.). При любых обстоятельствах в дневнике писатель остается писателем, живым человеком со своим особым, индивидуально-неповторимым взглядом на окружающий его мир, представителем своей эпохи, своего народа, своей страны, и именно поэтому его мнение, его рассказ, его воспоминания нам особо дороги и интересны.

Именно о такой «глубокой, всеобъемлющей и гуманной субъективности, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личною самостию» писал В. Г. Белинский в рецензии на «Мертвые души» Н. В. Гоголя (1942)².

Для исследователей истории отечественной журналистики и литературы и просто любознательных читателей несомненный интерес представляют запечатленные в дневнике Жигулина портреты современников: А. Т. Твардовского, А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Б. Ш. Окуджавы, Б. А. Ахмадулиной, В. Н. Соколова, Г. Я. Бакланова, К. Ш. Кулиева, К. М. Симонова, Е. А. Исаева, Ф. А. Искандера, А. Т. Прасолова, Г. Н. Троепольского. А также его рассказ о творческих и личных отношениях с В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным, А. Д. Дементьевым, Р. Ф. Казаковой, Н. К. Старшиновым, Ст. Ю. Куняевым, Т. А. Жирмунской, Б. А. Слуцким, К. Я. Ваншенкиным, Н. М. Коржавиным, В. М. Песковым, В. Г. Гордейчевым, Ю. Д. Гончаровым, В. И. Гусевым, В. Ф. Боковым, Л. Н. Васильевой, О. Г. Чухонцевым, Ф. Ф. Кузнецовым, С. Б. Рассадиным, И. И. Шкляревским, Н. В. Панченко, Г. Я. Горбовским, К. А. Икрамовым, А. П. Межировым и другими писателями.

---

² Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. – Полн. собр. соч. : В 13 т. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953 – 1959. Т. 6. – С. 217 – 218.

Дневниковые записи Жигулина уточняют и дополняют известные факты и события, связанные с историей журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского, который своей бескомпромиссной, независимой позицией и публикацией неординарных художественных и публицистических произведений оказал значительное влияние на формирование мировоззрения целого поколения советских людей.

Также ценны и интересны для нас фрагменты дневника Жигулина, в которых рассказывается о его сотрудничестве с редакциями воронежских газет «Коммуна» и «Молодой коммунар», журнала «Подъем», о его работе в качестве штатного сотрудника редакций «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов», о преподавательской деятельности в Литературном институте им. А. М. Горького.

Отдельные фрагменты дневника писателя были опубликованы в книге «Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе)», журнале «Подъем», альманахе «Ямская слобода»³, других научных и периодических изданиях.

По нашему мнению, формально-иерархические границы писательской репутации А. В. Жигулина, как и многих других литераторов второй половины XX века (Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава, Ахмадулина и др.), в истории отечественной словесности окончательно не закрепились по ряду субъективных и объективных причин. Одной из субъективных причин

---

³ Колобов В. В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе). – Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2016. – 320 с. ; Колобов В. В. Болью, раскаленной добела. Дневниковые записи Анатолия Жигулина об А. Т. Твардовском и А. И. Солженицыне // Подъем, 2016, № 1. – С. 128 – 183 ; Колобов В. В. «Поеду в Воронеж – встретимся...» (Жизненные и творческие судьбы Анатолия Жигулина и Алексея Прасолова по дневникам, письмам и архивным документам) // Подъем. – 2016, № 10. – С. 119 – 141 ; Колобов В.В. «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...» // Ямская слобода : Опыт губернского литературного процесса. Отд-е пятое. – Белгород : Белгородская областная типография, 2014. – С. 380 – 399 ; Колобов В. В. Об опальном А.Т. Твардовском. По страницам жигулинского дневника // Воронежский Год литературы. Однодневная литературная газета. Воронеж. – 2015. – Март ; Колобов В. В. Главная книга Анатолия Жигулина // Ямская слобода : Опыт губернского литературного процесса. Отд-е седьмое. – Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2016. – С. 285 – 315.

являются репутационные потери, понесенные в результате дискуссии по автобиографической повести Жигулина «Черные камни» в конце 1980-х – начале 1990 гг. (об этом пойдет речь в четвертой главе исследования).

Объективной причиной является сложный сам по себе и трудно объяснимый процесс становления репутации писателя и публициста в общественном сознании современников и потомков.

Как показывает мировой и отечественный опыт, процесс определения авторов «первого ряда» (классики межнационального уровня), «второго ряда» (классики национального уровня) и «третьего ряда» (забытые писатели и публицисты прошлого, как правило, ранее входившие во второй ряд) занимает не одно десятилетие и даже столетие и является серьезной методологической проблемой, о которой писал в свое время В. М. Жирмунский.

По мнению ученого, вопрос «об основаниях эстетической оценки», которая позволяет «с объективной необходимостью» выделять вершинные создания среди прочих явлений литературы» является «труднейшим... вопросом методологии историко-литературного исследования»⁴.

Констатируя, что «История литературных жанров обычно ограничивается художественными вершинами эпохи, теми идеальными поэтическими достижениями, которые были выделены художественным сознанием современников или потомства как “вечные спутники” культурного человечества», В. М. Жирмунский одновременно признавал, что «конкретная история литературного жанра лишь в очень малой степени улавливается исследователями при таком хождении по вершинам» и что «... для характеристики установившегося в данную эпоху жанрового типа произведения второстепенных писателей могут быть показательнее, чем произведения писателей первоклассных»⁵.

---

⁴ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы [2-е изд.]. – Ленинград : Наука, 1978.– С. 226.

⁵ Там же. С. 226 – 227.

Аналогичную мысль высказывал Ю. Н. Тынянов, который, размышляя над концепцией истории отечественной литературы, предупреждал об ущербности методологического подхода, заключающегося в изучении лишь «главных» художественных явлений, вследствие которого история литературы неизбежно превращается в «историю генералов»⁶.

Данные высказывания актуальны и в наши дни⁷. На парадоксальную ситуацию обратил внимание современный исследователь О. Г. Егоров. Анализируя образцы дневниковой прозы литераторов, либо не являющихся писателями в общепринятом смысле этого слова (А. В. Никитенко), либо не относящихся к классикам (А. С. Суворин, М. П. Погодин), ученый отмечает, что «...их дневники – классические образцы жанра, в некотором отношении более значительные, чем дневники титулованных художников слова. Более того, с точки зрения жанровой специфики лучшие дневники были созданы не классиками, а писателями второго и третьего ряда»⁸.

На наш взгляд, в соответствии с приведенной выше условной классификацией А. В. Жигулин как писатель в настоящее время занимает пограничное положение между авторами первого и второго ряда; время покажет, в какую сторону качнется маятник его популярности.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим с каждым годом интересом современников к автодокументальным жанрам и прежде всего к дневнику писателя как феномену культуры. Причем этот интерес наблюдается со стороны ученых не только профильных направлений (журналистика, литературоведение), но и смежных дисциплин (история, философия, психология, культурология, языкознание, психолингвистика, коммуникативная лингвистика, социология, логика, этика и т. д.).

---

⁶ Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 270 – 281.

⁷ Более подробно на эту тему см. : Ермоленко С. И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 5 – 23.

⁸ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – С. 4.

Несмотря на большое количество работ, посвященных в последние годы изучению различных аспектов научной проблемы, до сих пор малоизученными остаются многие актуальные вопросы, в частности, типология дневника, его пограничный межжанровый характер, отношения с «близкими родственниками» – мемуарами, художественной прозой, исповедью⁹, эпистолярием, публицистикой и т. д.

Вышеуказанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего исследования феномена дневника писателя как своеобразного литературно-публицистического и мемуарно-исторического документа и эго-текста эпохи.

Гипотеза исследования состоит в том, что индивидуальная авторская картина мира, запечатленная в дневнике А. В. Жигулина, отразила не только внутренний духовный потенциал писателя, но и через «магический кристалл» – глобальный литературный процесс, основные общественно-политические события и катаклизмы второй половины XX века.

Такие типологические свойства дневника писателя, как публицистичность, конвенциальность, оперативность, доступность, открытость, демократизм, подвижность композиционно-архитектонической структуры, позволяют нам высказать предположение о том, что в XXI веке, характерными чертами которого являются глобализация и информатизация общества, развитие компьютерных технологий, этот жанр автодокументальной прозы выйдет на более высокий уровень по сравнению с другими видами художественного и нехудожественного повествования.

Степень разработанности темы. Следует признать, что на протяжении длительного времени (XIX век и практически первая половина XX века) имело место общее значительное отставание теории от практики в сфере изучения дневника писателя как жанра и формы повествования. Дневник рассматривался

---

⁹ Концепт «исповедь» используется в нашем исследовании не в качестве одного из таинств православной религии (наряду с крещением, миропомазанием, евхаристией, венчанием, соборованием и рукоположением), а как жанр литературы и публицистики.

скорее как вспомогательный, второстепенный материал, предназначенный для уточнения биографических сведений о жизни писателей и лучшего понимания их творчества, а не как самостоятельный и самодостаточный жанр автодокументальной прозы. Исключение из правил составляли работы М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума¹⁰, в которых применялся диалектический подход к исследованию литературного процесса.

Значительный прогресс в дневниковедении был достигнут во второй половине XX века. Начало нового, результативного этапа по изучению автодокументальных жанров положили книги Л. Я. Гинзбург и Н. Б. Банк¹¹, в которых был сделан глубокий и профессиональный анализ дневников и записных книжек советских писателей, опубликованных в последние десятилетия, определены основные проблемы жанра и перспективы развития мемуарной литературы.

На протяжении крайней четверти века продолжился процесс институционализации дневника как автономного жанра, равноправного в ряду с другими видами нехудожественной прозы.

Условно научные труды на эту тему можно разделить на две группы: 1. Системный анализ дневника писателя как жанра и формы автодокументального повествования; 2. Изучение важнейших локальных проблем дневников писателей, прежде всего классиков отечественной литературы XIX и XX вв.

---

¹⁰ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Худож. литература, 1975. – 504 с. ; Он же. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. – Москва : Худож. литература, 1975. – С. 234 – 405 ; Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы [2-е изд.]. – Ленинград : Наука, 1978. – 423 с. ; Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 333 с. ; Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 576 с. ; Эйхенбаум Б. М. О литературе. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 544 с.

¹¹ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – Санкт-Петербург : Искусство, 2002. – 768 с. ; Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. – Ленинград : Сов. писатель, 1989. – 607 с. ; Банк Н. Б. Нить времени : Дневники и записные книжки советских писателей. – Ленинград : Сов. писатель, 1978. – 248 с.

Фундаментальным вкладом в исследование автодокументальной прозы стали труды О. Г. Егорова, А. Н. Варламова, Е. М. Криполаповой, Г. С. Прохорова, Н. А. Тарасовой¹², в изучение журналистских жанров – работы С. Г. Корконосенко, А. А. Тертычного, М. Н. Кима¹³ и др.

Среди второй группы научных работ, посвященных исследованию важнейших проблем автодокументальной прозы, можно выделить следующие направления:

– жанрово-тематические особенности дневника писателя (Ю. В. Булдакова, А. М. Колядина, С. С. Николаичева, О. А. Новикова, А. М. Новожилова, М. В. Ромашкина, О. В. Скроботова, В. В. Щурова, М. Г. Чулюкина)¹⁴;

---

¹² Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование . – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 288 с. ; Он же. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : исследование. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 280 ; Варламов А. Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2003. – 424 с. ; Криволапова Е. М. Дневники писателей круга В. В. Розанова (1893 – 1919 гг.) : жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. – Курск : Курский гос. ун-т, 2012. – 352 с. ; Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 – 1877) : Критика текста : Монография. – Москва : Квадрига, МБА, 2011. – 392 с.

¹³ Основы журналистской деятельности : учебник для бакалавров / под ред. С. Г. Корконосенко. – Москва : Изд-во Юрайт, 2014. – 332 с. ; Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 320 с. ; Ким М. П. Жанры современной журналистики. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 336 с.

¹⁴ Булдакова Ю. В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920 – 1930-х гг. : типология и поэтика жанра : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Киров, 2010. – 189 с. ; Колядина А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Самара, 2006. – 20 с. ; Николаичева С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30 – 70 гг. XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Нижний Новгород, 2014. – 24 с. ; Новикова О. А. Проблемы «малой прозы» 1940 – 1960-х годов («Рабочие тетради» А. Т. Твардовского) : дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. – Смоленск, 1999. – 194 с. ; Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот») : проблемы поэтики жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с. ; Ромашкина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 ; 10.01.03. – Москва, 2016. – 182 с. ; Скроботова О. В. Жанрово-тематическое многообразие «внехудожественного» творчества И. А. Бунина 1917 – 1923 годов : дневники, публицистика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Елец, 2006. – 20 с. ; Щурова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр, антропология : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Воронеж, 2005. – 21 с. ; Чулюкина М. Г. Дневник как жанр публицистики : предметно-функциональные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – Казань, 2009. – 22 с.

– коммуникационные и лингвистические аспекты классического и сетевого дневника (И. В. Анненкова, Е. С. Антипина, Т. А. Кальщикова, О. В. Короткова, Е. Г. Новикова)¹⁵;

– поэтика дневниковой прозы (М. М. Белотурова, Ю. Н. Мажарина, Е. В. Снежко, Ю. А. Тарабукина, В. В. Федотова, А. П. Фиронов)¹⁶;

– изучение творческой деятельности писателей в историко-литературном и социокультурном аспекте (Л. А. Артамонова, О. Б. Боброва, М. П. Качалова, Н. Г. Крюкова, И. И. Кулакова, Н. А. Кускова, О. В. Липич, А. В. Матюшкин, Е. А. Муртузалиева, О. Н. Смыслова, П. Е. Фокин, М. К. Шемякина)¹⁷.

---

¹⁵ Анненкова И. В. Стилистико-синтаксические особенности художественной публицистики М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 28 с. ; Антипина Е. С. Лексико-семантическое пространство дневника писателя (на материале произведений И. А. Бунина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Иваново, 2015. – 23 с. ; Кальщикова Т. А. Дневник как вид коммуникативной деятельности (на материале дневника А. Блока) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Нижний Тагил, 2012. – 219 с. ; Короткова О. В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2000. – 25 с. ; Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2005. – 27 с.

¹⁶ Белотурова М. М. Книга М. Горького «Заметки из дневника. Воспоминания». Проблематика. Поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Москва, 2008. – 17 с. ; Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева : особенности поэтики : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.10. – Воронеж, 2014. – 172 с. ; Снежко Е. В. Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И. А. Бунина эмигрантского периода : дис... канд. филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2005. – 173 с. ; Тарабукина Ю. А. Концепция творчества в художественной и художественно-документальной прозе Ю. Нагибина («Вечные спутники», «Дневник») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Тюмень, 2006. – 23 с. ; Федотова В. В. Поэтика дневниковой прозы И. А. Бунина : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Казань, 2010. – 182 с. ; Фиронов А. П. Человек и мир в русской поэзии «традиционной школы» (60 – 70-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Воронеж, 1998. – 16 с. ;

¹⁷ Артамонова Л. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как социокультурный феномен : особенности функционирования художественно-публицистических идей : антропологический и историософский аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Самара, 2015. – 23 с. ; Боброва О. Б. Дневник К. И. Чуковского в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Волгоград, 2007. – 24 с. ; Качалова М. П. Природа в «Дневниках» М. М. Пришвина (1905 – 1935 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Магнитогорск, 2011. – 25 с. ; Крюкова Н. Г. Дневники И. А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя : автореф. дис. канд... филол. наук : 10.01.01. – Елец, 2000. – 24 с. ; Кулакова И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Орел, 2000. – 228 с. ; Кускова Н. А. Место и роль критического анализа в мемуарной литературе о писателях: воспоминания об Анне Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Москва, 1994. – 22 с. ; Липич О. В.

Важную лепту в изучение жизни и творчества А. В. Жигулина внесли работы А. Н. Кантомировой и Г. В. Марфина¹⁸.

Дневник А. В. Жигулина до настоящего времени никем и никогда не исследовался.

Объект исследования – дневник А. В. Жигулина 1954 – 2000 гг., который рассматривается в контексте истории отечественной литературы и журналистики.

Предметом исследования являются композиционно-архитектоническое устройство и жанрово-тематическое, лексико-стилистическое своеобразие дневника А. В. Жигулина, отразившего сложные, многообразные процессы отечественной литературы и журналистики второй половины XX века и особенности личности и творчества писателя.

Эмпирическая база исследования. Основной корпус источниковой базы составляют дневниковые книжки, записные книжки и рабочие тетради А. В. Жигулина 1954 – 2000 гг., а также другие материалы личного архива писателя (письма, журнально-газетные публикации, различные документы и т. д.), находящиеся в фондах Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина; рукописи произведений, верстка книг А. В. Жигулина, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). При выявлении

Творчество протопопа Аввакума в контексте публицистики второй половины XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – Москва, 2005. – 23 с. ; Матюшкин А. В. Проблема автора в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1873 г. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Петрозаводск, 1998. – 21 с. ; Муртузалиева Е. А. Критическая проза Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Махачкала, 2001. – 171 с. ; Смылова О. Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2000. – 16 с. ; Фокин П. Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876 – 1877 гг. Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Санкт-Петербург, 1995. – 30 с. ; Шемякина М. К. Человек и мир в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Белгород, 2004. – 236 с.

¹⁸ Кантомирова А. Н. Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Волгоград, 2009. – 28 с. ; Марфин Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Воронеж, 2003. – 18 с.

интертекстуальных связей анализируются поэтические и прозаические произведения Жигулина, а также статьи критиков о его творчестве. Для иллюстрации основных положений и выводов исследования привлекаются дневники, рабочие тетради и мемуары других писателей и публицистов, в частности. А. Т. Твардовского, А. И. Солженицына, В. Я. Лакшина, А. И. Кондратовича¹⁹.

Научная новизна исследования обусловлена следующими факторами.

В диссертации впервые в истории отечественной журналистики предпринят всесторонний анализ рукописного дневника Жигулина, исследованы жанровые, типологические, функциональные, лексико-стилистические принципы, специфика образов, композиционно-архитектоническое устройство, пространственно-временная структура повествования. В научный оборот вводятся ранее неизвестные исследователям и читателям архивные материалы (дневники, записные книжки, рабочие тетради, письма, различные документы), имеющие большую научную и художественно-документальную ценность.

В результате выявлены новые страницы жизненной и творческой биографии писателя, уточнена и дополнена информация о резонансных событиях в истории отечественной журналистики и литературы.

Основная цель диссертационного исследования: определить место и роль дневника А. В. Жигулина в творческой биографии писателя и духовно-культурном пространстве страны второй половины XX века, представить целостную концепцию его художественного мира как динамично развивающуюся систему, гармонично и синхронно отражающую действительность.

---

¹⁹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1 : 1961 – 1966 [предисл. Ю. Г. Буртина ; подг. текста, коммент. В. А. и О. А. Твардовских]. – Москва : ПРОЗАиК, 2009. – 656 с. Т. 2 : 1967 – 1970. – 640 с. ; Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни // Новый мир. – 1991. – № № 6 – 8, 11, 12 ; Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева : Дневник и попутное. 1953 – 1964. – Москва : Кн. палата, 1991. – 269 с. ; Кондратович А. Новомирский дневник : 1967 – 1970 [вступ. статья и общ. ред. И. А. Дедкова]. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 526 с.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть историю и теорию дневника писателя как самостоятельного и самодостаточного жанра автодокументального повествования;
- охарактеризовать особенности пространственно-временной организации дневника Жигулина;
- определить типологические связи дневника Жигулина с его творчеством и литературным процессом в целом;
- исследовать преемственность традиций отечественной журналистики и литературы в дневнике, художественных, автобиографических и публицистических произведениях Жигулина;
- обозначить особенности авторского повествования в дневнике Жигулина;
- определить философско-нравственные и духовно-эстетические принципы Жигулина на разных этапах его жизненного и творческого пути.

Методология исследования. Отдельные структурные части диссертационной работы носят междисциплинарный характер, так как исследование проводилось на стыке самостоятельных направлений: истории отечественной журналистики, теории и практики журналистики, истории и теории литературы. Как известно, А. М. Горький называл художественную литературу «человековедением»²⁰, то есть наукой о человеке. На наш взгляд, этот термин вполне уместен и даже необходим и в отношении журналистики.

В ходе исследования нами применялся комплексный подход к изучению дневника Жигулина, сочетающий в себе элементы как базовых методов (эмпирический, теоретический, исторический, логический, абстрагирование, конкретизация, анализ, синтез, индукция и дедукция), так и общенаучных методов (типологический, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, историко-типологический и текстологический).

---

²⁰ См. : Горький М. О литературе : литературно-критические статьи. – Москва : Сов. писатель, 1955. – 902 с.

Одним из основных способов исследования стал *метод внутритекстового системного анализа* произведений литературы, основоположником которого был великий русский критик В. Г. Белинский. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) он писал, что «...для надлежащей оценки всякого замечательного автора нужно определить характер его творений и место, которое он должен занимать в литературе. Первый можно объяснить не иначе, как теориею искусства... второе – сравнением автора с другими, писавшими или пишущими в одном с ним роде»²¹.

Фундаментальные теоретические положения В. Г. Белинского²² развивает и дополняет *метод историко-журнального изучения литературы* или, что равнозначно, *историко-литературного изучения журналистики*, обоснованный в статьях и монографиях В. Б. Смирнова, посвященных творчеству Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого²³. Его основополагающий принцип – контекстуальность анализа художественного или публицистического произведения.

Как считает В. Б. Смирнов, художественное произведение, опубликованное в периодическом печатном издании, перестает быть только литературным явлением, оно вовлекается в систему средств массовых коммуникаций и становится органичным компонентом сложного идейно-политического контекста эпохи. При этом, по мнению ученого, «закономерность публикации того или иного произведения в идеологически выдержанном, последовательном периодическом органе можно выяснить, уловив связь между идейно-образной структурой этого произведения и

---

²¹ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Эстетика и литературная критика : В 2 т. – Москва : Гослитиздат, 1959. – Т. 1. – С. 142.

²² См. : Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842 – 1848. – Москва : Наука, 1967 . – 526 с.; Полякова Л. В. В. Г. Белинский: уроки литературной теории и методологии // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. – 2011. – № 6. – С. 109 – 119; Филатова Е. М. Белинский. – Москва : Мысль, 1976. – 174 с.

²³ См. : Смирнов В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70 – 80-х годов XIX века. – Волгоград, 1998 ; Смирнов В. Б. Ф. М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70 – 80-х гг. – Волгоград : ВолГУ, 1996; Смирнов В. Б. Журналистика и литература. Методолог. и истор.-лит. пробл. – Волгоград : Волгоградск. науч. изд-во, 2005.

социально-философским, политическим и эстетическим осмыслением действительности, выразившимся в направлении журнала»²⁴.

Цели и задачи исследования, а также специфика материала обусловили использование основных принципов, сформулированных в герменевтике и современной текстологии (Х.-Г. Гадамер, Ф. Шлейермахер, П. Рикер, С. М. Бонди, В. С. Горский, М. К. Петров)²⁵: научный подход к изучению текста; критический анализ первоисточников, их максимально объективное толкование; обращение к обстоятельствам создания текста, историческому и биографическому фону; прочтение текста с учетом биографии, социального статуса, образования, психологического состояния автора в момент написания текста; сопоставление и сравнение текста с другими источниками информации на данную тему; исправление фактических ошибок и неточностей с соответствующими комментариями; корректировка и уточнение выводов и т. д.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, способствующие изучению следующих проблем:

– феномену «дневниковости» в контексте истории российской журналистики: А. И. Акопов, Е. В. Ахмадулин, А. Ф. Бережной, А. Г. Бочаров, Е. Л. Вартанова, А. А. Грабельников, Л. П. Громова, Б. И. Есин, Я. Н. Засурский, Г. В. Жирков, Л. Е. Кройчик, С. Г. Корконосенко, А. П. Короченский, Р. П. Овсепян, Е. П. Прохоров, В. Б. Смирнов, А. И. Станько, А. А. Тертычный, В. В. Тулупов, В. В. Ученова, А. М. Шестерина²⁶;

²⁴ Смирнов В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70 – 80-х годов XIX века. – Волгоград, 1998. – С. 7.

²⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. ; Шлейермахер Ф. Герменевтика. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2004. – 242 с. ; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – Москва : Академический Проект, 2008. – 695 с. ; Бонди С. М. Черновики Пушкина : Статьи 1930 – 1970 гг. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 1978. – 231 с. ; Горский В. С. Историко-философское истолкование текста. – Киев : Изд-во «Наукова Думка», 1981. – 207 с. ; Петров М. К. Язык, знак, культура. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

²⁶ Акопов А. И. Аналитические жанры публицистики : письмо ; корреспонденция ; статья : уч.-метод. пособие. – Ростов н/Дону, 1996. – 88 с. ; Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики : уч. пособие. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 350 с. ; Бережной А. Ф. Русские

– генезису автодокументальных жанров в истории и теории литературы:

В. Г. Белинский, Н. А. Богомолов, Л. Я. Гинзбург, В. М. Жирмунский, Ф. Лежен, Д. С. Лихачев, Н. Л. Лейдерман, Ю. М. Лотман, Г. С. Прохоров, С. В. Савинков, А. И. Смирнова, Т. А. Снигирева, С. Л. Страшнов, В. А. Твардовская, Б. В. Томашевский, В. Н. Топоров, Ю. Н. Тынянов, М. Б. Храпченко, Б. М. Эйхенбаум²⁷;

предшественники ленинской печати. – Ленинград : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1969. – 124 с. ; Бочаров А. Г. Основные принципы типологии современных советских журналов // Вестник Московского университета. Сер. : Журналистика. – 1973. – № 3. – С. 30 – 34 ; Вартанова Е. Л. О трех векторах будущей журналистики // Меди@льманах. – 2015. – № 68 (3). – С. 8 – 11 ; Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий : Итоги и перспективы. – Москва : Изд-во РИП Холдинг, 2001. – 336 с. ; Громова Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994. – 155 с. ; Есин С. Н. На рубеже веков : Дневник ректора. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 638 с. ; Засурский Я. Н. Испытание свободой. Российская журналистика : 1990 – 2007. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 560 с. ; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. : уч. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект-Пресс, 2001. – 367 с. ; Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 125 – 167 ; Корконосенко С. Г. Основы журналистики. – Москва : Аспект-Пресс, 2001. – 318 с. ; Короченский А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики. – Санкт-Петербург, 2003. – 467 с. ; Овсепян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX. – Москва : РИП-холдинг, 2001. – 316 с. ; Прохоров Е. П. Исследуя журналистику. – Москва : РИП-Холдинг, 2005. – 202 с. ; Смирнов В. Б. Журналистика и литература. Методолог. и истор.-лит. пробл. : монография. – Волгоград, 2005. – 357 с. ; Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – Ростов н/Дону, 1986. – 206 с. ; Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 320 с. ; Тулупов В. В. Теория и практика современной российской журналистики : сб. статей. – Воронеж, 2007. – 232 с. ; Ученлова В. В. У истоков публицистики. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1989. – 214 с. ; Шестерина А. М. Психология журналистики : в 2-х ч. – Воронеж, 2011. – Ч. 1. – 190 с. ; Ч. 2. – 216 с. ;

²⁷ Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика : в 2 т. – Москва : Гослитиздат, 1959. – Т. 1 : [Статьи и рецензии. 1834 – 1842]. – 1959. – 782 с. ; Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова : Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 624 с. ; Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. – Ленинград : Сов. писатель, 1989. – 607 с. ; Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы [2-е изд.]. – Ленинград : Наука, 1978. – 423 с. ; Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. – 2004. – № 4. – С. 108 – 122. ; Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. – 191 с. ; Лейдерман Л. Н. Теория жанра. Исследования и разборы. – Екатеринбург : Словесник, 2010. – 904 с. ; Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб. : Искусство – Санкт-Петербург, 2005. – 842 с. ; Прохоров Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства : на мат-ле лит. периода классического посттрадиционализма : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – Москва, 2013. – 437 с. ; Савинков С. В. Творчество А. И. Герцена : философия и поэтика (1830 – 1840 гг.). – Воронеж : ВГПУ, 2005. – 119 с. ; Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века : уч. пособие. –

– комплексному изучению художественного и публицистического текстов в глобальном коммуникативном пространстве: Р. Барт, М. М. Бахтин, В. В. Богуславская, В. В. Виноградов, Х-Г. Гадамер, Т. А. Дьякова, Т. А. Никонова, П. Рикер, И. А. Стернин, В. В. Хорольский, Ф. Шлейермахер²⁸.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении знания о типичных и специфических свойствах дневника писателя²⁹ как самостоятельного жанра автодокументальной прозы, с одной стороны, и структурной части эго-текста, включающего в себя художественные и публицистические произведения, рабочие тетради, записные книжки, рукописи,

---

2-е изд. – Москва : Флинта, 2012. – 287 с. ; Снигирева Т. А. Литературная рефлексия в «Новомирском дневнике» А. Твардовского // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 53 – 62 ; Страшнов С. Л. Творческая эволюция А. Т. Твардовского : (в аспекте поэтических жанров) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 10.01.02. – Москва, 1992. – 32 с. ; Твардовская В. А. А. Твардовский в жизни и литературе (письма 1950 – 1959). – Смоленск : Маджента, 2013. – 480 с. ; Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 333 с. ; Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып 4. – Москва, 1989. – С. 78 – 99 ; Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 576 с. ; Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. – Москва : Худож. литература, 1977. – 446 с. ; Эйхенбаум Б. М. О литературе. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 544 с. ;

²⁸ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [пер. Г. К. Косикова] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – Москва : МГУ, 1987. – С. 387 – 422. ; Бахтин М. М. Эпос и роман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 301 с. ; Богуславская В. В. Моделирование текста : лингвосоциокультурная концепция : анализ журналистских текстов : монография. Изд. 2-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 276 с. ; Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – Москва : Наука, 1980. – 360 с. ; Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. ; Дьякова Т. А. Онтологические контуры пейзажа. Опыт смыслового странствия: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. унта, 2004. – 168 с. ; Никонова Т. А. Лирика и эпос жизни профессора А. М. Абрамова // Университетская площадь. – Воронеж, 2013. – С. 54 – 56 ; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – Москва : Академический Проект, 2008. – 695 с. ; Стернин И. А. Природа, сущность и функции языка. Язык и мышление / И. А. Стернин, О. Н. Чарыкова // Введение в языкознание : курс лекций ; пос. для ст-в филол. фак-в ун-в. – Воронеж, 2016. – С. 12 – 21 ; Хорольский В. В. Теория массовой коммуникации и теория журналистики : нераздельное и неслиянное // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия : Филология. Журналистика. – Воронеж, 2007. – № 2. – С. 244 – 247 ; Шлейермахер Ф. Герменевтика. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2004. – 242 с.

²⁹ В качестве объекта исследования мы рассматриваем классический дневник писателя, имея в виду, что другие типы дневниковых текстов (дневник как жанровая разновидность художественной прозы и дневники литературных героев в структуре художественного произведения) развиваются по иным внутренним законам.

черновики, машинописную или компьютерную верстку книг, инскрипты, эпистолярный и т. д., с другой стороны.

Сформулированная нами теоретическая модель закрепляет генезис и статус дневника писателя как *автономного жанра нехудожественной прозы*, имеющего собственные природообразующие признаки и подвижную композиционно-архитектоническую структуру.

Впервые предпринятый типологический, лексико-стилистический, фактологический анализ рукописного дневника Жигулина позволил выявить жанровые, функциональные, языковые особенности повествования, приемы создания образов, литературных портретов, исследовать пространственно-временную структуру контента, что обогащает теорию и практику отечественной журналистики.

Практическое значение данной работы состоит в том, что общие результаты диссертационного исследования могут быть использованы в научно-исследовательской работе, при чтении вузовских лекционных курсов и проведении семинаров по истории отечественной журналистики, а также в ходе дальнейшего изучения творчества и мемуарно-эпистолярного наследия А. В. Жигулина, в том числе при подготовке научного издания его текстов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дневник писателя является самостоятельной и самодостаточной формой повествования, отражающей время и пространство в их неразрывном единстве. Типология и жанровое содержание дневника позволяют в полной мере оценить масштабы личности и судьбы писателя, его мировоззрение, социально-политические, философские и художественно-эстетические взгляды, гражданскую позицию, отношение к различным событиям в стране и мире. Вместе с тем, в современном литературоведении, теории и истории журналистики четко не закреплены жанрово-типологические признаки дневника писателя, что представляет собой серьезную научную проблему, требующую дальнейшего изучения.

2. Дневник А. В. Жигулина представляет собой логически завершенную художественную систему и является *классическим дневником* писателя, отображающим процессы собственной творческой деятельности, развития индивидуальности, становления самосознания личности. Кроме того, дневник Жигулина ретранслирует отношение либерально-демократической части интеллигенции, к которой, несомненно, причислял себя сам писатель, к основным мировым и национальным проблемам в указанный период.

Таким образом, дневник Жигулина является своеобразным литературно-публицистическим документом минувшей эпохи, через призму личности автора отражающим духовную и культурную жизнь советского и постсоветского общества, основные процессы, происходившие в отечественной журналистике и литературе во второй половине XX века.

3. Жанрово-типологические, историко-литературные, документально-публицистические, функциональные особенности дневника Жигулина, а также его фактографичность, автобиографизм и несомненные художественные достоинства позволяют говорить о продолжении и углублении автором традиций, заложенных В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, Н. А. Добролюбовым, А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, А. А. Блоком, И. А. Буниным, А. М. Горьким, К. И. Чуковским, Б. Л. Пастернаком, М. М. Пришвиным, З. Н. Гиппиус, А. Т. Твардовским, А. И. Солженицыным и другими классиками отечественной литературы и журналистики.

4. Дневник Жигулина, его художественные произведения и автобиографическая проза в своей взаимосвязи образуют *единый текст*, являющийся частью глобального духовного и культурного пространства. Сопоставление автодокументальных и художественных источников Жигулина позволяет глубже проникнуть в тайну его творчества, получить более четкое представление об основных этапах его жизненного и писательского пути.

5. Анализ дневниковых записей Жигулина как коммуникационной системы позволяет выделить три основные модели ориентаций на адресата:

автор дневника – «Я» (контакт с самим собой), автор дневника – будущий читатель (контакт с аудиторией), автор дневника – Время (контакт с Вечностью), характерные для жанра классического дневника писателя.

6. Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ дневника А. В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского 1960-х гг., который свидетельствует об очевидной схожести их взглядов по ключевым вопросам литературной и общественной жизни, несмотря на разницу в возрасте, отличия в биографическом и творческом опыте; дополняет и расширяет информацию о деятельности журнала «Новый мир» в условиях «оттепели» и начала эпохи «застоя».

7. Дневник Жигулина позволяет более четко определить основные этапы его творческой и жизненной биографии:

- становление и развитие таланта – воронежский период (1954 – 1963);
- обретение всесоюзной известности и сотрудничество с «Новым миром» А. Т. Твардовского (1963 – 1970);
- закрепление писательской репутации в духовном и культурном пространстве страны (1971 – 1984);
- переход к автобиографической прозе (1985 – 1990);
- духовно-нравственная эволюция писателя (1991 – 2000).

8. Методы системного внутритекстового и историко-литературного анализа дневника Жигулина и контента автобиографической повести «Черные камни» позволяют сделать следующие выводы:

- документально-автобиографическая основа повести соответствует принципу реализованной идентичности главных сюжетных и тематических линий произведения;
- главным *мотивом* создания автобиографической повести было желание и стремление автора рассказать *правду* о трагических страницах в истории нашей страны, о судьбе поколения, бросившего вызов тоталитарному режиму, о своих товарищах, о КПМ;

– при написании повести-хроники Жигулин ориентировался на классические образцы «лагерной» прозы, в частности, «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, «Житие протопопа Аввакума», и отстаивал право автора на использование в подобном произведении художественного вымысла, философских размышлений, нравственно-эстетических обобщений в целях создания широкого исторического полотна.

Апробация и внедрение результатов исследования. Представленная работа обсуждена на заседании кафедры истории журналистики Воронежского государственного университета и рекомендована к защите.

Идеи, положения и выводы диссертационного исследования были представлены автором на научных конференциях разного уровня:

– **международных:** «Анатолий Жигулин на страницах газеты «Молодой коммунар» [1954 – 1963 гг.]» (Воронеж, 2012); «Дневник А. В. Жигулина как форма самоидентификации писателя» (Белгород, 2015); «А. В. Жигулин о журнале «Новый мир» Твардовского» (Санкт-Петербург, 2016); «А. В. Жигулин о роли журнала «Новый мир» Твардовского в духовном возрождении страны» (Екатеринбург, 2016); «Рабочие тетради А. Т. Твардовского и дневник А. В. Жигулина в контексте отечественной журналистики» (Екатеринбург, 2017);

– **всероссийских:** «К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина (по материалам Воронежской областной газеты «Молодой коммунар» с 1954 по 1963 гг.)» (Воронеж, 2012); «Черные камни» А. Жигулина и «Молодая гвардия» А. Фадеева» (Воронеж, 2013); «О роли главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского в жизни и творчестве поэта Анатолия Жигулина» (Воронеж, 2014); «Анатолий Жигулин, Александр Солженицын и журнал «Новый мир» (Воронеж, 2015); «Жанрово-тематическое многообразие дневника А. В. Жигулина» (Воронеж, 2016); «Пространственно-временная организация текста в писательском дневнике А. В. Жигулина» (Ставрополь, 2016); «Новый мир» А. Т. Твардовского как социокультурный феномен (на материале дневника А. В. Жигулина)» (Воронеж, 2017);

– **региональных:** «Литературно-общественная позиция журнала «Новый мир» 1958 – 1970 годов в оценке А. В. Жигулина» (Воронеж, 2016) и др.

Основные положения диссертации изложены в монографии, двух научно-документальных книгах, посвященных теме исследования³⁰, 16-ти статьях, напечатанных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций³¹, 25-ти статьях, опубликованных в других научных изданиях и

---

³⁰ Колобов В. В. Уроки «Нового мира» А. Т. Твардовского (на материале дневника А. В. Жигулина) : монография ; науч. ред. проф. В. В. Тулупов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 244 с.; Колобов В. В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе). – Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2016. – 320 с. ; Колобов В. В. Жигулинский век: документальная повесть. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. – 328 с.

³¹ Колобов В. В. Анатолий Жигулин и воронежская пресса 1950 – 1960-х годов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 144 – 149 ; Колобов В. В. Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир» (по материалам писательского архива А. В. Жигулина) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С.107 – 116 ; Колобов В. В. О личных и творческих отношениях Анатолия Жигулина и Александра Солженицына // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 107 – 112 ; Колобов В. В. Особенности хронотопа в писательском дневнике А. В. Жигулина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 191 – 194 ; Колобов В. В. Журнально-газетная деятельность А. В. Жигулина (по материалам писательского архива) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 133 – 140 ; Колобов В. В. «Новый мир» Александра Твардовского в контексте дневника А. В. Жигулина // Вестник Московского университета. Серия 10 Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 44–57; Колобов В. В. А. В. Жигулин и А. Т. Прасолов : история и диалектика отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 124 – 128 ; Колобов В. В. О жанрово-тематических особенностях повести А. В. Жигулина «Черные камни» (по материалам писательского архива) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 166 – 169 ; Колобов В. В. Из поколения «шестидесятников». Дневниковые записи А. В. Жигулина об Е. А. Евтушенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 107 – 112 ; Колобов В. В. Пространство и время в дневнике А. В. Жигулина в период хрущевской «оттепели» // Научные ведомости Белгородского университета. – 2017. – № 1. – С. 114 – 117 ; Колобов В. В. К вопросу о творческом споре А. В. Жигулина и В. Т. Шаламова о лагерной поэзии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 112 – 117 ; Колобов В. В. Дневник А. В. Жигулина и «Рабочие тетради» 1960-х годов А. Т. Твардовского: жанровые и тематические особенности // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – С. 109 – 118 ; Колобов В. В. Об эволюции содержания и стиля писательского дневника А. В. Жигулина // Филология и человек. Издательство Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 146 – 154 ; Колобов В. В. «Новый мир»

сборниках научно-практических конференций³². Кроме того, в различных периодических изданиях опубликовано около 20 статей, рассказывающих об

А. Т. Твардовского глазами поэта-современника (на материале дневника А. В. Жигулина) // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 32 – 42 ; Колобов В. В. Конформизм журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского : миф или реальность (на материале дневника А. В. Жигулина) // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 151 – 156 ; Колобов В. В. Православная тематика в дневнике и творчестве А. В. Жигулина // Научный диалог. – 2017. – № 6. – С. 158 – 169.

³² Колобов В. В. Честная журналистика способна изменить мир // Акценты : новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2011, вып. 1 – 2. – С. 77 – 85 ; Колобов В. В. Национальное достояние : В Воронеж передана значительная часть писательского архива Анатолия Жигулина // Акценты : новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2012, вып. 1–2. – С. 64–69 ; Колобов В. В. Анатолий Жигулин и «Молодой коммунар» // Научно-культурологический журнал «Релга». – № 10 (248). – 2012. – 5 июля; Колобов В. В. К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина (по материалам Воронежской областной газеты «Молодой коммунар» с 1954 по 1963 гг.) // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 11–12 мая 2012 г. Ч. II. Под ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж, 2012. – С. 95 – 98 ; Колобов В. В. «Черные камни» А. Жигулина и «Молодая гвардия» А. Фадеева // Мат-лы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 11 мая 2013 г. – Воронеж, 2013. – С. 106 – 108 ; Колобов В. В. О роли главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского в жизни и творчестве поэта Анатолия Жигулина // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 16 – 17 мая 2014 г. Ч. I. Под ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж, 2014. – С. 118 – 120 ; Колобов В. В. Анатолий Жигулин, Александр Солженицын и журнал «Новый мир» // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 15–16 мая 2015 г. Ч. I. Под ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж, 2015. – С. 102 – 104 ; Колобов В. В. Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир». Современные проблемы журналистской науки // Ежегод. сб. науч. статей. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2015. – С. 43 – 65 ; Колобов В. В. Они начинали в «Новом мире». Современные проблемы журналистской науки // Ежегод. сбор. науч. статей. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ. – 2015. – С. 65 – 92 ; Колобов В. В. Дневник А. В. Жигулина как форма самоидентификации писателя // Современные тенденции развития науки и технологий. Сб. науч. трудов по мат-лам IX Международ. науч.-практ. конф. В восьми частях. Ч. V. – Белгород, 2015. – С. 130 – 133 ; Колобов В. В. Писательский дневник А. В. Жигулина в историко-литературном контексте // Вестник Тамбовского государственного университета им. Державина. Серия: Филологические науки и культурология. – 2015. – № 4. – С. 29 – 34 ; Колобов В. В. Муза Анатолия Жигулина // Научно-культурологический журнал «Релга». – № 02 (305). – 2016. – 20 февр. ; Колобов В. В. А. В. Жигулин о журнале «Новый мир» Твардовского // Сб. мат-лов Международ. науч. форума «Медиа в современном мире. 55-е Петербургские чтения» 21–22 апреля 2016 г. ; Колобов В. В. Деятельность А.В. Жигулина в журнале «Дружба народов» // Акценты : новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2016. – Вып. 1–2. – С. 8 – 12 ; Колобов В. В. А. В. Жигулин о роли журнала «Новый мир» Твардовского в духовном возрождении страны // Журналистика цифровой эпохи : как меняется профессия. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург. 14 – 15 апреля 2016 г.) ; сост. О. Ф. Автохутдинова; Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина – Екатеринбург, 2016. – С. 167 – 170 ; Колобов В. В. Жанрово-тематическое многообразие дневника А. В. Жигулина. – Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 13 – 14 мая 2016 г. – Воронеж, 2016. – Ч. II. – С. 15 – 16 ; Колобов В. В. «Кажется, твое слово

истории архива и содержания дневника А. В. Жигулина в контексте его жизненной и творческой биографии³³.

Структура и объем работы. Диссертация включает пять глав, введение, заключение, примечания и библиографический список, включающий более 700 источников.

В первой главе «**Дневник писателя как литературно-художественный и документально-публицистический феномен (теоретико-методологические основы исследования)**» анализируются теоретические источники, касающиеся предмета исследования, обобщаются их результаты, рассматривается проблема жанра дневника и самоидентификации писателя, определяются жанровые и типологические характеристики дневника А. В. Жигулина.

твердое...» Из писем А. Т. Прасолова А. В. Жигулину (1963 – 1968) // Акценты : новое в массовой коммуникации. – 2016. – Вып. 3 – 4. – С. 28 – 32 ; Колобов В. В. Пространственно-временная организация текста в писательском дневнике А. В. Жигулина // Медиацтения СКФУ : сб. науч. статей Всерос. науч. семинара / отв. ред. О. И. Лепилкина, А. М. Горбачев. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2016. – С. 62 – 68 ; Колобов В. В. «Написал завещанную повесть...» Дневниковые записи А. В. Жигулина об истории создания автобиографической повести «Черные камни» // Акценты : новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2016. – Вып. 7 – 8. – С. 16 – 19; Колобов В. В. Литературно-общественная позиция журнала «Новый мир» 1958 – 1970 годов в оценке А. В. Жигулина // 1917 – 2017 гг. : уроки столетия глазами журналистов. Сб. науч. мат-лов; под ред. проф. В. В. Тулупова. 2016. – С. 40 – 44; Колобов В. В. Автобиографическая повесть Анатолия Жигулина «Черные камни» : история создания // Современные проблемы журналистской науки : ежегодн. сб. науч. статей. – Воронеж : Фак-т журналистики ВГУ, 2016. – С. 35 – 44 ; Колобов В. В. Воронеж и воронежцы на страницах дневника А. В. Жигулина // Акценты : новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2017. – Вып. 1 – 2. – С. 13 – 17 ; Колобов В. В. Рабочие тетради А. Т. Твардовского и дневник А. В. Жигулина в контексте отечественной журналистики // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург. 19 – 20 мая 2017 г.); сост. О. Ф. Автохутдинова ; Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. – С. 188 – 190 ; Колобов В. В. «Новый мир» А. Т. Твардовского как социокультурный феномен (на материале дневника А. В. Жигулина) // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 11 – 13 мая 2017 г. – Ч. II. Под ред. проф. В. В. Тулупова. – С. 117 – 118 ; Колобов В. В. «Не разоружившийся» (А. Т. Твардовский в последние годы жизни) // Научно-культурологический журнал «Релга». – № 5. – 2017. – 20 мая.

³³ Колобов В. В. Рукописи не горят : О судьбе писательского архива А. В. Жигулина // Коммуна. – 2012. – 26, 27 янв. ; Колобов В. В. Из сталинских лагерей – в классики русской поэзии // Мол. коммуна. – 2012. – 7 июня ; Колобов В. В. «Мне газета запомнилась та...» Анатолий Жигулин и воронежская пресса 1950 – 1960-х гг. // Подъем. – 2013, № 2. – С. 198 – 207 ; Колобов В. В. «Она помогла мне стать поэтом...» // Воронежский телеграф. – 2014. – № 171. – Март ; Колобов В.В. Народный поэт : К 85-летию со дня рождения А. В. Жигулина // Воронежский телеграф. – 2015. – № 181. – Янв. ; Колобов В. В. Прошедший долину смерти. К 85-летию со дня рождения А. В. Жигулина // Коммуна. – 2015. – 6 янв. и др.

Во второй главе **«Становление и развитие писательского таланта (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.)»** на основе дневниковых записей Жигулина рассматриваются особенности первого этапа его творческой биографии, анализируются приемы создания литературных портретов А. Т. Твардовского, А. И. Солженицына, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Б. Ш. Окуджавы, Б. А. Ахмадулиной, А. Т. Прасолова, В. Т. Шаламова, исследуется отношение писателя к резонансному судебному «процессу Синявского и Даниэля», положившего начало самоотверженным попыткам демократически настроенной интеллигенции оказать влияние на власть.

В третьей главе **«Закрепление писательской репутации (1970-е гг. – первая половина 1980-х гг.)»** исследуются дневниковые записи Жигулина о творческой деятельности в годы «застоя», о литературной критике и критиках, о работе в редакциях «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов».

В четвертой главе **«Переход к автобиографической прозе (вторая половина 1980-х гг.)»** на основе дневниковых записей Жигулина реконструирована история создания автобиографической повести-хроники «Черные камни», проведен сопоставительный анализ текста произведения с фрагментами дневника Жигулина; исследуется тематическая проблематика газетно-журнальной дискуссии о «Черных камнях» в конце 1980-х – начале 1990-х гг.; делаются выводы о том, насколько соответствуют исторической реальности основные сюжетные линии и образы главных героев повести.

В пятой главе **«Жизненная и творческая позиция писателя в 1990-е гг.»** раскрывается отношение Жигулина к общественно-политическим процессам в стране в конце XX века; исследуется религиозно-философская проблематика в его дневнике и литературных сочинениях; рассматриваются вневременные концепты *родина, природа, семья, женщина* в его творчестве.

ГЛАВА 1. Дневник писателя как литературно-художественный и документально-публицистический феномен (теоретико-методологические основы исследования)

1.1 Дневник писателя – объект теоретического анализа в отечественной научной мысли конца XX – начала XXI вв.

Изучение генезиса дневника как жанра автодокументальной прозы является актуальной проблемой современной журналистики и литературоведения. Глубина и специфика этой проблемы объясняется в том числе ее междисциплинарным характером.

На протяжении нескольких столетий русская литература и русская журналистика не могут решить вопрос: кому из них принадлежит такой популярный жанр повествования, как дневник? Отечественная литература настаивает на том, что этот жанр по праву принадлежит ей и приводит веские аргументы: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть временных лет», сочинения князя Владимира Мономаха, «Моление» Даниила Заточника, сочинения Ивана Грозного, «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Житие протопопа Аввакума», «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и др.

Отечественная журналистика, в свою очередь, убедительно доказывает, что все выше названные произведения насквозь публицистичны, основаны на конкретных фактах и событиях и потому должны «числиться» по ее ведомству.

«Русская литература существует не с XVIII века, – отмечал в 1980-х годах академик Д. С. Лихачев. – Она родилась не в Петербурге и не в «петербургском периоде» русской истории. Если считать, что христианство не могло быть введено на Руси без широко развитой письменности, без книг, необходимых для совершения богослужения, для монастырской жизни, без переводов на понятный для русских литературный язык, то мы с уверенностью можем

отмечать тысячелетие русской литературы в восьмидесятых годах нынешнего столетия»³⁴.

Продолжая эту мысль, можно сказать, что отечественная журналистика, официальным днем рождения которой принято считать 2 января (13 января по новому стилю) 1703 года – начало издания первой российской печатной газеты «Ведомости», на самом деле появилась на свет гораздо раньше и, в свою очередь, тоже может говорить о тысячелетней своей истории.

В последние годы достигнут значительный прогресс в сфере теоретического, методологического и эмпирического исследования данной темы.

Особо отметим работы О. Г. Егорова «Дневники русских писателей XIX века : Исследование» (2002 г.)³⁵ и «Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : Исследование» (2003 г.)³⁶, которые являются первым в истории отечественной науки опытом комплексного исследования дневникового жанра.

Взяв за основу большой фактический материал (дневники классиков русской литературы XIX века В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, писателей «второго ряда» М. П. Погодина, А. С. Суворина, круга Л. Толстого – С. А. Толстой, Т. Л. Сухотиной, Д. П. Маковицкого, В. Ф. Булгакова), автор дает развернутую характеристику феномена дневника по следующим критериям:

– пространственно-временная структура дневника, включающая три основные формы хронотопа: локальное время-пространство, континуальное время-пространство, психологическое время-пространство;

---

³⁴ Лихачев Д. С. Предисловие // Избранные работы : В 3 т. – Ленинград : Худож. литература, 1987. – Т. II. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – С. 4.

³⁵ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование . – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 288 с.

³⁶ Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : исследование. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 280.

- приемы создания образа человека в дневнике: конструктивный образ; репродуктивный образ; иконический образ; деструктивный образ;
- образ автора в дневнике: элиминированный образ, условно-объективный образ, умеренно-субъективный образ, господствующий образ;
- типологические разновидности дневника: экстравертивный дневник, интровертивный дневник, переходящий тип, осциллирующий тип;
- жанровое содержание дневника: семейно-бытовой дневник, путевой дневник, общественно-политический дневник, служебный дневник;
- стиль дневника: информативно-повествовательный, аналитический, эстетически нагруженное слово, смешанные формы;
- разновидности композиции: непрерывная композиция, дискретная композиция;
- разновидности художественного дневника: дневники периода индивидуации, дневники критического возраста и жизненных итогов, классический дневник в художественной прозе, жанровая имитация дневника ссылки, беллетризация классического дневника³⁷.

В диссертационном исследовании А. Н. Варламова «Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина» раскрыты ранее замалчивавшиеся, вынужденно обойденные вниманием страницы биографии и творчества одного из крупнейших русских мыслителей XX века, чей облик в истории отечественной литературы, с одной стороны, был в полной мере не оценен, а с другой – часто необоснованно лакировался³⁸.

В монографии Е. М. Криволаповой «Дневники писателей круга В. В. Розанова (1893 – 1919 гг.): жанр, творческий метод, историко-литературный контекст» предложен новый методологический подход к анализу художественного процесса конца XIX – начала XX века, характеризующегося

---

³⁷ Егоров О. Г. Указ. соч. – С. 16 – 256.

³⁸ Варламов А. Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2003. – 424 с.

«доминированием в художественном сознании эпохи субъективного, личностного фактора»³⁹.

В диссертационном исследовании Г. С. Прохорова «Поэтика художественно-публицистического единства : на материале литературы периода классического посттрадиционализма» на основе изучения текстов, находящихся на стыке эйдетической и посттрадиционалистской поэтик, впервые предложена теоретическая модель художественно-публицистического единства, проявленного на уровне композиции и архитектоники⁴⁰.

В монографии Н. А. Тарасовой «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 – 1877) : Критика текста» сделан уникальный анализ рукописных и печатных источников одного из самых известных произведений в истории русской литературы и журналистики⁴¹.

Одной из причин сохраняющегося на протяжении длительного времени неопределенного статуса дневника как жанра и формы повествования является проблема *терминологии*. Следует признать, что для дневниковедения, к сожалению, до сих пор характерна неопределенность и своего рода концептуальная вариативность использования категориально-понятийного аппарата. Между тем, как подчеркивал Е. П. Прохоров, значение формирования в науке *максимально точного терминологического аппарата* связано с тем, что «понятие, получившее через определение точную экспликацию (лат. *explication* – истолкование, объяснение), в латентной форме содержит знание о наиболее общих и существенных свойствах явлений в их необходимости» и потому «точно определенные понятия» являются прочным «строительным материалом» любого исследования⁴².

---

³⁹ Криволапова Е. М. Дневники писателей круга В. В. Розанова (1893 – 1919 гг.) : жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. – Курск : Курский гос. ун-т, 2012. – 352 с.

⁴⁰ Прохоров Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства : на материале литературы периода классического посттрадиционализма : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – Москва, 2013. – 437 с.

⁴¹ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 – 1877) : Критика текста : Монография. – Москва : Квадрига, МБА, 2011. – 392 с.

⁴² Прохоров Е. П. Исследуя журналистику. – Москва : РИП-холдинг, 2005. – С. 46.

Рассмотрим ситуацию, связанную с термином «дневник».

Большая Российская Энциклопедия представляет следующее определение дневника: «Дневник – литературно-бытовой жанр, совокупность последовательно датированных записей (обычно одного лица), фиксирующих внешние события, поступки, мысли, чувства и наблюдения автора»⁴³.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» читаем: «Дневник – периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи. Обычно то или иное произведение в форме дневниковых записей относится к какому-либо из известных жанров (роману, повести, репортажу), и “дневниковость” лишь придает ему дополнительную специфику»⁴⁴.

В «Краткой литературной энциклопедии» дается следующее определение дневника: «Дневник представляет форму повествования от первого лица в виде подневных автобиографических записей реальных лиц. Обычно такие записи не ретроспективны: они современны описываемым событиям. Наиболее определенно дневники выступают как жанровая разновидность художественной прозы и как автобиографические записи реальных лиц»⁴⁵.

О. Б. Боброва считает дневник жанром мемуарной литературы, для которого «характерна форма повествования от первого лица, ведущегося в виде повседневных, обычно датированных, синхронных с точки зрения системы отражения действительности, записей. В структуре повествования преобладают дискретные записи. Дневник отличается предельная искренность, доверительность. Все записи дневника, как правило, пишутся для себя. А дневник писателя сохраняет все эти признаки жанра, но, как бы дополняет

---

⁴³ Большая Российская Энциклопедия : В 30 т. – Москва, 2007. – Т. 9. – С. 141.

⁴⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 232.

⁴⁵ Краткая литературная энциклопедия. – Москва : Сов. энциклопедия, 1975. – С. 707.

существующее определение тем, что является не только способом самовыражения, но и часто творческой мастерской писателя»⁴⁶.

Т. П. Тарасенко, М. А. Величко рассматривают жанр дневника в контексте современной коммуникативистики: «Дневник – специфическая автокоммуникация, имеющая целью вынесение в текстовые формы диалога автора с самим собой, который строится по законам, близким к законам внутренней речи»⁴⁷.

В. В. Колесникова считает: «Дневник – текст, предназначенный для внутреннего потребления, записи для самого себя (если только автор не имитирует в определенных целях его форму). Это не просто пометки для памяти, хроника текущих событий – это способ интимного самоанализа, своеобразный апокриф (неканоническая автобиография человека, существующая лишь для внутреннего потребления)»⁴⁸.

О. Г. Егоров приводит следующее определение: «Дневник как жанровая форма представляет собой динамичную автохарактеристику, выражающую естество и бытие человека методом последовательных высказываний, группирующихся в устойчивый временной ряд»⁴⁹. При этом, по его мнению, «дневниковость как психологическая автоповествовательная модель свойственна различным видам искусства», в том числе живописи, графики и музыки⁵⁰.

В качестве примера ученый цитирует высказывание исследователя рисунков Пушкина А. М. Эфроса: «Это дневник в образах, зрительный комментарий Пушкина к самому себе»⁵¹.

---

⁴⁶ Боброва О. Б. История жанра дневника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://konesh.ru/bobrova-o-b-istoriya-janra-dnevnik.html>

⁴⁷ Тарасенко Т. П., Величко М. А. Автокоммуникация в дневнике // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. – Краснодар, 2016. – С. 65 – 97.

⁴⁸ Колесникова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр. – Воронеж, 2009. – С. 5.

⁴⁹ Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. – С. 6.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 7.

М. Ю. Михеев, проанализировав более трехсот текстов, приходит к парадоксальному выводу о том, что «формальных критериев “дневниковости” практически не существует. Дневником называют то, что таковым считает автор (или издатель) или же предпочитает называть читающая публика»⁵².

А. В. Подгорский, исследуя опыт английских даиэристов (человек, ведущий дневник) эпохи Реставрации, подчеркивает самостоятельное место дневника в системе литературных жанров: «...он рассматривается не как первичная форма мемуарной литературы, “форма без формы”, а как жанр во многом отличный от мемуаров»⁵³.

Как отмечает Т. М. Колядич, «...мемуары и дневник выступают как равноправные разновидности мемуарного жанра. Кроме того, современное развитие дневника позволяет считать его значимой и в ряде случаев даже самостоятельной художественной формой»⁵⁴.

В каждом из этих определений эксплицируется амбивалентность эстетической природы дневника, как «пограничного» жанра литературы и публицистики.

Суммируя теоретические положения ряда авторов, Е. М. Криволапова выделяет главные критерии дневниковости, расположив их по принципу обязательной или возможной реализации в тексте: «Во-первых, это синхронность, которой определяется способ отражения действительности; во-вторых, автокоммуникативность, являющая тождество автора и адресата; в-третьих, необработанность материала, его «первообразность»; в-четвертых, датировка, выполняющая роль структурообразующего начала; в-пятых,

---

⁵² Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX – XX). – Москва : Водолей Publishers, 2007. – С. 159.

⁵³ Подгорский А. В. Жанр дневника в английской литературе эпохи Реставрации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.01.05. – Екатеринбург, 1998. – С. 2.

⁵⁴ Колядич Т. М. Воспоминания писателей : Проблемы поэтики жанра. – Москва : Мегатрон, 1998. – С. 24.

интимность, искренность, правдивость записей»⁵⁵. «Что касается последнего критерия, – отмечает Е. М. Криволапова, – то его наличие и реализация напрямую зависят от авторской интенции, которая в свою очередь определяется временем и личностью создателя дневника»⁵⁶.

Если воспользоваться этим «инструментарием», жанрообразующие признаки дневника можно увидеть в таком древнем памятнике русской литературы, каким является «Слово о полку Игореве» (полное название «Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова»). Безымянный автор повествования, посвященного неудачному походу русских князей на половцев, организованного Новгород-Северским князем Игорем Святославовичем, описывает события так, словно он был их свидетелем и участником. Приемы писательского дневника видны и в самом начале повести (в обращении неизвестного автора к своим читателям и слушателям: «Почнем же, братие, повесть сию отъ стараго Владимира до нынешнего Игоря...»: и в описании солнечного затмения 1 мая 1185 года, когда Игорь предчувствует неудачу, но тем не менее «вступает в злат стремя» и призывает своих товарищей биться насмерть с врагами; и хронике трехдневного сражения с половцами, и в плаче Ярославны на городском забрале в Путивле: «полечю зегзицею по Дунаю, омочу бибрян рукав в Каяле, утру князю кровавые его раны», и в сцене бегства князя Игоря из плена («Бог путь кажет Игореву из земли Половецкой в землю русскую») и его возвращения домой⁵⁷.

Интересно отметить, что в дневнике Жигулина много записей на тему великого произведения древне-русской литературы. В частности, такая:

«24 января 1975 года, пятница.

---

⁵⁵ Криволапова Е. М. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 202.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Слово о полку Игореве: Сборник / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; реконстр. древнерус. текста и перевод Д. С. Лихачева; сост., подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. – Ленинград : Сов. писатель, 1990. – 400 с.

<...> Читаю «Слово о полку Игореве» – и на древне-славянском и русский перевод-подстрочник. Изучаю древне-русский верлибр» [136 : с. 29].

Подобные памятники литературы древней Руси, наверное, можно считать прадевником или «дальними родственниками» современного дневника писателя.

Большинство исследователей признает большую ценность дневниковых текстов по сравнению с мемуарами.

Например, Е. И. Тарасов отмечал: «...От декабристов осталось много мемуаров, записок, воспоминаний; но все это материал, который ни в каком отношении не может заменить дневника – исповеди сердца и души»⁵⁸.

По мнению М. И. Нечкиной, дневник, как правило, «является более ценным первоисточником, нежели позднейшие мемуары»⁵⁹.

Ю. В. Булдакова, рассматривая корпус текстов представителей русской эмиграции «первой волны», выделяет три жанровых типа писательских дневников: описательно-фиксирующий (И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев), экзистенциальный, воплощенный в дневниках М. И. Цветаевой и А. М. Ремизова, синтетический, в большей степени свойственный дневникам писателей «незамеченного поколения» – Б. Ю. Поплавского и Г. Н. Кузнецовой⁶⁰.

По мнению автора, основой описательно-фиксирующего жанрового типа является синтез дневниковых традиций Л. Н. Толстого (монологизм, наличие автора-наблюдателя и летописца, установка на интимность, откровенность и правдивость дневниковой записи) и Ф. М. Достоевского (публичность, публицистичность, диалогическое начало, особый характер драматизма).

---

⁵⁸ Тарасов Е. И. Предисловие к дневнику Н. И. Тургенева. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 19 – 20.

⁵⁹ Нечкина М. И. Грибоедов и декабристы. – Москва : Худож. литература, 1977. – С. 67.

⁶⁰ Булдакова Ю. В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920 – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс]. – Киров, 2010. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/dnevnik-pisatelya-kak-fenomen-literatury-russkogo-zarubezhya-1920-1930-h-gg#ixzz4li19IUhZ>

Как известно, дневник играл огромную роль в жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Помимо литературной цели дневник Толстого выполнял много других важных функций: самовоспитания, самообразования, планирования сельскохозяйственных работ в усадьбе, выполнения различных домашних дел и т. д. Помимо классического дневника в поздние годы писатель вел «Дневник для самого себя» и «Тайный дневник», отразившие сложный внутренний процесс художника и его отношения с окружающим миром.

Отдельно необходимо выделить художественно-публицистический метод Ф. М. Достоевского, превратившего жанр дневника писателя в трибуну, в амвон, с которого автор произносил свои «проповеди», помогающие русскому обществу сформулировать социально-политические и нравственно-философские идеи, способствующие пробуждению национального самосознания.

В экзистенциальном жанровом типе на первый план выступают не события реальной действительности (хотя они присутствуют в контексте дневника), а внутренний мир автора. Характерные черты содержания и стиля такого типа дневника: противоречивость и изменчивость субъективных оценок и впечатлений, «разорванность» экзистенциального сознания, фрагментарность и дискретность записей, прерывистая структура текста.

Синтетический жанровый тип дневника отражает особое мировосприятие автора, когда описание реальной действительности, переплетаясь с воспоминаниями, размышлениями, фантазиями, постепенно уходит в ирреальную плоскость. Истоки такого типа дневника, по мнению Ю. В. Булдаковой, лежат в опыте «потока сознания» М. Пруста и Дж. Джойса, иррационализма Ф. Кафки, интуитивизма А. Бергсона, сюрреализма Т. Тцара и А. Бретона.

К числу малоизученных проблем жанрового образования ученый относит определение границы понятия «дневник писателя», характер дискурсивности дневникового текста, проблемы межжанрового и межродового синтеза в системе дневникового дискурса.

Следует сказать о том, что в теории и истории журналистики и литературоведении принято выделять три типа дневниковых текстов в качестве самостоятельного объекта изучения: дневник писателя, дневник как жанровая разновидность художественной прозы и дневники литературных героев в структуре художественного произведения.

Упомянув эту классификацию, С. С. Николаичева подчеркивает: «Каждый тип дневникового текста имеет свою специфику, а потому исследователи используют разные стратегии и методики для их исследования»⁶¹.

К классическому типу относятся дневники В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. А. Блока, З. Н. Гиппиус, К. И. Чуковского, Ю. М. Нагибина, М. М. Пришвина, Ю. К. Олеси, К. М. Симонова, А. Т. Твардовского и других русских писателей.

«Дневник как жанровая разновидность художественной прозы – это чисто литературное явление, – считает С. С. Николаичева. – Он принадлежит вымышленному герою, который ведет записи, цель которых – не столько фиксация событий внешней жизни, сколько осознание тайных пружин своих поступков, отношений с другими людьми»⁶².

К этому жанровому типу можно отнести «Дневник одной недели» А. Н. Радищева, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева, «Дневник семинариста» И. С. Никитина, «Чапаев» Д. А. Фурманова, «Деревенский дневник» Е. Я. Дороша и др.

И, наконец, третий тип дневника – дневниковый фрагмент в структуре художественного произведения. В этом случае дневник литературного героя становится органической частью текста художественного произведения, отвечающей общему замыслу автора.

Примерами такого типа текста являются «Дневник Робинзона Крузо» в одноименном произведении Д. Дефо, «Журнал Печорина» в «Герое нашего

---

⁶¹ Николаичева С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30 – 70 гг. XIX века) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Нижний Новгород, 2014. – С. 4.

⁶² Там же.

времени» М. Ю. Лермонтова, автобиографическая повесть «Записки одного молодого человека» А. И. Герцена, «Дневник Левицкого» из романа «Пролог» Н. Г. Чернышевского и др.

Таким образом, анализ исследований по теории и истории жанра дневника писателя позволяет выделить несколько классификаций, в основе которых лежат разные критерии: функционально-тематический, дискурсивный, структурно-организационный, нравственно-философский, психологический, возрастной и др.

Установлено, что публицистическая и художественная ценность автодокументальной литературы определяется не только объективными факторами – природообразующими свойствами, но и субъективными детерминантами – личностью автора, создателя «эго-текста».

1.2 Проблема жанра дневника и самоидентификации писателя

В свое время Ю. Н. Тынянов иронизировал над неуклюжими попытками теоретиков литературы дать определение понятию «жанр»: «Теория словесности упорно состязается с математикой в чрезвычайно плотных и уверенных статических определениях, забывая, что математика строится на определениях, а в теории литературы определения не только не основа, но все время видоизменяемое эволюционирующим литературным фактом следствие. А определения делаются все труднее. В речи бытуют термины «словесность», «литература», «поэзия», и возникает потребность прикрепить их и тоже обратить на потребу так уважающей определения науке»⁶³.

На протяжении нескольких столетий писательский дневник является одной из самых популярных форм документально-публицистического и литературно-художественного повествования. Не случайно М. Ю. Лермонтов в предисловии

---

⁶³ См. : Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 255 – 270.

к «Журналу Печорина» писал: «...История души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление»⁶⁴.

Другой великий писатель – И. А. Бунин – отмечал: «...Дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие»⁶⁵.

А. Т. Твардовский именовал свои «рабочие тетради», которые он вел более 45 лет (1926 – 1971) по-разному: дневник, автобиографические, самовоспитательные и покаянные записи, записи из жизни, попутные замыслы, дневниковое хозяйство, россыпь, очерки, рассказы, очеркишки, крохи, заметки, миниатюры, наброски, карандашные клочки, летопись, хроника, копии «исторических писем» в высокие адреса, природа-погода, приусадебный участок и т. д. Но главным названием уникального труда писателя все же стали «рабочие тетради».

По мнению Т. А. Снигиревой, литературная рефлексия, «прошивающая» дневник Твардовского, является одной из важнейших внутренних скреп двух его основных сюжетов – книги о «Новом мире» (судьба редактора) и книги «Пан Твардовский» (судьба поэта).

Анализируя «Рабочие тетради» Твардовского, автор выделяет две группы сложной системы жанровых составляющих:

1. жанры, оформляющие прозу поэта «о другом», где через «чужое» осуществляется познание «своего». Прежде всего, это статьи, развернутые замечания, размышления и обширные цитаты, сопровождаемые комментариями;

2. жанры, связанные со стратегией и тактикой главного редактора оппозиционного журнала: литературная реплика, литературная рецензия,

⁶⁴ Лермонтов М. Ю. Дневник Печорина. – Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. Проза. Письма. – Москва – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – С. 339

⁶⁵ Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники : В 2 т. [Сост. М. Грин, предисл. Ю. Мальцева]. – Москва : Посев, 2004. – Т. 1. – С. 125.

письма, в том числе «исторические» в вышестоящие инстанции или «собратьям по перу»⁶⁶.

Понятие-образ *тетрадь, тетрадка, тетрадочка* часто упоминается в поэтических произведениях Твардовского, например, в «Книге про бойца» («Василий Теркин»): «На войне, под кровлей шаткой, / По дорогам, где пришлось, / Без отлучки от колес, / В дождь, укрывшись плащ-палаткой, / Иль зубами сняв перчатку / На ветру, в лютой мороз, / Заносил в свою тетрадку / Строки, жившие вразброс»⁶⁷.

Концепт *дневник писателя* находится в центре внимания не только ученых, но и самих писателей. Приведем мнение Ю. М. Нагибина, высказанное по поводу выхода его книги: «Эта книга названа: дневник. Но является ли она таковой на самом деле? В слово «дневник» заложено понятие фиксации прожитых дней. Он ведется изо дня в день. И непременно указывается дата каждой записи. Четкая хронологическая последовательность, фиксация событий и переживаний автора – непереносимое требование, предъявляемое к дневнику»⁶⁸.

В отличие от художественного произведения, где основу текста составляет вымышленная действительность, дневник писателя отражает реальные события и факты, конкретные этапы и эпизоды биографии, дает богатейшее представление о развитии личности автора, его социально-политических, философских и эстетических взглядах, гражданской позиции. То есть, по определению М. М. Бахтина, представляет собой одну из основных форм хронотопа – изображение (отражение) времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии⁶⁹.

---

⁶⁶ Снигирева Т. А. Литературная рефлексия в «Новомирском дневнике» А. Твардовского // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 3 (31). – С. 55.

⁶⁷ Твардовский А. Т. Собр. соч. : В 6 т. / под общ. ред. Ю. Г. Буртина. – Москва : Худож. литература, 1976 – 1983. – Т. 2. – С. 329.

⁶⁸ Нагибин Ю. Дневник. – Москва : Подкова, 1996. – С. 5.

⁶⁹ См. : Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – С. 234 – 405.

Очень важным обстоятельством является то, что события и факты в дневнике описываются не беспристрастным хронистом, а профессиональным писателем, мастером слова, активным участником литературного процесса, авторитетным деятелем культуры, к мнению которого прислушиваются современники.

Как справедливо заметил О. Г. Егоров, дневники «не сочиняются, а ведутся»⁷⁰. При этом, по мнению ученого, дневники писателей и классическая проза подчиняются одним и тем же внутренним законам: их главной отличительной особенностью, скрепляющей разнородный материал, являются «стройная и отчетливо выраженная мировоззренческая позиция писателя», «единство стиля и личность автора»⁷¹.

«Проблемы, связанные с жанровой спецификой художественно-документальной литературы, до сих пор окончательно не решены. Хотя термин прочно вошел в научный обиход, понятие не определено теоретически и часто противоречиво, поскольку документальность иногда трактуется как достоверность и противопоставляется художественности как результату вымысла», – отмечает А. М. Колядина⁷².

Рассматривая основные признаки дневника, А. А. Зализняк замечает, что «категория жанра формируется конвенциями отношений с адресатом, которые принимает на себя пишущий в данном произведении»⁷³. При этом, как поясняет автор: «...адресат автодокументального текста и его потенциальный, желательный или нежелательный, читатель – разные фигуры»⁷⁴, с чем нельзя не согласиться.

---

⁷⁰ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – С. 3.

⁷¹ Там же. С. 271.

⁷² Колядина А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М.Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Самара, 2006. – 20 с.

⁷³ См. : Зализняк А. А. Дневник : к определению жанра // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 106. – С.162 – 180.

⁷⁴ Там же.

Фундамент системного рассмотрения жанров заложили в 1920-х гг. основоположники русской формальной школы Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум⁷⁵.

Размышляя о тенденциях развития литературы, М. М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского»⁷⁶ установил законы, которые отвечают за механизм жанровой «памяти», позволяющий, с одной стороны, сохранять элементы архаики, и подвергаться постоянному обновлению, с другой стороны.

Жанровая теория М. М. Бахтина получила развитие в трудах современных ученых С. Н. Бройтмана, Н. Л. Лейдермана, Л. Г. Кихней, Л. Е. Кройчика, О. И. Осиповой, С. Г. Корконосенко, А. А. Тертычного, М. Н. Кима.

По определению С. Н. Бройтмана, жанр – это «типичная форма целого художественного высказывания, включающая в себя функциональное, тематическое и формальное (стилистическое) начала»⁷⁷.

Рассматривая теоретическую модель жанра, Л. Н. Лейдерман отмечает, что носители жанра (субъектная организация художественного мира, хронотоп, ассоциативный фон, интонационно-речевая организация) «гибко координируются между собою, обуславливая, подкрепляя, восполняя друг друга»⁷⁸.

Как считает Л. Г. Кихней, жанр – это «угол зрения, отбирающий – в соответствии с той или иной системой ценностей – жизненные ситуации (в лирике – переживания), которые оказываются в определенной мере однотипными, гомогенными. Каждый литературный жанр имеет свою «сферу

⁷⁵ Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 576 с. ; Шкловский В. Б. Гамбургский счет : Статьи, воспоминания, эссе (1914 – 1933). – Москва : Сов. писатель, 1990. – 544 с. ; Он же. О теории прозы. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 383 с. ; Эйхенбаум Б. М. О литературе. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 544 с. ; Он же. О прозе. – Ленинград : Худож. литература, 1969. – 501 с.

⁷⁶ См. : Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва : Сов. Россия, 1979. – 315 с.

⁷⁷ Бройтман С. Н. Историческая поэтика : учеб. пособие. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 220.

⁷⁸ Лейдерман Л. Н. Теория жанра. Исследования и разборы. – Екатеринбург : Словесник, 2010. – С. 137.

влияния», вычленяет из пестрого многообразия действительности тот или другой круг явлений или событий»⁷⁹.

О. И. Осипова сравнивает художника с демиургом (*др-греч.* – создатель, творец): «Он способен не только прозревать иные миры, но и создавать свой мир, отличный от эмпирического. Подобная установка приводит к изменению статуса творца (автора, повествователя или героя произведения). Художественная форма перестает зависеть от запечатленной картины бытия, а следовательно, от жанра. Диктат автора порождает разного рода сдвиги, изменения устоявшихся жанровых моделей, в процессе которых возникают новые жанровые или внутрижанровые образования. Довольно часто жанровые трансформации бывают связаны с игровой эстетикой этого периода»⁸⁰.

На подвижность и полифонизм жанровых форм в свое время обратил внимание Е. П. Прохоров: «Будучи исторически сложившимися, устойчивыми творческими формами, жанры публицистики – это не застывшие, не омертвевшие формы, они способны к изменению и развитию»⁸¹.

Комплексный подход к изучению журналистских жанров и жанрообразующих факторов (предмет отображения, целевая установка (функция) отображения, метод отображения) содержится в трудах А. А. Тертычного, посвященных теории и практике периодической печати⁸².

Именно по этим внутренним законам творческого процесса эволюционирует жанр дневника писателя, вобравший в себя за долгую историю существования характерные черты и признаки многих литературных и публицистических форм: исповеди, романа, повести, письма, хроники, очерка, статьи, фельетона, корреспонденции, комментария, рецензии и т. д.

---

⁷⁹ Кихней Л. Г. К герменевтике жанра в лирике // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 2007. – С. 48.

⁸⁰ Осипова О. И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузьмин : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О. И. Осипова. – Москва, 2014. – С. 4.

⁸¹ Прохоров Е. П. Искусство публицистики. – Москва, 1984. – С. 308.

⁸² См. : Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 320 с.

Проблема размывания жанровых границ, модификации жанровой системы тесно переплетается с другой научной проблемой – *самоидентификации творческой личности*. Творческий процесс не стоит на месте, он постоянно и активно развивается. И именно поэтому подвижны и не определены границы жанра дневника писателя, несмотря на отчаянные попытки ученых систематизировать информацию и привести ее в строгий научный вид.

Степень стремления автора к самоидентификации – один из основных жанрообразующих признаков дневника. Самоидентификация, выражаясь словами Б. М. Эйхенбаума, – это «осознание себя в потоке истории»⁸³.

Развивая теоретическую парадигму, Л. Е. Кройчик выделил следующие функции и жанрообразующие признаки дневника.

1. Важнейшая функция дневника – функция *самоконтроля личности, самоанализа*. Автор рассказывает не только о событиях, происходящих вокруг него, но и о самом себе в этих событиях.

2. Дневник – это *история жизни* одного человека, рассказанная им самим.

3. Дневник – это прежде всего *напряженная работа души*. Человек не просто вглядывается в окружающий мир, он стремится понять, как этот окружающий мир может ему помочь познать самого себя.

4. Дневник – в известной степени это *литература одиночества*, это разговор с самим собой. С другой стороны – это *фактор самовоспитания*. Человек через дневник контролирует свои мысли и поступки, не давая самому себе впасть в отчаяние, опуститься на дно и перестать быть Homo sapiens (*лат.* – человек разумный)⁸⁴.

5. Взгляд автора дневника на самого себя помогает *читателю* лучше понять, что из себя представляет он сам: каковы его взгляды, поступки, убеждения.

---

⁸³ Эйхенбаум Б. М. О прозе. – Ленинград : Худож. литература, 1969. – С. 304.

⁸⁴ Мы бы назвали подобное психологическое состояние *фактором Робинзона Крузо*: человек, выброшенный в результате кораблекрушения на безлюдный остров, начинает вести дневник, сумев приобрести в нем друга, собеседника, единомышленника, советчика, критика.

6. Дневник – это *сакральный жанр*, жанр *потайного познания самого себя*. Дневник проверяет внутреннее самоопределение личности: что я, автор, из себя представляю, каковы мои интеллектуальные и морально-нравственные ориентиры и возможности, на что я способен в своих действиях, и какие действия не совершу ни при каких обстоятельствах.

7. Дневник всегда *мемориален*. Автор воспроизводит в памяти события своей жизни, при этом создавая образ размышляющей личности. В диалоге с самим собой автор всегда искренен, хотя может иногда заблуждаться. Заблуждения опровергаются временем. Или – со временем – самим автором.

8. Дневник – это *образ автора*. Создавая этот образ, автор выявляет в себе некие типичные черты, свойственные современникам. Это делается не специально, не нарочно, а само собой. Отношения с близкими, коллегами, окружающим миром несут в себе не только черты личности автора, но и дух времени, атмосферу эпохи.

9. Дневник – это всегда *эго-документ*, созданный писателем о себе, в котором субъект и объект познания тесно переплетены.

10. Дневник – это диалог автора со временем, в котором он живет. Многие дневники пишутся для самого себя, но читает их все человечество.

В качестве примеров Л. Е. Кройчик приводит дневниковые записи Николая II-го и ленинградской девочки Тани Савичевой, погибшей во время блокады. Данные источники «равновелики по своей исторической ценности, хотя первый включает пятьдесят толстых тетрадей, а второй едва ли наберет тридцать строк. Ценность дневника не в объемистости рукописи, а в емкости смысла», – отмечает Л. Е. Кройчик⁸⁵. И тут же задает читателю вопрос: «Хотите знать, как началась первая мировая война?». Далее автор цитирует фрагмент из дневника последнего русского царя Николая II-го:

---

⁸⁵ Кройчик Л. Е. Между литературами (дневник как документальный текст) // Акценты. – 1996. – № 2. – С. 65.

«16 июля. Среда. Утром принял Горемыкина. 12 1/4 произвел во дворце около ста корабельн. гардемарин в мичманы. Днем поиграл в теннис, погода была чудесная.

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом. <...>

19-го июля. Суббота.

<...> Погулял с детьми. В 6 1/2 поехали ко всеобщей. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали: Ольга А(лександровна), Дмитрий и Иоанн (деж.). Вечером приехал англ. посол Buchanan с телеграммой от Georgie. Долго составляли с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фридерикса. Пил чай в 12 1/4»⁸⁶.

Комментируя эти записи, Л. Е. Кройчик пишет: «Вот так. Размеренное повествование, фиксирующее неизменно устойчивый ритм жизни: ни сбивчивости, ни тревоги. Настроение пишущего зависит от погоды. Семейные интересы – важнее всего. Между домашними делами (игра в теннис, чай, завтрак, обед) – приемы послов и министров. 25 июля (шестой день войны) – прогулка с детьми («Погуляли вместе и нашли много грибов»)⁸⁷.

Л. Е. Кройчик сравнивает фрагменты из дневника Николая II-го с записями, которые сделал накануне и в первый день Великой Отечественной войны М. М. Пришвин:

«21 июня. Вчера по приезде, в лесу, с какой радостью встретили меня друзья мои, и особенно свечки на соснах, как будто прямо шептали, узнавая и спрашивая: друг мой, где же ты пропадал?

А цветы! Все цветы от жарких дней встали, как мертвые воскресли: фиалки – первые цветы и бутоны ландышей сошлись с мячиками одуванчиков, ранние весенние цветы сошлись с летними: черемуха – начало весны – сошлась с концом ее – цвела сирень.

---

⁸⁶ Там же. С. 66.

⁸⁷ Там же.

Война (4 утра – 22 июня). Ефимов, механик, сын хозяйки нашей в Глухове, сегодня около двух дня вылез из клетки и сказал: «Знаете или не знаете?». И увидев, что не знаю: «Сегодня в 4 утра фашистская Германия» и проч. И все полетело»⁸⁸.

Анализируя дневниковые записи Пришвина, Л. Е. Кройчик констатирует, как резко меняется интонация автора до и после начала войны: безмятежное любование природой – и тревожная отрывистость первого военного дня. На фоне монотонной интонации Николая II-го резким диссонансом звучат искренние, идущие из глубины души слова писателя: «И все полетело». Совершенно другая мелодика текста. Другой синтаксис. Другое мировосприятие.

Таким образом, дневник помимо всего прочего – это автопортрет самого автора, это характеристика на самого себя. Причем как бы ни старался автор «приукрасить» свою персону, подать себя будущему читателю в наилучшем виде, все равно в дневнике согласно объективным законам психологии он такой, какой есть на самом деле.

И в этом заключается еще одна непреходящая ценность дневника как жанра *исповедальной* прозы.

1.3 Жанрово-типологические характеристики дневника А. В. Жигулина

Научных работ, посвященных изучению творчества и жизни А. В. Жигулина, не так уж и много, но они есть и достаточно глубокие, качественные. Назовем главные из них.

В диссертационном исследовании А. Н. Кантомировой «Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина» впервые предпринята попытка целостного, системного рассмотрения «художественной семантики образов

---

⁸⁸ Там же. С. 67.

пространства в творчестве Жигулина», обусловленного обстоятельствами его биографии, установлены типы пространственной организации его поэзии на различных этапах творческого развития, закономерности их взаимодействия и эволюции⁸⁹.

В работе Г. В. Марфина «Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества)» впервые рассмотрена поэзия А. Жигулина как «эволюционирующее смысловое и художественное единство в свете проблемы взаимоотношений человека и мира»⁹⁰.

В 1980 году вышла в свет книга А. П. Ланщикова «Анатолий Жигулин. “Уроки гнева и любви...”»⁹¹, в которой была сделана попытка комплексного исследования творческого и жизненного пути писателя. Как подчеркивается в аннотации: «Небольшая книга Анатолия Ланщикова представляет собой содержательное и живое повествование о творческой судьбе талантливого советского поэта Анатолия Жигулина. Творчество поэта рассматривается критиком в контексте его времени и времени жизни автора книги. Совпадение по времени – не главное для критика. Главное, что определяет дух книги, – это совпадение по мироощущению, по объективному видению эпохи»⁹².

Как уже сказано во введении, дневник А. В. Жигулина до настоящего времени никем и никогда не изучался.

Основной корпус эмпирического материала – это 575 дневниковых книжек, записных книжек и рабочих тетрадей различного формата, хранящихся сейчас в составе фонда А. В. Жигулина в Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина (для широкого доступа фонд пока закрыт в связи с обработкой архива).

---

⁸⁹ Кантомирова А. Н. Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Волгоград, 2009. – С. 3.

⁹⁰ Марфин Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Воронеж, 2003. – С. 3.

⁹¹ Ланщиков А. П. Анатолий Жигулин : «Уроки гнева и любви». – Москва : Сов. Россия, 1980. – 128 с.

⁹² Там же. С. 127.

Для ведения дневника в раннем периоде творчества писатель использовал, в основном, блокноты, в среднем и зрелом возрасте – толстые и тонкие ученические тетради объемом от 24 до 220 страниц. Помимо дневника и записных книжек поэт вел «рабочие тетради» – это своеобразная творческая лаборатория, включающая в себя черновики стихотворений, прозаические фрагменты, переписку с авторами и читателями, темы будущих произведений. На титульном листе каждой из них каллиграфическим почерком автора обязательно сделана надпись: «Дневниковая книжка (записная книжка, рабочая тетрадь) номер... Начата... Окончена... Принадлежит поэту, члену Союза писателей СССР... В случае нахождения утерянной книжки-тетради просьба сообщить, вернуть. Дом. телефон... Адрес...»

По времени дневниковое наследие Жигулина охватывает период с 7 апреля 1954 года и до конца его жизни.

Литературный критик А. Горловский вспоминал: «Признаться, я был поражен, когда в ответ на мою просьбу подарить мне черновик какого-либо стихотворения Анатолий Жигулин распахнул дверцы книжного шкафа, стоящего за его спиной, и я увидел плотно прижатые одна к другой тетради и записные книжки. Не десятки – сотни штук. Последняя имела порядковый номер, кажется, 516. В этих тетрадях и были черновики Жигулина, черновики, в которых отразился весь процесс работы над стихотворением. <...> И стала понятной цена той кажущейся легкости и простоты жигулинских стихов, когда каждое стихотворение словно бы писалось или вылилось сразу. И та почти болезненная пристрастность, с какой Жигулин реагирует даже на самую незначительную попытку править его слово»⁹³.

Жанровая организация дневника включает в себя элементы литературной, общественной, политической хроники, философского осмысления событий, исповеди, творческой лаборатории. Основное внимание поэта сосредоточено на

---

⁹³ Горловский, А. Поэзии горящая свеча [Беседа с А. Жигулиным] // Вопросы литературы. – 1983. – № 12. – С. 172 – 186.

следующих темах: собственное поэтическое творчество, литературный процесс в целом, события в стране и мире, личная (семейная) жизнь.

Адресат (объект) текста – сам автор (Я – Я), будущие читатели, потомки (Я – Они), время как философско-материальная субстанция (Я – Вечность).

Следуя классификации О. Г. Егорова, в дневнике Жигулина можно выделить три основные формы пространственно-временной организации событий (локальное, континуальное, психологическое время-пространство), а также факультативные и смешанные формы хронотопа, включая историческое время-пространство.

По типологическим признакам дневник Жигулина можно отнести к *смешанному, переходящему* типу, включающему в себя две основные формы:

– *экстравертивный дневник* (комплексное исследование окружающего мира; автор выступает в роли либо активного участника событий, либо заинтересованного наблюдателя);

– *интровертивный дневник* (глубокое погружение в собственный внутренний мир, поиск гармонии прежде всего в отношениях с самим собой, переживания по поводу тех или иных проблем переходят в глубокую психологическую плоскость, описание важного для автора события может происходить в дневнике на протяжении достаточно длительного времени).

В жанровом содержании дневника Жигулина в зависимости от творческой установки автора можно выделить следующие разновидности автодокументального повествования: литературный, общественно-политический, семейно-бытовой, путевой дневники.

На первом месте по количеству записей и объему контента, безусловно, стоит *литературный* дневник. Текст дневника в полной мере отражает личное творчество писателя (от замысла произведения – до его публикации) и глобальный литературный процесс.

В описании событий присутствуют два основных метода, применяемых Жигулиным: *синхронический* и *диахронический*. В основе *синхронического метода* (от греч. «syn» – «вместе» и «chronos» – «время») лежит описание

события в определенный момент его существования. Как правило, он используется автором при описании текущих событий литературной, общественно-политической, семейной и личной жизни.

Диахронический метод (от греч. «dia» – «через», «сквозь» и «chronos» – «время») включает в себя рассмотрение фактов и событий в историческом аспекте, в хронологической последовательности. Ретроспективный взгляд автора хорошо прослеживается в описании драматических событий личной судьбы (арест, следствие, ссылка, «сибирско-колымская одиссея»).

Очевидно, что пространственно-временные связи в дневнике Жигулина объясняются не только объективными факторами, но и личностно-биографическими и психологическими свойствами автора.

Как отмечал М. М. Бахтин: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены»⁹⁴.

Иными словами, документальные и художественные особенности хронотопа в дневнике Жигулина напрямую связаны с проблемой самоидентификации писателя. Дневниковые записи наглядно показывают, насколько бережно и внимательно поэт относился к истории своей семьи (по линии матери, Евгении Митрофановны Жигулиной-Раевской, он был прямым потомком поэта-декабриста и друга А. С. Пушкина Владимира Федосеевича Раевского). Не менее трепетно он относился к истории малой (воронежской) родины, к судьбе России.

Жанрово-типологические характеристики дневника Жигулина тесно связаны с периодизацией его жизненного и творческого пути.

В целом мы согласны со структурой периодизации творческой биографии писателя, предложенной Г. В. Марфиным:

---

⁹⁴ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. – Москва : Худож. литература, 1975. – С. 391 – 392.*

- становление поэта в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х гг.);
- обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е гг.);
- поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е гг.);
- утрата найденной гармонии (1990-е гг.)⁹⁵.

Вместе с тем, в связи с введением в научный оборот новых, прежде не известных материалов личного архива А. В. Жигулина, уточняющих и дополняющих биографические сведения, мы предлагаем следующую структуру периодизации жизни и творчества писателя:

- становление и развитие таланта – воронежский период (1954 – 1963);
- обретение всесоюзной известности и сотрудничество с «Новым миром» А. Т. Твардовского (1963 – 1970);
- закрепление писательской репутации в духовном и культурном пространстве страны (1971 – 1984);
- переход к автобиографической прозе (1985 – 1990);
- духовно-нравственная эволюция мировоззрения писателя на заключительном этапе жизненной и творческой биографии (1991 – 2000).

Дневник Жигулина в полной мере отражает особенности его личной и творческой судьбы, с одной стороны, и типичные черты целого поколения советских людей, «чуть опоздавшего на войну», но в полной мере разделившего вместе со своим народом все трудности и тяготы военного и послевоенного времени, с другой стороны.

В конце 1950-х гг. Жигулин, по собственным словам, «не умевший толком писать ни стихи, ни прозу», с присущими ему точностью и образностью зафиксировал в дневнике воспоминания о наиболее важных событиях, относящихся к периоду КПМ и «тюремно-лагерной одиссеи». Позднее эти

---

⁹⁵ Марфин Г. В. Указ. соч. С. 4.

записи очень пригодились ему при создании автобиографической повести-хроники «Черные камни» (1988 г.).

Первые записные книжки Жигулин начал вести, еще находясь в неволе. Много лет спустя автор вспоминал:

«7 апреля 1969 года, понедельник.

Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его еще в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и нас всех) привезли на переследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах, ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я все-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...» [110 : с. 154 – 155].

Свидетельство И. В. Жигулиной, супруги и верного помощника поэта: «Писать в небольших записных книжках Анатолий начал с 1954 года, когда его привезли с Колымы в один из воронежских лагерей в связи с пересмотром дела молодежной антисталинской организации.

Первые две записные книжки (№ 1 и № 2) написаны карандашом. Первая книжка почти вся посвящена поэзии. Он восстанавливает первые строчки стихов, написанных в тюрьме во время долгого следствия 1949 – 1950 годов, в лагере (без объяснения, что это за строчки). Тексты из осторожности не записывались. Он жадно пытается писать новые стихи, делает вольные переводы из Горация, размышляет о поэзии, о жизни, но ни слова – о лагерном прошлом...

Записная книжка № 2 – как пульсирующее обнаженное сердце. Он уже откровенно пишет о своих мучительных ощущениях, сомнениях. Делает записи о Колыме, о военном детстве... 21 июля начспецчасти сообщает, что завтра – освобождение. 22 июля Жигулин с двумя товарищами вышел за ворота лагеря – закончился еще один тяжкий отрезок жизни. Закончена записная книжка № 2»⁹⁶.

По словам И. В. Жигулиной, писатель всегда брал с собой, куда бы ни шел, ни уезжал, записную книжку и шариковую ручку или простой ученический карандаш. Практически ежедневно при первой же возможности, когда выпадали свободные часы или минуты, он записывал важные для него события, мысли и наблюдения, в том числе из жизни природы, которую бесконечно любил и остро чувствовал⁹⁷.

Из подневных записей Жигулина видно, какое большое значение писатель придавал дневнику в процессе литературного творчества.

«11 апреля 1965 года, воскресенье.

<...> Решил продолжить дневник, чтобы как можно больше сохранить жизненного материала, который так нелепо и быстро утекает, как вода между пальцами. Я не ценил его. А ведь все это очень нужно для работы, все-все, буквально, вся жизнь! Надо внимательнее наблюдать жизнь и людей, и записывать все, ежедневно, неумолимо.

<...> Дневник, видно, буду вести как-то не так, как вел раньше, хотя сам еще не знаю как. Записывать надо главное – пусть беспорядочно, пусть непонятно. Ведь пишу только для себя. И лгать не надо, не надо себя приукрашивать» [90 : с. 7 – 8].

«29 мая 1967 года, понедельник.

<...> В последние дни снова решил перейти к дневниковым книжкам малого формата. Они удобнее, чем большие тетради, – можно носить с собою, можно писать, как сейчас в метро, не тратя драгоценного времени. <...>

---

⁹⁶ Жигулина И. «Золотое злое время, я любил тебя всегда...» // Лит. газета. – 2000. – 31 дек.

⁹⁷ Там же.

Большие и малые дневниковые книжки будут идти, как и раньше, параллельно. Авось историки разберутся в хронологии, хотя, впрочем, вряд ли это понадобится. Если буду жить до 90 лет, как Эренбург, сотни этих книжек (я прибавляю сюда лагерные записи, рабочие тетради, словари «фени» и прочее), конечно, пригодятся» [100 : с. 1 – 3].

«14 сентября 1968 года, суббота.

<...> Читая старые дневники, убедился в их несовершенстве. Краткие записи порой не вызывают никаких воспоминаний. Что может, например, сказать такая запись: «беседовал с Батуевым»⁹⁸. Да я с ним миллион раз беседовал! А о содержании бесед теперь можно только догадываться. Но – увы! – всего не опишешь и все не запишешь при всем желании» [108 : с. 179].

Авторская интенция как одна из распространенных характеристик современного литературного дискурса проявляется в дневнике Жигулина в монологичной или диалогичной форме, в том или ином стиле (информативный, повествовательный, экспрессивно-насыщенный и т. д.) и определяется временем и обстоятельствами, в которых находится создатель эго-текста.

В дневнике Жигулина встречаются такие, например, записи:

«1 января <19>59 г., четверг.

С новым 1959 годом, дорогие биографы! Ко всему этому исполнилось мне нынче 29 лет! Коротко о встрече нового года...» [41 : с. 95].

Несмотря на шуточный характер, подобные записи, во-первых, говорят о том, что Жигулин уже в начале творческого пути в полной мере осознавал свою значимость в литературе, и, во-вторых, не оставляют сомнений, что перед нами – *классический* дневник писателя, предназначенный в дальнейшем для опубликования.

В разные периоды творческой деятельности писателя преследовала нарративная авторефлексия: нужно ли продолжать вести дневник, не является ли это дело бесполезным занятием?

---

⁹⁸ Батуев Борис Викторович (1930 – 1970) – друг А. В. Жигулина, создатель и руководитель КИМ.

«Ночь на 5 декабря 1981 года.

Почти бросил дневник (напрасная трата энергии и времени), но 30-летняя привычка тянет к бумаге. Что ж, пусть эта последняя книжка напишется для ровного счета...» [185 : с. 2].

Иногда сомнения писателя сменялись страхом потерять дневники (особенно в периоды, когда семья Жигулиных надолго уезжала к родственникам в Воронеж, на отдых в Коктебель или на дачу):

«29 июля 1990 года, воскресенье.

Я боюсь за свой архив, особенно за дневники. Не может помочь и постанова квартиры под милицейскую охрану с сигнализацией, ибо, конечно же, по просьбе КГБ милиция предоставит им ключи» [251 : с. 60].

На протяжении почти полувекового периода происходит эволюция содержания и стиля дневника Жигулина: от констатации фактов, записей частного характера, творческой лаборатории – до философско-художественного осмысления жизни, нравственного и духовного возрождения.

Эволюция дневника стала следствием катарсиса самого писателя: на склоне жизни А. В. Жигулин становится глубоко верующим человеком. Эта проблема исследуется в параграфе 5.2 «Духовно-нравственная эволюция писателя».

Дневник Жигулина, на наш взгляд, можно и нужно рассматривать не только как мемуарно-исторический документ своего времени, но и как самостоятельное прозаическое произведение. Отсутствие классического сюжета в полной мере компенсируется драматургией жизненных и творческих обстоятельств, личными переживаниями и размышлениями автора о вечных ценностях, о смысле существования, о миссии писателя.

Важнейшим жанрообразующим признаком дневника является *образ повествователя*. Как писал В. В. Виноградов: «Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с

повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого»⁹⁹.

В свою очередь, М. М. Бахтин отмечал: «Дело не только в появлении образа автора в поле изображения, – дело в том, что подлинный, формальный, первичный автор (автор авторского образа) оказывается в новых взаимоотношениях с изображаемым миром: они находятся теперь в одних и тех же ценностно-временных измерениях, изображающее авторское слово лежит в одной плоскости с изображаемым словом героя и может вступить с ним (точнее: не может не вступить) в диалогические отношения и гибридные сочетания»¹⁰⁰.

В дневнике Жигулин позиционирует себя во многих авторских образах. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Литератор. Самая значительная часть контента, по нашим подсчетам, около 90 – 95 процентов текста дневника Жигулина посвящена главному делу его жизни – творчеству, писательской деятельности, литературному процессу.

Летописец (хроникер). В дневнике Жигулина синхронно отражены практически все наиболее значительные события второй половины минувшего века (борьба с культом личности Сталина, XX и XXII съезды КПСС, «оттепель», эпоха «застоя», полет Ю. А. Гагарина в космос, освоение целины, война в Афганистане, «перестройка», экономические и политические катаклизмы 1990-х гг. и т. д.). Ретроспективно в дневнике Жигулина также присутствуют и главные события первой половины XX века (Октябрьская революция 1917 года, которую писатель называет не иначе как «большевистским переворотом», Великая Отечественная война, политические репрессии 1930-х и начала 1950-х гг., которые непосредственно коснулись самого автора).

Портретист. Под понятием *портрет* мы подразумеваем не цельный и компактный образ, а совокупность высказываний автора о конкретном человеке, в конечном счете дающая комплексное представление о той или иной

---

⁹⁹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. – Москва : Высшая школа, 1971. – С. 118.

¹⁰⁰ Бахтин М. М. Эпос и роман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 219.

личности. Одним из приемов создания литературного портрета являются приводимые в дневнике Жигулина высказывания самого человека (устные или письменные), раскрывающие его характер, позицию и взгляды.

В публицистике и литературе образ человека (представителя производственной или духовной сферы, в том числе писателя, художника, ученого, общественного деятеля и т. д.) является одним из критериев художественной ценности произведения. Обладая дискретной композицией, дневник отображает конкретную личность в динамике развития, в разных жизненных ситуациях, порой самых неожиданных.

На страницах дневника Жигулина запечатлены реальные (синхронные) или ретроспективные портреты литераторов (А. Т. Твардовский, А. И. Солженицын, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский, Б. Ш. Окуджава, Б. А. Ахмадулина, В. Т. Шаламов, А. Т. Прасолов, К. М. Симонов, Е. А. Исаев, журналист В. М. Песков и др.), государственных деятелей (И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, Б. И. Стукалин), политиков (академик А. Д. Сахаров, генерал А. И. Лебедь, лидер партии «Яблоко» Г. А. Явлинский, лидер КПРФ Г. А. Зюганов) и др.

Путешественник. В составе официальных писательских делегаций Жигулин не раз посещал союзные республики, бывал в зарубежных странах. Каждой такой поездке посвящался отдельный блокнот, в котором автор записывал свои впечатления от увиденного, делал наброски поэтических произведений. Как правило, эти блокноты так и назывались: «Югославская тетрадь», «Венгерская тетрадь», «Французская тетрадь», «Грузинская тетрадь» и т. д.

В них содержится много полезной и интересной информации. Например, после посещения книжного магазина в Марселе (вместе с писателями Л. Озеровым и Ю. Суровцевым) в апреле 1983 г. Жигулин иронически пишет: «И налево, и направо – / Окуджава, Окуджава. / И от стенки и до стенки – / Евтушенки, Евтушенки. / Но весьма, друзья, (фигово) – / То, что нету Озерова. / И что Суровцева нет – / Это просто явный вред. / И пошел домой, ссутулен, / Опечаленный Жигулин (201 : с. 31).

В том же блокноте запечатлен и весьма серьезный инцидент, случившийся во время этой первой для Жигулина поездки в капиталистическую страну. В ночь с 8 на 9 апреля 1983 г. здание генерального консульства в Марселе, в котором проживали писатели, было обстреляно неизвестными лицами. Обошлось, к счастью, без жертв. В результате обстрела зданию генконсульства был причинен значительный материальный ущерб. Посольство СССР было вынуждено заявить решительный протест министерству внешних сношений Франции, о чем сообщило в «Известиях» ТАСС¹⁰¹.

Тягостные впечатления от случившегося послужили поводом для написания заметки и стихотворения Жигулина, опубликованных в «Литературной газете»¹⁰² сразу же после возвращения писателя на родину: «В последний раз / в меня стреляли / В лихом сорок втором году. / Хлеба июльские пылали, / И было страшно, как в бреду...»

Стихотворение заканчивалось словами: «Прошай, Марсель! / В моторном гуле / Под равномерный шум крыла / Все слышу, слышу эти пули / И скрежет камня и стекла...»

Пейзажист. Жигулинскому дневнику свойственны вкрапления в текст пейзажных зарисовок, передающих настроение автора, создающих неповторимую атмосферу природы. Иногда это – развернутая панорама, иногда всего два-три предложения или даже несколько слов, но и этого достаточно, чтобы перед нами словно воочию возникла картина, нарисованная настоящим художником, мастером слова.

Вот, например, описание стихии в Воронеже, которая застала автора на даче в Ближних садах:

«19 августа 1961 года, суббота.

Сто лет, сто тысяч лет не брал в руки дневник! А точнее – пять дней. Интересные события развернулись днем 14-го августа. Они и явились следствием моего небывалого невнимания к дневнику.

¹⁰¹ Нападение на советское генеральное консульство // Известия. – 1983. – 10 апр.

¹⁰² Жигулин А. «Все слышу, слышу эти пули...» // Лит. газета. – 1983. – 13 апр.

<...> Пошел я поохотиться. Была тихая теплая погода. Прогулялся по опушке леса. Поразило полное отсутствие воробьев. Ни единой птицы. Обратил внимание на большую черную тучу над лесом. Она выросла как-то удивительно быстро. Зашагал к дому. Пока добрался до сада, туча приблизилась и стала еще чернее, а ниже ее быстро, прямо над самой землей, летели серые клочковатые облака.

Вся эта махина шла с запада со стороны леса. Около 15 часов подул сильный порывистый ветер и стало почти совсем темно. «Будет небывалая гроза», – подумал я. Тщательно закрыл окна в доме, предвкушая интересное зрелище. Приятно бывает понаблюдать грозу, сидя в каменном доме под крепкой крышей.

Между тем началось что-то страшное. Раздался мощный нарастающий гул, ветер пригнул к земле деревья, поднял густую пыль. Когда я попытался закрыть дверь, ветер вырвал ее у меня из рук и унес в сад. Дверь упала на одну из молодых яблонь. Я бросился с веранды в комнату. В этот момент в двух окнах, обращенных к западу, вылетели стекла. Ветер словно выдавил их и ворвался в дом, запорошив глаза осколками стекла. Хлынул дождь. Я укрылся на веранде, но закрыть дверь из комнаты мне не удалось. Закачалась над головой крыша. Послышались гулкие сильные удары по потолку. Тяжелые кирпичи стучали над головой. «Откуда же, черт возьми, кирпичи?» – думал я, прижавшись к стене. Но вот что-то захрустело и к моим ногам, пробивая крышу и потолок, стали со свистом падать большие куски льда величиною с кулак. Град! И какой град! Он не просто падал, он летел над землей, почти параллельно земле. Словно пушечные ядра плясали вокруг ледяные шары, пробивая окна, стены, крыши! Черт его знает, как меня не убило. Просто удивительно! Я весь промок до нитки, и весь был, как иголками, пронизан ветром. Шквал продолжался пять – семь минут. И вдруг все стихло. Только потоком лилась вода с потолка.

Ужасное зрелище являл из себя сад. Все деревья изуродованы до неузнаваемости. Сломаны ветви, разбиты и размочалены стволы, сорвана буквально вся листва. <...> Сердце обливалось кровью – на глазах погиб сад, в который вложено столько труда.

И вышло солнце и осветило опрокинутые домики, унесенные черт знает куда заборы. <...> К вечеру пришел отец. Грустно обошел сад. «Погорюю», – говорит. И пошли мы с ним пешком в город через аэродром, увязая в грязи» (59 : с. 145 – 160).

Между страниц блокнота Жигулина вклеены две небольшие вырезки из газет «Известия» и «Коммуна» о чрезвычайном происшествии в Воронеже.

Эмоциональные потрясения послужили толчком к написанию стихотворения «Град» (1963): «Побило градом яблони, / Ударило из мглы, / Сломало, словно ядрами, / Некрепкие стволы. / В лохмотья измочалена / Зеленая кора. / Стояли и молчали мы / Над грудой серебра. / Обняв руками деревце, / Разбитое вконец: / – И что же это делается?..– / Чуть выдохнул отец. / Погибла в утро летнее / С деревьями в соку / Мечта его. / Последняя, / Быть может, на веку...»

Трагические, по сути, стихи заканчивались оптимистически: «...Настанут дни погожие, / Добавим в грунт золы, / Закутаем рогожами / Разбитые стволы. / Наплывами затянется / Кора, где выбил град. / И выдюжит, / Поправится / Наш перебитый сад»¹⁰³.

Этому стихотворению, как и многим другим произведениям Жигулина, выпала нелегкая судьба. Цензура наотрез отказывалась пропускать эти стихи в печать, видя в них скрытую аналогию с недавним периодом в жизни страны, связанным с именем Сталина и массовыми политическими репрессиями.

Образ сада, посаженного своими руками вместе с отцом, – одна из любимых тем Жигулина, к которой он постоянно возвращается в дневнике и стихах: «Я приеду к тебе, отец...» (1973), «Сад» (1987), «Воспоминание о воронежских садах» (1998) и др.

История создания этого стихотворения еще подтверждает, что в основе творческого процесса лежит последовательная психологическая цепочка: факт (событие) – мысль – воспоминание – рефлексия.

---

¹⁰³ Жигулин А. Град // Жизнь, нечаянная радость : Избранное. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – С. 114.

Любящий муж. Часть дневниковых записей Жигулина представляет собой «повесть о любви» к одной единственной женщине – Ирине Викторовне Жигулиной (1932 – 2013). На протяжении почти 40 лет она была любящей женой, верной помощницей и музой писателя. Он посвятил ей несколько десятков стихотворений, многие из которых вошли в сокровищницу отечественной лирики.

Подробно эта тема анализируется в параграфе 5.3 «Вневременные темы родины, природы, семьи, женщины в дневнике А. В. Жигулина».

Заботливый сын. Множество дневниковых записей Жигулина свидетельствуют о его уважительном и заботливом отношении к родителям: Владимиру Федоровичу Жигулину и Евгении Митрофановне Жигулиной-Раевской. Светлый образ родителей также запечатлен в стихах А. В. Жигулина и автобиографической повести «Черные камни».

Внимательный отец. На страницах дневника Жигулина нашли отражение радостные и грустные моменты, связанные с воспитанием и жизнью его единственного сына Владимира. Способный от природы человек, выпускник Литературного института им. А. М. Горького (специалист по грузинской литературе), Владимир Жигулин, к сожалению, не нашел себя в этой жизни и доставил немало горьких минут своим родителям.

В дневнике Жигулина используются различные варианты создания образа человека: конструктивный, репродуктивный, иконический, деструктивный, смешанные образы.

Примеры создания *иконического* (другие варианты определения: канонического, идеализированного) образа:

- литераторы – А. Т. Твардовский, А. И. Солженицын;
- мать писателя Е. М. Жигулина-Раевская и его жена И. В. Жигулина.

В образах А. Т. Твардовского и А. И. Солженицына автор выделяет такие качества, как талант, целеустремленность, преданность литературе; в образах матери и жены – верность, доброту, готовность жертвовать собой ради благополучия близких.

Конструктивный образ:

- государственные деятели – Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, Ю. М. Лужков, Б. И. Стукалин, А. И. Лебедь;
- политики и общественные деятели – А. Д. Сахаров, Г. А. Явлинский;
- писатели – Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский, Б. Ш. Окуджава, Б. А. Ахмадулина, В. Т. Шаламов, А. Т. Прасолов, К. М. Симонов, В. П. Астафьев, В. Н. Соколов и др.

Примерами создания *смешанного образа* в дневнике Жигулина являются портреты Президента СССР М. С. Горбачева и первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина: оценки результатов их деятельности у автора постепенно меняются от восторженно-положительных (на первом этапе государственных реформ) к нейтральным, а затем – к отрицательным (в последние годы их правления).

Ярким примером создания *деструктивного образа* в дневнике Жигулина, безусловно, является образ И. В. Сталина.

Записи в дневниковых книжках Жигулина несут в себе четко выраженное негативное отношение автора к Сталину и не содержат двойных толкований:

«7-го ноября <1961 г.> вечером ходили на Красную площадь. Очень хотелось плюнуть на могилу Сталина, но не пробились» [63 : 59-60]; «Сталин – кровавый диктатор...» [65 : 35] и т. д.

Категоричность мнения Жигулина о Сталине вполне понятна и схожа с отношением к «вождю всех времен и народов» А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, Е. С. Гинзбург и других представителей «лагерной прозы», подвергшимся в 1930-е – 1940-е гг. политическим репрессиям.

Также в виде деструктивных образов в дневнике Жигулина нарисованы портреты отдельных литераторов и бывших членов КПМ (по мнению автора, предателей и провокаторов).

Часто А. В. Жигулин использует свой дневник как рабочий календарь-памятку о планах на ближайшие дни. Например:

«17–III–82 г., среда.

1. Позвонить в «Новый мир» – есть ли заказанные экземпляры. Заехать, если есть. 2. Более важное: созвониться с «Л<итературной> г<азетой>» по поводу «Штрихов к портрету...» или зайти. 3. Выступление в Политехническом <музее> на вечере изд<ательств>а «Сов<етский> писатель» [192 : с. 5].

Стилю дневника Жигулина (особенно в зрелый период его жизни и творчества) присущ ряд особенностей, свидетельствующих о тяготении к документально-мемуарной точности изложения событий и одновременно литературно-художественной выразительности текста: лапидарность, метафоричность, образность языковых единиц всех уровней, эмоциональность и экспрессивность, монологический характер повествования. Здесь уместно вспомнить слова В. В. Виноградова: «...Речь художественная по самой сути своей есть речь образная, “иносказательная”»¹⁰⁴.

Необходимо отметить, что Жигулин после освобождения из сталинских лагерей много читал, наверстывая упущенное. Причем его живо интересовала не только художественная, но и научная литература и публицистика. Ему были хорошо известны труды В. В. Виноградова, А. И. Метченко, Д. С. Лихачева и других крупнейших российских литературоведов. Об этом говорят, в частности, такие дневниковые записи:

«19 марта 1960 года, суббота.

Прочитал в газете «Литература и жизнь» интересные и совершенно противоположные статьи Л. Тимофеева, Б. Бурсова и Д. Лихачева о книге В. В. Виноградова «О языке художественной литературы». Есть на эту тему статья также в «Известиях», кажется, Благова. Надо прочитать саму книгу. Она выдвинута на соискание Ленинской премии» [50 : с. 81 – 82].

«9 марта 1962 года, пятница.

Вчера и нынче читал второй номер «Нового мира». Прочел статью Л. Лазарева о книге А. Метченко. Тоже вроде умно написано. <...> Надо самому почитать работу А. Метченко» [67 : с. 4].

---

¹⁰⁴ Виноградов В. В. К теории литературных стилей // Избранные труды. О языке художественной прозы. – Москва, 1980. – С. 240 – 249.

«2 апреля 1962 года, понедельник.

Прочел в «Л<итературе> и ж<изни>» за 1-е число интересную статью А. Метченко “Новаторство и критика”» [67 : с. 63].

Системные знания о русской литературе и русском языке Жигулин приобрел во время учебы в Литературном институте им. А. М. Горького в 1963 – 1965 гг.

Дневниковые записи Жигулина свидетельствуют о *литературном вкусе и эстетических взглядах* автора. В числе самых любимых и часто упоминаемых в дневнике писателей: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, С. А. Есенин, И. А. Бунин, М. А. Булгаков, А. Т. Твардовский.

Приведем ряд примеров:

«7 сентября 1990 года, пятница.

<...> Собираемся к отъезду в Москву. Наступает такой момент, когда на даче становится невыносимо – тоска, дела в Москве и т. д.

Читаю, вернее, перечитываю Чехова. Вновь потрясает рассказ «Студент», снова радует и печалит «Учитель словесности» [251 : с. 84].

«9 августа 1991 года, пятница.

Уже 41-й день безвыездно живу на даче. Постоянное чтение – А. П. Чехов. Некоторые вещи по пятому разу читаю. Истинное наслаждение! Великий художник» [253 : с. 14 – 15].

«7 февраля 1982 года, воскресенье.

<...> Отрывочное чтение книги И. Бунина «Окаянные дни». Читали вслух. <...> Хорошо бы все прочитать» [189 : с. 16].

«19 апреля 1974 года, пятница.

Чтение и перечитывание «Мастера и Маргариты». Какое торжество духа и таланта!» [128 : с. 6].

«10–X –78 г., вторник.

<...> Чтение «Белой гвардии». <...> Великолепный роман! 49-ти лет умер Мих. Булгаков. Мне 1–I–79 г. будет 49» [169 : с. 88].

«22 января 1992 года, среда.

В прошедшие полтора месяца главным чтением у меня были Евангелия и М. Булгаков: «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», пьесы «Бег», «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», малая проза. Великий писатель Михаил Булгаков. Все, что я читал, было читано раньше много раз. Но впечатление потрясающее. Ни одного лишнего слова» [253 : с. 77].

Судя по дневниковым записям, Жигулин, несомненно, обладал тонким юмором:

«17 апреля 1983 года, воскресенье.

<...> Читатель (по телефону) после многих похвал заключил:

– Ваши стихи, если можно так сказать, сделаны на чистом сливочном масле!

Не из кулинарного ли он техникума?» [201 : с. 93].

Краткие выводы

В первой главе «**Дневник писателя как литературно-художественный и документально-публицистический феномен (теоретико-методологические основы исследования)**» рассмотрены теоретические источники, касающиеся предмета исследования, анализируется проблема жанра дневника и самоидентификации писателя, определены жанровые и типологические характеристики дневника Жигулина.

Анализ исследований по теории и истории жанра дневника писателя позволил выделить несколько классификаций, в основе которых лежат разные критерии: тематический, дискурсивный, психологический, возрастной, структурно-организационный.

В главе дана характеристика особенностям пространственно-временной организации дневника Жигулина; определены типологические связи дневника с его творчеством и литературным процессом в целом.

Установлено, что дневник Жигулина включает в себя такие жанрообразующие признаки дневника, как автобиографизм, документальность, периодичность ведения, датированность записей, синхронизм, исповедальность и т. д. По жанрово-типологическим признакам дневник Жигулина является *классическим дневником* русского писателя.

ГЛАВА 2. Становление и развитие писательского таланта (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.)

2.1 Начало литературного пути А. В. Жигулина (1954 – 1963 гг.)

Сюжетообразующие линии дневника А. В. Жигулина в период с 1954 г. по 1963 г.: социальная адаптация после освобождения из лагеря, возвращение к обычным условиям жизни, борьба за полную политическую реабилитацию, восстановление на учебу в Воронежском лесотехническом институте, первые шаги на литературном поприще, выход первых поэтических книг, знакомство с А. Т. Твардовским и сотрудничество с журналом «Новый мир».

Сразу же после освобождения Жигулина из лагеря на первый план выходит проблема восстановления нарушенных социальных и политических прав и торжества справедливости.

В дни работы XX съезда КПСС (14 – 25 февраля 1956 г.), на котором Н. С. Хрущев выступил с секретным докладом о культе личности и его последствиях, Жигулин, не сдерживая эмоций, пишет в дневнике:

«15 февраля <1956 года>, среда.

<...> Поздний вечер. 22.40. Был на телеграфе и сейчас зашел к Борису <Батуеву>. Он сообщил мне необыкновенно радостную новость. В обком звонил из ЦК КПСС Гуляев и сказал Самодурову, чтобы он нам передал, что все ребята полностью реабилитированы. Это сообщение пока неофициальное, но совершенно точное. Документы должны прислать на днях. Сейчас сижу, беседую с Фирей...

...Боже мой! Наконец-то восторжествовала справедливость! <...> Это значит, что Правительство и ЦК КПСС, разобравшись в нашем деле, нашли, что мы (в том числе и я) совершенно напрасно и несправедливо были осуждены на 10 лет и почти пять лет провели в тюрьме. <...>

Страшным кинофильмом мелькают сейчас передо мною эти жуткие пять лет. Арест. Мрачный подвал тюрьмы МГБ. Мучительные ночные допросы. Страшная боль в сердце от несправедливой обиды.

Признавайтесь! Признавайтесь! Мы все равно заставим вас сознаться!

«Недозволенные приемы» следствия. Как мягко звучит это выражение – «недозволенные приемы», – и какой жесткий в нем смысл. А потом... Потом приговор. Его прислали из Москвы и он был подписан сообщниками Берия. Я помню приговор наизусть. «Постановили: Жигулина Анатолия Владимировича за участие в антисоветской террористической организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет».

...Лагерь. Колючая проволока. Сибирь. Тайга. Лесоповал. ...Колыма. Пыльные рудники. Золотые прииски. Мороз 66°. Нет! Хватит! Хватит вспоминать! Это было и этого никогда больше не будет! Они хотели сделать из меня врага народа, но не смогли. Партия, ЦК КПСС пришли ко мне на помощь и вернули в жизнь, разоблачив негодяев! Как хорошо, что есть на свете справедливость!» [24 : с. 14 – 18].

Параллельно перед Жигулиным встает проблема самореализации – как личности и как поэта – прерванной из-за ареста в сентябре 1949 года.

24-летний Жигулин пытается в самые сжатые сроки наверстать упущенное: он активно включается в учебный процесс вуза, а все свободное время отдает творчеству. В этот период его творческая деятельность была самым тесным образом связана с Воронежской писательской организацией, областным книжным издательством, литературно-художественным журналом «Подъем», газетами «Коммуна» и «Молодой коммунар». Дневниковые записи Жигулина представляют собой подробный (практически подневный и даже почасный) отчет о его жизни, учебе, первых шагах в литературе.

Воронежское отделение Союза писателей в то время насчитывало 13 членов и кандидатов в члены СП и более 20 членов литературного актива. Необходимо назвать имена прозаиков: К. Локоткова, Ю. Гончарова, Ю. Третьякова, Г. Троепольского, Ф. Волохова, М. Булавина, О. Кретовой, А.

Шубина, Н. Коноплина, В. Кораблинова, поэтов: В. Гордейчева, Г. Пресмана, П. Касаткина, Г. Воловика, О. Шевченко, Э. Пашнева, Л. Бахаревой, В. Полякова, В. Мартынова, Г. Луткова, А. Кочербитова, А. Ионкина и других.

В 1952 – 1956 гг. главным редактором «Молодого коммунара» был Б. И. Стукалин, возглавивший впоследствии Госкомитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР. Именно в «эпоху Стукалина» в газете начинали делать первые шаги на профессиональном поприще будущий лауреат Ленинской премии В. М. Песков, поэты А. Т. Прасолов и А. В. Жигулин.

При редакции «Молодого коммунара» действовал литературный клуб, в котором проводились занятия с творческим активом. Жигулин был одним из постоянных участников таких встреч.

Символично, что первая публикация Жигулина появилась в «Молодом коммунаре» 17 сентября 1954 г. – спустя ровно пять лет после его ареста по полностью сфальсифицированному воронежскими чекистами «делу КПМ». Это было стихотворение «Рассказ о земляке», которое начиналось словами: «Мы в Заполярье строили дорогу / Среди безмолвных сопок и болот. / Людей на стройке было много – / Веселый, жизнерадостный народ!».

Далее автор (лирический герой) рассказывал читателю о том, что больше всего его огорчало вдали от родных мест: он «на участке нашем» никак не мог найти земляка. В конце концов, прораб («...он был из Сталинграда») предложил познакомить его с «хорошим землячком», подведя к тяжелому экскаватору, сделанному на воронежском заводе, «в твоём любимом городе, дружок!».

«Прораб шутил – мне стало все понятно, / Я уж хотел обидеться слегка. / Потом раздумал: / – Все-таки приятно / Вдали от дома встретить земляка! / С тех пор мы с ним работать вместе стали: / Я – рычагами, / Он – ковшом. / И наши люди часто удивлялись – / Какая сила в земляке моем!»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁵ Жигулин А. Рассказ о земляке : Стихи молодых поэтов // Мол. коммунар. – 1954. – 17 сент.

Стоит отметить, что это стихотворение в дальнейшем не переиздавалось. Жигулин считал многие первые стихи слабыми и не включал их в сборники своих произведений. В повести «Черные камни» приведено мнение Б. А. Слуцкого об этих стихах Жигулина: «Это стихи зрелые и сильные. И не только как документ они интересны. Они несут, таят, нет, “таят” не подходит, именно несут в себе тяжкий груз исторической драмы – и лично вашей, и общей для всей страны...»¹⁰⁶

Запись в дневнике:

«20 мая 1984 года, вторник.

Разбирали с Ирой мои начальные издания, в основном – воронежские газеты и «Подъем» 50-х годов. Боже мой! Сколько всякой чепухи я напечатал и перепечатал в это время! Но мы взяли оттуда очень немного, буквально 10 – 15 стихотворений, даже, м. б., меньше. И бросили этот разбор на 1961 – 1962 годах. Работа большая. Ведь газет у меня с моими публикациями и публикациями обо мне – очень много, около тысячи» [210 : с. 66 – 67].

Как показал проведенный автором анализ, всего в 1954 – 1963 гг. на страницах областной газеты «Молодой коммунар» было опубликовано 40 стихотворений А. В. Жигулина, в том числе ставшие классикой «Рельсы» («Минус сорок показывал градусник Цельсия...»), «Случай на руднике» («Обрушилась глыба гранита...»), «У костра» («Мороз лютует три дня подряд...»), «Родина» («Помню я: под сенью старых вишен...»).

В областной газете «Коммуна» за этот период было опубликовано около десяти его стихотворений.

В 1959 г. в Воронежском книжном издательстве вышел в свет первый поэтический сборник А. В. Жигулина «Огни моего города». В обращении к читателям автор писал: «Все самое яркое в жизни связано для меня с родным городом: первое большое горе, когда в июле сорок второго года мальчишкой

---

¹⁰⁶ Жигулин А. Черные камни // Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей / сост. И. В. Жигулиной ; вступ. ст. В. М. Акаткина. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 348.

уходил я отсюда мимо горящих зданий, первые стихи, первая любовь. Здесь я вступил в комсомол, здесь в 1949 году окончил среднюю школу»¹⁰⁷.

Затем автор лаконично описывает дальнейший путь: «...Несколько лет работал в Сибири и на Севере. Строил железную дорогу в Иркутской области, добывал золото на рудниках и приисках Колымы. Был чернорабочим, лесорубом, откатчиком, бурильщиком, машинистом подъемной машины»¹⁰⁸.

Даже неискушенному читателю нетрудно было догадаться, что скрывается за скупыми словами и символическими географическими названиями, ибо едва ли не в каждой советской семье были свои «строители коммунизма». Большинство из них ушли в мир иной в бериевско-ежовских лагерях от голода, холода, непосильной работы, пыток и издевательств.

19 марта 1961 г. «Молодой коммунар» публикует статью Анатолия Жигулина «Поэзия – это жизнь!»¹⁰⁹, в которой автор попытался осмыслить первые шаги в литературе и сформулировать творческую и гражданскую позицию.

«Часто меня спрашивают, почему я пишу стихи, – начинает статью А. Жигулин. – Трудно коротко ответить на этот вопрос. Пожалуй, это началось в детстве. Я был еще совсем маленьким, когда мне подарили книжку с яркими рисунками. Она называлась «Как от меда у медведя зубы начали болеть». По ней я научился читать. Книжка была написана стихами, населена веселыми зайцами, умными дятлами и запомнилась на всю жизнь. Потом я узнал, что стихи о медведе написал замечательный советский поэт Борис Корнилов».

Далее автор показывает сложный процесс рождения стихов на конкретном примере: «Когда-то я работал на строительстве железной дороги в тайге. Приходилось носить на плечах тяжелые рельсы. Утром, бодрые и веселые, мы шестером легко несли один рельс. Но шло время, и усталость давала себя знать. К концу дня нас бывало по десять-двенадцать на рельс, и мы валились с

¹⁰⁷ Жигулин А. О себе // Огни моего города : Лирика. – Воронеж : Воронежское кн. изд-во, 1959. – С. 3.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Жигулин А. Поэзия – это жизнь! // Мол. коммунар. – 1961. – 19 марта.

ног от усталости. Кажется, ничего особенного. Но однажды поразила эта «математичность» процесса: «шесть – двенадцать». Возникла тема. Но только через несколько лет написано стихотворение «Рельсы».

«Не все стихи рождаются именно таким путем, – продолжает Жигулин, – но одна закономерность очевидна. Лучше и ярче получается то, что хорошо знаешь, что волнует».

В статье Жигулин поднимает еще один важный вопрос – о роли поэзии в жизни человека. Он цитирует слова Максима Горького: «Хорошая книга учит хорошему». И далее автор вновь подкрепляет свой вывод примером из собственной биографии: «Однажды на Крайнем Севере мне пришлось читать стихи шахтерам. И читал я стихи не в клубе, а под землей. До сих пор четко вижу, как в квершлагае на перевернутых вагонетках сидят откатчики, бурильщики. Тускло светят лампочки на касках, блестят прожилки кварца на черных каменных сводах. Тихо. Лишь капает где-то вода. И я читаю стихи Маяковского. Багрицкого... Аудитория совсем особенная. Это вам не день поэзии в ВГУ. Там, под землей, качество стихов проверялось серьезнее, хотя слушатели были не очень искушены в поэзии. Но они слушали стихи, затаив дыхание, и просили, требовали: читай еще!».

«Удивительно хорошее чувство радости, гордости за поэзию владело тогда мною, – вспоминает Жигулин. – Словно то были мои собственные стихи!».

Статья заканчивалась словами: «Сейчас – готовлю к печати новую книгу стихов. Хочется сделать ее крепче, сильнее первой». В том же номере было напечатано стихотворение А. Жигулина «О матери» («Минуты у друзей свободной нету...») – пронзительный гимн любви к самому родному и близкому человеку.

Весной 1961 г. Воронежское книжное издательство выпускает сборник стихов Анатолия Жигулина «Костер-человек»¹¹⁰.

---

¹¹⁰ Жигулин А. В. Костер-человек. – Воронеж : Воронежское кн. изд-во, 1961. – 79 с.

Вторая книга А. Жигулина, по мнению критиков, да и самого автора, была намного лучше первой. И причина тут не только в возросшем мастерстве поэта. Как писал в рецензии, опубликованной в «Молодом коммунаре», Ю. Мещерин: «Жигулин стремится показывать жизнь во всей ее сложности и многогранности, не обходя и не сглаживая острых углов. И это, в первую очередь, определяет удачу сборника»¹¹¹.

19 октября 1963 г. в «Молодом коммунаре» была опубликована статья «Писатель – друг и наставник молодежи»¹¹², посвященная открывшемуся накануне в Воронеже выездному заседанию секретариата Союза писателей РСФСР. Автор – новый руководитель Воронежского отделения Союза советских писателей К. Локотков – анализирует результаты деятельности собратьев по перу и, в частности, отмечает: «Идейная, гражданская страсть лирического героя определяет позицию наших ведущих поэтов В. Гордейчева, А. Жигулина, П. Касаткина, Г. Воловика и молодых, выпустивших первые книжки О. Шевченко, В. Полякова, В. Мартынова и других».

Обращает на себя внимание тот факт, что имя А. В. Жигулина называется вторым после В. Г. Гордейчева (1930 – 1995), известного воронежского поэта, выпускника Литературного института имени М. Горького, впоследствии возглавлявшего на протяжении многих лет областное отделение Союза писателей РСФСР.

Первая публикация в журнале «Подъем» вышла в мартовском номере за 1958 год – это были стихотворения «Земляника» («Их было мало, этих сочных ягод...») и «Якорь» («Бывало, в детстве, понаслышав много...»)¹¹³.

В 1959 г. «Подъем» дважды публикует стихи начинающего поэта: во втором номере вышло стихотворение «Сердце майора» («Врач произнес

---

¹¹¹ Мещерин Ю. Ярче пылай, костер! // Мол. коммунар. – 1961. – 30 июля.

¹¹² Локотков К. Писатель – друг и наставник молодежи // Мол. коммунар. – 1963. – 1 окт.

¹¹³ Жигулин А. Земляника («Их было мало, этих сочных ягод...»); Якорь («Бывало, в детстве, понаслышав много...») // Подъем. – 1958. – №3. – С. 122 – 123.

негромко...») ¹¹⁴, в пятом – «На Острожном бугре» ¹¹⁵. Два стихотворения были опубликованы на страницах шестого номера журнала в 1960 г.: «У костра» («Мороз лютует три дня подряд...») и «Костыли» («Сосны пылят ледяною крупкой...») ¹¹⁶.

Судя по дневниковым записям, Жигулин в эти годы бывает в редакции журнала чуть ли не ежедневно. Со многими редакционными работниками он находится в дружеских отношениях. Летом 1960 г. в редакции журнала образовалась временная вакансия. Не удивительно, что руководство «Подъема» предложило Жигулину попробовать себя в качестве журналиста.

Записи в дневнике Жигулина и его личных документах, хранящихся сейчас в Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина, позволяют точно определить основные этапы его жизненной и творческой биографии, в том числе временные рамки его деятельности в качестве штатного сотрудника редакций литературно-художественных и общественно-политических журналов «Подъем», «Дружба народов» и «Литературной газеты».

Непродолжительное время – с 15 августа по 1 октября 1960 г. – Жигулин работал в редакции журнала «Подъем» сначала в должности редактора отдела критики, затем – редактора отдела поэзии.

В 1960-е гг. главным редактором журнала «Подъем» был воронежский прозаик и драматург Ф. С. Волохов. На страницах журнала в этот период публиковались произведения Ю. Бондарева, Г. Троепольского, В. Гордейчева, Ю. Гончарова, Е. Дубровина, Б. Екимова, В. Лихоносова, Э. Пашнева, А. Прасолова, О. Кожуховой, А. Шубина, П. Касаткина и других писателей. «Воронежскую критическую школу» представляли А. Абрамов, З. Анчиполовский, В. Гусев, В. Акаткин, Е. Мущенко, В. Семенов.

---

¹¹⁴ Жигулин А. Сердце майора («Врач произнес негромко...») // Подъем. – 1959. – № 2. – С. 103 – 104.

¹¹⁵ Жигулин А. На Острожном бугре // Подъем. – 1959. – № 5. – 127 – 128.

¹¹⁶ Жигулин А. Два стихотворения : У костра («Мороз лютует три дня подряд...»); Костыли («Сосны пылят ледяною крупкой...») // Подъем. – 1960. – № 6. – С. 101 – 102.

С 6 марта по 19 апреля 1961 г. Жигулин временно исполнял обязанности редактора художественной литературы Воронежского книжного издательства.

В марте 1962 г. он был принят в Союз писателей РСФСР. Запись в его дневнике:

«18 марта 1962 года, воскресенье.

<...> Сегодня почта принесла радостное известие. Пришло письмо из Правления СП РСФСР. Утвердили меня в Союзе еще 13-го числа. Ура!

Был у Абрамова, поделился новостью. У него был в это время Н. Задонский. Рассказывал о генерале Муравьеве. Очень интересно. Беседовали также о борьбе литературных группировок в Москве. Очень сложное это дело» [67 : с. 20 – 21].

В январе 2015 г. руководство Воронежской областной организации Союза писателей России передало на постоянное хранение в литературный музей им. И. С. Никитина «личное дело» Жигулина. В нем содержатся весьма ценные документы, в том числе – заявление Жигулина с просьбой принять его в Союз писателей РСФСР, личный листок по учету кадров, автобиография, характеристика, справка об опубликованных произведениях, выписка из протокола общего собрания писательской организации и другие бумаги.

В рекомендации члена Союза писателей РСФСР В. Г. Гордейчева читаем: «Анатолий Жигулин – автор двух сборников стихотворений, изданных в Воронеже. Последняя книжка, вышедшая год спустя после первой, говорит о значительном росте молодого поэта. Лучшие стихи ее («Треска», «Рельсы», «Костыли», «Песня» и другие) написаны со зрелым мастерством. Я уверен, что Анатолий Жигулин напишет еще немало добротных книжек»¹¹⁷.

Из рекомендации ответственного секретаря Воронежского отделения Союза писателей РСФСР К. П. Локоткова: «Из поэтов Воронежа Анатолия Жигулина считаю наиболее подготовленным к приему в члены Союза писателей. У него свой голос, искренний, проникновенный, и пишет он о

---

¹¹⁷ Личное дело А. В. Жигулина. 1961 г. / Фонд А. В. Жигулина. – Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.

современности, о нашей славной молодежи. Это для него – главная тема творчества»¹¹⁸.

Из рекомендации члена СП РСФСР А. М. Абрамова: «Стихи Анатолия Владимировича Жигулина уже несколько лет появляются в нашей печати. Еще до выхода его первой книги «Огни моего города» (Воронежское книжное издательство, 1959 г.) А. Жигулин стал известен в литературной среде и в какой-то мере среди молодежи, любящей поэзию, как интересный поэт, поднимающий важные вопросы жизни, труда и борьбы. Вера в человека, в его счастье, в труд человека, в дружбу, любовь, делающие людей сильнее и чище, помогающие им переносить самые суровые испытания, простота и искренность в выражении всего этого душевного мира современников великой эпохи – таковы, говоря кратко, и, конечно, общо, характерные особенности поэзии А. Жигулина»¹¹⁹.

В протоколе общего собрания членов Воронежского областного отделения Союза писателей РСФСР от 24 октября 1961 г. записано: «Слушали: заявление поэта Жигулина Анатолия Владимировича с просьбой принять его в члены Союза писателей. Докладывает тов. Локотков К. П. Выступили: В. Гордейчев, А. Абрамов, Ф. Волохов, В. Петров. Постановили: рекомендовать в члены Союза писателей РСФСР Жигулина Анатолия Владимировича. Просить Правление СП РСФСР принять его в члены Союза писателей»¹²⁰.

Как отмечает в дневнике Жигулин, собрания как такового не было. Руководитель писательской организации оформил протокол, опираясь на мнения коллег, высказанные по телефону или в личной беседе [61 : с. 11 – 13]. Однако это обстоятельство, конечно, ни в коей мере не снижает значимости события.

---

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

В 1963 г. вышел в свет первый «московский» сборник стихов Жигулина – «Рельсы»¹²¹, который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году он поступает на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в Москву.

При этом, как показывают дневниковые записи, Воронеж навсегда остался для него духовной и физической колыбелью.

Таким образом, можно констатировать, что журнал «Подъем», воронежские газеты «Молодой коммунар» и «Коммуна» сыграли важнейшую роль в профессиональном становлении и развитии молодого поэта.

Надо отметить, что Жигулин, никогда не забывал о своих «литературных и жизненных корнях» и поддерживал творческие отношения с редакциями журнала «Подъем», газет «Коммуна» и «Молодой коммунар» на протяжении всей жизни.

Положительные отклики в воронежской и центральной прессе вызвала книга «Память»¹²², изданная в Воронеже в 1964 г. тиражом всего в три тысячи экземпляров.

В. Акаткин писал: «А. Жигулин входил в литературу как поэт особой, «трудной» темы. Первые стихи честно и скупно повторили его биографию. Однако он не выставлял ее напоказ как болячку, чтобы пожалели. Заново надо было пережить такое, что не назовешь простым щекотанием нервов. Стихи первых сборников как раз удивляют сдержанностью и нежеланием ковыряться в душевных ранах. Он не теряет от обилия тяжелых впечатлений, готов преодолеть их иронией, даже юмором («надо номер ему на спину», «страна Лимония» и др.). Порой он способен произнести фразу какой-то удивительной, детской простоты и откровения: «Мы отдыхали очень редко», «И очень трогательно пели про славный город Магадан». Поэт не проклял, не вычеркнул из памяти северное прошлое, напротив, многое оставил в душе как нечто

---

¹²¹ Жигулин А. В. Рельсы : Стихи. – Москва : Мол. гвардия, 1963. – 103 с.

¹²² Жигулин А. В. Память : Стихи. – Воронеж : Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1964. – 64 с.

дорогое и неизбежное. Ведь это было не только с ним, но и с его страной. Поэтому он готов попросить прощения у колючего колымского стланика за «невольную жестокость»: его рубили топорами, чтобы уберечься от цинги, но не от жадности, не со зла. Он уловил в «трудном» материале немало идеальных моментов: суровая дружба, взаимовыручка, уважение, рабочий азарт. То есть, поэт видел жизнь, людей, а не строку своего приговора»¹²³.

«В сборнике Анатолия Жигулина «Огни моего города» есть стихотворение «Пушкинский томик», – писал В. Гусев. – Это нехитрое повествование о том, как человек вернулся в разрушенный город, как он думает о поломанных людских судьбах, разбитом счастье и вдруг находит на развалинах родного дома обгорелый том Пушкина. Радость подступает к сердцу, и человек с просветленным взглядом прячет книжку в карман солдатской шинели. В этом раннем произведении Анатолия Жигулина, с которым он в 1949 году впервые выступил в печати, уже выражен склад его дарования»¹²⁴.

Отметив определенные недостатки первой книги Жигулина, критик в конце статьи делает главный вывод: «В целом сборник «Огни моего города» получился хорошим. Можно сказать, поэт выдержал еще одно испытание»¹²⁵.

Уже в первый период творческой деятельности Жигулина (1954 – 1963) четко проявилась одна из главных функций его дневника: функция творческой лаборатории, художественной мастерской. В это время дневниковое «хозяйство» Жигулина приобретает четкую организационную структуру: записная книжка – дневниковая книжка – рабочая тетрадь. В записной книжке, которую молодой поэт всюду носит с собой, он фиксирует информацию текущего характера. В дневниковой тетради он старается как можно подробнее описать главные события своей жизни. В рабочей тетради – черновики и чистовики его стихотворений. Иногда эта «субординация» нарушалась, и,

---

¹²³ Акаткин, В. «У поэта есть судьба»: К 50-летию А. Жигулина // Подъем. – 1980. – № 3. – С. 136 – 143.

¹²⁴ Гусев В. «Огни» согреют сердце // Мол. коммунар. – 1960. – 10 февр.

¹²⁵ Там же.

например, дневник на какое-то время становился рабочей тетрадью, и наоборот. Но в основном такая «иерархия» соблюдалась.

Отдельный блокнот Жигулин посвятил темам будущих произведений (подобных записей в нем было уже больше тысячи).

Таким образом, дневник стал необходимой частью жизни писателя. Он выполнял роль творческой лаборатории, архива черновиков и различных текстовых заготовок. Автор доверял ему самые сокровенные мысли. По типологическим признакам дневник Жигулина является *классическим дневником* писателя

2.2 Сотрудничество с А. Т. Твардовским и журналом «Новый мир»

Дневниковые записи Жигулина свидетельствуют о ключевой роли, которую сыграл в его жизни и творчестве, в развитии отечественной литературы и журналистики А. Т. Твардовский, великий национальный поэт, главный редактор журнала «Новый мир».

Твардовский дважды вставал во главе «Нового мира» (1950 – 1954, 1958 – 1970), отдав ему в общей сложности 16 лет своей жизни.

Под его руководством журнал продолжил лучшие традиции «Современника» А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, «Отечественных записок» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Вестника Европы» и «Московского журнала» Н. М. Карамзина, «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, «Колокола» А. И. Герцена, «Времени» и «Эпохи» Ф. М. Достоевского, получил всесоюзную и мировую известность.

Появление в стране такого издания было вызвано объективными причинами. Социально-экономические и общественно-политические перемены в Советском Союзе, последовавшие после смерти Сталина, реабилитация тысяч репрессированных, смягчение цензурных и идеологических ограничений

оказали мощнейшее влияние на развитие культуры и искусства, повлекли переоценку нравственных ценностей и моральных ориентиров.

После проведения XX съезда КПСС (1956 г.), осудившего культ личности и практику «идеологического догматизма и начетничества», «Новый мир» стал, с одной стороны, своеобразным мостом между властью и интеллигенцией, и оплотом демократических сил в литературе и журналистике, с другой стороны.

«То, что в 60-е годы «Новый мир» был один такой журнал среди «толстых» литературных ежемесячников, составляло большую привилегию и одновременно огромную трудность для издания: все время на виду, все время под обстрелом... Вспомним социальный фон тех лет: газеты переполнены казенными статьями, штампами и пропагандой, – лишь изредка вырывалось на их страницы честное слово»¹²⁶, – писал В. Я. Лакшин, в тот период первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир», ближайший соратник Твардовского.

По образному выражению Е. А. Евтушенко, в самые глухие застойные годы «Новый мир» был «островом правды в мерзлой луже лжи»¹²⁷.

Главными составляющими успеха журнала «Новый мир» можно назвать следующие факторы:

- личность А. Т. Твардовского, его выдающиеся организаторские способности, талант, мудрость, разносторонние вкусы, редакторский опыт;
- профессионально подобранная редакционная команда (В. Я. Лакшин, А. Г. Дементьев, С. Г. Караганова, А. И. Кондратович, Л. А. Левицкий, Б. Г. Закс, И. А. Сац, И. И. Виноградов, Ю. Г. Буртин, М. Н. Хитров и др.);
- последовательная гражданская позиция журнала, идеологическую основу которой составляли либеральные и демократические ценности;
- близость взглядов главного редактора и сотрудников редакции на происходящие в литературе и обществе процессы, что позволяло проводить

---

¹²⁶ Лакшин В. Я. Пути журнальные : Из литературной полемики 60-х годов. – Москва : Сов. писатель, 1990. – С. 12.

¹²⁷ Евтушенко Е. Вначале было слово // Труд. – 2004. – 5 февр.

самостоятельную новомирскую линию, во многом отличную от направлений других «толстых» литературных журналов;

– авторский актив писателей, ученых, публицистов, общественных деятелей, ставивших во главу угла право на искреннее и правдивое отображение фактов и событий.

О «Новом мире» А. Т. Твардовского за прошедшие полвека написано так много и обстоятельно, что, казалось бы, добавить что-либо принципиально новое к сказанному невозможно. Интересные и содержательные воспоминания о «Новом мире» и его главном редакторе оставили В. Я. Лакшин, А. И. Кондратович, И. И. Виноградов, Ю. Г. Буртин, С. Г. Караганова¹²⁸, много лет работавшие с Твардовским и хорошо знавшие его.

Среди научно-исследовательских работ, посвященных «Новому миру» времен «оттепели», необходимо отметить статьи и монографии Н. Биуль-Зедгинидзе, Ю. А. Голубицкого, Д. П. Дмитриева, В. Кардина, А. Маркова¹²⁹.

Ценную и обширную информацию об А. Т. Твардовском и журнале «Новый мир» содержат книги В. М. Акаткина, Н. П. Бианки, П. С. Выходцева, В. В. Ильина, А. В. Македонова, Р. М. Романовой, Т. А. Снигиревой, А. М. Туркова¹³⁰.

---

¹²⁸ См. : Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева : Дневник и попутное (1953 – 1964). – Москва, 1991 ; Кондратович А. И. Ровесник любому поколению : Документальная повесть о Твардовском А. Т. – Москва, 1987 ; Виноградов И. «Он остался одной из самых светлых личностей в моей жизни...» // Континент. – 2010. – № 144 ; Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. В школе Твардовского // Дружба народов. – 2001. – № 2; Караганова С. В «Новом мире» Твардовского // Вопросы литературы. – 1996. – № 3.

¹²⁹ См. : Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского. 1958 – 1970 гг. – Москва, 1996 ; Голубицкий Ю. А. «Оттепель» на страницах «Нового мира» А. Твардовского // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 1 ; Дмитриев Д. П. «Новый мир» А. Т. Твардовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/novyy-mir-a-t-tvardovskogo> ; Кардин В. «Новый мир» и новые времена : Постюбилейные заметки // Вопросы литературы. – 1996. – № 2; Марков А. Александр Твардовский : поэт, редактор, человек (Воспоминания) // Москва. – 1992. – № 5/6.

¹³⁰ См. : Акаткин В. М. Александр Твардовский и время. Служение и противостояние. – Воронеж, 2006 ; Бианки Н. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». – Москва : Виоланта, 1999 ; Выходцев П. С. Александр Твардовский. – Москва : Сов. писатель, 1958 ; Ильин В. В. Не пряча глаз : Александр Твардовский. Литературное окружение. Творческие связи. – Смоленск : Смядынь, 2000 ; Македонов А. В. Творческий путь Твардовского. Дома

Самым же главным литературно-публицистическим трудом на данную тему, по нашему мнению, является «Новомирский дневник» А. Т. Твардовского, запечатлевший основные моменты жизни и творчества поэта, его редакторство и «мытарства», связанные с выпуском легендарного журнала, хронику политической и общественной жизни, философские размышления и наброски новых произведений¹³¹.

Как сказано в аннотации к книге, Твардовский открыл читателю десятки имен талантливых писателей и публицистов, – и все это, несмотря на яростное сопротивление властей и литературных чиновников. В дневнике немало предельно откровенных записей о непростых отношениях автора с А. И. Солженицыным, о дружбе с М. В. Исаковским, С. Я. Маршаком, И. С. Соколовым-Микитовым, К. М. Симоновым, В. С. Гроссманом, В. П. Некрасовым, Г. Я. Баклановым, В. В. Овечкиным, Г. Н. Троепольским.

Большую работу по составлению текста и комментариев проделали В. А. и О. А. Твардовские, дочери создателя «Страны Муравии» и «Василия Теркина». Они продолжают важное и нужное дело, которое начала М. И. Твардовская (1908 – 1991), жена А. Т. Твардовского, публикатор и биограф поэта.

Основой «Новомирского дневника» стали «Рабочие тетради» А. Т. Твардовского, публиковавшиеся в конце 1980-х – начале 2000-х гг. в журнале «Знамя»¹³².

Нам близка позиция И. Борисовой, которая считает, что «Новый мир» был «исторической миссией Твардовского. При нем журнал стал явлением

и дороги. – Москва : Худож. литература, 1981 ; Романова Р. М. Александр Твардовский. Труды и дни. – Москва : Водолей Publishers, 2006 ; Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский : Поэт и его эпоха. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1997 ; Турков А. Александр Твардовский. – Москва : Молодая гвардия, 2010.

¹³¹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1 : 1961 – 1966 [предисл. Ю. Г. Буртина ; подг. текста, коммент. В. А. и О. А. Твардовских] ; Т. 2 : 1967 – 1970. – Москва : ПРОЗАиК, 2009.

¹³² Твардовский А. Т. Из рабочих тетрадей (1953 – 1960) [публ. и прим. М. И. Твардовской] // Знамя. – 1989. – № № 7, 8, 9 ; Рабочие тетради 60-х годов / вступ. ст. Ю. Г. Буртина ; публ. В. А. и О. А. Твардовских // Знамя. – 2000. – № № 6, 7, 9, 11, 12 ; 2001. – № 12 ; 2002. – № № 2, 4, 5, 9, 10 ; 2003. – № № 8, 9, 10 ; 2004. – № № 4, 5, 9, 10, 11 ; Рабочие тетради // Знамя. – 2005. – № № 9, 10.

общенационального уровня – и по своему влиянию на читателя, освобождавшегося от дурмана тоталитаризма, и по нравственным подходам, которым он вернул приоритет. «Новый мир» при Твардовском вернул русской литературе то достоинство большого искусства и одухотворенной человечности, которое, казалось, было утрачено необратимо»¹³³.

Как справедливо пишет Д. П. Дмитриев: «“Новый мир” А. Т. Твардовского остался в памяти русской и зарубежной общественности журналом, который не боялся говорить правду о мрачных страницах советского прошлого и теневых сторонах настоящего, открыл деревенскую прозу как целое направление отечественной литературы, публиковал правдивые произведения о войне, печатал А. Солженицына и ниспровергал «дутых» классиков»¹³⁴.

Несмотря на большое количество научных работ на данную тему, целостного и объективного исследования о месте и роли журнала «Новый мир» в общественно-политической жизни страны и литературном процессе 1950 – 1960-х гг. до сих пор нет.

Мы полностью согласны с точкой зрения Г. Г. Водолазова, одного из ведущих сотрудников «оттепельного» «Нового мира», который утверждает, что журнал Твардовского – «по-настоящему непонятое, а в силу этого и недооцененное явление нашей культуры»¹³⁵.

Дневниковые записи Жигулина вносят дополнительные штрихи к портрету А. Т. Твардовского и журнала «Новый мир», уточняют и расширяют информацию об известных событиях в истории отечественной журналистики.

Жигулин был одним из постоянных авторов «Нового мира», он горячо поддерживал творческую и идеологическую линию, проводимую редакционным коллективом во главе с Твардовским. В его дневнике

¹³³ Борисова И. Пляда // Первое сентября. – 2000. – № 7. – С. 8.

¹³⁴ Дмитриев Д. П. «Новый мир» А. Т. Твардовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/novyy-mir-a-t-tvardovskogo>

¹³⁵ См. : Водолазов Г. Г. «Новый мир» А. Твардовского и власть // Костромской гуманитарный вестник. – 2012. – № 2. – С. 5 – 17.

рассказывается о встречах с Твардовским, о внутренней «кухне» редакционной деятельности, тактике и стратегии журнала во взаимоотношениях с властями, диктате партийной цензуры.

Сразу отметим: в дневнике Жигулина отражены события, связанные только со вторым периодом редакторства А. Т. Твардовского (1958 – 1970). Первый период (1950 – 1954) выпал из поля зрения Жигулина по одной простой и единственной причине: в это время он как «враг народа» находился в сталинских лагерях в Сибири и на Колыме.

Особый научный интерес представляет сравнительно-сопоставительный анализ дневника Жигулина и «Рабочих тетрадей» 1960-х гг. Твардовского. Проведенное исследование свидетельствует об очевидной схожести их взглядов по ключевым вопросам литературной и общественной жизни, несмотря на разницу в возрасте, различия в биографическом и творческом опыте.

Случайно или закономерно Жигулин стал одним из постоянных авторов журнала «Новый мир»? Постараемся ответить на этот вопрос, опираясь, прежде всего, на дневниковые записи писателя, в которых с документальной точностью и художественной выразительностью запечатлен его творческий и жизненный путь, общественно-политические взгляды, особенности литературного метода.

В сентябре 1961 г. воронежский критик А. М. Абрамов послал Твардовскому только что вышедшую книгу Жигулина «Костер-человек» и письмо, в котором просил главного редактора «Нового мира» обратить внимание на молодого талантливого поэта. Вскоре на домашний адрес Абрамова поступила телеграмма: «Напишите для Нового мира рецензию на Костер Жигулина зпт передайте автору мою просьбу присылать новые стихи – Твардовский»¹³⁶.

Много лет спустя Абрамов вспоминал: «С этой телеграммы началось печатание А. Жигулина у А. Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку «Костер», которую я послал

---

¹³⁶ Абрамов А. М. Письма Александра Твардовского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podyom.ruspole.info/node/1657>

Твардовскому <...> перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А. Т. Написал уже потом, когда вышли «Рельсы» Анатолия в «Молодой гвардии» («Новый мир», 1963, № 10). <...> В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае, из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришел новый замечательный поэт»¹³⁷.

Вот как это событие описывается в дневнике Жигулина, начинающего в то время поэта.

«27 сент. 61 г. Среда. 22.00 ч.

<...> Самое значительное событие дня (и вообще, видимо, важное событие в жизни) произошло следующим образом. Пришла в Союз <писателей> Антонина Тимофеевна Абрамова и принесла телеграмму на имя Ан. Михайловича. <...> Сила! Твардовский обратил внимание на сборник. Это, конечно, здорово! Эта радость затмевает или почти затмевает все недавние неприятности. <...> Теперь надо работать. Для «Нового мира» нужны, конечно, очень сильные стихи» [60 : с. 53–54].

В дневнике Жигулина мы находим и ответ на просьбу (а скорее, предложение) Твардовского к молодому поэту – «присылать новые стихи».

«4 октября 61 г., среда.

<...> По совету Г. Н. Троепольского, сегодня же послал А. Т. Твардовскому пять стихотворений: «Флажки», «Полярные цветы», «Кладбище в Заполярье» (новый вариант), «Ночная смена» и «Земля». Перепечатал мне их В. Поляков. Кое-что поправили вместе» [60 : с. 67–68].

Первая встреча Жигулина и Твардовского состоялась в редакции «Нового мира» 4 ноября 1961 г. Только что в Москве закончился XXII съезд КПСС, проходивший с 17 по 31 октября 1961 г. в Кремле. По инициативе Н. С. Хрущева было принято специальное решение об усилении мер борьбы с

---

¹³⁷ Там же.

культом личности Сталина, в частности, о выносе тела «вождя всех времен и народов» из Мавзолея, переименовании городов и объектов в СССР, названных его именем, демонтаже памятников и т. д.

Твардовский был не только делегатом съезда, но и одним из выступавших на тему о задачах советской литературы в современных условиях. С трибуны съезда он вновь напомнил о главной задаче писателя – стремиться воплотить в своих произведениях всю полноту правды, не ограниченную никакими требованиями, откуда бы они ни исходили (текст его выступления был опубликован в газете «Правда» 29 октября 1961 г.).

В тот день Жигулин оставляет в дневнике лаконичную запись: «Поехал в «Новый мир». <...> Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи. «Флажки», «Ночная смена», «Земля» намечены в первый номер журнала» [63 : с. 56].

В связи с большой занятостью литературными и личными делами А. В. Жигулин, к сожалению, не оставил, как обещал, подробных записей в дневнике о первой встрече с Твардовским. Поэтому приведем фрагмент из его статьи «Слезам нужно верить...», написанной много лет спустя: «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно присмотрелся ко мне и сказал:

– Вид у вас болезненный, но глаза веселые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, заинтересовался подробностями моей трудовой биографии»¹³⁸.

Есть все основания полагать, что к Воронежу и воронежцам Твардовский относился с особой теплотой и симпатией. Прежде всего, с неофициальной

---

¹³⁸ Жигулин А. «Слезам нужно верить...» // Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 287 – 288.

столицей Черноземного края у него были связаны военные воспоминания. В прифронтовом Воронеже с ноября 1941 г. по июнь 1942 г., в здании музыкального училища (проспект Революции, 41), в бывших учебных классах, размещалась редакция газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия», в которой Твардовский работал военным корреспондентом. Здесь рождались его военные очерки и стихи. Здесь создавались новые штрихи к портрету Василия Теркина – собирательного образа солдата Великой Отечественной.

Суровая военная обстановка, редакционная деятельность и личное творчество Твардовского, в том числе во время его пребывания в Воронеже, нашли отражение в его дневнике и переписке с женой Марией Илларионовной Твардовской, ставших основой документальной книги «Я в свою ходил атаку...», подготовленной и изданной его дочерьми В. А. и О. А. Твардовскими уже в наше время¹³⁹.

В Воронеже родился известный писатель, переводчик Самуил Яковлевич Маршак (1887 – 1964), с которым Александр Трифонович находился в дружеских отношениях. Тема Воронежа, Острогожска могла не раз возникать в их душевных разговорах, заканчивавшихся часто далеко за полночь.

Как не раз признавался Твардовский, Маршак был для него одним из высших судей в литературе и творчестве. По наиболее важным вопросам литературного процесса Александр Трифонович считал необходимым обязательно посоветоваться со старым другом и единомышленником (как, например, в случае с Солженицыным). Твардовский называл это «испытание Маршаком».

В феврале 1951 г. Твардовский как кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР встречался с избирателями в селах Воронежской области, выступал перед коллективом Воронежского государственного университета, беседовал с местными писателями.

---

¹³⁹ Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941 – 1945 [сост. В. А. и О. А. Твардовские]. – Москва : Вагриус, 2005. – 397 с.

Многолетние отношения его связывали с Г. Н. Троепольским, автором «Нового мира», близким ему по духу человеком. И, наконец, в Воронеже жил и работал критик А. М. Абрамов, с которым Твардовский находился в переписке.

На следующий день после встречи с Твардовским Жигулин записывает в дневнике:

«5 ноября 1961 года, в воскресенье, был я в издательстве «Молодая гвардия». Познакомился с редактором русской прозы и поэзии Дм. Ковалевым, а также с поэтом Вл. Фирсовым, который сейчас работает там редактором вместо Вл. Цыбина. <...> План забит до 65 года, но, узнав о моей беседе с Твардовским, решили товарищи из издательства выпустить мой сборник в 62-м году. Читал им стихи – понравилось. <...> 9-го ноября Дм. Ковалев сообщил мне, что говорил с Твардовским насчет моей книжки и что Александр Трифонович сказал обо мне и моих стихах много добрых слов» [63 : с. 56 – 58].

В январском номере «Нового мира» за 1962 г. была напечатана подборка стихотворений А. В. Жигулина, отобранных к печати лично Твардовским. Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий: «Флажки на трассе в снежной шири, / Но будет речь о них потом. / А раньше Слово о цифире, / Напитке горьком и густом...» (Флажки); «Из штольни вышли в пыльных робах, / На свет взглянув из-под руки. / И замелькали на сугробах / Густые черные плевки...» (Ночная смена); «Мы сначала снимали / Твой снежный покров. / Кисти мерзлой брусники / Алели, как кровь...» (Земля)¹⁴⁰.

Публикация в самом популярном в стране «толстом» литературном журнале означала, что в мир пришел новый большой поэт.

В феврале 1963 г. Жигулин представил в «Новый мир» «поэму» под условным названием «Не верю в слезы», в которой поднималась тема культа личности и политических репрессий. Фактически это был цикл лагерных стихов, причем многие из них были уже опубликованы в сборнике «Костер-

¹⁴⁰ Жигулин А. Флажки. Ночная смена. Земля // Новый мир. – 1962. – № 1. – С. 78 – 79.

человек». Главная мысль жигулинского произведения: в эпоху Сталина были люди, не склонившие головы перед тоталитарным режимом, активно отстаивавшие принципы правды и справедливости. В отдельных стихотворениях прослеживалась почти открытая полемика с поэмой Твардовского «За далью – даль» (в частности, с предпоследней главой «Так это было», посвященной Сталину и его делам).

Беседа с Твардовским стала для молодого поэта уроком, который он запомнил на всю жизнь.

«6 марта 1963 года, среда.

Днем в понедельник, 4-го числа, поехал в «Новый мир». Караганова¹⁴¹ встретила меня приветливо, хотя и не узнала сначала. Достала мою рукопись и говорит:

– Надо нам с вами пойти еще к Александру Трифоновичу. Он уже читал ваши стихи и у него есть замечания, но я сначала скажу вам о своих замечаниях. Между прочим, это, конечно, ни в коем случае не поэма, это цикл стихов. Я даже, видите, зачеркнула здесь слово «поэма». А Александр Трифонович прочитал и спросил: «А где же поэма? Он мне говорил о поэме».

Вот так приблизительно начался разговор с Карагановой. Что ж, начало было очень обещающим, и я возрадовался в душе. Значит, думаю, будут печатать. Тем более что Твардовский заинтересовался стихами.

Твардовский принял нас в небольшом кабинете, в том, что рядом с большим залом. Сказал:

– Здравствуйте, товарищ Жигулин! Ну, что ж, сядем рядком и поговорим...

И начал читать стихи и делать замечания. Итог разговора таков. Работать надо над стихами «Москва», «Поезд», «Вина». В первых двух переписать последние строфы. <...> Дойдя до главы «Вина», сразу перечеркнул средние строфы карандашом и сказал:

– Это все от лукавого. Ничего вы не могли знать и понимать даже смутно!

---

¹⁴¹ Караганова Софья Григорьевна – зав. отделом поэзии редакции журнала «Новый мир» в 1960 гг.

И даже предпоследние две строфы вымарал, сказав:

– Нет-нет! Это ни в коем случае нельзя!

<...> Что еще сказать? Поэма, безусловно, проиграла, когда ее стали рассматривать как цикл стихов. Твардовский разгромил такие стихи, как «Отец», «Сны», «Стихи» по отдельности очень легко. Вместе (в поэме) им было бы удобнее защищаться. А когда их рассматривали по одному, то каждое стихотворение было убито такими словами:

– Ну, и что? И зачем это?

И все-таки Твардовский сказал, что в «Снах» есть отличные строфы, что «Стихи» тоже интересны, но плохо, что гениальные лермонтовские строки¹⁴² обрамляют мои слабые и нерифмованные. Невыгодное соседство! Окончание главы «Москва» он предложил сделать теплее, человечнее. Зачем, мол, эта твердокаменность – «не верю в слезы»? Разве это хорошо – не верить в слезы? И Москва, мол, получается какой-то свирепой, а вы к ней присоединяетесь.

<...> Были замечания и по «Хлебу», и по другим стихам. И разговор был довольно большой, наверное, не меньше получаса. Потом расспросил меня о здоровье и о жизни. Я рассказал, что чувствую себя неплохо, что женился, что жена – та девушка¹⁴³, что ему звонила, когда я лежал в больнице. В общем, он со мной тепло поговорил и душевно.

<...> Вот запомнил еще одну деталь. Когда говорили о стихотворении «Хлеб», Твардовский спросил, действительно ли была норма 20 кубометров. Я объяснил, что норма зависит от диаметра деревьев, от породы дерева, погоды, пилы и т. п. Объяснил, зачем «бойся!» кричат» [80 : с. 1 – 8].

Достаточно болезненно восприняв замечания Твардовского, но затем, осознав его правоту, Жигулин больше никогда не возвращался к идее объединить под сводами «поэмы» лагерные стихи, в том числе в перестроечное и постперестроечное время.

---

¹⁴² Речь идет о строках М. Ю. Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда – все молчи!...», цитируемых в произведении А. В. Жигулина «Стихи».

¹⁴³ Жигулина Ирина Викторовна (1932 – 2013) – жена, верный помощник и муза поэта.

Из общей массы «толстых» литературных журналов «Новый мир» Твардовского выделялся, прежде всего, демонстративно подчеркнутой приверженностью к пушкинско-некрасовским традициям, глубинной связью с культурными, историческими, политическими процессами эпохи, открытой установкой на публикацию честных и правдивых произведений, зачастую не укладывающихся в рамки традиционного метода соцреализма, ярких научных и публицистических материалов, обращением к мемуарным свидетельствам. И, конечно, особо чутким отношением к авторам.

10 февраля 1962 г. Твардовский произнес знаменитую речь о Пушкине на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти великого поэта¹⁴⁴.

Запись в дневнике Жигулина (в это время он находился в Воронеже):

«10 февраля 1962 года, суббота.

...Сейчас слушал <по радио> выступление А. Твардовского на вечере, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Очень яркое выступление! Да, надо учиться в первую очередь у Пушкина» [65 : с. 86].

Из дневниковых записей Жигулина следует, что пушкинско-некрасовские традиции в деятельности Твардовского на посту главного редактора «Нового мира» проявлялись не только в его приверженности к либерально-демократическому курсу, в стремлении отстаивать собственную точку зрения до конца, даже если она вступала в противоречие с позицией официальных властей, но и в принципах подбора редакционных кадров и авторского актива, определении системы рубрик и жанров, ведении активного диалога с читателями.

Как на собственном опыте убедился Жигулин, главными критериями оценки художественного или публицистического произведения для Твардовского являлись не пресловутые «идейность» и «партийность», а правда

---

¹⁴⁴ Твардовский А. Т. Слово о Пушкине. Речь на торжеств. заседании в Большом театре 10 февр. 1962 г., посвящ. 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. – Москва : Сов. Россия, 1962. – 27 с.

жизни, простота изложения, народность, индивидуальность, образность, авторская позиция, исторический взгляд на события.

То есть те характерные качества, которые были присущи произведениям А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Бунина, С. А. Есенина и других классиков. Именно этими качествами отличались произведения самого Твардовского: его бессмертный «Василий Теркин», поэмы «Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью – даль», «По праву памяти», сборник «Из лирики этих лет».

Если перелистать подшивки «Нового мира», то мы увидим, что в 1960 гг. Жигулин регулярно публиковался на страницах журнала:

– Флажки («Флажки на трассе в снежной шири...»), Ночная смена («Из штольни вышли в пыльных робах...»), Земля («Мы сначала снимали твой снежный покров...»). – 1962. № 1.

– Воспоминание: Дирижабль («Один и тот же незабываемый...»), Утиные Дворики («Утиные дворики – это деревня...»), Подмосковье («Гулко эхо от ранних шагов...»). – 1967. № 2.

– Из лирики: «О, Родина! В неярком блеске...», «Кто додумался правду на части делить...», «Все в этом мире ново, все здесь вечно...», Гадание («Смешное древнее искусство...»), «Себя ни капли не жалея...». – 1968. № 4.

– «Кукует поздняя кукушка...», «Осень, опять начинается осень...». – 1969. № 7.

– На родине («Зеленые дали померкли...»), Углянец («За стылым лесом, за болотом...»), «Невыразимой сладкой тишью...», «Тихое поле над логом...». – 1969. №11.

Стоит также упомянуть рецензию Жигулина на книгу И. Шкляревского «Фортуна» (Москва, 1968), опубликованную в «Новом мире» . –1970. №3.

Кроме этого на страницах «Нового мира» в период редакторства Твардовского было опубликовано несколько рецензий на сборники стихов Жигулина¹⁴⁵.

Новомирских публикаций Жигулина могло быть гораздо больше, если бы не одно обстоятельство, с которым сталкивался каждый настоящий писатель советской эпохи, – цензура. Система официального или негласного надзора за содержанием и распространением информации является неотъемлемой функцией любого государства. В СССР цензура была наделена практически неограниченной властью в духовной жизни общества и, по существу, приравнивалась к карательным органам (ГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ). В этих условиях редакция журнала и многие авторы вынуждены были взять на вооружение опыт Н. А. Некрасова, во времена редакторства которого, по меткому выражению К. И. Чуковского, «конспиративная речь сводилась не к зашифровке отдельных имен или слов, а к зашифровке идей»¹⁴⁶. Это означало, что в рамках жесткой цензуры они активно использовали в своей творческой деятельности такие приемы, как эзопов язык, иносказание, намек, недоговоренность, двусмысленные имена, умолчание, аллюзия и т. д.

Далеко не все стихи Жигулина пробились к читателю с первой попытки. Цензура сразу же запрещала любые произведения, если видела в них хоть малейший намек на лагерную тему. Не спасал даже «знак качества» – «А. Т.» – инициалы главного редактора «Нового мира».

Типичные записи в дневнике Жигулина тех лет:

«30 января 1964 года, четверг.

Караганова сообщила, что Александр Трифонович снова читал мои стихи и условно поставил на второй номер два стихотворения: «Вина» и «Поезд». «Вина» без двух строф («Здесь был колхозник...» и «А вот и я в фуражке летней...»), от сокращения стихотворение выиграло. Стихи набраны. Мне

---

¹⁴⁵ Абрамов А. Деловито, честно, всерьез // Новый мир. – 1963. – № 10. – С. 252 – 254 ; В. Л. Рецензия // Новый мир. – 1965. – № 2. – С. 284 – 285 ; Левицкий Л. Рецензия // Новый мир. – 1970. – № 2. – С. 280.

¹⁴⁶ Чуковский К. Мастерство Некрасова. – Москва : Худож. литература, 1971. – С. 666.

предложено сделать некоторую правку. Сейчас я уже почти все поправил, но не знаю, удачно ли. Караганова должна позвонить завтра, чтобы узнать правку. Очень слаба надежда, что стихи пройдут цензуру. Караганова уверена, что будут придирки, в частности, к строчкам: «По нашей воле и неволе / Тебе прокладывая путь...»

Слово «прокладывая» не нравится. Сделал: «с тобой делили трудный путь». А лучше ли?

А придирки могут быть, дескать, с той точки зрения, что не одни, мол, заключенные «прокладывали путь». Собственно говоря, стихи и не исключают возможности участия других людей в прокладывании пути и в движении вообще. Но спорить не приходится. <...> Да, если бы стихи прошли, было бы здорово! Но что-то слабо верится. Цензура, видимо, снимет. Надо подготовиться к этой травме. Снимут сейчас – потом напечатают. Важно, что Твардовскому нравятся <мои> стихи» [85 : с. 51 – 53].

«11 февраля 1964 года, вторник.

Был у Карагановой. Новости печальные. Стихи мои вместе со всем третьим номером «Нового мира» были отправлены в Главлит. Цензор их задержал, не дал разрешения. Сейчас стихи на консультации у старшего начальства. Караганова жалеет, что не успела поправить до Лита строку: «С тяжелым стоном сквозь тайгу...» Вместо нее у нас есть в запасе другая: «Дорогой трудной сквозь тайгу...» Это может иметь роковое значение. Собственно говоря, вряд ли и новая строка помогла бы. Стихи уже задержаны и надежды, что начальство их разрешит, почти нет. Тем более что цензура сейчас очень зла на Твардовского. Они приняли его поэму как личное оскорбление: «От иных запросишь чуру – / И в отставку не хотят. / Тех, как водится – в цензуру, / На повышенный оклад».

Да и не только в поэме дело. Установка есть: не печатать произведений о лагере. Как огня, боятся они этих вещей. Хочется им забыть те мерзости, в которых они соучаствовали и которые творили при Сталине. И таких много. <...> И что особенно больно и обидно, что ведь запрещают стихи наши,

советские, написанные с самых партийных позиций! И как тут не впасть в отчаяние! Что делать? Где искать правду, как пробить эту глухую стену тупоумия и перестраховки?! В душе, конечно, теплится крохотная искорка надежды (а вдруг разрешат!), но ей-богу с ней еще тяжелее и мучительнее. Лучше уж сразу отрубить все» [85 : с. 86 – 89].

В «Рабочих тетрадях» Твардовского есть запись о телефонном звонке цензора С. П. Оветисяна, который сначала от себя лично, затем от имени председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по печати П. К. Романова «слезно просил... опустить «одно слово», в то же время держа «на разрешении вопроса» «Театр[альный] роман» Булгакова по соображениям, глупым до дикости»¹⁴⁷.

Речь идет о просьбе руководства Главлита снять в поэме «Геркин на том свете» четверостишие, которое приводит в дневнике Жигулин.

Твардовский, пострадавший от этого ведомства «вдосталь», наотрез отказался купировать многострадальное произведение, пользуясь недостижимым для цензоров разрешением публиковать «Геркина на том свете» Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева.

«Трудно еще представить, во что мне, журналу обойдется это словечко. Но уж получили!», – пишет А. Т. Твардовский¹⁴⁸.

В. Я. Лакшин отмечал в те дни: «Все эти переговоры с цензором были маленькой мстью за мучения последних месяцев¹⁴⁹ и позабавили нас немало»¹⁵⁰.

В дневнике Жигулина можно встретить немало записей, свидетельствующих о доброжелательном отношении к нему Твардовского.

«3 марта 1963 года, воскресенье.

¹⁴⁷ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2000. – № 9. – С. 153.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ В. Я. Лакшин имеет в виду запрет цензуры печатать в журнале «Новый мир» «Театральный роман» М. А. Булгакова.

¹⁵⁰ Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева (1961 – 1964) : Страницы дневника // Знамя. – 1990. – № 7. – С. 94.

<...> Говорил по телефону с Александром Трифоновичем. Он «научил» меня пойти к Карагановой. Смысл разговора таков. Необязательно стихи должен читать всегда главный редактор.

– Не повисайте, – говорит. – В редакции вас знают и знают мое отношение к вам. Вам ведь еще не отказали, так и несите стихи Карагановой. А я их прочту, может быть, только в верстке. Вы взрослый человек и смелее действуйте сами.

Вот такова была приблизительно беседа. Еще Твардовский говорил, что мог бы уделить мне несколько минут, но у него совещание в ЦК и он сейчас не выходит (т. е. болеет). После разговора я сначала огорчился, а потом передумал. Ведь Твардовский прав. Не может же он меня все время вести за ручку. Надо самому учиться ходить. И он по-деловому посоветовал, что надо делать» [79 : с. 81 – 83].

«30 мая 1967 года, вторник.

<...> В «Нов<ом> мире», как я и был уверен, А. Т. Твардовский начисто отверг статью Г. Красухина¹⁵¹ обо мне. Ему (Г. Красухину) передали, что А. Т. сказал: «У меня отношение к рассказам Жигулина в стихах более теплое» [100 : с. 5].

«14 июля 1967 года, пятница.

<...> Кое-что важное я не записывал в последнее время; забывал или по иным причинам. Караганова, например, сказала, что А. Т. Твардовский своею собственной рукой вписал мою фамилию в список авторов юбилейного, 11-го, номера» [101 : с. 76].

Твардовский был одним из самых любимых поэтов Жигулина. Не удивительно, что он восторженно воспринял публикацию поэмы «Теркин на том свете» в газете «Известия»¹⁵².

«18 августа 1963 года, воскресенье.

---

¹⁵¹ Красухин Геннадий Григорьевич (род. в 1940 г.) – с 1967 по 1994 гг. сотрудник «Лит. газеты». Д-р филол. наук, литературовед, писатель.

¹⁵² Поэма «Теркин на том свете» была опубликована в «Известиях» 17 авг. 1963 г. – в моск. веч. выпуске, 18 авг. – в основном тираже.

Огромная радость! В «Известиях» – великолепная поэма Твардовского «Теркин на том свете». Это предельно смелая сатира на те мерзости, которые творились в нашей стране при культе, на те мерзости, которые и нынче в значительной степени у нас здравствуют в виде дураков-перестраховщиков в Воронежском обкоме. <...> Читаю поэму и радуюсь! Какая красота! События необратимы. Зловредный нарыв лопнул, и тело страны становится здоровее. И нет пути назад! <...> Твардовский, без сомнения, великий писатель. Как удалось поэму опубликовать? Просто удивительно! По-видимому, Твардовский неожиданно (без предварительного согласования) прочел поэму на встрече Н. С. Хрущева с европейскими писателями. После этого пришлось разрешить публикацию поэмы.

Заметка А. Аджубей¹⁵³, предваряющая публикацию, довольно своеобразная (чтобы не сказать иезуитская – весь целый год «Известия» планомерно травили Твардовского и «Новый мир»). Аджубей, в частности, пишет: «Наверное, вызовет она (поэма. – А. Ж.) и споры, и возражения, и это хорошо!» Да, это хорошо, если споры и возражения. Но плохо, если начнется травля. Как бы ни спустили кочетовских собак. Могут и письма появиться «от читателей», как это было с А. Яшиным и Ф. Абрамовым. Но все равно Твардовский – гений! И великое дело сделано – поэма живет! Она многому научит людей, многим шире откроет глаза» [83 : с. 45 – 51].

Запись в дневнике Жигулина была основана на достоверной информации. Решение о публикации поэмы, действительно, было принято лично Н. С. Хрущевым 13 августа 1963 г. на правительственной даче в Пицунде, где он находился на отдыхе, в присутствии советских и зарубежных писателей.

Можно предположить, что этим благородным и смелым решением Н. С. Хрущев хотел, во-первых, продемонстрировать миру необратимость демократических перемен в жизни советского общества и окончательную

---

¹⁵³ Аджубей А. И. (1924 – 1993) – гл. редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущева.

победу над сталинизмом. И, во-вторых, показать ближайшему окружению, в недрах которого уже зрел заговор, «кто в доме хозяин».

Однако, как показал ход событий, этот шаг Хрущева лишь еще больше сплотил его противников, среди которых были М. А. Суслов, Л. И. Брежнев, В. Е. Семичастный, А. Н. Шелепин, Н. В. Подгорный, Н. Г. Игнатов. До «кремлевского переворота» оставалось чуть более года.

В октябре 1964 г. Н. С. Хрущев был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»¹⁵⁴.

При новом руководстве страны Твардовский уже не выдвигался в депутаты Верховного Совета РСФСР и выборные органы Коммунистической партии¹⁵⁵. Делегат XX, XXI, XXII съездов КПСС, на XXIII партийный съезд он избран не был. После того как Твардовский выдвинул на соискание Ленинской премии повесть «Один день Ивана Денисовича» и до конца отстаивал кандидатуру Солженицына, в состав Комитета по Ленинским премиям его больше не включали.

Все это вместе взятое было расценено его литературными оппонентами как посланный властями сигнал, «черная метка» главному редактору «Нового мира». Консервативные силы немедленно воспользовались ослаблением позиции Твардовского. «Новый мир» с ожесточением стали ругать за «космополитизм», «очернительство», «искажение истории», «критику колхозного строя» и т. д. Главными организаторами и непосредственными участниками нападок на «Новый мир» выступили коллеги Твардовского, те, кто зачастую сидел рядом с ним в президиуме на писательских съездах и собраниях. Собратья по перу не могли простить автору «Василия Теркина» его

---

¹⁵⁴ Информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС // Правда. – 1964. – 16 окт.

¹⁵⁵ А. Т. Твардовский избирался депутатом Верховного Совета РСФСР четырех созывов в 1948 – 1954 и 1958 – 1966 гг. На XIX съезде КПСС (1952 г.) был избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, на XXII съезде (1961 г.) – кандидатом в члены ЦК КПСС.

популярность в читательской среде, независимость, талант, добрые отношения с Н. С. Хрущевым, решительную поддержку А. И. Солженицына.

Несмотря на изменившуюся политическую ситуацию и ожесточенные нападки со стороны непримиримых оппонентов, Твардовский не свернул с прежнего курса, не изменил своим принципам и взглядам на литературный процесс.

Как отмечает Т. Н. Тазеева-Гриценко, постоянная борьба редакции с цензурой приводила к тому, что подписчики часто получали номера с опозданием¹⁵⁶. Подписка на журнал в некоторых регионах СССР, в армии и в учебных заведениях жестко лимитировалась. Тем не менее, в годы «оттепели» и раннего «застоя» тираж «Нового мира» неуклонно увеличивался. Если в 1946 г. тираж журнала равнялся 25 тыс. экземпляров, то к моменту, когда Твардовский второй раз стал редактором «Нового мира», средний тираж журнала составлял 105 тыс. В 1961 – 1963 гг. тиражи «Нового мира» достигали почти 170 тыс. экземпляров в месяц.

В августе 1966 г. (накануне начала подписной кампании) Твардовскому стало известно о том, что в военные части и учебные заведения поступила директива Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота об исключении «Нового мира» из рекомендательных списков для бюджетной подписки на следующий год. Директива была подписана начальником ГлавПУРа А. А. Епишевым. Как отмечает Твардовский, в редакцию стали приходить десятки писем читателей с жалобами на отказ в подписке на «Новый мир». Одно из них – письмо полковника запаса С. С. Дорошенко – Твардовский отправляет секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву как «документальное подтверждение» сведений об «особых санкциях» в отношении журнала. Явный или скрытый саботаж по проведению ведомственной и индивидуальной подписки наблюдался в ряде областей СССР.

---

¹⁵⁶ Тазеева-Гриценко Т. Н. Журнал «Новый мир» сквозь призму его тиража (1960-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2008. – № 11. – С. 171 – 182.

Так, не была разрешена индивидуальная подписка на новый 1969 г. на родине Л. И. Брежнева в Днепропетровской области.

А. В. Жигулин пишет:

«29 декабря 1966 года, четверг.

<...> Тучи над единственным нашим честным журналом сгущаются. Из «Нового мира» снимают с работы А. Г. Дементьева и Б. Г. Закса. «Новый мир» – орган Союза писателей СССР, и делается это официально через Союз, но дирижирует этим актом, конечно, ЦК партии. Да, именно оттуда нажимают сейчас на Твардовского. И это, конечно, естественно, – в отделе культуры ЦК сидят такие люди, как Ю. Барабаш, собственно говоря, прямые литературные противники «Нового мира». Через них правая группировка писателей и давит на Твардовского. Как это мерзко – использовать партийно-государственный аппарат для сведения литературных счетов!» [99 : с. 9 – 11].

«24 марта 1967 года, пятница.

<...> Нажим на «Нов<ый> мир» не дал результата. Твардовский сделал своим замом В. Лакшина, И. Виноградов будет зав<едующим> отделом критики. В редколлегию введен Е. Дорош и какой-то талантливый журналист из «Известий» (отв<етственным> секретарем) – М. Хитров» [99 : с. 91].

Редакционные кадровые перестановки, о которых сообщает Жигулин, были тактической победой Твардовского, но они, к сожалению, уже не могли радикальным образом изменить ситуацию, вернуть ее в прежнее русло. Многолетний идеологический конфликт «Нового мира» с властями близился к развязке.

Под бдительным оком Главлита¹⁵⁷, под постоянной опекой идеологических отделов ЦК КПСС, «Новый мир» был похож на осажденную, но не взятую врагом крепость.

---

¹⁵⁷ Главное управление по делам литературы и издательств – орган госуправления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту госсекретов в СМИ в период с 1922 по 1991 гг.

В программной статье «По случаю юбилея» (1965) Твардовский сформулировал этические и эстетические принципы «Нового мира» и основные критерии отбора литературно-художественных и документально-публицистических произведений, которыми руководствовалась редакция журнала в своей деятельности¹⁵⁸.

«Предпочтительное внимание журнал уделяет произведениям, правдиво, реалистически отражающим действительность, по формам простым, но отнюдь не упрощенным, чуждым формалистической замысловатости, более близким классической традиции, но и не избегающим новых средств выражения, оправданных содержанием»¹⁵⁹, – отмечал Твардовский.

По требованию Идеологического отдела ЦК КПСС автору пришлось внести в статью значительную правку и смягчить тональность по отношению к оппонентам¹⁶⁰. Но даже в таком, смягченном, варианте статья «По случаю юбилея» стала причиной критических выпадов в адрес А. Т. Твардовского и «Нового мира».

14 апреля 1965 г. в «Известиях» была опубликована статья известного скульптора Е. В. Вучетича «Внесем ясность»¹⁶¹. Основная мысль автора: не всякая правда нужна и полезна, необходимо отличать правду факта – от правды явления, соотносить происходящее с историческим смыслом.

По сути, это был призыв к введению еще более жесткой и изощренной цензуры, подаче информации с позиции партийной и государственной целесообразности.

Статья бурно обсуждалась в московских литературных кругах и, естественно, не могла не оказаться в поле зрения Жигулина.

«16 апреля 1965 года, пятница.

¹⁵⁸ Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. – 1965. – № 1. – С. 3 – 18.

¹⁵⁹ Там же. С. 4.

¹⁶⁰ Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2001. – № 12. – С. 158.

¹⁶¹ Вучетич Е. Внесем ясность : некоторые мысли по поводу одного юбилейного выступления // Известия. – 1965. – 14 апр. (Моск. веч. вып.) ; 15 апр.

Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с передержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за «Известия». Впрочем, им не в первый раз... Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в «Известиях». Наверное, для «Правды» показалась слишком глупой. Впрочем, в «Правде» появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году» [90 : с. 29 – 30].

Одним из значимых эпизодов идейной борьбы того времени стала публикация в «Новом мире» статьи А. Г. Дементьева «О традициях и народности»¹⁶². Поводом стала серия литературно-критических и публицистических материалов в журнале «Молодая гвардия», написанных с позиции четко обозначенных национально-патриотических ориентиров.

Как отмечала В. А. Твардовская: «Целью статьи было предупредить об опасности исповедуемых национал-патриотами идей. ...Это была, по сути, первая попытка характеристики позиции «Молодой гвардии» как органа определенного направления общественной мысли»¹⁶³.

В ответ на статью А. Дементьева в журнале «Огонек» (главный редактор А. В. Софронов) 26 июля 1969 г. было опубликовано «письмо одиннадцати» под заголовком «Против чего выступает “Новый мир”?», по стилю и содержанию напоминавшее политический донос эпохи культа личности. Интересный факт: почти все авторы письма в разное время подвергались серьезной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественные недостатки и слабое знание жизни в их произведениях.

Жигулин по этому поводу пишет:

«31 июля 1969 года, четверг.

...Неприятна широко развернувшаяся кампания демагогической, бездоказательной травли журнала «Новый мир» и А. Т. Твардовского. <...> В

¹⁶² Дементьев А. О традициях и народности // Новый мир. – 1969. – № 4. – С. 215 – 235.

¹⁶³ Твардовская В. Александр Дементьев против «Молодой гвардии» // Вопросы литературы. – 2005. – № 1. – С. 182.

«Огоньке» – письмо М. Алексеева, С. Викулова, В. Закруткина, А. Иванова, С. Малашкина, А. Прокофьева, П. Проскурина, С. Смирнова, В. Чивилихина, Н. Шундика – «Против чего выступает «Новый мир»?». <...> Обвинения в космополитизме и т. п. И все это организовано, все явно поддерживается свыше. Ведь в аппарате ЦК работают литераторы Ю. Барабаш, Л. Лавлинский, литературные противники «Н<ового> м<ира>» и Твардовского. Они и заворачивают всей этой кампанией. Некрасиво использовать для литературных споров, для борьбы с литературными оппонентами свое служебное положение. Пожалуй, что и могут задушить «Новый мир» [111 : с. 164 – 165].

«29 августа 1969 года, пятница.

Пришел 7-й номер «Нового мира». Краткий, но блестящий ответ авторам «огоньковского» письма. Ответ, однако, уже обляян в «Лит<ературной> газете» (еще до появления журнала, по контрольному экземпляру). Бандиты!» [111 : с. 193].

«8 сентября 1969 года, понедельник.

<...> Зашли в редакцию к Юре Буртину, выразили в его лице признательность журналу. Грустно побеседовали о жизни. <...> Ответ авторам «огоньковского» письма удалось дать с большим трудом – против была и цензура, и ЦК. Верстка журнала теперь читается не только Главлитом. Главлит каждый номер направляет в ЦК партии. <...> Ну и ну!» [112 : с. 7 – 8].

Идеологический спор «Нового мира» и «Молодой гвардии» был продолжен в других литературно-художественных и профессионально-отраслевых изданиях¹⁶⁴. Итоги дискуссии подвел и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев в статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете»¹⁶⁵.

Острая полемика между сторонниками национально-патриотических идей и либерально-демократического курса, прекращенная волевым решением властей, с новой силой вспыхнула в конце 1980-х годов, в эпоху «перестройки».

¹⁶⁴ См. : Лотарева А. А. Журнал «Молодая гвардия» и идеологические противоречия 1960-х годов // Библиоковедение. – 2010. – № 3. – С. 65 – 69.

¹⁶⁵ Яковлев А. Против антиисторизма // Лит. газета. – 1972. – № 46. – 15 нояб.

В числе представителей высшего эшелона власти, открыто выступавших против журнала «Новый мир» и А. Т. Твардовского, были А. Н. Шелепин, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ в 1958 – 1961 гг., С. П. Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, А. А. Епишев, начальник Главного политического управления Армии и Флота, запретивший подписку на «Новый мир» в Вооруженных силах.

В журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Огонек», газетах «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и других изданиях регулярно публиковались материалы с нападками на «Новый мир» и его главного редактора. Как отмечает Жигулин, делалось это в виде различных «рецензий» на новомирские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц и т. д.

Кардинальным образом для «Нового мира» и Твардовского ситуация изменилась после трагических событий в Чехословакии (август 1968 г.). Вторжение советских войск в «братскую социалистическую республику» было крайне негативно воспринято в редакционном коллективе, который во многом разделял и поддерживал идеи чехословацких коммунистов-реформаторов.

Твардовский был потрясен произошедшим. Об этом, в частности, свидетельствует его запись в «Рабочих тетрадях»:

«29.VIII.68. Пахра.

Страшная десятидневка.

*Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом.*

Записывать – все без меня записано.

Встал в 4, в 5 слушал радио – в первый раз попробовал этот час. Слушал до 6, курил, плакал, прихлебывая чай»¹⁶⁶.

Незадолго до этих событий Твардовский обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу с просьбой принять его для беседы о текущих делах и проблемах «Нового мира». Поговорить с руководителем партии было о чем: непрекращающаяся травля «Нового мира», произвол цензуры, искусственно сдерживаемая на местах подписка на журнал.

В «Новомирском дневнике» А. И. Кондратовича приведена фраза Твардовского, произнесенная им через девять дней после ввода войск в Чехословакию:

«– Теперь я бы не хотел встречи с Брежневым. Зачем эта встреча? Предположим, он вызовет меня, но о чем я там буду говорить? Нам не о чем говорить»¹⁶⁷.

Предельно болезненной была реакция на чехословацкие события и Жигулина. Дата начала военного вторжения в ЧССР в его дневнике обведена траурной рамкой.

«21 августа 1968 года, среда.

Очень сильно болит сердце!.. Утром, в восемь часов, услышал сообщение ТАСС: «ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословакии обратились за братской помощью...» Цитирую по памяти и не ручаюсь за буквальную точность. Смысл утреннего сообщения таков: войска стран – участниц Варшавского договора сегодня вступили на территорию ЧССР. Впрочем, не вступили – сказано так: «введены».

В полдень сообщение было подробнее. Введение войск Варшавского договора на территорию Чехословакии одобрено ЦК компартии Словакии. ЦК (или Президиум ЦК?) компартии Словакии обратился к войскам и народу Чехословакии с призывом сохранять спокойствие и т. д. Означает ли это

¹⁶⁶ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2003. – № 10. – С. 143.

¹⁶⁷ См. : Кондратович А. И. Новомирский дневник : 1967 – 1970. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 526 с.

сообщение, что Братислава уже занята нашими войсками? Неясно. Сообщалось также, что в Чехословакии начала свои передачи новая радиостанция «Влтава». Полагаю, что это наша военная радиостанция, предоставленная в распоряжение противников Дубчека.

Было несколько сообщений о поддержке трудящимися СССР введения войск Варшавского договора в Чехословакию.

Ничего более пока не сообщалось. Можно предположить, что, во всяком случае, Прага пока не оккупирована. Возможно, что в Чехословакии идут бои...» [108 : с. 126 – 128].

«22 августа 1968 года, четверг.

Вчера был тяжкий, гнетущий день. Очень болело сердце (да и сейчас не прошло). Весь день не спадало нервное напряжение. Несколько успокоился, когда к концу дня выяснилось, что оккупация Чехословакии прошла спокойно, беспрепятственно, обошлось без крови и ненужных жертв.

Весь день эфир ломится от разноязыких и разноречивых сообщений. Только и слышно на разных языках: Чехословакия, Чехословакия... Пересказывать сообщения нет смысла. Как-нибудь историки со временем разберутся во всем происходящем. Я поэт. И у меня просто болит сердце» [108 : с. 128 – 129].

В августовские дни 1968 года отношение демократической части интеллигенции к событиям в Чехословакии эмоционально выразил Е. А. Евтушенко, написавший знаменитые строки: «Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета...»¹⁶⁸.

5 сентября 1968 г. Твардовский ответил решительным отказом на предложение секретариата Союза писателей СССР подписать «Открытое письмо писателям Чехословакии». Свою позицию он изложил в письме на имя секретаря правления СП СССР К. В. Воронкова¹⁶⁹.

---

¹⁶⁸ Евтушенко Е. А. «Танки идут по Праге...» // Мое самое-самое. – Москва : СИРИН, 1997. – С. 325.

¹⁶⁹ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2003. – № 10. – С. 144.

Демарш Твардовского, видимо, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения власть предержащих.

Из дневника Жигулина:

«31 июля 1969 года, четверг.

<...> В «Соц<иалистической> индустрии» – письмо токаря М. Захарова А. Твардовскому¹⁷⁰. Письмо явно написано не рабочим, а опытным и подлым журналистом – этакая стилизованная рабочая наивность, соединенная с доносом» [111 : с. 164 – 165].

Жигулин, похоже, не знал, что «токарь Подольского завода» Михаил Егорович Захаров, автор «открытого письма» А. Т. Твардовскому, является «по совместительству» членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР.

«7 августа 1969 года, четверг.

Плохи дела. А. Твардовского, вероятно, снимут с поста редактора ж<урнала> «Новый мир». Серия клеветнических статей против «Н<ового> м<ира>» продолжается. После выступлений «Огонька», «Соц<иалистической> индустрии», «Сов<етской> России» и «Лит<ературной> России» – третьего числа снова появилась в «Сов<етской> России» статья, где Твардовский обвиняется чуть ли не в шпионаже. Поводом для статьи явился комментарий в «Нью-Йорк Таймс» по поводу нападок на «Новый мир». Poleмика эта расценивается в «Н.-Й.Т.» как борьба двух направлений в советской литературе. <...> В ближайшие дни ожидается появление статей против Твардовского в «Красной звезде» и «Сельской жизни». На следующей неделе намечено провести заседание секретариата правления СП СССР по вопросу о «Новом мире». <...> Разгром угрожает не только «Н<овому> м<иру>», но и «Юности». <...> Сердце болит. Пожалуй, хватит пока об этом» [111 : с. 172 – 173].

В ответ на публикацию в газете «Социалистическая индустрия» А. Т. Твардовский обратился с письмом в редакцию, в котором содержалась просьба представить фотокопию «открытого письма» М. Захарова, а также сообщить

---

¹⁷⁰ Захаров М. Открытое письмо главному редактору журнала «Новый мир» тов. Твардовскому А. Т. // Соц. индустрия. – 1969. – 31 июля.

хоть самые общие «анкетные» сведения об авторе, чтобы связаться с ним и продолжить разговор по существу поставленных вопросов. Корректное обращение Твардовского вызвало новый приступ злобной реакции газеты «Социалистическая индустрия».

Запись в дневнике Жигулина:

«11 августа 1969 года, понедельник.

Продолжается жестокая травля Твардовского. <...> «Социалистическая индустрия» 9 августа опубликовала подлую демагогическую статью под девизом: «Твардовский не доверяет рабочему классу»¹⁷¹. Поводом для гнусной публикации послужила просьба Твардовского предоставить ему для ответа фотокопию открытого письма рабочего М. Захарова. <...> И это все делается в то время, когда Твардовский болен и лежит в больнице. Передергивания, подтасовки, прямые фальшивки, голословные политические обвинения, клевета – все это ушатами льет правая печать на Твардовского и «Новый мир». Попраны элементарные журналистские, этические, человеческие нормы! Бьют лежащего, связанного, бьют сапогами под ребра.

Попался случайно 5-й номер «Москвы». В нем рядом, подряд опубликованы три больших критических статьи против «Нового мира». Такой бессовестной гадости еще не знала журналистика! <...> Полагаю, что последняя кампания против «Нового мира» инспирирована или даже организована сверху. Жутко думать о том, чем все это может кончиться. Устанутся, возродятся сталинские нормы в литературе, а может, и не только в литературе...» [111 : с. 177 – 179].

В этот момент большая группа писателей (К. Чуковский, К. Симонов – всего около 20 человек) обратились с письмом в «Литературную газету» в защиту статьи А. Дементьева, против «письма 11-ти» в «Огоньке». Как отмечает Жигулин, Симонов несколько раз был в редакции «Литературной газеты» и в ЦК КПСС, но добиться опубликования письма, увы, не смог.

---

¹⁷¹ Захаров М. Ответ главному редактору журнала «Новый мир» А. Твардовскому // Соц. индустрия. – 1969. – 9 авг.

Единственным косвенным результатом неопубликованного ответа авторам «письма 11-ти» явилось выступление замзава отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева на совещании редакторов журналов. Яковлев назвал приемы «Огонька» и «Советской России» недопустимыми [111 : с. 182 – 183].

Одновременно с драматической ситуацией, сложившейся вокруг «Нового мира», возник инцидент в связи с публикацией во Франции и в Италии поэмы Твардовского «По праву памяти», которая была сверстана еще в 1969 г. и задержана Главлитом. Твардовского вынуждали всячески откреститься от этой публикации, признать ее провокацией.

Из дневника Жигулина:

«4 февраля 1970 года, среда.

...Новую поэму Твардовского «По праву памяти», не пропущенную у нас цензурой, издали по-русски за границей. Теперь у Александра Трифоновича могут быть серьезные неприятности. А ведь как он старался, чтобы рукопись не пошла по рукам! Видно, из типографии она ушла – ее набирали, а что стоит наборщику сделать лишний оттиск?» [112 : с. 170].

Руководство Союза писателей СССР долго не решалось волевым приказом снять Твардовского с поста главного редактора «Нового мира», учитывая его общественный авторитет и былые заслуги. Было решено действовать более гибко. После решения секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редакционной коллегии и назначении на эти должности людей, совершенно не известных Твардовскому или состоявших в «противоположном лагере», в феврале 1970 г. он был вынужден сложить редакторские полномочия.

10 февраля 1970 г. состоялось заседание бюро секретариата правления Союза писателей СССР. Как сообщила на следующий день «Литературная газета», в заседании приняли участие К. А. Федин, С. А. Баруздин, К. В. Воронков, С. В. Михалков, В. М. Озеров, Л. С. Соболев, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов, А. Б. Чаковский, К. Н. Яшен. Бюро утвердило первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала «Новый мир» Д. Г. Большова, заместителем главного редактора и членом редколлегии – О. П.

Смирнова. Членами редколлегии были утверждены также В. А. Косолапов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук. От обязанностей членов редколлегии журнала «Новый мир» освобождены И. И. Виноградов, А. И. Кондратович, В. Я. Лакшин, И. А. Сац¹⁷².

А. В. Жигулин пишет:

«11 февраля 1970 года, среда.

Свершилось подлое дело! Кучка негодяев (был, оказывается, даже не Секретариат, а лишь далеко не полное бюро секретариата) поспешила в подкрепление своего незаконного решения опубликовать на самом незаметном месте информацию. Для малоискушенного читателя она может показаться незначительной. А об уходе Твардовского и остальных – могут теперь и не печатать ничего. Подло разогнали редакцию журнала, любимого интеллигенцией, любимого всеми честными людьми. Погубили большой талантливый коллектив. <...> «Новый мир» сейчас, как только что оставленный город. Уже ушли войска защитников. Вот-вот ворвется противник. Жгут бумаги, документы. Настроение подавленное. Расправились, мерзавцы! И тишина, тишина. Никаких громких разгромных статей, как бывало раньше при закрытии журналов. И Твардовский вроде бы оставлен. Работайте, мол, пожалуйста, Александр Трифонович. А как же он теперь может работать, когда в редколлегии в большинстве его личные и литературные враги?! Задушили тихо, иезуитски! Сделали подарок к 60-летию. И письмо о поэме не помогло... Тяжело. Весь день, все дни совершенно больным и разбитым себя ощущаю» [112 : с. 177 – 179].

«13 февраля 1970 года, пятница, 12.30.

<...> 12 лет существовал «Новый мир» Твардовского. Целая эпоха русской советской литературы. Наши внуки и правнуки, наши потомки будут изучать в школах этот период. Специальный раздел будет в учебниках литературы. Вся прогрессивная Москва прощается с «Новым миром». Сотни людей ежедневно

---

¹⁷² Там же.

приходят в редакцию в эти дни. Словно на панихиду, словно на похороны» (112 : с. 181 – 182).

В те дни Жигулин еще раз невольно вспомнил пражские события августа 1968 года:

«21 февраля 1970 года, суббота.

Вчера был большой и очень тяжелый день. После краткого визита в ЦДЛ (за гонораром в Бюро, за книгами в библиотеку) поехали с Ирой в «Новый мир». У входа повстречали уходящих Лакшина и Кондратовича. Внизу, в отделе публицистики, грустные Юра Буртин и Лева Левицкий. Заходил И. Виноградов. Лева:

– Вы пришли, ребята, в исторический день. Сейчас Александр Трифонович заходил, прощался...

Надо было нам сразу подняться наверх, и мы застали бы еще Твардовского. Но задержались у Юры, печально беседовали о том, как это все произошло... Трифонович письмо написал Брежневу и Косыгину. Не помогло и это – свалили... И как все неожиданно, дико получилось! Затишье было, словно после совещания в Чиерне над Тисой¹⁷³. Тихо-тихо было, а потом вдруг – танки. Так и на «Новый мир» были неожиданно брошены все силы.

...На втором этаже заплаканная Караганова:

– Ах, как жаль! Только сейчас ушел Твардовский, три минуты назад! Но скажу ему, что Вы заходили. Я еще увижу его...

Грустная Софья Ханановна, секретарша:

– Разорили нас...

Так это горько было сказано! Действительно, разорили. Безжалостно, зверски разбили, растоптали живой, талантливый организм! <...> Все! Конец! Черные дни настали для русской литературы. В понедельник придут новые люди» [112 : с. 186 – 192].

---

¹⁷³ Имеется в виду встреча руководителей Компартий Чехословакии и Советского Союза в Чиерне над Тисой 29 июля – 1 августа 1968 г., на которой было принято решение о вводе войск Варшавского договора для подавления Пражской весны.

В «Новомирском дневнике» А. И. Кондратовича запечатлена фраза, сказанная в сердцах одним из заклятых врагов «Нового мира» писателем Аркадием Первенцевым¹⁷⁴ за полгода до снятия Твардовского с поста главного редактора журнала: «Прежде чем вводить танки в Чехословакию, надо было ввести их в “Новый мир”»¹⁷⁵.

Считается, что именно после подавления Пражской весны и разгона редакции «Нового мира» Твардовского в стране началась новая историческая эпоха. Эпоха «застоя».

Отставка Твардовского с поста главного редактора журнала «Новый мир» вызвала широкий резонанс в зарубежных средствах массовой информации. Об этом говорит секретная записка Главлита в ЦК КПСС, в которой приводились конкретные примеры сообщений в западных СМИ. В них содержались нелестные для советских властей комментарии к факту вынужденного ухода Твардовского из «Нового мира».

Так, немецкий журналист У. Шиллер писал в западногерманской газете «Ди цайт» за 20 февраля 1970 г. в статье «На смену ему придут функционеры»: «Твардовский был для советской интеллигенции путеводной звездой». Английская газета «Таймс» 16 февраля 1970 г. поместила редакционную статью «Смелый «Новый мир», в которой деятельность Твардовского была охарактеризована как «доблестная, но в конечном итоге печальная история». «Для него было важно лишь то, чтобы писатель мог сказать что-либо значительное и заявить об этом честно – как Солженицын, Дудинцев, Некрасов, Евтушенко, Померанцев и др.», – утверждалось в упомянутой статье. «Пал последний оплот либералов в советской литературе, – говорилось в статье «Конец эксперимента», опубликованной английским журналом «Экономист» за 21 – 27 февраля 1970 г. Фрагмент из статьи: «Победа консерваторов – это итог

---

¹⁷⁴ Первенцев Аркадий Алексеевич (1905 – 1981) – писатель, драматург, сценарист. Депутат Верховного Совета РСФСР нескольких созывов, член Правления Союза писателей СССР и РСФСР, член редколлегии журнала «Октябрь». Лауреат Сталинской премии.

¹⁷⁵ Кондратович А. Последний год. Из «Новомирского дневника» // Новый мир. – 1990. – № 2. – С. 206.

длительной войны на истощение. Отставка Твардовского олицетворяет собой конец целой эры. В год столетия со дня рождения Ленина русские любят характеризовать все, что они делают, как «возврат к ленинизму», но в области искусства им, поистине, далеко до этого»¹⁷⁶.

Последние два года А. Т. Твардовского, нашедшие отражение в дневнике Жигулина, вызывают такое же глубокое и искреннее уважение, как и вся предыдущая – непростая и, к сожалению, не продолжительная – его жизнь.

Последняя мимолетная встреча Жигулина и Твардовского состоялась 26 марта 1970 г., в третий день работы в Москве съезда Союза писателей РСФСР (он проходил в Большом Кремлевском дворце). Жигулин тут же делает запись в блокноте, который он всегда носил с собой:

«Минут 20 назад великий поэт А. Твардовский подарил мне книгу (в присутствии Г. Троепольского и Р. Гамзатова). Надпись... Впрочем, она есть на книге... Но перепису все-таки и сюда. Радостно такие слова переписать: «Анатолию Владимировичу Жигулину – с добрым пожеланием его таланту. А. Твардовский. 26.И.70. М.».

Когда он надписал, я робко упомянул что-то вроде:

– Вы ведь меня, как бы это сказать, вывели на большую дорогу...

– На большую дорогу – это значит, в разбойники...

С приятной улыбкой он сказал эту шутку.

Выглядит плоховато. Постарел» [114 : с. 43 – 44].

Актом проявления четкой гражданской позиции и личного мужества стала поездка А. Т. Твардовского 9 июня 1970 г. – незадолго до его 60-летия – вместе с писателем В. Ф. Тендряковым в Калугу, чтобы проведать и поддержать известного ученого-биолога, правозащитника Ж. А. Медведева (род. в 1925 г.), помещенного в областную психиатрическую больницу.

Несомненно, Твардовский не мог не понимать, что его прямое участие в вызволении опального диссидента будет крайне негативно воспринято

---

¹⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 43. Л. 183 – 186.

властями и отразится на характере торжеств, связанных с празднованием юбилея. Но это его не остановило. В результате Твардовский не получил, как ожидалось, звание Героя Социалистического Труда. Его наградили лишь орденом Трудового Красного Знамени. Но он не слишком жалел об этом. Честь для него была важнее, чем почетное звание или орден.

Этот поступок свидетельствовал о том, что отстраненный от журнала Твардовский «не разоружился» (как иронично говорил он сам, имитируя партийную терминологию), не раскаялся, не отрекся от своих взглядов и убеждений.

Запись в дневнике Жигулина:

«18 июня 1970 года, четверг.

...Вечером звонила Н. Дардыкина из «Московского комсомольца» – просит написать срочно к юбилею Твардовского три странички. Говорит, что Героя Соц<и>алистического труда ему дадут. Решено, мол, уже это дело. Лестное предложение. С удовольствием бы написал я, но – черт знает что! – боязно мне писать о таком гиганте. Смогу ли я, достоин ли я писать о нем? Я очень люблю Твардовского, и трудно внятно выразить эту любовь. Может, попробую завтра» [115 : с. 83 – 84].

«19 июня 1970 года, пятница.

<...> Читал Твардовского и думал над ним. Мог бы я хорошо написать о нем, но срок – считанные часы – мал для меня. Надо бы раньше мне позвонить, надо бы эту заметку поносить в голове с неделю... А потом – неизвестно все-таки, дадут ли. Но главное, конечно, в том, что срок мал и что боязно прикоснуться мне к этой теме. И усталость какая-то странная овладела мной. Какое-то сонное безразличие, словно жизнь уже совсем на исходе» [115 : с. 84 – 85].

«22 июня 1970 года, понедельник.

<...> Звание Героя Социалистического Труда Твардовскому – увы! – не присвоили. Наградили только орденом Трудового Красного Знамени» [115 : 87].

Между страниц дневниковой тетради вклеен бланк поздравительной телеграммы А. В. Жигулина и Н. М. Коржавина в связи с 60-летием А. Т. Твардовского:

«Москва Ж-240 Котельническая набережная 1/15 корпус вк кв 125 Твардовскому

Дорогой Александр Трифонович от всей души поздравляем вас с шестидесятилетием желаем здоровья долгих лет жизни и творчества столь необходимого русской литературе и нам лично любим вас и гордимся вами Анатолий Жигулин Наум Коржавин» [115 : с. 86 – 87].

По мнению современников (А. И. Солженицын, В. Я. Лакшин, А. И. Кондратович, Ю. Г. Буртин, А. В. Жигулин и др.) насильственное отстранение Твардовского от «Нового мира», которому он посвятил 16 лет своей жизни, стало одной из главных причин тяжелой, неизлечимой болезни и преждевременного ухода его из жизни. Информация о смертельном недуге Твардовского искусственно замалчивалась в обществе и официальной печати.

Жигулин пишет:

«Вчера, 17 октября 1970 года, в субботу, был тяжкий день. Днем, прокручивая старый «Сименс», случайно наткнулся на русскую программу французского радио. Они сейчас наши друзья и их никто не глушит. Да и передачи у них, надо сказать, вполне лояльны: никаких выпадов против СССР. Разве о Солженицыне иногда упомянут. А так – обычные известия, почти как у нас. И вдруг резанула фраза: «Из Москвы сообщают о критическом состоянии здоровья Александра Твардовского, у которого рак». Боже мой! А я даже не знал ничего о болезни Твардовского! <...> Конечно, insult и все прочее – результат зверства, учиненного над Твардовским. У него отняли дело его жизни. Это большой удар по нервной системе. Отсюда и болезни. Убийцы! Казнили великого поэта! Да, по существу, это все похоже на заранее продуманное убийство. Нет сил и писать об этом. Осталось только Богу молиться, чтоб выздоровел» [115 : с. 187 – 188].

В ноябре 1971 г. Твардовскому была присуждена Государственная премия СССР за сборник стихотворений «Из лирики этих лет». В дневнике Жигулина запечатлен эпизод, запечатлевший двойственное отношение властей к смертельно больному Твардовскому. По инициативе редакции последних известий радиопрограммы «Маяк» была подготовлена передача с участием Жигулина о Твардовском по случаю присуждения ему Государственной премии. В эфир передача не вышла, как отмечает Жигулин, по цензурным соображениям [118 : с. 40 – 45].

Болью и скорбью наполнены дневниковые записи Жигулина о смерти и похоронах Твардовского.

«18 декабря 1971 года, суббота.

Умер А. Твардовский, великий русский поэт.

Узнал об этом... в Академии общественных наук, куда приехал выступать на вечер Некрасова. Приехал С.С. Наровчатов и подтвердил: да, Твардовский умер на даче этой ночью... Слов нет никаких. Никакими словами не выразить боль и горечь. Убили великого поэта! Убили сытые и благополучные – той самой породы люди, коим я читал нынче стихи! Никогда больше не буду выступать в подобных учреждениях...» [118 : с. 82 – 83].

«21 декабря 1971 года, среда¹⁷⁷.

...Еще не было десяти утра, когда я поехал в ЦДЛ. По дороге купил свежие и вчерашние вечерние газеты. Все не верилось, что так и не будет объявлено о времени и месте прощания, похорон. Увы! Нигде ни единой строчки! Какая жестокость! Какой позор! Намеренно лишили народ возможности проститься со своим великим поэтом. Что ж, российские правители всегда боялись великих поэтов России, даже умерших. Гроб с телом Пушкина, накрытый простой рогожей, тайно увезли в Святогорский монастырь в сопровождении двух жандармов...

---

¹⁷⁷ Опечатка : вторник.

<...> Во время панихиды я попал на сцену и стоял возле гроба рядом с С. Наровчатовым, В. Ильиным, А. Сурковым, Г. Абашидзе, К. Симоновым. Позади меня стояла Л. Татьяничева. Даже как-то неловко и боязно было мне среди этих классиков и чиновных особ. <...> Говорили речи: С. Наровчатов, А. Сурков, С. Орлов, Г. Абашидзе, генерал Востоков (заместитель Епишева, одного из самых яростных гонителей «Нового мира»), К. Симонов. Проникновенно вроде, но пустовато, слишком трусливо и слишком отрепетировано говорили все. Кто лучше, кто хуже говорил, но никто главного не сказал.

Только К. Симонов робко упомянул «Новый мир», сказал о честности и принципиальности Твардовского и назвал его великим поэтом. И зал словно вздохнул облегченно (так мне показалось) – хоть малая доля правды была сказана. Наровчатов закрыл митинг. И вдруг в тишине раздался женский голос из задних рядов, что ближе к ложам. Взволнованно кричала молодая женщина. Ей мешали. Голос ее был слаб. Долетали до сцены отдельные слова, отдельные фразы:

– Почему никто не сказал, что Твардовского затравили, лишили его любимого детища? Почему не сказали, что последняя поэма Твардовского не напечатана, запрещена?

Женщину утихомирили. Возникло несколько странное ощущение... Потом – вынос тела. <...>

Гроб к могиле несли почему-то малознакомые, незнакомые мне люди. А может, я не рассмотрел? <...> Грузовики с венками. Холод. Перекрикивания милицейских офицеров:

– Сниматься будем ровно в четыре!

Говорят, первую горсть земли бросил в могилу А. Солженицын. Он был и на панихиде, но я его не видел. Много было людей. <...> Обратил вдруг внимание: кто-то фотографирует одну из могил, самую обычную могилу. Пригляделся: это, оказывается, могила Н. С. Хрущева. Потом, когда уже все расходились, мы с Б. Слуцким и В. Огневым постояли немного у этой могилы, сняв шапки. Почтили память Никиты Сергеевича» [118 : с. 86 – 97].

В Поминальном слове о Твардовском Солженицын гневно писал: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище – его страсть – его журнал»¹⁷⁸.

Обратим внимание: и Солженицын, и Жигулин, не стовариваясь, в один голос твердят об убийстве Твардовского. И – еще. Оба проводят одну и ту же параллель: смерть Твардовского – смерть Пушкина.

Как следует из дневниковых записей Жигулина, сразу же после отставки Твардовского ему поступило официальное приглашение обновленной редакции продолжить сотрудничество с журналом. Жигулин ответил категорическим отказом [119 : с. 4 – 5]. Сотрудничество с «Новым миром» было возобновлено лишь через семь лет. Но это был уже другой журнал. Такой, как все остальные.

Суммируя сказанное, можно сказать о том, что история отечественной журналистики и литературы пополнилась новыми и интересными страницами, посвященными деятельности журнала «Новый мир» и его главного редактора А. Т. Твардовского.

По мнению Жигулина, подвижническую деятельность Твардовского как редактора можно сравнить лишь с аналогичной деятельностью А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, а историческую миссию «Нового мира» – с ролью «Современника» и «Отечественных записок» в духовной и культурной жизни общества в середине XIX века.

Дневниковые записи Жигулина о Твардовском, о его «мытарствах», связанных с изданием легендарного журнала, отличаются предельной искренностью, исповедальным тоном повествования, четкой гражданской позицией.

Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ дневника Жигулина и «Рабочих тетрадей» 60-х гг. Твардовского. Дневниковые записи свидетельствуют об очевидной схожести взглядов их авторов по самым различным вопросам литературной и общественно-политической жизни,

---

¹⁷⁸ Солженицын А. Поминальное слово о Твардовском. Жить не по лжи! // Наш современник. – 1989. – № 9. – С. 159 – 163.

несмотря на разницу в возрасте, отличия в биографическом и творческом опыте.

Эта тема, на наш взгляд, требует отдельного глубокого исследования как теоретиков и историков отечественной журналистики, так и литературоведов.

2.3 А. И. Солженицын: от «Одного дня Ивана Денисовича» – до «Письма вождям»

Берем на себя смелость утверждать: если бы А. Т. Твардовский за 16 лет своего редакторства в «Новом мире» напечатал только одно произведение – повесть «Один день Ивана Денисовича»¹⁷⁹, а все остальные страницы журнала были бы заполнены скучнейшими романами, рассказами и статьями (как во многих других выходивших в ту пору изданиях) – он все равно бы остался в истории отечественной журналистики и литературы как выдающийся редактор, открывший миру великого русского писателя А. И. Солженицына.

Но, как известно, Твардовский напечатал за эти годы десятки, если не сотни, неординарных литературных и публицистических произведений, не потерявших художественную ценность и документальную актуальность по сей день.

Следует признать, что тема ««Новый мир» А. Т. Твардовского и А. И. Солженицын» в научной и мемуарной литературе исследована обстоятельно, но не исчерпана до конца. Прежде всего, назовем работы В. Я. Лакшина, Ж. Нивы, В. А. Чалмаева, Т. А. Снигиревой, О. И. Малышкиной¹⁸⁰.

---

¹⁷⁹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича : повесть : [предисл. А. Твардовского] // Новый мир. – 1962. – № 11. – С. 8 – 74.

¹⁸⁰ Лакшин В. Солженицын и колесо истории [сост., предисл., коммент. С. Н. Кайдаш-Лакшиной]. – Москва : Вече : АЗЪ (Знатнов), 2008 ; Нива Ж. Солженицын. – Москва : Худож. литература, 1992 ; Чалмаев В. А. А. Солженицын. Жизнь и творчество : Книга для учащихся. – Москва : Просвещение, 1994 ; Снигирева Т. А. А. Твардовский. Поэт и его эпоха. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997 ; Малышкина О. И. А. Т. Твардовский глазами А. И. Солженицына в книге «Бодался теленок с дубом» // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2008. – № 1.

Признавая научную значимость этих трудов и не подвергая сомнению содержащиеся в них суждения и выводы, мы, тем не менее, считаем, что главными и наиболее ценными источниками информации по данной теме являются «Новомирский дневник» А. Т. Твардовского и автобиографическое произведение А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» (Очерки литературной жизни). В них любой добросовестный читатель и исследователь найдут и хронологию событий, связанных с публикацией произведений Солженицына на страницах «Нового мира», и диалектику отношений главного редактора журнала и автора «Одного дня...», включающую в себя весь спектр человеческих чувств: от счастья, радости узнавания друг друга – до почти полного разочарования и разрыва.

Дневниковые записи Жигулина позволяют по-новому взглянуть на непростую и деликатную тему.

Первое упоминание о Солженицыне встречается в дневнике Жигулина в ноябре 1962 г. в связи с публикацией в «Литературной газете» рецензии Г. Я. Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось»¹⁸¹.

Из рецензии Г. Бакланова: «Среди ежемесячного, ежедневного потока литературных произведений, в разной степени талантливых, отвечающих различным читательским вкусам, являются вдруг книги, знаменующие собой гораздо больше, чем даже появление нового яркого писателя. <...> Такой книгой, которую читатель ждал, появление которой он предугадывал, стала маленькая повесть с неприятным названием «Один день Ивана Денисовича», только что напечатанная в журнале «Новый мир». Имя ее автора – А. Солженицын – в литературе не встречалось до сих пор и само по себе пока еще читателю ничего не говорит. Верится, однако, что человеку этому предстоит многое сказать людям»¹⁸².

Из дневника Жигулина:

«23 ноября 1962 года, пятница.

---

¹⁸¹ Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Лит. газета. – 1962. – 22 нояб.

¹⁸² Там же.

<...> Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключенных в особых лагерях. Сказано по существу все в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале «Новый мир», № 11. Надо обязательно почитать! Да! Разве думал я тогда, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!» [78 : с. 34 – 36].

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания:

«Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочел повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключенный номер И–2–594 Особого лагеря» [78 : с. 47 – 48].

Судя по корешку квитанции, вклеенной между страницами дневниковой тетради Жигулина, телеграмма в адрес «Нового мира» был отправлена.

Как вспоминал Солженицын, решение передать рассказ «Щ-854 (Один день одного зека)» главному редактору «Нового мира», предварительно изъяв из рукописи наиболее острые и непроходимые через цензуру фрагменты, было принято им под влиянием выступления Твардовского на XXII съезде КПСС, проходившего в октябрьские дни 1961 г. в Кремлевском Дворце съездов.

«После бесцветного XXI съезда, втуне и безмолвии оставившего все славные начинания XX, никак было не предвидеть ту внезапную залиvistую яростную атаку на Сталина, которую назначит Хрущев XXII съезду! – писал Солженицын. – И объяснить ее мы, неосведомленные провинциалы, никак не

могли! Однако она произошла, и не тайная, как на XX съезде, а открытая! Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде! В маленькой комнатке деревянного прогнившего дома, где все мои многолетние рукописи могли сгореть от одной несчастной спички, я читал, читал эти речи – и стены моего затаенного мира заколебались как занавеси театральных кулис, и в своем свободном колебании расширились и меня колебали и разрывали: да не пришел ли долгожданный страшный радостный момент – тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?

Я не смел ошибиться! Нельзя было высунуться прежде времени. Но и пропустить редкого мига тоже было нельзя! А тут еще хорошо выступил на XXII съезде и Твардовский, и такая у него была нотка, что давно можно печатать смелее и свободнее, а «мы не используем». Такая нотка, что просто нет у «Нового мира» вещей посмелее и поострее, а то бы он мог»¹⁸³.

В ноябре 1961 г. Солженицын через своего друга по «шарашке», филолога-германиста Л. З. Копелева послал рукопись рассказа «Щ-854 (Один день одного зека)» Твардовскому. Из-за соображений конспирации она была подписана псевдонимом «А. Рязанский». Твардовскому было сообщено настоящее имя автора, но «со слуха» он запомнил его неточно. В один из тех дней он записывает в дневнике:

«12.XII.61. М[оск]ва, 5 ч. утра.

Сильнейшее впечатление последних дней – рукопись А. Рязанского (Солонжицына), с которым встречу сегодня. И оно тоже обращает меня к “Т[еркину] на т[ом] св[ете]”»¹⁸⁴.

Сразу осознавший масштаб таланта и личности Солженицына, и предвидя цензурную непроходимость его произведения, Твардовский решил обратиться с официальным письмом к Н. С. Хрущеву. В нем содержалась просьба к Первому секретарю ЦК КПСС прочитать рукопись и дать собственную оценку

---

¹⁸³ Солженицын А. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 14.

¹⁸⁴ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2000. – № 6. – С. 171.

антисталинскому произведению. Предварительно он ознакомил с рукописью ряд авторитетных писателей (К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, К. А. Федин) и заручился их письменной или устной поддержкой.

В процессе редакционной работы рассказ «Щ-854 (Один день одного зека)» по предложению Твардовского был переименован в повесть «Один день Ивана Денисовича». Следует сказать о том, что автор, весьма болезненно отреагировавший на редакторскую правку, при последующих переизданиях оставил без изменений предложенное Твардовским название. Рукопись рассказа и сопроводительное письмо были переданы 6 августа 1962 г. Первому секретарю ЦК КПСС через его помощника В. С. Лебедева, ведавшего вопросами литературы.

«Дорогой Никита Сергеевич! – писал Твардовский. – Я не считал бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай. Речь идет о поразительно талантливой повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы. Это не только мое глубокое убеждение. К единодушной высокой оценке этой редкой литературной находки моими соредакторами по «Новому миру», в том числе К. А. Фединым, присоединяются и голоса других видных писателей и критиков, имевших возможность ознакомиться с нею в рукописи. Но в силу необычности жизненного материала, освещаемого в повести, я испытываю настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении.

Одним словом, дорогой Никита Сергеевич, если Вы найдете возможным уделить внимание этой рукописи, я буду счастлив, как если бы речь шла о моем собственном произведении. И хочу надеяться, что, обращаясь с этой просьбой, я не злоупотребляю Вашим дорогим для меня добрым отношением»¹⁸⁵.

---

¹⁸⁵ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2002. – № 10. – С. 172.

Пять лет спустя, комментируя это письмо в «Рабочих тетрадях», Твардовский отмечает: «Здесь неправда только о Федине, который и тогда уже лукаво увернулся от разделения с редакцией ответственности за это дело и назван здесь вполне сознательно на основании его словесного (только!), вырванного мною одобрения решения редакции со словами: – «Смотрите, смотрите, ребята», – как бы, мол, не того.

<...> С этого письма началось все то, что происходило и происходит в нарастающей последовательности со мной, Солженицыным, «Новым миром» и всей литературой»¹⁸⁶.

Историческая запись А. Т. Твардовского:

«16.IX.62. Москва.

Счастье, что эту новую (после черной клеенчатой) тетрадь я начинаю с записи факта, знаменательного не только для моей каждодневной жизни и не только имеющего, как мне кажется, значение в ней поворотного момента, но обещающего серьезные последствия в общем ходе литературных (следовательно, и не только литературных) дел: Солженицын («Один день») одобрен Н[икитой] С[ергееви]чем.

Вчера после телефонного разговора с Лебедевым, который был ясен прислушивающейся к нему М. И., я даже кинулся обнять ее и поцеловать и заплакал от радости, хотя, м. б., от последнего мог бы и удержаться, – но мне и эта способность расплакаться в трезвом виде в данном случае была приятна самому. В ближайшие дни я должен быть на месте – Н[икита] С[ергеевич] пригласит меня – завтра или в какой-нибудь другой день, – словом, Лебедев просил меня не отлучаться, даже в См[олен]ск, – все это я, конечно, понял как обеспечение моей «формы» на случай вызова, но бог с вами!»¹⁸⁷.

И ниже – еще одна важная фраза, имеющая отношение непосредственно к автору повести «Один день Ивана Денисовича»:

---

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2000. – № 7. – С. 129.

«Держу в уме слова телеграммы, которую пошлю ему после встречи с Н[икитой] С[ергеевичем]: “Поздравляю победой выезжайте Москву”. И сам переживаю эти слова так, как будто они обращены ко мне самому. – Счастье»¹⁸⁸.

Будучи опытным и искушенным политиком Н. С. Хрущев при рассмотрении обращения А. Т. Твардовского, к которому он, судя по всему, относился с искренним уважением, руководствовался, безусловно, партийными и государственными интересами. В талантливом произведении Солженицына он увидел, прежде всего, продолжение своей политической линии на развенчание сталинизма средствами художественной литературы. Тем не менее, Хрущев не рискнул брать на себя личную ответственность за публикацию повести Солженицына. Он решил разделить эту ответственность с ближайшими соратниками. В октябре 1962 г. под его личным давлением Политбюро ЦК КПСС приняло специальное решение о публикации «Одного дня...» в журнале «Новый мир».

Безусловно, Жигулин в то время не мог знать подоплеку всех событий, предшествовавших выходу повести Солженицына. Еще недавно сам носивший клеймо «враг народа», он с воодушевлением воспринял слова Твардовского, предваряющие эту публикацию: «Жизненный материал, положенный в основу повести А. Солженицына, необычен в советской литературе. Он несет в себе отзвук тех болезненных явлений в нашем развитии, связанных с периодом развенчанного и отвергнутого партией культа личности, которые по времени хотя и отстоят от нас не так уж далеко, представляются нам далеким прошлым»¹⁸⁹.

«Эта суровая повесть – еще один пример того, что нет таких участков или явлений действительности, которые были бы в наше время исключены из сферы советского художника и недоступны правдивому описанию, – писал

---

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Твардовский А. Вместо предисловия // Новый мир. – № 11. – С. 8 – 9.

далее Твардовский. – Все дело в том, какими возможностями располагает сам художник»¹⁹⁰.

Так же позитивно отнесся Жигулин к публикации других произведений Солженицына на страницах «Нового мира»: «Матренин двор» (авторское название «Не стоит село без праведника»), «Случай на станции Кречетовка» (первоначальное название – «Случай на станции Кочетовка» – было изменено в связи с тогдашним противостоянием с «Октябрем» В. А. Кочетова) и «Для пользы дела»¹⁹¹.

«23 января 1963 г., среда.

<...> Прочитал в 1-м номере «Нового мира» рассказ А. Солженицына «Случай на станции Кречетовка». Вещь огромной силы. Прочитал – и словно мне сердце насквозь прострелили! Не могу не думать о рассказе этом. Люди – такие живые, такие выпуклые! И сердце болит от этой живой правды. Замечательный художник Солженицын! <...> Дай бог мне когда-нибудь такую вещь написать» [79 : с. 24 – 25].

«3 марта 1963 года, воскресенье.

...Во вчерашней «Литературной» газете» иезуитская статья В. Кожевникова¹⁹². Ругает «Матренин двор» Солженицына. Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ «Матренин двор» – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела! Может быть, и перегнул в чем-то А. Солженицын, но только не в фактах. В последние годы царствия Сталина деревня, действительно, была доведена до крайней бедности. Может быть, Солженицыну следовало бы рядом с Матреной показать каких-то иных людей (например, не смирившихся с культом коммунистов), но упрекать его за то, что он таких людей не вывел в рассказе, нельзя. Он, видимо, и не ставил себе такую задачу. Нельзя

---

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Солженицын А. Два рассказа : Случай на станции Кречетовка ; Матренин двор // Новый мир. – 1963. – № 1. – С. 9 – 63 ; Для пользы дела : Рассказ // Новый мир. – 1963. – № 7. – С. 58 – 90.

¹⁹² Кожевников В. Товарищи в борьбе // Лит. газета. – 1963. – 2 марта.

охватить сразу все, всю сложную, полную противоречий эпоху. Поэтому претензии Кожевникова неосновательны. Не нравится – пиши сам, расскажи о том, что не показал Солженицын» [79 : с. 82 – 84].

«6 сентября 1963 года, пятница.

В Воронеже прочитал великолепный рассказ Солженицына «Для пользы дела». Солженицын – великий художник! Никто еще у нас не писал так ярко и смело, так гневно, с такою болью. Разве что Твардовский. Глыбы преогромные, обросшие мхом догматизма, поднимают они. Не поднимают, а пока раскачивают, но и раскачать трудно всю эту гнусь и тупость, скопившуюся за годы культа. Мерзость злобно сопротивляется, не хочет сдавать позиции. Уже появилась в «Литературной газете» гневная до омерзения, да и страшно глупая статейка Ю. Барабаша о рассказе «Для пользы дела»¹⁹³. <...> Чувство было такое, словно мне лично в сердце наплевали. Потом решил написать письмо Солженицыну. Целых два дня ходил и сочинял в уме хорошее душевное письмо ему. Но так и не написал. Напишу, однако. А может, и не стоит писать – удобно ли это? И без моего письма Солженицын не пропадет – он, видно, кремень-человек. Дай ему только, Бог, здоровья!» [83 : с. 55 – 58].

Из статьи Ю. Барабаша: «И, быть может, не стоило бы говорить об этой неудаче А. Солженицына, если бы недостатки рассказа «Для пользы дела» не имели много общего с тем, что критика отмечала, например, еще в «Матренином дворе». Речь идет о попытках решать сложнейшие идейно-нравственные проблемы, судить о людях и их поступках вне реальных жизненных связей, оперируя абстрактными, не наполненными конкретным социальным содержанием категориями. Там – «праведница», без которой якобы не стоит ни село, ни город, ни «вся земля наша». Здесь – «маленькие» люди, расшибившие себе лбы в бесплодных попытках ответить на поставленный «вне

---

¹⁹³ Барабаш Ю. Что есть справедливость? // Лит. газета. – 1963. – 31 авг.

времени и пространства», схоластический вопрос, что есть справедливость...»¹⁹⁴.

«Новый мир» оперативно ответил Ю. Барабашу, работавшему в то время заместителем редактора «Литературной газеты», подборкой читательских писем, в которой давалась высокая оценка творчеству А. И. Солженицына¹⁹⁵. Но это был, пожалуй, исключительный случай. В большинстве ситуаций цензура или совсем запрещала выход в свет подобного материала или затягивала его, как минимум, на несколько месяцев.

Из дневника Жигулина:

«15 октября 1963 года, вторник.

<...> Сегодня с большой радостью прочитал в «Литературке» статью Д. Гранина в защиту рассказа Солженицына «Для пользы дела»¹⁹⁶. Ура! Справедливость восторжествовала, хоть и не в полной мере. <...> Вчера прочитал, наконец, небольшое произведение Б. Дьякова «Пережитое». Об Озерном лагере. Вещь крайне незначительная и нехудожественная, слабая во всех отношениях. <...> С «Иваном Денисовичем» даже грех сравнивать» [84 : с. 3 – 5].

По инициативе Твардовского редакция «Нового мира» выдвинула повесть Солженицына на соискание Ленинской премии за 1964 год. Твардовский, который являлся членом Комитета по Ленинским премиям, мотивировал это тем, что речь идет не только о талантливом произведении Солженицына, но и о судьбе советской литературы.

В дневнике Жигулина подробно отражена история драматической борьбы Твардовского за присуждение престижной премии автору «Одного дня...».

«29 декабря 1963 года, воскресенье.

---

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Ямпольская Е., Окунева И., Гольдберг М. Удача автора ; Резников Л. Открытое письмо Ю. Барабашу ; Шейнис В., Цимеринов Р. «Так надо?» // Новый мир. – 1963. – № 10. – С. 193 – 198.

¹⁹⁶ Гранин Д. Прав ли критик? // Лит. газета. – 1963. – 15 окт.

<...> Опубликован список работ, выдвинутых на соискание Ленинской премии¹⁹⁷. И Солженицына «Один день...» выдвинули. Дадут ли? В «Известиях» статья об этой повести¹⁹⁸. Да, конечно же, Шухов не положительный и не идеальный герой. Это человек, исковерканный жизнью. Но это не умаляет художественного значения повести... И Ручьева выдвинули, и Исаева снова будут рассматривать. Исаеву, наверное, дадут <премию>. В высших сферах этот вопрос, наверное, уже решен. Могут и Солженицыну дать из чисто политических соображений» [85 : с. 15 – 16].

«12 января 1964 года.

<...> «Лит<ературная> газета» публикует ядовитые письма читателей об «Одном дне Ивана Денисовича»¹⁹⁹. Да, конечно же, герой не тот, не идеальный. Но разве Печорин тот? Разве Онегин тот? Разве о достоинствах произведения судят по степени идеальности героя? Ведь и Печорин, и Онегин не идеальны, но мы любим Пушкина и Лермонтова» [85 : с. 41 – 42].

«15 января 1964 года.

<...> В «Известиях» очень хорошая статья об одном из героев Солженицына, кавторанге Бурковском, точнее – о его прототипе²⁰⁰. Но в статье много доброго сказано и о самой повести, и о Солженицыне. Дадут ему, видимо, премию. Дай бог! Отличный писатель Солженицын» [85 : с. 43 – 44].

«31 января 1964 года, пятница.

<...> Единственная радость нынче – в «Правде» за 30-е число большая хорошая статья С. Маршака о повести А. Солженицына²⁰¹. «Один день Ивана Денисовича» – единственное произведение из выдвинутых, по-настоящему достойное премии. Остальное – мура! Конечно, талантливы и Ручьев, и Исаев,

---

¹⁹⁷ В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР // Лит. газета. – 1963. – 28 дек.

¹⁹⁸ Иванов В. Не приукрашен ли герой? // Известия. – 1963. – 28 дек. (моск. веч. вып.) ; 29 дек.

¹⁹⁹ Лезинский М., Молчанюк Н. Наше мнение // Лит. газета. – 1964. – 11 янв.

²⁰⁰ Паллон В. Здравствуйте, кавторанг // Известия. – 1964. – 14 янв. (моск. веч. вып.) ; 15 янв.

²⁰¹ Маршак С. Правдивая повесть // Правда. – 1964. – 30 янв.

но Ленинскую премию нельзя им присуждать. Здесь должны быть высокие требования» [85 : с. 56 – 57].

«8 февраля 1964 года, суббота.

...Вчера на лекции по эстетике я сразился с <...> Астаховым²⁰². <...> Астахов противопоставлял Солженицыну записки Б. Дьякова «Пережитое». Вот, мол, у кого настоящие герои-борцы! Но ведь насытить произведение декларациями, повторяющимися на каждом шагу: «Мы были верны партии!» – это еще не значит создать образы борцов. Повесть Дьякова нехудожественна, беспомощна. Это детский лепет. И главный герой ее – приспособленец, как правильно пишет Лакшин в первом номере «Нового мира». Статья его «Иван Денисович, его друзья и недруги»²⁰³ великолепна! Сейчас идет жестокая борьба вокруг Солженицына, и статья Лакшина очень нужна» [85 : с. 73 – 80].

Отдельные главы «Повести о пережитом» Б. Дьякова были напечатаны в мартовском номере журнала «Звезда» за 1963 год, полный вариант спустя год опубликовал журнал «Октябрь»²⁰⁴, во главе которого стоял В. А. Кочетов, ярый оппонент Твардовского. Как утверждалось в редакционном предисловии, повесть Б. Дьякова написана «о настоящих советских людях, об истинных коммунистах», которые «были верны своим партийным идеалам», «сохраняли веру в неминуемую победу ленинской правды, ленинских норм жизни». Была совершенно очевидна попытка противопоставить повесть Б. Дьякова произведению А. Солженицына, главный герой которого – Иван Денисович – не обладал, по мнению критиков, этими качествами²⁰⁵.

Близко к сердцу принимая развернувшуюся на страницах центральной прессы дискуссию и искренне переживая за Солженицына, Жигулин пишет:

«27 марта 1964 года, пятница.

---

²⁰² Судя по записям А. В. Жигулина, речь идет о преподавателе Литературного института им. А. М. Горького.

²⁰³ Лакшин В. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. – 1964. – № 1. – С. 223 – 245.

²⁰⁴ Дьяков Б. Повесть о пережитом // Октябрь. – 1964. – № 7. – С. 49 – 143.

²⁰⁵ Там же.

<...> Сейчас очень мрачная полоса. Опять клюют Солженицына в «Литературной России»²⁰⁶. И, что наиболее гнусно, клюют бывшие лагерники, сами отбывшие сроки порядочные. Один пишет, что мне, мол, ближе произведения Тевекеляна и Дьякова, а повесть Солженицына не может, дескать, служить идейным оружием. И подпись: член КПСС с 1919 года, такой-то. Мало сидел, наверное. Не набрался ума. Или, наоборот – из ума выжил. А редакция знает, чьи письма публиковать! Но ничего, Солженицын все равно велик, как бы эти дегенераты ни тьякали» [86 : с. 79 – 80].

«11 апреля 1964 года, суббота.

...Плохи дела и у Солженицына. Прошли было слухи, что ему дадут премию, но – увы! – нынче в «Правде» большая, гнусная подборка отрицательных писем читателей об Иване Денисовиче²⁰⁷. И это перед самым тайным голосованием! Нечестный и подлый удар! <...> Черт с ними! Пусть не дают Ленинскую премию! Все равно Солженицын великий писатель! Получит Нобелевскую. Кстати сказать, говорят, что его уже выдвинули на Нобелевскую премию. Может быть, именно с этим связана подборка в «Правде».

Говорят, что перед тайным голосованием голоса разделились так: 37 – за Солженицына, 30 – против. А надо две трети. Правда, предварительное голосование было открытым, потом будет тайное, но вряд ли будет изменение в лучшую сторону. Вряд ли у Ивана Денисовича есть тайные доброжелатели, которые не могли проявить свои чувства открыто. Скорее, наоборот. Да, многим он стал костью поперек горла» [86 : с. 100 – 102].

Публикация подборки писем об «Одном дне Ивана Денисовича» в газете «Правда» – печатном органе ЦК КПСС – справедливо была расценена многими современниками, как прямое указание властей не присуждать Ленинскую

---

²⁰⁶ Губко Н. Живые традиции; Сергеев Н. Преддверье...; Савин С. Односторонность // Лит. Россия. – 1964. – 27 марта. – С. 11.

²⁰⁷ Высокая требовательность : [обзор ред. почты] // Правда. – 1964. – 11 апр.

премию Солженицыну. Например, такую точку зрения высказывал немецкий исследователь В. Эггелинг²⁰⁸.

А. В. Жигулин продолжает:

«2 мая 1964 года, суббота, праздник.

<...> Много слышал (и часто из первоисточников – например, от Егора Исаева) о борьбе в Комитете по Ленинским премиям. <...> Страсти там здорово разыгрались. По словам С. И. Машинского²⁰⁹, какой-то дегенерат из правых <...> договорился до того, что во всеуслышанье заявил на Комитете, что Солженицын был осужден вовсе и не безвинно, что он вовсе не тот, за кого выдает себя. <...> Факт, однако, показательный. Подонки кочетовского лагеря прибегают к прямой клевете. <...> Эти измышления давно распространяются. Результаты голосования в Комитете стали известны задолго до их опубликования. Очень хорошо, что Исаев не получил премию. Это большая радость, она отчасти уравнивает неудачу «Ивана Денисовича». Хотя, конечно, было бы лучше, если бы был достигнут компромисс. Но правые не пошли на него. <...> Сам Егор Исаев говорил мне, что его убили голоса защитников Солженицына. Вот почти дословные слова Егора: «Дело в том, что все мои сторонники выступали против Солженицына. И Твардовский решил: раз забаллотировали «Ивана Денисовича», значит, и Исаеву не быть лауреатом» [87 : с. 3 – 6].

«Каким-то дегенератом из правых...» оказался первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, заявивший при обсуждении кандидатуры Солженицына в Комитете по Ленинским премиям на 1964 год, что писатель был осужден не по политическому, а по уголовному делу.

В ответ на клевету Твардовский представил на следующем заседании выписку из «дела Солженицына», полученную в Военной коллегии Верховного

---

²⁰⁸ Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953 – 1970 гг. – Москва, 1999. – С. 160 – 161.

²⁰⁹ Машинский Семен Иосифович (1914 – 1978) – литературовед, д-р филол. наук, проф. В 1960-е гг. – зав. кафедрой рус. лит-ры Лит. ин-та им. А. М. Горького.

суда СССР. Документ подтверждал, что Солженицын был незаконно репрессирован по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР²¹⁰.

Фрагмент из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского:

«Кто на К[омите]те был активно, открыто за или против кандидатуры Солженицына? (из литераторов).

За. – Крупнейшие писатели нац[иональных] литератур: Айтматов, Гамзатов, Стельмах, Токомбаев, Н. Зарьян, М. Карим, Марцинкявичюс, Лупан – из них трое – лауреаты Лен[инской] премии (всего – 4).

Против. – Бездарности или выдохнувшиеся, опустившиеся нравственно, погубленные школой культа чиновники и вельможи от лит[ерату]ры: Грибачев, Прокофьев, Тихонов, Ив[ан] Анисимов, Г. Марков (полтора лауреата – Прокофьев и Грибачев).

Н. Тихонов имел возможность увенчать свою пустопорожнюю старость поступком, который окрасил бы всю его литературную и гражданскую жизнь самым выгодным образом, но этот «седой беспартийный гусь» предпочел другое – поделом ему презрение, в лучшем случае – забвение.

Что говорить о роли чиновников от искусства – министре Романове, Т. Хренникове или постыдной роли бедняги Титова, выступившего «от космонавтов», как Павлов «от комсомола». О последнем не речь, но Титов сказал нечто совершенно ужасное (во втором выступлении) с милой улыбкой «звездного брата»:

– Я не знаю, м. б., для старшего поколения память этих беззаконий так жива и больна, но я скажу, что для меня лично и моих сверстников она такого значения не имеет (не букв[ально], но точно)²¹¹.

Как свидетельствуют дневниковые записи Жигулина, его личное знакомство с Солженицыным произошло 16 ноября 1966 г. в Центральном доме литераторов во время обсуждения I-й части романа «Раковый корпус» на

²¹⁰ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2000. – № 12. – С. 161 – 162.

²¹¹ Там же.

заседании бюро секции прозаиков Московского отделения Союза писателей СССР.

Спустя несколько дней Жигулин по конспективным записям в блокноте делает подробный отчет об этом событии в своем дневнике:

«20 ноября 1966 года, воскресенье.

<...> Я пришел в ЦДЛ заранее – в половине второго (назначено было обсуждение на два часа). Никакого объявления, конечно, не было, но, тем не менее, в фойе уже чувствовалось оживление. Я сразу узнал А. Солженицына. Он сидел на одном из диванчиков в окружении нескольких людей, из которых мне был знаком только Л. Копелев. Они о чем-то беседовали. Кто-то лихорадочно листал какую-то рукопись. Какая-то женщина рядом что-то записывала за низким столиком. Я, немного волнуясь, подошел к Солженицыну, когда народа стало меньше (он отходил к окну с какой-то дамой; кажется, это была его жена). Я сказал:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Жигулин.

– А, Анатолий Владимирович! Очень рад вас видеть.

– Я тоже очень рад. Не сразу Вас узнал. У меня есть Ваша фотография, но на ней Вы без бороды...

– Анатолий Владимирович, я получил Вашу книгу. Спасибо! Еще не прочитал (очень сейчас занят), но обязательно прочитаю» [98 : с. 72 – 76].

Далее Жигулин подробно описывает ход заседания, которое вел писатель Г. С. Березко.

«Вообще все выступления были по-своему интересны, оригинальны, – отмечает Жигулин. – В конце обсуждения выступил А. И. Солженицын. Я уже был отчасти подготовлен Ириным²¹² рассказом к тому обстоятельству, что А. И. Солженицын выглядит вовсе не так, как мы его себе представляли.

---

²¹² Имеется в виду И. В. Жигулина – жена поэта, литературный критик.

Действительно, это совсем не мрачный и не угрюмый человек, каким он нам казался. Крупный, жизнерадостный, очень спокойный и уверенный в себе человек. Держится отлично, говорит убедительно, просто, говоря только о самом главном. Быстро и четко ответил на все записки, разъяснил недоразумения, возникшие у некоторых при чтении повести. Поразила, кроме всего прочего, его естественная скромность. Он сердечно благодарил всех выступавших. В общем, Солженицын буквально покорила аудиторию. Выступление его закончилось радостной овацией» [98 : с. 76 – 78].

В 1967 г. непродолжительное время – около четырех месяцев – Жигулин работает в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы. Москва полна слухов о растущем противостоянии Солженицына с властями. После отставки Хрущева он фактически потерял возможность печататься в родной стране. Органы государственной безопасности в сентябре 1965 г. конфисковали архив Солженицына с его наиболее антисоветскими произведениями.

В этих условиях опальный писатель был вынужден активизировать общественную деятельность (встречи с читательской публикой, выступления, заявления на литературные и политические темы, интервью иностранным журналистам), чтобы о его взглядах узнало как можно больше людей в родной стране и за рубежом.

А. В. Жигулин пишет:

«21 мая 1967 года, воскресенье.

...«Литературная» газета» получила письмо от А. Солженицына. Он послал один и тот же текст в редакции разных журналов, а также некоторым, около 150-ти, писателям. В том числе и мне. Смысл письма: о цензуре, о гонениях на литературу, о его личном тяжелом положении. Пересказывать письмо не буду – вечером 19-го я тоже его получил, оно у меня. Боюсь за Солженицына. Вот что он пишет в конце:

«Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы – еще успешнее и неоспоримее, чем живой.

Никогда не перегорить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть...»

Не покончит ли он жизнь самоубийством?

Письмо по штемпелю отправлено из Москвы 19.5.67 г.

Час отпр<авления> не ясен. Видна единица и еще не то ноль, не то что-то в этом роде. Штемпель нашего почт<ового> отд<еления> от 19.5.67 г., 18 ч.

Значит, Исаевич в Москве» [99 : с. 127 – 128].

История открытого письма Солженицына IV съезду Союза советских писателей изложена автором в книге «Бодался теленок с дубом». Письмо было разослано по почте в 250 адресов в середине мая 1967 г., один экземпляр принесен лично автором в технический секретариат съезда и сдан под расписку. Первая публикация – по-французски в газете «Monde» (Париж) 31 мая 1967 г.; по-русски – множественно в эмигрантской печати. На родине письмо Солженицына впервые было напечатано спустя 22 года в журнале «Слово» (Москва), 1989, № 8; в журнале «Смена» (Москва), 1989, № 23, и др.

Из письма Солженицына IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей:

«За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране...

<...> Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибуны оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того – личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Андрей Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, – но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него!

<...> Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего командиром батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок как уголовник или сдался в плен (я никогда там не был), «изменил Родине», «служил у немцев». Так истолковывается 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина»²¹³.

Запись в дневнике Жигулина:

«12 декабря 1968 года, четверг.

<...> Позавчера вечером отправил поздравительную телеграмму А. И. Солженицыну – 11-го ему исполнилось 50 лет».

Жигулин крайне болезненно отреагировал на весть об исключении Солженицына из Союза писателей СССР:

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30.

<...> Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. Мерзавцы! Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – все равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунеядца. На это у них хватит совести. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишен возможности обращаться в СП, лишен права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок. Его теперь и в ЦДЛ могут не пустить... лечить не будут в поликлинике Литфонда, больничные листы не будут оплачивать. Ужасный акт! Противоречивые слухи об исключении давно ходили, но мне все не верилось. Великого писателя исключили из Союза писателей СССР! Людоеды! Все равно Солженицын переживет своих гонителей!

---

²¹³ Солженицын А. И. Открытое письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 113 – 115.

Надо ему завтра написать письмо, послать книжку» [112 : с. 62 – 64].

«13 ноября 1969 года, четверг.

В Москве уже известны некоторые подробности исключения А. Солженицына из СП, подробности хода собрания в Рязанском отделении. Были партийные руководители, был от секретариата правления СП РСФСР... Франц Таурин. Были, естественно, и рязанские писатели (ни одного не знаю). Солженицын, в частности, сказал:

– Голосуйте. Вы в большинстве. Но не забывайте, что история литературы проявит интерес к этому заседанию...» [112 : с. 67].

Из заметки в «Литературной газете»:

«Состоялось собрание Рязанской писательской организации, посвященное задачам усиления идейно-воспитательной работы. Участники собрания в своих выступлениях подчеркивали, что в условиях обострившейся идеологической борьбы в современном мире возрастает ответственность каждого советского писателя за свое творчество и общественное поведение. В этой связи участники собрания подняли вопрос о члене Рязанской писательской организации А. Солженицыне. Собрание отметило, что поведение А. Солженицына носит антиобщественный характер и в корне противоречит принципам и задачам, сформулированным в Уставе Союза писателей»²¹⁴.

Пристрастно наблюдая за событиями, развернувшимися вокруг Солженицына, Жигулин пишет:

«16 ноября 1969 года, воскресенье.

Вчера стало известно, что А. Солженицын обратился к Союзу писателей с открытым письмом по поводу своего исключения из СП. Письмо, естественно, не опубликовано... Очень подло поступили с Солженицыным. Всем писателям плюнули в лицо. Но протестовать совершенно бесполезно. Делают, что хотят. И пожаловаться некому и некуда. Они могут отменить решение Верховного Суда

---

²¹⁴ Сообщение секретариата правления Союза писателей СССР // Лит. газета. – 1969. – 12 нояб.

о реабилитации Солженицына, могут снова упрятать его в лагеря и не только его. Могут все, что угодно, сделать. Могут, например, завтра переименовать Москву в город Мао Цзэдун. Обоснуют – надо, мол, для возрождения дружбы. И никаких протестов не будет. Вот такое положение» [112 : с. 72 – 73].

«15 марта 1970 года, воскресенье.

<...> Улучшаю свой «уголок юмора» – рядом с портретом А. И. Солженицына устроил на книжной полке маленькую книжечку «Устав Союза писателей СССР». Нет в нем такого пункта, по которому Александра Исаевича можно было бы законно исключить из СП» [113 : с. 51].

8 октября 1970 г. Солженицыну по предложению Франсуа Мориака была присуждена Нобелевская премия «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». От первой публикации произведения Солженицына до присуждения высокой награды прошло всего восемь лет – такого в истории Нобелевских премий по литературе не было ни до, ни после этого события.

Запись в дневнике Жигулина:

«9 октября 1970 года, пятница.

Поздний вечер, точнее полночь. Вчера, 8 октября 1970 года, Шведская академия присудила Нобелевскую премию по литературе Александру Исаевичу Солженицыну. Я очень рад! Солженицын, несомненно, заслуживает такой высокой награды. Это великий писатель. Присуждение Нобелевской премии, вероятно, явится новым поводом для травли этого писателя» [115 : с. 177].

Жигулин не ошибся: уже на следующий день в «Известиях» (московский вечерний выпуск) была напечатана анонимная заметка, в которой утверждалось: «Нобелевский комитет позволил вовлечь себя в недостойную игру, затеянную отнюдь не в интересах развития духовных ценностей и

традиций литературы, а продиктованную спекулятивными политическими соображениями»²¹⁵.

А. В. Жигулин продолжает:

«16 ноября 1970 года, понедельник.

<...> 10 декабря должно состояться вручение Нобелевской премии А. Солженицыну в Стокгольме. Выпустят ли его? И впустят ли обратно? Говорят, он сделал заявление, что передаст нобелевские 78 тысяч долларов вьетнамским детям, «детям борющегося Вьетнама»... Много всяких слухов и разговоров, официальной информации нет. Хоть бы уж писателей, что ли, информировали...» [116 : с. 31].

В августе 1973 г. Солженицын написал открытое «Письмо вождям Советского Союза», в котором речь шла о судьбе русского народа, о грозящих нации опасностях, о пагубном влиянии идеологии на развитие страны. Письмо осталось без ответа.

Как и многих коллег по перу, Жигулина шокировало опубликованное в центральной печати сообщение ТАСС об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1974 г. о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его из страны «за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик». 13 февраля 1974 года опальный писатель насильственно был доставлен в Федеративную Республику Германия на самолете.

Вслед за этим последовал и секретный приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР об изъятии из библиотек и книготорговой сети и уничтожении произведений Солженицына. В том числе номеров журнала «Новый мир» с рассказами «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела», «Захар-Калита».

---

²¹⁵ Недостойная игра : по поводу присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну // Известия. – 1970. – 9 окт.

Начиная с этого момента, Жигулин становится предельно осторожен в своих дневниковых записях, старается избегать острых политических тем, опасаясь возможного преследования со стороны властей. В его дневнике встречаются краткие или завуалированные упоминания о Солженицыне. Например, «Дядя Саша». Или: «Солженицын – письма».

27 февраля 1974 г. состоялся пленум правления Московского отделения Союза писателей СССР. Жигулин цитирует слова из доклада С. С. Наровчатова о Солженицыне: «Его значение будет обесцениваться с каждым днем его пребывания за границей» [127 : с. 8]. Упоминает Л. Чуковскую, которая «закончила свое выступление на секретариате пророческими словами о проспекте Солженицына и площади Сахарова в Москве» [Там же].

До возвращения писателя на Родину остается ровно 20 лет.

В автобиографическом произведении Солженицына «Бодался теленок с дубом» значительная часть текста посвящена «Новому миру» и его главному редактору А. Т. Твардовскому²¹⁶.

Впервые книга Солженицына была опубликована издательством «ИМКА-Пресс» в Париже на русском языке в 1975 г., в СССР нелегально распространялась в самиздате. В России впервые напечатана в журнале «Новый мир» в 1991 г., отдельное издание – в 1996 г. (издательство «Согласие»).

На страницах книги талантливо (местами спорно) запечатлен образ Твардовского как великой, трагической и одинокой фигуры XX века. Как человека и поэта, во многом пожертвовавшего собой во имя существования и спасения любимого им журнала.

Рассказывая о том, как непросто складывались отношения с главным редактором «Нового мира», Солженицын порой был резок и явно несправедлив в своих суждениях:

«Твардовский, как и Хрущев, был в довечном заклятом плену у принятой идеологии»²¹⁷.

---

²¹⁶ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. – 1991. – № № 6 – 8, 11, 12.

«Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дольше прилегать локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы»²¹⁸.

«Можно гибнуть по-разному. «Новый мир» погиб, на мой взгляд, без красоты, с нераспрявленной спиной. Никакого даже шевеления к публичной борьбе, когда она уже испробована другими и удаётся!»²¹⁹.

«...Весь новомирский век состоял из постоянных компромиссов с цензурой и с партийной линией...»²²⁰.

С такой оценкой литературной и исторической роли Твардовского и журнала «Новый мир» категорически не согласился В. Я. Лакшин, непосредственный свидетель и участник драматических событий, развернувшихся вокруг Солженицына после публикации повести «Один день Ивана Денисовича».

Ярким полемическим ответом на книгу «Бодался теленок с дубом» стала статья Лакшина «Солженицын, Твардовский и «Новый мир», написанная в 1975 году и опубликованная за рубежом²²¹. Приведя конкретные факты и примеры из редакционной жизни, автор решительно опроверг обвинения в конформизме, трусости и недемократизме, которые Солженицын выдвинул в адрес главного редактора «Нового мира».

С точки зрения Твардовского, фронтового журналиста, участника Великой Отечественной войны, еще при жизни побывавшего в образе Теркина «на том свете», наверное, не было более страшного греха, чем обвинение в трусости. В трусости нельзя было упрекнуть и Солженицына, боевого офицера, не раз смотревшего смерти в глаза на поле боя.

---

²¹⁷ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 97.

²¹⁸ Там же. С. 111.

²¹⁹ Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 131.

²²⁰ Там же. С. 132.

²²¹ Лакшин В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Альманах «XX век». – Лондон, 1976.

«Твардовский не шутил со словами – честь, правда, народ, мужество, родина. И своей смертью заплатил за это...», – писал В. Я. Лакшин²²².

В конце 1970-х гг. на публикацию Солженицына откликнулся старейший писатель В. А. Каверин, который упрекнул в свою очередь автора книги «Бодался теленок с дубом» в необъективности: «И то сказать, он действительно показал непонимание значения «Нового мира», который существовал для всех иных писателей, а не только для него»²²³.

Спустя два десятилетия после выхода знаменитой статьи Лакшина Солженицын, по сути, признал правоту литературного оппонента: «Лакшин, очевидно, прав, коря меня, что о внутренней обстановке «Нового мира» я судил по слишком беглым своим, всегда на лету, впечатлениям. Допускаю, что я весьма неполно вник в соотношение «первого» и «второго» этажей. Я рад, что он меня поправил»²²⁴.

Великая и трагическая фигура Твардовского до конца дней будоражила чувства и мысли Солженицына, заставляла его размышлять и искать ответы на старые и новые вопросы. Об этом, в частности, свидетельствует текст, написанный Александром Исаевичем менее чем за месяц до кончины (вставка в книгу «Угодило зернышко промеж двух жерновов») и опубликованный в день 100-летия А. Т. Твардовского в «Российской газете»²²⁵.

В споре двух ключевых фигур русской литературы, на наш взгляд, бессмысленно искать однозначный ответ на вопрос: кто из них был прав. Мы согласны с мнением Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова: «...Нет смысла идеализировать отношения российского журнала с русскими писателями. Открывая новые, порой блистательные имена, журнал обычно становится

---

²²² Лакшин В. Еще о Твардовском и Солженицыне. Как разгоняли «Новый мир» : полемические заметки участника событий // Аргументы и факты. – 1989. – 30 декабря. – № 52. – С. 4 – 5.

²²³ Каверин В. Эпилог : мемуары. – Москва : Аграф, 1997. – 560 с.

²²⁴ Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов : Очерки изгнания // Новый мир. – 1999. – № 2. – С. 94.

²²⁵ Солженицын А. «Твардовский расплачивался за меня» // Рос. газета. – 2010. – 21 июня.

ревнивым к своим авторам, пытается придать отношениям со своим автором характер патронирования, которое чаще всего, если речь идет о художнике большого мастерства, по сути своей не могущего ограничиться рамками магистральной тенденции журнала, завершаются разрывом. Так произошло с Н. А. Некрасовым и Л. Н. Толстым в XIX веке, А. Т. Твардовским и А. И. Солженицыным в веке XX»²²⁶.

Книга «Бодался теленок с дубом» Солженицына и «Новомирский дневник» Твардовского – это диалог великих писателей, их взгляд на предназначение литературы и журналистики, на роль художника в современном мире.

Этот диалог нам, живущим в XXI веке, столь же важен и интересен, как вещее слово А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, А. А. Блока, И. А. Бунина, А. М. Горького, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, М. А. Булгакова, М. А. Шолохова, Б. Л. Пастернака и других классиков.

Заслуживает внимания тот факт, что Жигулин не стал в дневнике комментировать тему взаимоотношений Твардовского и Солженицына. И это, как нам кажется, не случайно. Оба писателя были ему одинаково близки и дороги. И, видимо, требовалось определенное время – месяцы или даже годы – чтобы не спеша во всем разобраться и постараться ответить на сложные вопросы.

В дневнике Жигулина создан иконический образ А. И. Солженицына – великого писателя, великого гражданина, лауреата Нобелевской премии по литературе, общественного и политического деятеля, оказавшего колоссальное влияние на весь ход развития нашей страны в конце XX – начале XXI вв.

---

²²⁶ Снигирева Т. А. Подчиненов А. В. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // Известия УрГУ. – 1999. – № 13. – С. 11.

2.4 Портреты поэтов-шестидесятников

В дневнике Жигулина запечатлены портреты многих писателей, которых принято называть «шестидесятниками». Эти люди родились и выросли в эпоху Сталина, их мировоззрение формировалось под влиянием Великой Отечественной войны, исторических решений XX и XXII съездов КПСС, хрущевской «оттепели». Одни из них даже успели добровольцами «сходить на войну», другие испытали на себе невероятно тяжкий груз культа личности, чудом выжив в сталинских лагерях в Сибири и на Колыме, третьи получили трудовую и идейную закалку на целине и строительстве Байкало-Амурской магистрали. По возрастному признаку писателей-шестидесятников можно условно поделить на три группы: старшее поколение, среднее поколение, младшее поколение.

Многие из писателей-шестидесятников старшего и среднего поколений, как отмечено в параграфе 2.2, шагнули в большую литературу со страниц журнала «Новый мир» Твардовского, ставшего после антисталинского XX съезда КПСС оплотом либеральных и демократических ценностей. Среди них: Ю. В. Бондарев, В. П. Некрасов, В. В. Быков, Г. Я. Бакланов, В. С. Гроссман, В. Н. Войнович, Ч. Т. Айтматов, В. М. Шукшин, Ф. А. Искандер и другие писатели, стремившиеся в условиях советской цензуры правдиво и честно отражать действительность.

Как верно заметил В. М. Акаткин: «После войны, несмотря на тоталитарную подмороженность, повсюду накапливались обновительные силы, в том числе и в литературе. Теперь отчетливо видно: происходила смена эпох и поколений, смена вкусов и ценностей, осадное положение разбавлялось относительными свободами и даже вольностями, военный аскетизм уживался с принципом «красиво жить не запретишь». Старшее поколение поэтов

возводили в классики, в уважаемые портреты на стенах – почти наравне с членами Политбюро, а их живые, публичные места занимали молодые»²²⁷.

Журнал «Юность» В. П. Катаева стал трибуной для нового поколения представителей советской поэзии и прозы: Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Р. И. Рождественского, Б. Ш. Окуджавы, Б. А. Ахмадулиной, В. П. Аksenова, А. Т. Гладилина и др.

Практически каждый из этих людей оставил след в дневнике А. В. Жигулина.

Е. А. Евтушенко

На страницах дневника Жигулина запечатлен портрет выдающего поэта второй половины XX века Е. А. Евтушенко (1932 – 2017), автора канонического стихотворения «Наследники Сталина», отразившего настроения целого поколения советских людей: «Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло. / Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея. / А гроб чуть дымился. Дыханье из гроба текло, / когда выносили его из дверей мавзолея...»²²⁸.

Одно из первых упоминаний о Евтушенко в дневнике Жигулина:

«19 августа 1959 года, среда.

Вчера вечером был с Г. Пресманом у Луткова. <...> Беседовали о поэзии, в частности, о стихах Е. Евтушенко, Е. Винокурова. Талантливые поэты!» [47 : с. 9].

«20 сентября 1964 года, воскресенье.

...Евтушенко в «Юности» был за мои стихи, за «Сны», «Бурундука» и «Кострожогов». На последнем даже написал: «Прекрасно». Но – увы! – стихи не пошли. Запрещено «Юности» писать о культе» [89 : с. 72 – 73].

«10 мая 1965 года, понедельник.

<...> Читаю поэму Евтушенко «Братская ГЭС». Начало – «Я еду по России», «Монолог Египетской пирамиды», «Песня надсмотрщиков» – очень

²²⁷ Акаткин В. М. А. Т. Твардовский и «молодые» поэты 50 – 60-х годов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия : Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 6.

²²⁸ Евтушенко Е. Последняя попытка. Стихотворения. Из старых и новых тетрадей. – Москва : Сов. Россия, 1990. – С. 182.

понравилось. Дальше хуже, хотя я и до половины еще не прочел, но видно, что дальше хуже. Особенно эти иллюстрации к русской истории.

Но как бы там ни было, Евтушенко твердо выходит в большие поэты. Несмотря на поспешность, у него есть главное, что для этого нужно: понимание истории и беспощадно ясное понимание сегодняшних событий. И не только понимание, но и стремление писать обо всем этом. Порою он выражает свои мысли в подтекстах, ибо правду во все времена писать трудно.

Поэт, не понимающий противоречий и бед своего времени или закрывающий на них глаза, или, что хуже всего, сознательно искажающий действительность, – не может стать большим поэтом, как бы ни был он одарен природой» [91 : с. 5 – 6].

Отдавая должное таланту собрата по перу, Жигулин после внимательного прочтения поэмы «Братская ГЭС» отметил в дневнике и серьезные недостатки этого произведения.

«11 мая 1965 года, вторник.

Прочитал Евтушенко. Сложная вещь – эта поэма. Неровная. Но значительная, как ни крути. Местами вялая, местами великолепная.

<...> Начальство даже трусливее рядовых работников. Их пугает даже не смысл, не внутренняя суть, а буква, слово. Удивительно, как они пропустили у Евтушенко эти запретные слова: «номер», «зеки»?.. Прошли слова запретные. Но экскурсии Евтушенко в «лагерную тему», тем не менее, очень и очень поверхностны. Они только раздражают. Более интересен портрет теперешнего «телефонного человека» в Ньюшкином рассказе» [91 : с. 7 – 9].

«21 сентября 1972 года, четверг.

...Долго сидел и беседовал с Е. Евтушенко. <...> Говорили, в частности, о наших книгах, вышедших в «Современнике». Евтушенко очень удивило, что меня прошли некоторые стихи о культе и 37 годе. Он их читал, хвалил. <...> Говорили также на «общеполитические» темы. Лагерь. Цензура и т. д., и т. п. Понравилось Жене мое предисловие. О Твардовском, о «Дне поэзии», о многом» [119 : с. 175].

«23 сентября 1972 года, суббота.

...Вечером этого дня были на свадьбе у Сергея Алиханова. <...> Я не хотел идти, но сейчас не жалею, что пошел. Очень хорошо было. Так мило, душевно посидели, поговорили. <...> Особенно Женя много говорил, пока не ушел. Я имею в виду Евтушенко. Он говорил, в частности, о нашем с ним родстве – душевном и поэтическом. Дескать, в основе наших стихов – боль. Это общая, мол, черта. Поэтому мы, дескать, хорошо и понимаем друг друга» [119 : с. 179 – 180].

Запись в дневнике А. В. Жигулина во время отдыха в Коктебеле:

«11 июня 1974 года, вторник.

...До самого обеда были у Жени Евтушенко с Сергеем Орловым и Ирой. Женя зазвал нас послушать стихи. Читал он много: из австралийского, перуанского, вилюйского и коктебельского циклов. Есть немало интересного, но местами, кусками, в частностях. Женя не всегда может вовремя остановиться, сделать стихотворение чистым, цельным, локальным. Мысль уходит в ответвления, в боковые пути. Наступает перегрузка – и образами, и информацией. Длинноты, разжевывания начинают тяготить, раздражать. Все это идет в ущерб стихам. И я, и Орлов сказали ему об этом. Женя не стал спорить: знаю, мол, за собой эти недостатки, но не могу остановиться.

Возникла сложная, многосторонняя беседа о поэзии. Я прочел стихи: «Чуть слышно кукует кукушка...», «Москва», «Осень», «Сны». С. Орлов читал стихи о Я. Смелякове.

Мои стихи всерьез понравились обоим поэтам. <...> Вспоминали встречи с Твардовским, говорили о Теркине и о военных стихах других поэтов» [129 : с. 19 – 22].

Жигулин откровенно пишет и о тех разногласиях, которые иногда случались у него с Евтушенко. Как известно, поэты – народ эмоциональный и весьма ранимый.

«3 апреля 1978 года, понедельник.

<...> Женя Евтушенко неожиданно ко мне подошел, подозвал:

– Толя! Для меня удивительно то, что ты был против моего вечера в Лужниках. А ведь я – ты помнишь – написал письмо в твою защиту, когда ты прочитал стихи в Политехническом. Ты помнишь об этом?

– Да, Женя. Я это помню, спасибо тебе. Что же касается твоего вечера в Лужниках, то вопрос на голосование был поставлен так. Нам дают на 2 вечера Лужники, московским поэтам, всей творческой организации. Есть два предложения об использовании этой возможности: 1) отдать эти вечера Евтушенко и Вознесенскому или 2) провести два коллективных выступления. Из чувства элементарной справедливости я голосовал за второе предложение.

Женя начал спорить – дескать, вопрос стоял не так. Я предложил проверить по протоколу. <...> На счастье подошла Ира. Уже при ней все заново и подробно пришлось повторить. Женя:

– Ты ведь знаешь, что это я завоевал Лужники...

– Ладно, я это знаю. Но не мешает тебе помнить о том, что, когда ты устраивал своими стихами «революцию» в 50-х годах, я в это время еще гнулся... на Колымских урановых рудниках и думал-гадал: то ли будет реабилитация, то ли нет.

– Я в этом не виноват.

– Это тебе, как Штирлицу, информация к размышлению» [167 : с. 19 – 23].

В дневнике Жигулина подробно описан случай, когда Евтушенко решительно вступился в его защиту в связи с попыткой литературных чиновников наказать его за чтение «нежелательных стихов». В октябре 1973 г. Жигулин во время своего выступления на вечере поэзии в Политехническом музее, посвященном Маяковскому, прочел стихотворение «Забытый случай»: «Забытый случай, дальний-дальний, / Мерцает в прошлом, как свеча... / В холодном БУРе на Центральном / Мы удавили стукача...»²²⁹.

Ортодоксальное руководство Московской писательской организации усмотрело в этом, не опубликованном на тот момент в печати, стихотворении

---

²²⁹ Жигулин А. В. Забытый случай / Далекый колокол. Стихи. Проза. Письма читателей. – Воронеж, изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 139.

крамолу и попыталось наказать поэта. В защиту Жигулина тогда выступил ряд известных писателей: К. М. Симонов, В. Н. Соколов, Е. А. Евтушенко и др. В результате скандал удалось замять, но последствия того случая и дальше преследовали поэта: в частности, он надолго стал невыездным в зарубежные страны.

«Позавчера – 28 ноября 1982 года, в воскресенье,

был в ЦДЛ вечер, посвященный еще не вышедшему <альманаху> «День поэзии 1982». <...> Вечер в ЦДЛ был хороший. Володя Соколов председательствовал и был мягок и изящен. <...> Я выступал четвертым. Прочел следующие стихи: «Бурундук», «Полынный берег, мостик шаткий...», «Игрушечной нашей любви...», «Упал снаряд, и совершилось чудо...», «Калина», «Черный ворон, белый снег», «Настроение («Обложили, как волка, флажками...»), «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...»

Во время чтения мне четырежды преподносили цветы. Успех просто потрясающий. Полностью владел залом. Читал – словно летел. Женя Евтушенко, сидя рядом со мною за столом, при выступлениях первых трех поэтов демонстративно читал-листал какую-то рукопись. Но когда меня объявили, он рукопись оставил. Потом выразил мне одобрение – люблю, мол, твои стихи про японца и махорку. А одну строку, дескать, надо исправить – Св. Георгий изображается не с пикой, а с копьем. Внимательно слушал меня Женя...» [180 : с. 169 – 171].

В середине 1980 гг. Жигулин и Евтушенко, как и многие другие «шестидесятники», с огромным энтузиазмом восприняли смену курса внешней и внутренней политики государства, получившего образное название «перестройка». В «перестройке» они увидели продолжение «оттепели», возобновление надежд на публикацию ранее запрещенных произведений, на запрет цензуры, на появление подлинно независимой писательской организации.

«25 августа 1987 года, вторник.

<...> Я уже лег спать, когда позвонил Евтушенко. Он сказал Ирине:

– У него в «Огоньке» – «Памяти друзей» – феноменальное стихотворение! Феноменальное! И он сейчас так остро чувствует и переживает!? Это потрясающе!

Я еще не уснул и подошел к телефону. Женя наговорил мне целый короб восторженных слов, которые и записывать как-то неловко. В частности, его поразила чрезвычайная наполненность стихов чувством. «Нет пустого словесного элемента».

– Ты, кроме прочего, открыл какую-то новую форму стиха. Такого еще не было после Блока! Совершенно не замечаешь, что нет рифмы. Необыкновенная густота. Ты должен написать поэму!

– Женя, я написал роман. Его приняли в «Знамени».

– Слушай, а о подростках там будет?

– Да будет!

Я ему когда-то в Коктебеле рассказывал о КПМ. Закругляя разговор, я скромно сказал, что рад, дескать, что мы выступили в паре. На это Женя воскликнул с негодованием:

– Я говорю о том, что висит в воздухе. А ты выдаешь свое, что, кроме тебя, никто не знает! Ты открываешь какое-то неведомое пространство!» [229 : с. 118 – 120].

Понравившееся Евтушенко стихотворение Жигулина «Памяти друзей» содержит эпиграф: «Имею рану и справку» (Б. Слуцкий) и посвящено событиям, описанным в автобиографической повести «Черные камни»: «Я полностью реабилитирован. / Имею раны и справки. / Две пули в меня попали / На дальней глухой Колыме. / Одна размозжила локоть, / Другая попала в голову / И прочертила по черепу / Огненную черту...»²³⁰.

Еще одна запись в дневнике Жигулина посвящена телевизионной передаче о творчестве и жизни известных русских поэтов, автором и ведущим которой был Е. А. Евтушенко:

«11 апреля 1998 года, суббота. Еврейская пасха. День узников.

---

²³⁰ Жигулин А. В. Памяти друзей / Далекый колокол. – С. 156.

<...> Передача Евтушенко. Чудо! Молодец, Женя! Сначала шла моя песня на фоне соответствующих кадров – дороги, сопки, лагеря. Читал Женя на удивление хорошо, а говорил обо мне с трогательной любовью, добротой и нежностью. Изумительно говорил и о моей судьбе, и обо мне. Не буду сейчас вспоминать, что он читал. Это «Стихи», «О, люди, люди с номерами...», «Бурундук», «Палачи вы мои, палачи...», «Береза» и что-то я забыл. Лена Троянова обещала сделать мне кассету со всей передачей и два дубля с исходниками песни. Было очень много отзывов-звонков» [260 : с. 179 – 180].

В передаче на «Радио Свобода», посвященной памяти А. В. Жигулина, Е. А. Евтушенко вспоминал: «Двухтысячный зал кинотеатра «Октябрь» оказался переполнен. Люди подсказывали поэтам забываемые ими строчки, выкрикивали названия любимых ими стихов... Но, пожалуй, самое потрясающее впечатление произвело на всех, когда Толя Жигулин сиплым голосом колымского кострожога запел лагерную песню о том, как «вставал впереди Магадан, столица Колымского края...» Он пел не только голосом. Казалось, пели его затравленные смеляковские глаза, его спина сахалинского каторжника, описанного еще Чеховым. Ноги в невидимых кандалах, перешедших по наследству от Достоевского, были широко расставлены на сцене, как на палубе парохода, который, покачиваясь, приближался к Магаданскому порту – последнему причалу Великой Утопии. Нет, не «Железного Феликса» нужно поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните. Если бы я был скульптором, то именно с него я бы слепил Неизвестного Лагерника...»²³¹.

А. А. Вознесенский.

Одна из первых записей в дневнике Жигулина о поэте Андрее Андреевиче Вознесенском (1933 – 2010) уже содержит квинтэссенцию его отношения в последующие годы к творчеству выдающегося поэта-футуриста, ученика В. Маяковского, Б. Пастернака и С. Кирсанова:

---

²³¹ Евтушенко Е. Человек со страниц Шаламова // Жигулин А. Далекий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 673 – 674.

«7 октября 1960 года, пятница.

<...> Прочитал нынче книжку стихов Андрея Вознесенского «Мозаика»²³². Это первый его сборник, издан по Владимире. Хорошо издают стихи некоторые областные издательства... В Курске, Белгороде – прекрасно издают...

А. Вознесенский поэт, безусловно, талантливый, многие стихи мне нравятся, но все-таки эти <эксперименты> в направлении аллитераций, рифм – дело никчемное. Ведь главное заключается не в том, чтобы поразить, оглушить читателя подбором одинаковых согласных или гласных, а в том, чтобы взволновать его» [53 : с. 27 – 28].

«3 декабря 1960 года, суббота.

<...> Заходили в книжный магазин на ул. Мира. Мне удалось добыть через заведующего сборник А. Вознесенского «Парабола»²³³. [54 : с. 19].

Дневник Жигулина отражает двойственное отношение части советской интеллигенции к высокой в те годы популярности А. А. Вознесенского, к его достаточно частым зарубежным поездкам и встречам с иностранными государственными и общественными деятелями.

В апреле 1974 г. американский политик Эдвард Кеннеди, младший брат президента США Джона Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди, посетил СССР и на встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым предложил обсудить вопросы о полном запрете на испытания ядерного оружия и об упрощении эмиграции. Во время визита сенатор встретился с представителями демократической творческой интеллигенции, в том числе с поэтом А. А. Вознесенским. А. В. Жигулин иронически пишет:

«8 мая 1974 года, среда.

Андрей Вознесенский и его рассказ о визите к нему Эдварда Кеннеди. Красочный, живописный рассказ. Да... Специально их содержат (Вознесенского, Евтушенко и др.) для подобных посещений. Экзотика, так

---

²³² Вознесенский А. Мозаика : Стихи и поэмы. – Владимир : Владимирск. книж. изд-во, 1960. – 72 с.

²³³ Вознесенский А. Парабола : Стихи. – Москва : Сов. писатель, 1960. – 90 с.

сказать. Вот колокольня Ивана Великого, вот театр Образцова, а вот наши передовые поэты. Пожалуйста в гости!» [128 : с. 31 – 32].

В 1972 – 1975 гг. отношения между Жигулиным и Вознесенским развивались в плоскости не только «поэт – поэт», но и «редактор – поэт». В это время Жигулин работал заведующим отделом поэзии, членом редколлегии журнала «Дружба народов».

Как творческому человеку, Жигулину порой было трудно удержаться от субъективных, эмоциональных оценок произведений авторов – иногда всенародно известных поэтов. В его дневнике запечатлен один из таких случаев, связанных с рассмотрением рукописи поэмы Вознесенского «Дама трэф»²³⁴.

«10 октября 1974 года, четверг.

Утром написал «Внутренний отзыв о поэме А. Вознесенского «Дама трэф»... Перепечатал – дал С. Баруздину, оставил в редакции. Чтобы не было нареканий. А то о прошлом варианте поэмы два часа говорил с Баруздиным перед отъездом в Дубулты, и он же меня потом обвинил, что я уехал, не высказав своего мнения. <...> В редакции – беседы с Баруздиным и Теракопяном о поэме А. Вознесенского. Позже – о том же и с Леонардом <Лавлинским>» [128 : с. 164 – 165].

«24 октября 1974 года, четверг.

<...> О редколлегии. Она началась в час: командировки, договора и обсуждение рукописи А. Вознесенского «Дама трэф». Споры» [128 : с. 191].

«4 ноября 1974 года, понедельник.

<...> Беседа с А. Вознесенским о поэме. Обиделся Андрей за мои, как он выразился, ремарки (заметки на полях – о «писанье» и о «девочке по кругу»; см. внутренний отзыв – то же (короче) было и на полях). Сначала, дескать, не обиделся, а потом все-таки обиделся. Как, мол, ты – поэт – меня не понял.

---

²³⁴ Поэма А. Вознесенского «Дама трэф» была опубликована во втором номере журнала «Дружба народов» за 1975 г.

Обидные, дескать, замечания, их тон. Что ж, может, Андрей и прав. Может, надо было помягче, черт его знает.

Общая беседа о поэме: Андрей, С. Баруздин, Л. Лавлинский, я. Спор о «девочке по кругу». Я – чтоб вымарать или смягчить» [134 : с. 22].

«14 ноября 1974 года, четверг.

<...> Приходил Андрей Вознесенский. Вычитывал свою поэму. Помирились (или как сказать? – объяснились) мы с ним. Что не хотел я его обидеть и что – хрен с ней! – подпишу я его «девочку по кругу». А то начальство не подпишет. Выяснили, что любим друг друга, что мы – поэты. Андрей написал на клочке бумаги слово «обида» и мелко изорвал бумажку и бросил в корзину. Все, мол, конец! А я прочитал стихотворение А. Блока о поэтах со слов: «Так жили поэты. / Читатель и друг! / Ты думаешь, может быть, – хуже / Твоих ежедневных бессильных потуг, / Твоей обывательской лужи?..» – до конца. Мы очень разные с Вознесенским люди – и по судьбам, и по воспитанию, по вкусам, по всему. Но мы оба – поэты, хоть и не всегда понимаем, приемлем друг друга. Об этом тоже говорилось. Точки соприкосновения все-таки есть» [134 : с. 44 – 45].

В дневнике Жигулина нашла отражение одна из полушутливых тем его разговоров с Вознесенским о различном оружии времен Великой Отечественной войны. Причина такого интереса обоих поэтов была очевидна: военное детство.

На одной из страниц дневника Жигулина красочно изображены несколько пулеметов. Шутливая надпись гласит:

«17–VII–75 г.

Пулеметы для Андрея Вознесенского. Очень хочется ему иметь пулемет» [143 : с. 8].

«15 мая 1977 года, воскресенье.

<...> Вечером – беседа с А. Вознесенским (о войне и немецком шестиствольном миномете, который наши фронтовики называли: «Ванюша». У нас была «Катюша», а у них – «Ванюша». Жуткая штука этот «Ванюша» –

сразу шесть больших мин швырлял). А Вознесенский Андриюша сразу придумал (после моего разъяснения) типичную свою строку: «Шестиствольный Серафим» [160 : с. 87 – 88].

«16 мая 1977 года, понедельник.

В «ЛГ» <...> книга от А. Вознесенского с изображением шестиствольного миномета «Ванюша»... на гусеницах. Не видел Андриюша «Ванюши»! В Средней Азии был, в эвакуации. И что забавно – я, когда ехал в «ЛГ», вспомнил, как выглядел этот немецкий миномет (см. 2-ю голубую страницу перед обложкой в конце этой записной книжки)» [161 : с. 64 – 65].

Ниже – рисунок и шутливое обращение Жигулина к Вознесенскому: «Дорогой мой друг Андриюша! / Вот как выглядел «Ванюша» / Шестиствольный миномет. / Время – сорок третий год» [Там же].

В записи Жигулина содержится неточность: во время Великой Отечественной войны 8-летний А. Вознесенский с матерью были эвакуированы из Москвы и жили в городе Кургане (это Зауралье). В зрелые годы, вспоминая ту пору, Вознесенский писал: «В какую дыру забросила нас эвакуация, но какая добрая это была дыра!»²³⁵.

«17-V-79 г., четверг.

<...> Встреча с А. Вознесенским. Я:

– Ну, что же ты – премию получил, пулемет купил! Взял бы да позвонил: Толя, приходи – постреляем!..» [167 : с. 139].

В дневнике Жигулина немало и других записей с упоминанием имени Вознесенского. Например, такие:

«29 октября 1975 года, среда.

<...> А. Вознесенский, пробегая мимо, сказал:

– Я был в Саратове, но слышал, как ты положил зал на обе лопатки на вечере Саши Иванова...» [149 : с. 4].

«13 июля 1983 года, среда.

---

²³⁵ См. : Вознесенский А. А. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Вознесенский,_Андрей_Андреевич

С 29 июня не писал дневника, т. е. еще со времени пребывания в кардиологическом санатории «Переделкино». <...> Помнится, что провожал нас Андрюша Вознесенский, помогал сносить чемоданы из нашего люкса на 4-м этаже, рядом с библиотекой. Дочь свою он назвал Ариной, и радуется этому имени, как поэтической находке...» [203 : с. 4 –5].

Подобные записи, конечно, не имеют особого научного значения, но наглядно свидетельствуют о характере отношений между поэтами.

Б. Ш. Окуджава

Более 30 лет творческие отношения и крепкая мужская дружба связывали А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджаву (1924 – 1997).

Известный поэт, бард, прозаик и сценарист, композитор, автор около 200 авторских и эстрадных песен, написанных на собственные стихи и кавказские народные сказания, Окуджава был одним из самых ярких представителей жанра «эстрадной поэзии» в 1960-е – 1980-е гг. Его авторитет и популярность среди зрителей и слушателей не имели аналогов.

Во взглядах Жигулина и Окуджавы на жизнь и литературу было много общего. Оба во главу угла ставили честное и правдивое отражение действительности, искренний и открытый разговор с читателем, честь и достоинство, уважение к мнению и позиции других.

В их биографиях тоже есть схожести: оба непродолжительное время работали по найму (Окуджава – в редакции «Литературной газеты» и издательстве «Молодая гвардия», Жигулин – в той же «Литературке» и журнале «Дружба народов»), но предпочли уволиться и целиком посвятить себя творчеству.

Одна из первых записей Жигулина об Окуджаве:

«20 февраля 1967 года, понедельник.

...В комаудитории МГУ (что такое комаудитория? Коммунистическая что ли?) набилось человек восемьсот. Сломали двери. Аудитория амфитеатром, как в Политехническом.

Надо бы было дать Храмову первое слово, ибо стихи его, по словам Булата, менее эффектны, чем мои, но – увы! – Женя позвонил и предупредил, что опоздает на полчаса. Пришлось мне начинать. «Я вышел на трибуну в зал...» Покрутил микрофон, покашлял. Тысячи глаз. Пришли слушать Булата... И начал читать. Читал: «Воспоминание», «Москва», «Хлеб», «Осень», «Бурундук», «Кострожоги», «Сны», «Забытый случай», «Враг», «Я был назначен бригадиром...», «О жизнь! Я все тебе прощаю...»

Были аплодисменты, большой успех. <...>

Потом пел и читал Булат. Я никогда прежде не слышал его пение и получил огромное удовольствие. Прекрасный, крупный, очень человечный, очень мудрый поэт! Радостно его слушать – словно слышишь саму жизнь со всей ее красотой, со всей ее болью и нелепостью» [99 : с. 61 – 62].

В самые глухие годы застоя Окуджава не скрывал своих взглядов и убеждений, открыто поддерживал Солженицына, за что не раз подвергался гонениям со стороны властей. О гнусной обстановке тех лет, о том, как система ломала души советских писателей, заставляя их отрекаться от «пророка в своем Отечестве», свидетельствует такой эпизод, запечатленный в дневнике Жигулина.

«3 апреля 1971 года, суббота.

Вчера, 2 апреля, был на Партбюро секции поэтов. Обсуждали персональное дело Булата Окуджавы. Вся суть его очень несложна: выступая в Молдавии от «Дружбы народов», Булат в ответ на записку: «Достоин ли Солженицын Нобелевской премии?» – ответил: «Достоин».

Я шел на Партбюро с твердым решением защищать Булата. Но его уже, видно, крепко пробрали журналистские боссы <...> Короче, вопреки моим ожиданиям, Булат признал, что совершил ошибку, сожалел и т. д. Я попытался помочь ему, ухватившись за его мысль, что речь шла все-таки о Нобелевской премии, а не о Ленинской, скажем. Нобелевская премия, мол, – премия буржуазная. Шведских академиков наша пресса ругала. Премия, стало быть, чужая, нехорошая? Солженицын, стало быть, вполне достоин этой поганой

премии... Такая, мол, вероятно, логика внутренняя была у Окуджавы, когда он отвечал на вопрос. И в этом случае криминала никакого нет. <...> В общем, Булату почти сошло – поставили на вид. После Бюро было ощущение, словно в <дерьме> искупался. И все были гадки: кто тупостью, кто лицемерием... И сам себе до сих пор гадок: ведь по честному-то, по человечески действуя, не надо было мне прибегать для оправдания Булата к формальной, логической уловке. Надо было сказать:

– Друзья! Да вы что, с ума посходили, что ли? Солженицын великий писатель! И зря ты, Булат, вину признаешь! Достоин Солженицын Нобелевской премии! Правильно ты сказал в Молдавии! И я сейчас с тобой повторю: конечно, достоин! Зачем ломать эту дурацкую комедию?

Вот такие дела!» [117 : с. 1 – 3].

Еще одна подобная запись:

«30 марта 1972 года, четверг.

<...> ЦДЛ. Партбюро. Разговор о Булате Окуджаве. Его часто печатает антисоветский журнал «Грани», а в 1970 г. в белогвардейском издательстве «Посев» вышел его двухтомник. Булата самого не было. Решили вызвать его для беседы. Я говорил, что не вижу криминала – ведь Булат сам не посылал эти произведения» [119 : с. 23].

Дело разрешилось на следующем заседании партбюро поэтов. После долгих споров было принято компромиссное предложение Жигулина: «проштрафившегося» Окуджаву обязать выступить с осуждением издательства либо на общем партсобрании, либо в печати.

Жигулин по этому поводу пишет: «Вл. Разумневич был очень не доволен. Очень доволен Булат – он ни за что не хочет выступать с письмом в печати» [119 : с. 49 – 50].

После того как Жигулин и Окуджава в конце 1970-х гг. стали еще и соседями (их квартиры располагались в одном подъезде писательского дома в Протопоповском – бывшем Безбожном – переулке), их творческие и товарищеские контакты стали еще более частыми. Темы бесед были самые

разнообразные: о литературных делах, чтение новых стихов, презентация новых песен Окуджавы, взаимная выручка в периоды безденежья и т. д.

«2–VIII–80 г., суббота. Прошлой ночью и нынче вечером работал над темой «Отдам еврею крест нательный...». Совсем было признал я свое поражение, но в конце концов написал длинный вариант стихотворения (р. т. 491, с. 6 – 8), т. е. на две строфы больше. Может, он и лучше, судить не могу» [173 : с. 78].

«6–VIII–80 г., среда. <...> Неожиданно позвонил Булат. Он вернулся из Коктебеля, хотел узнать новости. А какие я знаю новости?.. Булат переживает смерть В. Высоцкого. Хотел, дескать, написать стихи на его смерть, но «лезет всякая банальщина». Спросил, работаю ли я, пишется ли. Я сказал, что написал несколько стихов, могу прочесть одно. Прочел ему стих(отворение)е «Отдам еврею крест нательный...»

Он был потрясен:

– Замечательно! Просто замечательно! Удивительные, великолепные стихи! Не ожидал!..

– А почему не ожидал? Чего?

– Не ожидал такого поворота. Молодец!..» [173 : с. 80].

Стихотворение «Отдам еврею крест нательный...» предваряет эпитафия: «Во время шкурских погромов в Воронеже семья Раевских прятала в своем доме еврейских детей. Одевали им на шею крестики: крещеных бандиты не трогали. Из рассказа моей матери Е. М. Раевской».

По признанию современников, это стихотворение является одной из вершин творчества Жигулина, классикой отечественной поэзии: «Отдам еврею крест нательный, / Спасу его от злых людей... / Я сам в печали беспредельной / Такой же бедный иудей. / Судьбою с детства не лелеем / За неизвестные грехи, / Я мог бы вправду быть евреем, / Я мог бы так писать стихи: / По дорогой моей

равнине, / Рукой качая лебеду, / С мечтой о дальней Палестине / Тропой
российскою иду...»²³⁶.

Нравились Окуджава и другие стихи Жигулина.

«Нынче 21–IX–80 г., воскресенье.

<...> Звонил Булат. Хочет, чтобы я дал ему текст стихотворения «Из
больничной тетради». Буду, – говорит, – пропагандировать. Очень ему
понравилось стихотворение. То самое, – говорит, – что оканчивается словами
«дорогие мои» [173 : с. 115].

Строки из стихотворения Жигулина «Из больничной тетради»: «Ничего не
могу и не значу. / Словно хрустнуло что-то во мне. / От судьбы получаю в
придачу / Психбольницу – / К моей Колыме. / Отчужденные, странные лица. /
Настроение – хоть удушись. / Что поделаешь – такая больница / И такая
«веселая» жизнь...»²³⁷.

«10 апреля 1981 года, пятница.

Булат днем позвонил, пригласил меня к себе за билетами на свой вечер.
Подействовали мои вчерашние слова. Подарил мне Булат книгу и пластинку.
Беседа. В частности, об Эмке Коржавине. Он мне привет передал со
студентами-американцами. Надо послать ему с okazji книгу» [179 : с. 19 – 20].

Речь идет об известном поэте, прозаике, переводчике и драматурге Н. М.
Коржавине, который в 1973 году в результате конфликта с властями (как он сам
выразился, в связи с «нехваткой воздуха для жизни») был вынужден покинуть
родную страну и переехать в Америку. Оба писателя до конца жизни сохранили
дружеские отношения с Коржавиным.

Во время одной из встреч, узнав о том, что Жигулин собирается писать
цикл стихов на историческую тему, Окуджава предоставил ему целую
коллекцию редких книг о гражданской войне в России и революции. Придя
домой, потрясенный благородством друга и собрата по перу, Жигулин пишет:

«25 сентября 1983 года, воскресенье.

²³⁶ Жигулин А. В. «Отдам еврею крест нательный...» / Далекый колокол. – С. 106 – 107.

²³⁷ Жигулин А. В. Из больничной тетради / Далекый колокол. – С. 154 – 155.

<...> Здесь мемуары Родзянко, Милюкова, Керенского, Шульгина, Деникина, Краснова, всех не перечесть. Книги эти чудовищно редкие. И, конечно, их можно почитать лишь в Ленинке или в Гос. исторической библиотеке в закрытых фондах» [205 : с. 77 – 78].

«1 апреля 1984 года, воскресенье.

<...> Был у Булата. Он написал стихотворение – песенку, которую решил посвятить мне. Обе песни (он их мне спел) хороши. Но посвященная мне – великолепна. Смысл: кружится черный ворон. Кружит и кружит. И люди собирают ружья, заряжают ружья (надо ворона застрелить). И уже огромно количество заряженных ружей. (И ворон застрелен кем-то). Но заряженных ружей так много, что люди начинают стрелять друг в друга» [209 : с. 91 – 92].

Уход из жизни Б. Ш. Окуджавы стал потрясением для Жигулина.

«12 июня 1997 года, четверг.

<...> Полночь, час ночи на 13-е.

Печальная новость. Поздно вечером в четверг в военном госпитале в Париже умер Булат Окуджава... Царствие небесное тебе, Булат!.. К трагическому сообщению за целый день уже подготовило нас телевидение. По всем программам говорили, что Булат очень плох, что приехал он во Францию по частному приглашению, что решил устроить в Париже небольшой концерт для друзей, что у него уже была операция на сердце и др. подробности. Показывали кадры с ним и его портреты. Господи! Сколько крупных талантов ушло от нас в последний год, в последнее время! Б. Можаяев, В. Соколов, В. Солоухин, Ю. Левитанский, И. Бродский... И вот Б. Окуджава. Смерть словно косою косит. Почти пусто вокруг!..» [257 : с. 180].

Дальнейшие записи Жигулина свидетельствуют не только о его горестных переживаниях по поводу смерти друга, но и содержат важные литературоведческие и биографические сведения о Б. Ш. Окуджаве.

«13 июня 1997 года, пятница.

Спал пять с половиной часов. Мало. Наступает, гремит где-то гроза. Звонки о Булате – И. Ришиной, Л. Абаевой. Ришина сказала, что Булат перенес

грипп. Впрочем, об этом говорили и по телевизору. Отек легких. Умер без сознания. Последние его слова были: «Как бы я хотел очутиться сейчас в московской больнице!». Его лечили в 23-й градской, как и меня, те же врачи.

<...> Завтра его будут отпевать в Париже в православной церкви. Похороны на Ваганьковском кладбище 18-го.

Весь вечер читали с Ирой вслух стихи Булата из книги «Посвящается Вам!». Прекрасные стихи, которые опрокидывают расхожее утверждение, что у Булата Окуджавы есть только песенные тексты» [257 : с. 180 – 181].

«14 июня 1997 года, суббота.

<...> В парижском православном храме Александра Невского отпели Булата Окуджаву. А крещен ли он? Оля-то крестилась. Это я знаю. В раннем детстве Булата крестить не могли – родители были ревностными партийцами. Может, отец Александр Мень его крестил?.. И какое православное имя дали ему при крещении? Богдан? Борис? Или грузинское Бидзин? Еще на «Б»: Боголен и Боян. Больше нет <имен> в святцах» [257 : с. 182].

«18 июня 1997 года, среда.

<...> Днем и вечером слушали с Ирой пластинки Булата. <...> Замечательное поэтическое и музыкальное явление – Булат Окуджава. Мудрость, философичность. Пение и слова многих песен очаровывают. Я особенно люблю «Грузинскую песню», «Мы за ценой не постоим», «Чудесный вальс», «Прощание с новогодней елкой», «Песенку о Моцарте», многие другие. Всех не перечислить. Да. Конечно, «По Смоленской дороге», «Полночный троллейбус». Это из самой первой маленькой пластинки. Талант, конечно, огромный. Что и говорить» [257 : с. 186 – 187].

«19 июня 1997 года, четверг.

Прощание с Булатом. Три красные розы (Ира купила). Дождь. <...> Булата привезли к дому.

<...> В «МК» на первой странице сказано, что: «В Париже перед смертью Булат Окуджава принял крещение. В Москву он вернулся Булатом – Иоанном». Слава Богу! А то ведь Булат всю свою жизнь был атеистом, хотя часто

упоминал Бога в своих стихах и песнях. Господь в его творчестве был неким абстрактным литературно-эмоциональным понятием, поэтическим знаком, образом. Надеюсь, что крестили Булата не в бессознательном состоянии» [257 : с. 187 – 188].

«24 июня 1997 года, вторник.

<...> Опять слушал Булата и грустил о нем» [257 : с. 193].

Б. А. Ахмадулина

Пожалуй, самые искренние, теплые и душевные слова в своем дневнике А. В. Жигулин оставил для создания портрета Беллы Ахатовны Ахмадулиной (1937 – 2010) – крупнейшего лирического поэта второй половины XX века, наследницы традиций М. Лермонтова, Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой в отечественной литературе.

По мнению воронежского литературоведа О. Г. Ласунского, на протяжении нескольких десятилетий входившего в круг почитателей и друзей поэта: «История личных и творческих отношений между Беллой Ахмадулиной и Анатолием Жигулиным – одна из самых чистых и романтических страниц недавней литературной эпохи»²³⁸.

Как вспоминал Жигулин, впервые стихи Б. Ахмадулиной он прочел в конце 1950-х годов в одном из журналов, кажется, в «Юности»: «Стихи были прекрасны. Если юная девушка пишет такие чудесные стихи... – это большая радость для русской поэзии»²³⁹. Личное знакомство состоялось в середине 1960-х годов на одном из поэтических вечеров.

Дневник Жигулина наполнен комплиментарными записями о стихах Ахмадулиной, и восторженными отзывами Ахмадулиной – о его стихах.

«19 июня 1975 года, четверг.

<...> Восторженный отзыв Б. Ахмадулиной о моих стихах, обо мне» [142 : с. 96].

«26 октября 1975 года, воскресенье.

---

²³⁸ Ласунский О. Г. «...Для согрева души» : инскрипты на книгах из библиотеки А. В. Жигулина // Литературный Воронеж : Имена и факты : Эссе, воспоминания, этюды. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – С. 282 – 286.

²³⁹ Жигулин А. В. Прогулки с Беллой // Далекий колокол. – С. 645 – 661.

<...> Звонок Белле Ахмадулиной по новому телефону. <...> Р<азгово>р с Беллой – о новой ее книге, и вообще – краткий разговор о жизни» [136 : с. 195].

В 1996 г. Жигулин Указом Президента России был удостоен Пушкинской премии в области поэзии. Как позже ему стало известно, в числе его активных сторонников, хлопотавших о присуждении ему премии, была Б. А. Ахмадулина.

«2 августа 1996 года, пятница.

<...> Давно хочу записать трогательную деталь. Когда фотографировались в Георгиевском зале с Президентом, я оказался рядом с Борей Мессерером²⁴⁰. Он мне сказал:

– Моя Белла чуть с ума не сошла из-за Вашей премии (так хлопотала!)» [257 : с. 140].

Как и многие современники, Жигулин высоко ценил в Ахмадулиной не только ее блестящий талант, но и благородные личные качества, бескорыстную позицию, готовность всегда прийти на помощь обиженному властями художнику. Об этом говорят, в частности, такие записи в его дневнике:

«11 апреля 1997 года, пятница.

<...> Идет уже несколько дней по всем программа телевидения и по всем газетам юбилейный бум Беллы Ахмадулиной. Что ж, она этого стоит, о советской власти хвалебных стихов не писала... Она поэт истинный и органичный. Ей могут дать и Нобелевскую премию» [258 : с. 119].

«1 января 1995 года, воскресенье.

Вчера вечером меня поздравили с Новым годом и 65-летием... Очень порадовала меня Белла Ахмадулина. Она в восторге от моих «Черных камней»:

– Толечка родной! Я все время читаю твою книгу. Читаю и перечитываю. Это прекрасная проза! Я много прочитала всего о тюрьмах и лагерях, но с такой великолепной книгой я встретила впервые. Ты пишешь так тонко и удивительно. И стихи в книге прекрасны – мудры и человечны. Спасибо тебе!» [255 : с. 117 – 118].

---

²⁴⁰ Б. А. Мессерер (род. в 1933 г.) – театральный художник, сценограф, педагог, муж Б. А. Ахмадулиной.

Б. А. Ахмадулина первой встала на защиту Жигулина, когда на страницах «Вечерней Москвы» появился тенденциозный и даже оскорбительный материал, содержащий грубые выпады в адрес писателя²⁴¹. В коллективном письме, подписанном известными литераторами, в частности, говорилось:

«Жигулин жил и живет как бессребреник, как подвижник, не желая суетиться и унижаться в пресловутой борьбе за место под солнцем. Это просто противно его природе, природе поэта и человека. Присутствие таких людей в обществе бесценно, ибо способно облагородить сам духовный климат»²⁴².

Отдельного внимания заслуживает трогательная и нежная история, запечатленная в дневнике Жигулина и в его рассказе «Прогулки с Беллой». Летом 1998 г. писатель в очередной раз оказался в Центральной клинической больнице (ЦКБ) с тяжелым недугом. Предстояла опасная, рискованная для жизни операция. Врачи не были уверены в благополучном ее исходе в связи с тем, что их пациент, мягко говоря, не отличался богатырским здоровьем. Перенести это испытание Жигулину помогла Б. А. Ахмадулина, по счастливой случайности оказавшаяся в той же больнице в соседнем корпусе.

«19 июня 1998 года, пятница.

Схема дня. Спал хорошо – 7 часов беспробудно. Был на новом исследовании. Ультразвуковая ангиография. Пришел в свою урологию, а в коридоре меня встречает Белла:

– Толечка родной, я тебе пришла! Цветов тебе нарвала. Пойдем!

Заходили в палату, беседовали. Потом гуляли возле корпуса» [261 : с. 11].

«20 июня 1998 года, суббота.

<...> Самое яркое впечатление дня: явилась в палату Белла в белой одежде и с букетом полевых цветов – колокольчики, васильки, ромашки, будра плющевидная, клевер, лютики:

– Это я тебе, Толечка, нарвала на пустыре.

²⁴¹Муравник М. Перевоплощение Жигулина // Вечерняя Москва. – 1995. – 25 апр.

²⁴² Ахмадулина А. Черный камень – в автора «Черных камней» / Б. Ахмадулина, Ю. Давыдов, Ф. Искандер, А. Истогина, Ю. Карякин, Н. Коржавин, С. Липкин, И. Лиснянская, Б. Окуджава, Н. Панченко, Г. Поженян // Лит. газета. – 1995. – 24 мая.

Очень трогательно. Гуляли, она привела меня в свою палату по лесной тропинке. Угощала соком, кофе, красной икрой. Кормили белым хлебом ворона с балкона ее больничного люксика. Договорились, что напишем и посвятим друг другу стихи. Вообще очень интересно беседовали. Она придет теперь в понедельник.

Р. S. Последние новости. Вечером приходила Белла с дочкой Аней. Подарил Белле последнее издание «Черных камней» [261 : с. 12 – 13].

Записи в дневнике Жигулина накануне и в ночь перед операцией:

«29 июня 1998 года, понедельник.

<...> Гуляли с Беллой по парку – к магазину «Цветы» и к нашему корпусу через стройку. <...> Заходили и в мою новую палату. Белла за операцию. Обещала завтра принести молитву Иоанна Кронштадского. Прощание на тропинке.

30 июня 1998 года, вторник.

<...> Приходила Белла. Принесла молитву и свое нежное письмо.

1 июля 1998 года, среда.

<...> Терапевт написала, как и прежде, что из-за сердца риск операции чрезвычайно высок. Но операция будет. <...> Приходила Белла в белом. Принесла свою книжку с нежной дарственной надписью и стихотворением, мне посвященным» [261 : с. 19 – 21].

Операция прошла благополучно. Итогом этих встреч и волнений для обоих поэтов стали стихи. Подборка стихотворений Ахмадулиной, посвященных Жигулину, была опубликована в журнале «Континент» (Париж; Москва, 1998, № 3). Жигулин тоже посвятил Ахмадулиной одно из лучших своих стихотворений: «Тюрьма да больница, / Да вечный покой... / И вещая птица / Кричит за рекой. / А речки не видно – / Сосна высока. / А может, придумалась / Эта река?.. / В костюмчике белом / Под пенье дроздов / Идет ко мне Белла / С букетом цветов. / Фиалка и вереск, – / Лесные цветы. / Последняя прелесть / Земной красоты. / Она каждый день / Навещает меня, / Как белая явь / Среди

черного сна. / На свете на белом / Немало чудес – / И чудная Белла, / И сказочный лес»²⁴³.

На основе дневниковых записей Жигулин написал трогательный рассказ «Прогулки с Беллой» и включил его в свою юбилейную книгу «Далекий колокол», которая вышла в Воронеже уже после того, как писателя не стало.

«Прогулки с Беллой» – это рассказ-реквием о любви на закате жизни. О вечной, святой и всепобеждающей любви.

В письме Жигулину писатель и драматург Э. И. Пашнев признался: «Это так здорово, это так целомудренно и печально. Это такое продление любви в поэзии и в жизни за рамки обычного любовного возраста. Просто даже не верится, что так можно нежно писать, дружить, дышать стихами и ветром природы...»²⁴⁴.

На смерть друга и поэта, последовавшей ровно через два года после этой трогательной истории, Б. А. Ахмадулина отозвалась пронзительным некрологом, в котором сквозили горечь и боль от понесенной утраты.

В. Т. Шаламов

Говоря о поэтах-шестидесятниках старшего поколения, нельзя не упомянуть имя Варлама Тихоновича Шаламова (1907 – 1982), известного русского писателя, человека трагической судьбы, прошедшего через ад сталинских лагерей. В период с 1929 по 1953 гг. он трижды подвергался незаконному (с позиции сегодняшних дней) аресту по политическим статьям УК РСФСР. В общей сложности Шаламов провел в лагерях 17 лет, в основном – на Соловках, на Колыме, в жесточайших условиях Севера, где окончательно подорвал здоровье.

Пути бывших узников ГУЛАГа пересеклись в «Новом мире». Здесь с 1959 по 1964 гг. Шаламов, находясь в крайне тяжелом материальном положении, подрабатывал в качестве внештатного внутреннего рецензента. Их объединяло лагерное прошлое и принадлежность к писательской профессии. Оба

²⁴³ Жигулин А. В. Прогулки с Беллой // Далекий колокол. – С. 660.

²⁴⁴ Пашнев Э. И. Послесловие к «Прогулкам...» // Далекий колокол. – С. 661.

восторженно восприняли публикацию повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Несмотря на очевидное сходство биографий и жизненных взглядов Жигулина и Шаламова, их творческие отношения складывались непросто.

В свое время Майкл Никольсон (Оксфорд) справедливо заметил: «Издание «Колымских тетрадей» 1994 года позволяет нам воспользоваться некоторыми новыми текстологическими данными: как собственно поэтическими произведениями, так и маргинальными, но важными сопроводительными документами. В нем, кроме самих стихов, исключительный интерес представляют примечания Шаламова к отдельным стихотворениям. Как известно, примечания автора могут иногда коренным образом повлиять на наше прочтение текста»²⁴⁵.

Нечто подобное, на наш взгляд, можно сказать, изучая дневниковое и эпистолярное наследие Жигулина, в том числе его дискуссию с Шаламовым о методе художественного творчества. Следует заметить, что Жигулин в целом положительно воспринял лагерные стихи Шаламова, хотя и с небольшими оговорками.

Вот строки из его дневника:

«9 сентября 1964 года, среда.

...Прочел «Шелест листьев» В. Шаламова. Хороший поэт! Есть очень тонкие и мудрые стихи. Я так не могу писать, так рассудочно, так умно. И не знаю, плохо ли, что не могу. И не только не могу так писать, как Шаламов. Наверное, и не хочу, хотя многое мне очень у него нравится. Просто совсем по-разному пишем... Левицкий²⁴⁶ говорит, что Шаламова любит Солженицын и не любит Твардовский. Однако «Нов<ый> мир» дает рецензию на книгу

---

²⁴⁵ Никольсон М. Шаламов в споре о лагерной поэзии // IV-е Международные Шаламовские чтения. Москва, 18 – 19 июня 1997 г. : Тезисы докладов и сообщений. – Москва : Республика, 1997. – С. 104 – 113.

²⁴⁶ Левицкий Лев Абелевич [1929 – 2005] – литературный критик, сотрудник редакции журнала «Новый мир» в 1960-е гг.

Шаламова. Значит, Твардовский может оценить, хотя сам так и не пишет» [89 : с. 68 – 69].

Находясь под впечатлением прочитанного, Жигулин пишет Шаламову:

«10.1.65 г.

Дорогой Варлам Тихонович!

Я давно знаю и люблю Ваши стихи. Примите от меня в знак признательности одну из худеньких моих книжек. Резали ее жестоко и редакторы, и цензура. Пробоины пришлось латать вещами не новыми и далеко не лучшими. Прочитайте, пожалуйста, второй, «северный», цикл. И в нем далеко не полная правда, и в нем попадают декларации не совсем верные, но прошли и некоторые труднопроходимые вещи: «Кострожоги», «Бурундук» и другие.

Будьте здоровы! Всего Вам самого доброго.

Еще раз спасибо Вам за Ваши великолепные стихи, за книгу «Шелест листьев». Ваш Анатолий Жигулин»²⁴⁷.

Заочная дискуссия между «колымскими» поэтами возникла по поводу метода отображения действительности в стихах. Шаламов предпочитал рационально-познавательный уровень, Жигулин – эмоционально-образный. Когда в Воронеже вышел сборник стихов Жигулина «Память» (1964), Шаламов отозвался о книге отрицательно.

«По его мнению, «Кострожоги», «Бурундук» и другие мои лагерные стихи плохо передают природу Сибири и Колымы, и что он признает в поэзии только символы. Варлам Тихонович предлагал обратиться к его стихам. Он говорил, что в них плачет каждая травинка, каждый камешек. Но, на мой взгляд, вся суть была в том, что в тех напечатанных тогда стихах Шаламова были травинки и камешки Колымы, но не было людей», – вспоминал А. В. Жигулин²⁴⁸.

Стихотворение Жигулина «Кострожоги», посвященное А. И. Солженицыну, было навеяно лагерным опытом автора: «В оцеплении, не смолкая, / Целый день

²⁴⁷ Шаламов В. Т. Переписка с Жигулиным А. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shalamov.ru/library/24/30.html>

²⁴⁸ Жигулин А. В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным / Записал В. Огрызко] // Кн. обозрение. – 1988. – 19 авг. – С. 4, 15.

стучат топоры. / А у нас работа другая: / Мы солдатам палим костры. / Стужа – будто Северный полюс. / Аж трещит мороз по лесам. / Мой напарник – пленный японец, / Офицер Кумияма-сан. / Говорят, военный преступник / (Сам по-русски – ни в зуб ногой!). / Кто-то даже хотел пристукнуть / На погрузке его слегой... / Все посты мы обходим за день... / Мы, конечно, с ним не друзья. / Но с напарником надо ладить. / Нам ругаться никак нельзя...»²⁴⁹.

В письме воронежскому литературоведу А. М. Абрамову Жигулин подробно рассказал об истории создания этого стихотворения: «Иногда конкретный человек, которого я знал, с которым встречался, работал, переходит в стихи почти без всяких изменений. Прямо беру из жизни его, рисую почти с фотографической точностью. Таков пленный японец, офицер Кумияма.

Я действительно работал с ним кострожогом. Это было в 1950 – 51 гг. зимой в Озерном лагере, на 031 командировке, на лесоповале. Это в 140 километрах от Тайшета по железной дороге в сторону Братска. Конечно, я знаю о Кумияме в сто раз больше, чем рассказал о нем в стихах. Лет ему в то время было, наверное, за пятьдесят. Родом он с Южного Сахалина, был у него там небольшой рыбоконсервный заводик. А в армии он действительно был офицером, майором. По-русски очень плохо знал, но хорошо говорил по-английски. <...> Рассказывал он, что у него двое взрослых детей (такого возраста, как я, – мне 20 лет тогда было).

В общем, обыкновенный живой человек, вовсе не похожий на плакатного самурая»²⁵⁰.

В качестве «третьей стороны» Жигулин избрал Солженицына. В ноябре 1964 года он отправил в Рязань, где после реабилитации жил и работал писатель, письмо и только что изданную книгу «Память». Ответ пришел с некоторым опозданием, вызванным, по словам Александра Исаевича, его чрезвычайной занятостью.

²⁴⁹ Жигулин А. В. Кострожого // Далекий колокол. – С. 143 – 145.

²⁵⁰ «Дорогой Анатолий Михайлович!..» : письма А. Жигулина А. Абрамову / сост., вступ. ст. и прим. А. В. Фроловой, науч. ред. Т. А. Никоновой. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 49 – 51.

«10.1.65 г. Рязань.

<...> Я вообще отношусь к поэзии XX века настороженно – крикливая, куда-то лезет, хочет как-то изошряться особенно, обязательно поразить и удивить, – писал А. И. Солженицын. – Но я рад сказать, что все это совершенно не относится к Вам. Ваши стихи сердечно тронули меня, это бывает со мной очень редко. Вы человек – честный, душевный и думающий, и все это очень хорошо передают стихи.

«Кострожоги» Ваши великолепны, очень хорош «Бурундук». Ощущаю чрезвычайно родственно: «Я был назначен бригадиром». «Осенью». Да и в машинописном приложении ни одного не значительного нет.

Второй раздел сборника прочел, только не весь, но большей частью. Там есть неровности, бывают досадные прозаизмы (редко, впрочем), есть иногда и тот недостаток, который Вы заметили сами, – а в общем, хоть автор работал на общих, но удивляет светлый оттенок, который выше всего, – удивляет и радует.

Без всякого насилия, круто и аппетитно (вот диво!) замешивается у Вас и лагерный быт, и разные виды работ в стихи! («Золото», «Хлеб», «Ночная смена» и др.). Интересно сопоставить Вас с Шаламовым. Вы читали его?»²⁵¹.

Отвечая на вопрос о Шаламове, Жигулин в письме Солженицыну от 26 февраля 1965 г. сообщает:

«<...> Я не знаком с ним лично, но стихи его знаю и люблю. Это сильный, хороший поэт. Я ему посылал книжку «Память», правда, без приложения. Шаламову понравились стихи более близкие ему по манере: «Мне помнится...» (это он считает лучшим в сборнике), «Береза», «Лес», «Град». Вот что он мне, в частности, пишет: «...Стихотворение всегда символ, знак, а не рассказ просто. Поэтому «Кострожоги» и др. мне нравятся меньше. В стихотворении «Кострожоги» есть только внешние приметы Севера, а главных – внутренних – нет».

Я не вполне согласен с Шаламовым. Да, стихотворение может быть знаком, символом, но далеко не всегда. Чаше это живой, трепещущий кусок

---

²⁵¹ Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать...» – С. 4, 15.

жизни. А что касается «Кострожогов», то я вообще не думал ни о каких географических приметах (действие, кстати сказать, происходит в Сибири, а не на Севере). Хотелось, прежде всего, изобразить людей»²⁵².

Фрагмент из письма Солженицына, которое Жигулин получил 24 апреля 1965 года: «Я не смею никогда судить о теории поэзии (тем более что, по-моему, поэты и сами еще ни разу не договорились о том, что такое поэзия), но мне кажется, Шаламов, говоря Вам о стихе-символе, за которым главное должно стоять неназванным, только предчувствуемым, – распространяет на всю поэзию метод только одного ее направления, хоть и очень ценного, очень нежного, очень плодотворного.

У нас это направление началось с Блока (не ручаюсь за точность), включает Ахматову, Пастернака (перечислять тоже не берусь) и, очевидно, самого Шаламова.

Со всех сторон мне толкуют, что вот это и есть «единственная и настоящая поэзия» – когда слова даже не имеют прямого смысла, когда переходы неуловимы, алогичны, но вдруг на что-то тебе намекают, что-то навевают. Я согласен – поэзия эта великая, тонкая, изящная, настоящая, я их всех очень люблю. И все-таки никогда не соглашаюсь, что другой поэзии быть не может.

По-моему, большинство стихов Пушкина и Лермонтова совершенно не отвечают этим критериям – но ниже ли они? Едва ли. Не уступлю их. (И, что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит Некрасова – а уж, кажется, противоположнее поэзии и найти нельзя).

Поэтому я хочу все-таки Вам посоветовать не верить Варламу Тихоновичу, что «Кострожоги», «Бурундук», «Хлеб» – не поэзия. Самая настоящая и самая нужная! И если пишется так – пишите!!

А прозу Шаламова постарайтесь прочесть»²⁵³.

---

²⁵² Копия письма А. В. Жигулина А. И. Солженицыну от 26 февраля 1965 г. / Фонд А. В. Жигулина. – Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.

²⁵³ Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать...» – С. 4, 15.

Творческий спор «колымских» поэтов при посредничестве Солженицына закончился благополучно.

Необходимо отметить, что творческие и личные отношения Шаламова с Твардовским, к сожалению, не сложились.

После публикации в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича» Шаламов отправил Твардовскому свои «Колымские рассказы». Затем Солженицын по своей инициативе передал Твардовскому цикл стихов Шаламова «Из Колымских тетрадей».

Однако ни стихи, ни проза Шаламова не произвели на главного редактора «Нового мира» положительного впечатления. Как вспоминал Солженицын, Твардовский резко и категорично высказался по поводу стихов Шаламова: «Это не та поэзия, которая смогла бы тронуть сердце нашего читателя»²⁵⁴.

В свою очередь, Шаламов в 1960-е гг. отрицательно отозвался о Твардовском и возглавляемом им издании: «Среди московских журналов самый неинтересный поэтический отдел в журнале «Новый мир».

Почему это происходит? Потому что во главе журнала стоит поэт Твардовский, считающий «от лукавого» все, что вышло не из-под его пера. Твардовский считает себя продолжателем некрасовской традиции и берет на себя смелость рассуждать, что полезно для советского читателя, а что вредно, что советский читатель поймет и что не поймет, что чересчур интеллигентно для советского читателя и что – нет. Твардовский уверяет, что действует не по капризу, а из принципиальных соображений. <...> Настаивать на «генерализации» некрасовских традиций сейчас – значит отрицать все, что было после Некрасова – весь двадцатый век русской поэзии, которая ведь не останавливалась на Некрасове, а развивалась и развивалась блестяще. <...>

---

²⁵⁴ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 39.

Твардовский пытается зачеркнуть двадцатый век русской поэзии, и от того-то поэтический отдел «Нового мира» так беден и бледен»²⁵⁵.

Вряд ли эти слова Шаламова, сказанные, скорее всего, под впечатлением обиды на Твардовского за отказ публиковать его стихи и рассказы, можно воспринимать как объективную оценку деятельности редакции «Нового мира» и его главного редактора. Ведь тот же Н. А. Некрасов, на которого ссылается в статье Шаламов, как поэт горячо отстаивал право автора на публикацию своих произведений; и как редактор – право редакции журнала печатать то, что считает необходимым, исходя из собственных идейных убеждений и концепции издания.

В середине 1970-х гг. Шаламов написал восторженную рецензию на сборник стихов «Полынный ветер» Жигулина (Москва : Мол. гвардия, 1975). По внутренним редакционным причинам рецензия в «Литературной газете» не была напечатана, но впоследствии вошла в 6-томное собрание сочинений писателя. Начиналась она так: «202 раза повторяется слово «Холод» в 144 стихотворениях, составляющих книгу «Полынный ветер». Это – не оплошность, не безвкусица, не бедность, а тончайшее мастерство и богатство поэтического словаря Анатолия Жигулина»²⁵⁶.

«Жигулин – уроженец Воронежа и «запрограммирован» на воспевание среднерусской природы, – писал далее Шаламов. – Среднерусская природа вошла в его стихи, но заняла там очень скромное место, далеко уступающее совсем другим географическим меридианам. Волею судеб переброшенный на Крайний Север, он стал соревноваться с Рокуэллом Кентом в постижении души Крайнего Севера.

Крайний Север навсегда вошел в стихи и в душу Жигулина»²⁵⁷.

---

²⁵⁵ Шаламов В. Т. Твардовский. «Новый мир». Так называемая «некрасовская традиция». – Собр. соч. : В 6 т. – Т. 5 : Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979. – Москва, 2005. – С. 83 – 84.

²⁵⁶ Шаламов В. Т. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5 : Эссе и заметки ; Записные книжки 1954 – 1979. – Москва, 2005. – С. 127 – 131.

²⁵⁷ Там же.

На титульном листе книги «Дорога и судьба» (Москва : Сов. писатель, 1967) Шаламов сделал следующую дарственную надпись: «Анатолию Владимировичу Жигулину с глубоким уважением и симпатией.

Автор В. Шаламов»²⁵⁸.

Из-за глубоких противоречий во взглядах на литературу и творчество в 1966 г. дружеская переписка Шаламова и Солженицына была свернута, отношения перешли в форму полемики, а затем были полностью прекращены.

А. Т. Прасолов

В истории отечественной литературы имя А. Т. Прасолова стоит в одном ряду с выдающимися мастерами слова – уроженцами Воронежского края: А. В. Кольцовым, И. С. Никитиным, И. А. Буниным, А. П. Платоновым, С. Я. Маршаком.

Даже при мимолетном взгляде на биографии Жигулина и Прасолова поражает обилие внешних сходств в их непростых и удивительных судьбах: земляки, ровесники (разница в возрасте чуть больше восьми месяцев), они рано осознали себя поэтами, практически одновременно начали печататься в воронежских изданиях, оба на себе испытали всю горечь старой русской поговорки: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся...». Обоих ввел в большую литературу Твардовский.

В августовском номере «Нового мира» за 1964 г. была напечатана большая подборка стихотворений Алексея Прасолова («Весна от колеи шершавой...», «Привычно клал он заводскую...», «Черней и ниже пояс ночи...», «Среди цементной пыли душевной...», «Платье – струями косыми...», «Взметнули трубы медные...», «Сюда не сходит ветер горный...», «Далекий день. Нам по шестнадцать лет...», «Зима крепит свою державу...», «Тревожит вновь на перепутье...»). Десять стихотворений провинциального автора в крупнейшем всесоюзном издании, которое сами современники называли лучшим из

---

²⁵⁸ Дарственная надпись на книге В. Т. Шаламова «Дорога и судьба» (1967) / Фонд А. В. Жигулина. – Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.

«толстых» литературных журналов, – второго такого случая в истории отечественной словесности минувшего столетия назвать, пожалуй, невозможно.

Публикация в «Новом мире» означала всесоюзное признание, открывала дорогу к сотрудничеству с другими центральными изданиями. Правда, в полной мере открывшимися возможностями сумел воспользоваться только Жигулин, у которого при жизни вышло около 30 поэтических книг. Прасолов успел выпустить только четыре сборника.

Твардовский не только открыл на литературном небосклоне новые имена, он принимал личное участие в обустройстве судеб воронежских поэтов. Пользуясь государственными и общественными полномочиями (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Союза писателей СССР), Твардовский устраивал Жигулина в специализированную столичную больницу, звонил хирургу, который должен был его оперировать, а Прасолова вызволял из мест лишения свободы, куда тот попал по нелепому стечению обстоятельств.

В дневнике Жигулина достаточно полно отражена история личных и творческих отношений с Прасоловым. Уже первые записи свидетельствуют о том, что Жигулин сразу и безоговорочно признал в Прасолове крупного самобытного поэта.

«12 января 1960 года, вторник.

<...> Заходил в издательство. <...> Сейчас в клубе журналистов. <...> Литературный вторник прошел чудесно. Доклад В. Гордейчева²⁵⁹ очень понравился. И не только потому, что он заочно похвалил мой, еще не вышедший, сборник. Вообще много хорошего и важного было сказано.

<...> Хорошие стихи прочел А. Прасолов. Талантливый поэт. Вот его бы надо издавать...» [48 : с. 83].

«1 августа 1966 года, понедельник.

---

²⁵⁹ Гордейчев Владимир Григорьевич (1930 – 1995) – русский советский поэт. Председатель Воронежского отделения Союза писателей России (1967 – 1969, 1975 – 1979, 1988 – 1995).

В гостях у Прасолова. Гост. «Маяк». <...> Не от мира сего человек. Крупный поэт. Алкоголик. Жаль. А может, это и ничего?.. Может, так и должно быть?..» [97 : с. 83].

«3 января 1967 года, вторник.

<...> Привез <домой> почитать книжечку А. Прасолова «Лирика», вышедшую в «Мол<одой> гвардии» (переиздание воронежской книги, но в меньшем объеме)» [99 : с. 16].

По инициативе Жигулина во время его работы в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы 12 июля 1967 г. была опубликована большая подборка стихотворений воронежских поэтов, в том числе – четыре стихотворения Прасолова.

«13 июля 1967 года, четверг.

Утро. Летучка. Обзор делает фельетонист Юрий Алексеев. <...> Хвалит подборку воронежцев. Предлагает на доску Почета стихи Ал. Прасолова» [101 : с. 71].

«24 декабря 1968 года, вторник.

<...> Гордейчев сообщил, что Прасолов опять пьет и что у него туберкулез, лежит в больнице. <...>

– Но все-таки, – сказал я, – вы там берегите Прасолова. Он поэт милостию божией...» [109 : с. 177].

После трагической гибели А. Т. Прасолова 3 февраля 1972 года записи в дневнике Жигулина, связанные с его именем, не заканчиваются. Они свидетельствуют: Жигулин делал все от него зависящее, чтобы «пробить» стихи Прасолова в печать, опубликовать рецензию о его творчестве, издать «непроходимую» поэму.

«23 сентября 1972 года, суббота.

Утром беседа по телефону со Ст. Лесневским²⁶⁰. О «Дне поэзии 1972». О Прасолове. Надо найти оригинал или хоть копию его воспоминаний о Твардовском²⁶¹. Должно быть у Куняева²⁶². А то ведь пропадет» [119 : с. 178].

Из письма Жигулина А. М. Абрамову: «Прасолов, действительно, написал о Твардовском. <...> Постараюсь найти оригинал или копию, а то может потеряться. Он прислал свою статью написанной от руки. Вероятно, это последнее, что Прасолов вообще написал. Жаль его. Он был истинный поэт»²⁶³.

«18 апреля 1973 года, среда.

Был дома. Много телефонных бесед. <...> В. Лакшин (о заметке А. Прасолова, о Твардовском). Ст. Куняев (о заметке Прасолова, похоже, ее потеряли). <...> М. И. Твардовская (о письмах А. Т., о заметке Прасолова – есть у нее, слава Богу!)» [120 : с. 186].

Жигулин сыграл важную роль в публикации в журнале «Литературное обозрение» (гл. редактор – Л. И. Лавлинский) поэмы Прасолова «Безымянные»²⁶⁴.

«31 января 1983 года, понедельник.

В одну из последних моих поездок на родину, в Воронеж, вдова поэта Алексея Прасолова передала мне одно из последних произведений поэта – драматическую поэму «Безымянные». Неизвестная, значительная по объему вещь известного советского поэта, созданная в пору зрелости, – это, действительно, находка» [198 : с. 64].

«21 мая 1983 года, суббота.

<...> Звонок Л. Лавлинскому и беседа с ним. <...> Поговорили о публикации А. Прасолова. Он считает, что надо во врезке, в моей врезке к

---

²⁶⁰ Лесневский Станислав Стефанович (1930 – 2014) – литературный критик, литературовед.

²⁶¹ Речь идет о статье А. Т. Прасолова «Строгая мера».

²⁶² Куняев Станислав Юрьевич (род. 1932) – поэт, публицист, литературный критик, гл. редактор журнала «Наш современник» (с 1989 г.).

²⁶³ «Дорогой Анатолий Михайлович!...» : письма А. Жигулина А. Абрамову. – С. 125.

²⁶⁴ Жигулин А. Рукописи не горят. Из творч. наследия А. Прасолова // Литературное обозрение. – 1984. – № 2. – С. 102.

Алешиной поэме как-то объяснить то обстоятельство, что герой-солдат обращается с мольбой к Богу. Как-то смягчить. Смягчим, придумаем, объясним. <...> Около 10-го номера предполагается публикация. Дай Бог!» [199 : с. 75 – 76].

«20 сентября 1983 года, вторник.

<...> Вечером позвонил Леонард – приехал из Болгарии и получил мои стихи. Очень тронут, – говорит, – спасибо! <...> Но я, конечно, перевел разговор на А. Прасолова – чтоб дали они поскорее его поэму и вообще всю публикацию. Боюсь, что из-за обращения пленного солдата к Богу, может сорваться публикация. Может, оттянуть ее подальше на весну, пока это очередное увлечение властей борьбы с «богоискательством» пройдет? Перекроется очередным пленумом?..

Вот не везет как Алешке! Даже после смерти...» [199 : с. 75 – 76].

«2 марта 1984 года, пятница.

Днем позвонил Тимофей Федорович Прокопов, ответственный секретарь «Л. О.». <...> Сказал мне, что сигнал был вчера, публикация в целости. А еще рассказал, что около 1 февраля Главлит твердо решил снять поэму Прасолова. Никак, мол, невозможно – советские солдаты молятся, обращаются к Богу, просят матерей помолиться за них и т. п. Вот почему меня вызвали тогда в редакцию, это было 3 февраля, и попросили сделать вставку. «Мало того, и автор, и его лирический герой... и т. д.» (стр. 102). И эта вставка решила судьбу. И фотография осталась. Да, вся публикация слетела бы без поэмы. Оказывается, можно помочь товарищу и после его смерти.

Дурацкая вставка забудется, а поэма выйдет в свет и ее можно будет напечатать в новой воронежской книге Алексея. Залитована!

Между прочим, что касается Бога, – поэма противоречива. Алеша не был религиозным человеком. Отсюда и противоречия. «Сложные» у него были отношения с Русской Православной церковью» [209 : с. 16 – 18].

Таким образом, в дневнике Жигулина нашло отражение такое значительное явление отечественной культуры во второй половине XX века,

каким было творчество и общественная деятельность писателей-шестидесятников.

Дневниковые записи Жигулина дают наглядное представление о реальном литературном и журнально-газетном процессе того времени и о реальных его участниках.

Они свидетельствуют не только о личных и творческих отношениях с известными поэтами, бардами и прозаиками, но являются богатым источником биографических сведений о людях, непосредственно создававших отечественную литературу и журналистику: Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенском, Б. Ш. Окуджаве, Б. А. Ахмадулиной, В. Т. Шаламове, А. Т. Прасолове и др.

2.5 «Процесс Синявского и Даниэля» как предвестие эпохи «застоя»

Период истории нашей страны с февраля 1956 г. (XX съезд КПСС) по октябрь 1964 г. (смещение Н. С. Хрущева с высших постов) «с легкой руки» писателя И. Г. Эренбурга получил образное название «оттепель». Опубликованная в журнале «Знамя» (1954, № 5, 1956, № 4), повесть «Оттепель» Эренбурга стала первой попыткой отображения общественно-политических процессов, начавшихся в СССР после смерти Сталина.

В партийной печати повесть была подвергнута критике за «пессимистическое» изображение советской действительности и «низкое художественное качество», но, по выражению композитора Д. Д. Шостаковича, «слово было найдено»²⁶⁵.

Как ни странно, в числе тех, кому на первых порах не нравилось понятие «оттепель», был Н. С. Хрущев. Самой повести из-за сильной занятости (ожесточенная борьба за власть внутри партийной верхушки) Хрущев, похоже,

---

²⁶⁵ Уилсон Э. Жизнь Шостаковича, рассказанная его современниками. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 312.

не читал. Вот что он писал в своих мемуарах: «Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Таковую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно, возникли послабления. Если выразиться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил»²⁶⁶.

Видимо, как раз этим обстоятельством – ярко выраженным антисталинским духом произведения И. Эренбурга – можно объяснить тот факт, что уже в наше время отдельные авторы приписывают публикацию повести «Оттепель» журналу «Новый мир»²⁶⁷.

В дневнике Жигулина в полной мере нашли отражение основные тенденции литературного процесса и журнального развития 50-х – 60-х годов прошедшего столетия.

Либерально-демократическое и реформистское направление представлял «Новый мир», во главе которого 16 лет стоял Твардовский.

В условиях начавшейся «оттепели», как отмечал Ю. Шнейдер, «Новый мир»... «вырвался из однообразного, как солдатский строй, журнального ряда и уже тем самым побуждал самоопределиться другие журналы 60-70 годов»²⁶⁸.

В «Новом мире» публиковали произведения прозаики и поэты, стоящие в основном на центристских и либерально-демократических позициях. Публицистику и науку представляли В. Овечкин, Г. Троепольский, Е. Дорош,

---

²⁶⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания : избранные фрагменты. – Москва : Вагриус, 1997. – С. 506 – 507.

²⁶⁷ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Аксютин Ю. В., Волобуев О. В., Данилов А. А. и др.; ассоц. «Рос. полит. энцикл.», Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл. и др. – Москва : РОССПЭН, 1995. – С. 192.

²⁶⁸ Шнейдер Ю. Двойственность шестидесятых // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 240.

Ю. Черниченко; литературную критику – В. Лакшин. А. Дементьев, И. Виноградов, А. Кондратович, В. Кардин, Ю. Буртин, А. Синявский, Ст. Рассадин, А. Турков, М. Чудакова, М. Щеглов и др.

Ортодоксально-консервативное направление олицетворял журнал «Октябрь», который возглавлял В. А. Кочетов (1912 – 1975), автор патриотических произведений «Журбины», «Братья Ершовы», «Молодость с нами», «Секретарь обкома» и др., практически открыто выступавший против десталинизации советского общества.

Заметным фактом истории отечественной журналистики стала многолетняя и острая дискуссия между «Новым миром» и «Октябрем», между их главными редакторами Твардовским и Кочетовым о правде жизни и правде искусства, о методах отражения действительности в художественных и публицистических произведениях.

Бурная полемика свидетельствовала о той большой роли, которую в годы «оттепели» играли «толстые» литературные журналы в общественно-политической жизни страны. Эта тема, на наш взгляд, в научной литературе не изучена в должной мере.

В середине 1960-х гг. в литературном процессе страны появилось новое направление – *национально-патриотическое*. Символическим центром этого направления стал журнал «Молодая гвардия», возглавляемый бывшим работником сектора печати ЦК ВЛКСМ А. В. Никоновым (1923 – 1983). Одним из неформальных руководителей национально-патриотического движения был С. П. Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, принципиальный противник «Нового мира» Твардовского. Журнал «Молодая гвардия» и одноименное книжное издательство были подотчетны ЦК ВЛКСМ. Круг постоянных авторов журнала составили известные публицисты и писатели В. Солоухин, В. Чивилихин, С. Викулов, М. Лобанов, В. Чалмаев, В. Кожинов, О. Михайлов, А. Ланщиков, В. Петелин и др.

Остальные журналы, так или иначе, шли в фарватере одного из трех основных направлений, из всех сил стараясь сохранить свое лицо. Наиболее

интересным из них был журнал «Юность», основанный в 1955 г. по инициативе известного писателя В. П. Катаева (1897 – 1986), который стал его первым редактором. На страницах журнала доминировала исповедальная молодежная проза В. Аксенова, А. Гладилина, Б. Васильева, Ф. Искандера, публиковались поэты-шестидесятники: Р. Рождественский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина и др. С 1961 по 1981 гг. журналом руководил Б. Н. Полевой (1908 – 1981), автор знаменитой «Повести о настоящем человеке».

Необходимо сказать о том, что Жигулин был постоянным автором не только «Нового мира», но и «Юности», и даже «Молодой гвардии». Весьма скромные гонорары от издания книг и публикации стихов в периодических изданиях едва позволяли его семье сводить концы с концами. Что же касается общественно-политических взглядов, можно однозначно констатировать: Жигулин был принципиальным приверженцем курса «Нового мира» Твардовского. Об этом свидетельствуют, прежде всего, его стихи и проза, а также исповедальные дневниковые записи.

В период «оттепели» возникли такие явления в культурной жизни страны, как несанкционированные сходки литературной молодежи на площади Маяковского, поэтические вечера в Политехническом музее, фестивали бардовской песни, литература самиздата и т. д. Один такой эпизод запечатлен в культовом фильме режиссера В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979). Речь идет о сцене, в которой поэт А. Вознесенский сыграл самого себя, читающего стихи у памятника Маяковскому.

Поэтические вечера в Политехническом музее, собиравшие многотысячную читательскую аудиторию, послужили поводом для издания ежегодного литературного альманаха «День поэзии». Жигулин был постоянным автором альманаха и в середине 1970-х гг. даже был главным редактором одного из его выпусков.

Новые веяния в культурной и духовной жизни вслед за столицей пришли и в регионы. В частности, с 1958 г. регулярно стали проводиться вечера поэзии в Воронежском государственном университете. Многие их участники стали

известными поэтами, прозаиками, литературными критиками: В. И. Гусев, Э. И. Пашнев, О. Ф. Шевченко, Л. П. Бахарева, Г. А. Пресман, Л. Е. Кройчик и др. Неоднократное участие в вечерах поэзии ВГУ принимал А. В. Жигулин, специально приезжавший для этого из столицы.

Демократизация политической и общественной жизни, вызванная решениями XX съезда КПСС, создала для власти неожиданные проблемы, в том числе в сфере литературы и журналистики. Не ограничившись критикой культа личности Сталина (что на определенном этапе соответствовало курсу партии), писатели и журналисты стали «копать» глубже, остро критиковать недостатки советской действительности, бюрократизм и равнодушие чиновников, задумываться над причинами низкого уровня жизни населения. Возникла реальная опасность потерять партийный контроль над интеллигенцией.

В этих условиях власть пыталась найти новые, адекватные времени формы взаимодействия с «мастерами культуры». К официальным встречам в Доме приемов на Ленинских горах и в Кремле, раздаче привилегий послушным деятелям культуры и публичной критике инакомыслящих добавились многолюдные заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС, беседы в неофициальной обстановке за городом, на государственных дачах с обильными пиршествами и возлияниями, личное участие руководителей партии и государства в различных выставках и форумах. Иногда такие мероприятия заканчивались полным конфузом и грандиозными скандалами.

Так случилось, например, 1 декабря 1962 г. во время посещения Хрущевым выставки художников-авангардистов студии «Новая реальность» в Манеже, приуроченной к 30-летию Московского отделения Союза художников СССР. Руководитель страны, будучи совершенно неподготовленным к восприятию абстрактного искусства, подверг резкой критике представителей авангарда, используя нецензурные выражения.

Второй известный случай произошел 8 марта 1963 г. во время встречи Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией в Кремле, на которой

разгневанный Первый секретарь ЦК КПСС обрушился с критикой на А. А. Вознесенского, обвинив поэта в антипартийной позиции и предложив ему покинуть страну. Под «горячую руку» попали также В. П. Аксенов, который посмел поддержать коллегу аплодисментами, и скульптор Эрнст Неизвестный, запомнившийся Хрущеву по экстравагантной выставке в Манеже.

Половинчатость и противоречивость реформ Н. С. Хрущева, практически не затронувших основу тоталитарного режима – командно-административную систему, эпатажность и непредсказуемость его идей (например, разделение обкомов на промышленные и сельские, гонения на личные подсобные хозяйства, кукурузная кампания и т. д.) привели вначале к утрате им личной популярности, поддержки со стороны партийно-хозяйственного актива и значительной части интеллигенции, а затем и к его отставке. В октябре 1964 г. Хрущев был обвинен в «волюнтаризме», снят со всех постов и отправлен на пенсию. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л. И. Брежнев, председателем Совета Министров СССР – А. Н. Косыгин.

Таким образом завершилось противоречивое десятилетие, главными вехами которого стали борьба с культом личности Сталина, окончание времен массовых политических репрессий и либерализация советского строя.

Следующий этап в развитии страны получил не менее образное и точное название – эпоха «застоя».

«Оттепель» и «застой», по сути, являются двумя разными идеологиями, двумя векторами общественно-политического развития, оказавшими мощнейшее воздействие на культуру и литературный процесс во второй половине XX века.

В дневнике Жигулина нашел отражение судебный процесс по делу новомирского критика А. Синявского и писателя Ю. Даниэля, положивший начало самоотверженным попыткам демократически настроенной интеллигенции оказать влияние на власть.

Суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем проходил с 10 по 14 февраля 1966 г. в здании Московского областного суда. Писателей обвинили в создании и

передаче для напечатания за границей произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». Синявский был приговорен к 7 годам лишения свободы по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда». Даниэль был осужден на 5 лет лагерей по той же статье. Виновными себя оба писателя не признали.

Из дневника Жигулина:

«12 февраля 1966 года, суббота.

<...> Работаю, пишу сразу три стихотворения. Читаю «Нов<ый> мир». Слушаю радио. Очень коротко говорят о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Говорят (не по радио, а вообще), что Синявский очень одаренный человек, настоящий ученый. Буквально, все знавшие его люди в один голос говорят о нем только хорошее... Процесс считается открытым, только вряд ли на него пройти...» [94 : с. 34 – 35].

Интересно сопоставить эту запись с фрагментом из «Рабочих тетрадей» Твардовского:

«16.II.66. П[ахра]

Вчерашний день в редакции – от верстки Ч. Айтматова отвлек Игорь Виноградов, подробно и четко рассказавший по своим записям о последних речах подсудимых. Оба опять-таки, признавая заслуживающими наказания свои «действия» в смысле использования зарубежной трибуны, решительно (С[инявский] с безнадежностью и отчаянием, Д[аниэль] более твердо) отрицали инкриминируемый их сочинениям антисоветский смысл. Говорили о том, что суд не слышит их объяснений, не опровергает их, лишь повторяя на разные голоса одни и те же цитаты, выхваченные из контекста, несмотря на то, что они, подсудимые, уже 10 и 20 раз объясняли, что криминальные слова и выражения принадлежат персонажам, а не авторской речи, и т. д.

<...> Еще в субботу женам подсудимых было сказано, чтобы они озаботились приготовлением теплых вещей (хотя, казалось бы, суд еще не вынес приговора). 7 и 5 лет «в колониях строгого режима» предстояли в тех

краях, где главное – теплые вещи. Конечно, это гуманно, что есть возможность хоть передать эти вещи, чего в былые времена не могло быть.

Да что говорить: сколько людей в те былые времена сочли бы за счастье, если бы у них была возможность быть услышанными кем-либо, кроме членов «троек», если бы они могли видеть своих жен, знать, что они их видят и слышат.

Что говорить! Но не будем переоценивать и эту «гласность» – суд не испытывал ни малейшего воздействия этой «гласности» на ход дела (разве что поддержку своей неправоты и незаконности со стороны тех же «общественных обвинителей») и шел, не отклоняясь, к завершению постановки, к заранее известному приговору, на который не могло ничто повлиять»²⁶⁹.

Именно в те дни, когда в Москве шел процесс над А. Синявским и Ю. Даниэлем, Жигулин написал известное стихотворение «Правда» : «Кто додумался правду / На части делить / И от имени правды / Неправду творить? / Это тело живое – / Не сладкий пирог, / Чтобы резать и брать / Подходящий кусок. / Только полная правда / Жива и права. / А неполная правда – / Пустые слова». Спустя два года это стихотворение было опубликовано в «Новом мире» А. Т. Твардовского²⁷⁰.

Общественно-политическую и литературную обстановку тех лет наглядно иллюстрируют следующие фрагменты из дневника Жигулина:

«3 марта 1966 года, четверг.

<...> Вчера днем был в ЦДЛ на встрече с Предс<едателем> Верх<овного> суда РСФСР Л. Смирновым. Он очень интересно и подробно рассказывал о деле Синявского и Даниэля. <...> Только Михалков немного странно заключил эту встречу. Обращался к залу в таком тоне, словно перед ним сплошные клеветники и злоумышленники» [94 : с. 55].

«20 марта 1966 года, воскресенье.

²⁶⁹ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов / А. Твардовский // Знамя. – 2002. – № 4. – С. 149.

²⁷⁰ Жигулин А. Из лирики: «О, Родина! В неярком блеске...», «Кто додумался правду на части делить...» и др. // Новый мир. – 1968. – № 4. – С. 88 – 89.

<...> Вчера были с Ирой в ЦДЛ. <...> Возник невеселый разговор о предстоящих идеологических переменах. Приближается XXIII съезд, а с ним реабилитация Сталина. Правда, слова этого стараются избегать (никакой, мол, реабилитации не будет, просто следует, дескать, отдать должное заслугам Сталина, восстановить историческую справедливость), но чем эта «историческая справедливость» обернется можно себе представить. Зажмут литературу в прочные тиски. «Да, были ошибки и т. п., но не стоит заострять на них внимание, надо глядеть в будущее». Вот главный тезис.

Говорят, что Твардовский, Капица и многие другие видные представители интеллигенции написали письмо XXIII-му съезду против реабилитации Сталина. Это, конечно, глас вопиющего в пустыне, но все-таки приятно – люди стали смелее, честнее. Я тоже подписал бы это письмо.

Говорили немного и о процессе Синявского и Даниэля. <...> Есть люди (Евтушенко, Аксенов, В. Корнилов, Солженицын), написавшие протест по поводу процесса. Но здесь, конечно, вопрос сложнее, тоньше...

О реабилитации Сталина люди в большинстве говорят довольно спокойно, как об очередной сенсации. Мало кого это затрагивает всерьез. Для меня же этот акт может вылиться в совершенно конкретную, материальную форму. Могут зарубить книгу²⁷¹. Это очень огорчает и волнует» [94 : с. 73 – 75].

«23 марта 1966 года, среда.

<...> В ЦДЛ много кулуарных разговоров о письмах деятелей культуры и науки Брежневу, историков – Суслову. Это все по поводу реабилитации Сталина. Брежнев будто бы написал на письме резолюцию: «Разумно», и Сулов будто бы согласился с молодыми историками, полемизировавшими со статьей Жукова и других в «Правде». В общем, наступила эпоха писем. Я подписал письмо большой группы писателей на имя президиума Верховного Совета СССР с просьбой освободить А. Синявского и Ю. Даниэля на поруки. <...> Это было бы очень гуманно» (94 : с. 80 – 81).

---

²⁷¹ Речь идет о рукописи книги А. В. Жигулина «Полярные цветы», которая готовилась к печати в изд-ве «Сов. писатель».

В письме в адрес Президиума Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума XXIII съезда КПСС, проходившего в Москве с 29 марта по 8 апреля 1966 г., в частности, говорилось:

«Синявский и Даниэль – люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами»²⁷².

Обращение подписали: К. И. Чуковский, Л. К. Чуковская, В. Т. Шаламов, Л. А. Аннинский, П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, В. Д. Берестов, З. Б. Богуславская, В. Н. Войнович, Ю. О. Домбровский, Е. Я. Дорош, Л. Р. Кабо, В. А. Каверин, Ю. Д. Левитанский, Л. А. Левицкий, А. В. Жигулин, О. Н. Михайлов, Ю. П. Мориц, Ю. М. Нагибин, В. Ф. Огнев, Б. Ш. Окуджава, Р. Д. Орлова, Н. В. Панченко, С. Б. Рассадин, Д. С. Самойлов, Б. М. Сарнов, Ф. Г. Светов, Л. И. Славин, А. А. Тарковский, А. М. Турков, М. Ф. Шатров, В. Б. Шкловский, И. Г. Эренбург.

В те дни многие писатели из разных стран обратились к М. А. Шолохову с призывом встать на защиту Синявского и Даниэля. Однако реакция автора «Тихого Дона» удивила современников. В своем выступлении на съезде он выразил сожаление о «слишком мягком» приговоре.

В дневнике Жигулина сохранилась вырезка из «Литературной газеты» с текстом речи М. А. Шолохова. Фрагменты из его выступления:

«...Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. (Продолжительные аплодисменты).

---

²⁷² Письмо 62-х литераторов Москвы в защиту Даниэля и Синявского // Посев. – 1966. – № 45. – 4 нояб.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (Бурные аплодисменты).

Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь «революционным правосознанием» (аплодисменты), ох, не ту бы меру наказания получили бы эти оборотни! (Аплодисменты). А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора! Мне еще хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем нашем съезде. Но клевета – не критика, а грязь из лужи – не краски из палитры художника! (Продолжительные аплодисменты)»²⁷³.

По этому поводу Жигулин пишет:

«2 апреля 1966 года, суббота.

С трибуны съезда прозвучал ответ и на некоторые другие письма писателей. В частности, на письмо с просьбой освободить Синявского и Даниэля на поруки. Это письмо и я подписал. Да... пристыдил нас Михаил Александрович... И главное: «вдвойне». А я не вижу причин для стыда. Ведь просить выдать на поруки – вовсе не значит защищать. Наоборот, в письме ясно было сказано, что Синявский и Даниэль виноваты. Разве это стыдно просить о снисхождении, о смягчении участи осужденных? Ведь даже убийц порою милуют. Так что в вопросе о взятии на поруки Шолохов загнул» [94 : с 86 – 88].

Под давлением партийных и литературных чиновников Жигулин был вынужден отказаться от подписи под письмом в защиту Синявского и Даниэля.

С одним из партийных деятелей – инструктором отдела культуры ЦК КПСС Л. И. Лавлинским Жигулин находился в приятельских отношениях. Справедливости ради надо сказать, что Лавлинский, сам писавший стихи и часто выступавший в печати в роли литературного критика, был не самым

---

²⁷³ Речь товарища Шолохова М. А. // Лит. газета. – 1966. – 2 апр.

плохим партийным куратором культуры по сравнению с ортодоксальными коллегами.

«9 мая 1966 года, понедельник.

<...> 6-го мая <...> я подписал, точнее – написал под диктовку Л. Лавлинского письмо-отказ от подписи под письмом о взятии на поруки Синявского и Даниэля. <...> Пугал меня Лавлинский люто. Начинал с совести, с Ленина. И переходил к прозе: издавать не будут, на работу не возьмут ни меня, ни Ирину. И за границу, мол, хотели тебя послать, а ты...

А у меня должна быть 10-го верстка. Цензура...

Что касается заграницы, то вопрос этот сразу отпал. Я сказал, что мне туда ехать не в чем – нет ни ботинок, ни костюма...» [95 : с. 81 – 83].

«11 мая 1966 года, среда.

<...> Пришла телеграмма от Тельпугова²⁷⁴. Потом вклею ее сюда. Это, видимо, связано с письмом о Даниэле и Синявском. Видно, хотят, чтобы я выступил нынче на партсобрании. Терзают до конца. Зря я влез в эту пошлую историю. Сейчас еду на собрание. Выступать не буду. Или выступлю не так, как они хотят. Скажу, что письмо о взятии на поруки было правильным. А я отказался потому, что просто я слабый, измученный страхом человек. Подписал письмо – плохо. Отказался – еще хуже... И вообще – нельзя писателей судить и сажать в тюрьму. Это плохо, пошло...» [96 : с. 3 – 4].

«25 мая 1966 года, среда.

<...> В 16.00 было Партбюро. Было сносно, но пошлово. Б. Окуджава говорил о мотивах, по которым он подписал письмо, хорошо. Я сказал, что присоединяюсь к Булату. Мотивы те же, с тою лишь разницей, что я сам сидел пять лет в лагере, знаю, как это плохо. Литература – особая сфера деятельности человека, и тут нельзя рубить с плеча, карать жестоко. Ведь и в 49-м году (я так сказал) меня, например, арестовали, в частности, за стихи. Но оказалось, что в них не было состава преступления» [96 : с. 59 – 60].

---

²⁷⁴ Тельпугов Виктор Петрович (1917 – 1999) – писатель, в 1960-е гг. – секретарь парткома Московской писательской организации.

«2 июня 1966 года, четверг.

Вечер. Вчера получил весьма суровое письмо-выписку из постановления секретариата правления Моск<овского> отд<еления> СП... Постановление на тему уже избитую – о письме 63-х писателей в защиту Синявского и Даниэля. Гм... Я думал, что дело уже утихло, но – увы! – волны еще расходятся кругами, как от камня, брошенного в реку» [96 : с. 73 – 74].

«3 января 1967 года, вторник.

<...> Утром... поехал в ЦК. Лавлинский встретил меня дружественно. <...> Говорили немного о литературе. Лавлинский прямо сказал мне, что сейчас строго запрещено даже всякое упоминание о культе, лагерях и тому подобном. Тема, дескать, стала модной и т. д.

Я сказал, что это вовсе не мода, а совершенно естественный, закономерный процесс выхода, отражения в литературе многолетней народной боли, трагедии.

– Может быть, не спорю, – ответил Леонард. – Но надо этот процесс регулировать.

...Да. Побеседовал я, стало быть, с одним из регулировщиков советской литературы и поехал домой» [99 : с. 14 – 16].

Приведенные записи Жигулина свидетельствуют о том, какому мощному психологическому и иному давлению подвергались советские писатели, осмелившиеся пойти «против течения». И этот прессинг иногда не выдерживали даже такие сильные духом люди, как А. В. Жигулин.

Краткие выводы

В дневниковых книжках и рабочих тетрадях А. В. Жигулина в период второй половины 1950-х гг. – 1960 гг. отражены следующие основные темы:

Творческая деятельность, литературный процесс:

– выход сборников стихов «Огни моего города» (1959), «Костер-человек» (1961), «Рельсы» (1963), «Память» (1964), «Стихи» (1965), «Полярные цветы» (1966), «Поле боя» (1968);

– вступление в Союз писателей СССР;

– личные и творческие отношения с А. Т. Твардовским, А. И. Солженицыным, поэтами-шестидесятниками Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенским, Б. А. Ахмадулиной, Б. Ш. Окуджавой, В. Т. Шаламовым и др.

Судьбоносное значение для Жигулина имели встреча с Твардовским и сотрудничество с «Новым миром».

Как считал Жигулин, «Новый мир» Твардовского своими публикациями, четкой гражданской позицией способствовал нравственному пробуждению общества, освобождению страны от оков тоталитаризма, подлинному расцвету основных течений отечественной литературы и журналистики во второй половине минувшего века.

По его мнению, именно многогранная личность Твардовского, его талант и организаторские способности, стремление всегда следовать принципам правды, справедливости и человечности, редакторское чутье и опыт стали главными составляющими успеха «Нового мира», способствовали известности журнала не только в нашей стране, но и за рубежом.

В настоящее время назрела необходимость нового и объективного рассмотрения основных итогов деятельности «Нового мира» Твардовского, основанного на преодолении штампов не только советской, но и постсоветской литературной критики, в частности, о конформизме главного редактора журнала. Сопоставительный анализ дневника Жигулина и «Рабочих тетрадей» 60-х гг. Твардовского позволяет сделать вывод о ничтожности этой версии.

Изучение деятельности «Нового мира» Твардовского показывает, что читательский интерес к литературно-художественным и общественно-политическим журналам многократно возрастает в периоды смены исторических эпох, различных «революционных ситуаций» и наибольшей активности народных масс, когда возникает острая потребность в социальной и духовной адаптации, в осмыслении происходящих событий.

В условиях резкого падения тиражей «толстых» литературных журналов в XXI веке, активного наступления западной культуры, оттока читающей аудитории в сферу электронных средств массовой информации изучение и

осмысление опыта «Нового мира» эпохи «оттепели» приобретает важнейшее значение.

Введение в научный оборот материалов личного архива Жигулина позволит расширить знания об истории отечественной литературы и журналистики второй половины XX века и журнала «Новый мир» Твардовского, в частности.

События в стране и мире:

- «оттепель» (1956 – 1964);
- антисталинские XX и XXII съезды КПСС;
- полет Ю. А. Гагарина в космос;
- начало эпохи «застоя» («процесс Синявского и Даниэля», «письмо одиннадцати», разгром «Нового мира» Твардовского);
- подавление «Пражской весны» (август 1968 г.).

Личная, семейная жизнь:

- поступление на Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР и переезд на постоянное место жительства в Москву;
- знакомство с И. В. Неустроевой, скрепление брачного союза, рождение сына Владимира (1964 г.), отношения с родителями, поездки в Воронеж.

ГЛАВА 3. Закрепление писательской репутации (1970-е гг. – первая половина 1980-х гг.)

3.1 Развитие писательской репутации в годы «застоя»

Одна из ключевых проблем теории современной журналистики и теории литературы – проблема автора, его идентичности и способов формирования творческой репутации. Важнейшую роль в этом процессе играют концепты *автор, читатель, издатель, критики, продажа книг, успех, признание, популярность, слава*.

Основоположник нового направления в литературоведении – теории и истории литературных репутаций – И. Н. Розанов писал в 1928 году: «...В настоящий момент особенное внимание привлекает вопрос о взаимоотношениях писателей и читателей, проблема критики, как посредницы между ними. И вот, рядом с историей и теорией художественной литературы, рядом с историей и теорией критики, намечаются новые области для изучения: теория и история литературных репутаций. Первая займется исследованием факторов литературного успеха, вторая – изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин»²⁷⁵.

Согласно определению, данному историком литературы А. И. Рейтблатом, литературная репутация – это «те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)», при этом «источниками литературной репутации являются: печатные, письменные и устные тексты автора (как художественные, так и нехудожественные, особенно автокомментарии к

---

²⁷⁵ Розанов И. Н. Литературные репутации : Работы разных лет. – Москва : Сов. писатель, 1990. – С. 16.

собственному творчеству); печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе»²⁷⁶.

Автор фундаментального исследования «Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»)» М. В. Костионова дает следующее определение этому термину: «Мы будем понимать литературную репутацию как исторически изменчивый процесс формирования общепринятых (т. е. разделяемых большинством независимо от наличия непосредственного опыта восприятия произведений писателя) суждений об авторе и его творчестве, которые высказываются авторитетными участниками литературной системы и распространяются к широким читательским кругам через ряд авторитетных социальных и культурных институтов (литературная критика, журналистика, система книгоиздания, образовательная система и т. д.)»²⁷⁷.

В свою очередь, мы тоже согласимся с такой формулировкой применительно к творчеству А. В. Жигулина.

Незадолго до своего юбилея Жигулин записывает в дневнике:

«20–III–78 г., <понедельник>.

В эти дни плохое состояние, черная депрессия. Горькие раздумья о жизни. Скоро 50 лет, а сделано очень мало. И 1/100 доли того, что мог бы сделать, не сделал. Мне бы немножко прибавить чтения и воспитания в детстве и юности. Но – то война, то голод, то тюрьма. <...> А теперь память ослабла. Нет того вольного простора, того богатства впечатлений, наблюдений. Потеряны многие реалии, утрачена в значительной степени память о давних, прежних состояниях души. Хотя как сказать. Если начать работать, войти заново в прожитую жизнь – пожалуй, многое можно восстановить. Ведь у меня подробные дневники

---

²⁷⁶ Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – С. 51.

²⁷⁷ Костионова М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба») : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2015. – С. 25.

(фактически – ежедневные) аж с апреля 1954 года и очень много тюремно-лагерных, военных и иных записей, сделанных в то время, когда все было еще очень свежо в душе. Есть в конце концов мои стихи конца сороковых и первой половины 50-х годов. Они слабые, юношеские, но они – документ времени. И много иных подоных документов и материалов. Конечно, все или многое можно восстановить...» [167 : с. 2 – 3].

Жигулин был явно не справедлив к самому себе в оценках предварительных итогов творческой деятельности (причина понятна: плохое самочувствие, депрессия).

1970-е гг. и первая половина 1980-х гг. были стабильным и продуктивным периодом в творческой биографии Жигулина. В газетах и журналах регулярно печатались его стихи, практически ежегодно выходили поэтические сборники: «Прозрачные дни» (1970), «Чистое поле» (1972), «Свет предосенний» (1972), «Полынный ветер» (1975), «Стихотворения» (1976), «Горящая береста» (1977), «Калина красная – калина черная» (1979), «Соловецкая чайка» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Избранное» (1981), «Воронеж. Родина. Любовь» (1982), «В надежде вечной» (1983), «Стихотворения» (1984). Каждая из этих книг была благожелательно воспринята читателями и критикой.

Как и любой другой творческий человек, Жигулин достаточно ревностно относился к популярности, был равнодушен к славе, честолюбив и чуток к людской молве.

Это подтверждает следующая дневниковая запись:

«1 января 1973 года, понедельник.

<...> Звонили в Воронеж. Мама, отец, дядя Шура – все были рады звонку. «Свет предосенний» появился. Во всех магазинах продается в Воронеже. Отец говорит:

– Я хожу в книжный магазин каждый день. Смотрю, как твои книги покупают. Хорошо их покупают! И молодые, и старые. А я стою и слушаю, что говорят, как спрашивают книги Жигулина...» [120 : с. 95].

Еще одна подобная запись, сделанная Жигулиным весной 1975 г. во время отдыха в Дубултах:

«5 мая 1975 года, понедельник.

<...> Библиотека. Библиотекарша рада – купила в Феодосии две книжки «Полынный ветер». Их всего две и пришли в магазин. А больших книжных магазинной в Феодосии всего два. Значит, четыре книжки на большой город. Плохо быть неизвестным, безвестным поэтом!..» [141 : с. 16].

В годы хрущевской «оттепели», когда далеко не все вещи можно было называть своими именами, критики зачислили Жигулина в число сторонников «трудной темы», прозрачно намекая на обстоятельства его нелегкой и драматической судьбы.

В 1970-е гг. те же самые литературные критики пытались закрепить имя Жигулина в рядах представителей «тихой» лирики. С этим термином писатель был категорически не согласен. По его мнению, в литературе должна быть только одна градация: поэт – не поэт, талант – не талант, остальные точки зрения он считал измышлениями от лукавого;

В одной из дневниковых книжек Жигулина вклеена вырезка из газеты «Правда» от 22 июня 1976 г. с докладом первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. М. Маркова на VI съезде Союза писателей СССР. В докладе рукой писателя подчеркнут следующий фрагмент: «Вызывает озабоченность снижение тонуса гражданственности в повседневной поэтической практике. Мало того, получила распространение «версия», согласно которой сейчас вслед за неким «эстрадным» периодом развития поэзии пришел якобы период поэзии «тихой». Мы должны всегда помнить, что традиции боевитости, мужества, гражданской активности – это наше нержавеющее оружие».

По этому поводу Жигулин пишет:

«25 июня 1976 года, пятница.

Маленький комментарий к докладу Г. М. Маркова.

<...> Сами придумали этот idiotский термин «тихая лирика» и сами нас теперь им бьют! А в разделе «тихой» поэзии – как раз поэты, которые берегли и

берегут традиции русской лирики: Н. Рубцов, Вл. Соколов, А. Жигулин, С. Куняев, О. Чухонцев, Вас. Казанцев, отчасти Д. Самойлов, А. Кушнер, Г. Горбовский... И никто из них не попал в хвалебный список! <...> отсутствуют в списке настоящие русские поэты, которые вовсе никакие не «тихие», а просто поэты подлинные! И Б. Слуцкого нет, и В. Шефнера, и многих.

Хвалебный список составлен хитро – отсечено все лучшее, что нынче есть в поэзии, все талантливое и мыслящее. Победными шагами, надежно и твердо идем вперед... к сталинизму!» [154 : с. 83 – 84].

В 1970-гг. в лирике Жигулина, как верно отмечает В. Марфин, две «малые» родины, «деревенская» и «городская», постепенно объединяются в одно целое, создавая особую модель взаимоотношений человека и мира, которая стала узнаваема читателем и востребована им²⁷⁸.

Эту особенность новых стихов Жигулина сразу заметили критики. Один из них писал, что несмотря на тяготение «к элегическому настроению, приглушенным краскам, лирическому началу», новые произведения Жигулина «корнями своими уходят в обостренно социальную проблематику, яростный, публицистический строй ранних стихов поэта»²⁷⁹.

Еще одно важное качество стихов Жигулина отметил в своем письме незадолго до ухода из жизни К. М. Симонов:

«В книге Вашей есть две самых главных для поэзии вещи – судьба страны в связи в связи с собственной судьбой. Связь эта бывает у разных нас – разная, но без нее нет ни поэта, ни поэзии. ...Как бы некоторые ни выдумали себе судьбу – она все равно не выдумывается...

Судьба – цепь, выпад из нее (насильственный чаще всего) звеньев лишает при чтении чувства целостности судьбы, ее внутренних связей. Я рад Вашей твердости... рад тому, что в книге вся цепь судьбы, без разрывов»²⁸⁰.

²⁷⁸ Марфин Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Воронеж, 2003. – С. 14.

²⁷⁹ Гейдеко В. Неожиданность постоянства // Знамя. – 1974. – № 8. – С. 247 – 249.

²⁸⁰ Симонов К. М. Письмо А. В. Жигулину от 21 декабря 1977 г. – Собр. соч. : В 10 т. – Москва : Худож. литература, 1979 – 1987. – Т. 12. (доп.). Письма 1943 – 1979 гг. – С. 480 – 481.

Творчество Анатолия Жигулина было востребовано, его книги не залеживались в магазинах, не пылились на библиотечных полках. В России его поэзию знали и любили миллионы читателей. И не только в России. Его стихи были переведены на английский, французский, немецкий, японский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, польский и другие языки мира.

К своему полувековому юбилею поэт подошел с весьма солидным творческим багажом, что единодушно отмечали не только критики.

В дневнике Жигулина запечатлен занимательный рассказ главного редактора еженедельника «Литературное обозрение» Л. И. Лавлинского о его встрече с высокопоставленным работником ЦК КПСС, ведающим вопросами культуры.

«7 декабря 1983 года, среда.

...Был еще разговор с Леонардом <Лавлинским>. Был он у высокого начальства по линии Отдела культуры, то есть, попросту говоря, у Шауро²⁸¹. Говорили о поэтах – кто сильнейший теперь. Я, говорит Леонард, назвал, конечно, прежде всех тебя. Но у Шауро (как у меня) взгляды не изменились:

– Я ценю Вашу твердую и неизменную позицию, ибо вы и 10 лет назад говорили, называли в числе сильнейших поэтов Жигулина, но у меня несколько иной взгляд...

И изложил по порядку давнее: Рождественский, Евтушенко, Вознесенский...

Сошлись, однако, что в первую десятку и по шауровскому списку Анатолий Жигулин входит. И то слава Богу! Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь» [206 : с. 87 – 88].

На рубеже 1970-х – 1980-х гг. сразу в нескольких издательствах готовились к выходу в свет сборники стихов Жигулина.

«21–II–79 г., среда.

---

²⁸¹ Шауро Василий Филимонович (1912 – 2007) – заведующий Отделом культуры ЦК КПСС в 1965 – 1986 гг.

Днем был в изд<ательст>ве <Молодая гвардия>. Книга «Жизнь, нечаянная радость» стоит в плане издания 1980 года. 7 листов. Тираж 50 тысяч. Правда, план еще не утвержден и надо стучать по деревянному» [167 : с. 98].

«16–III–79 г., пятница.

Поездка с Ирой в «Сов<етский> пис<атель>». Отвезли верстку. Она была подписана и сдана в производственный отдел. <...> По неуточненным данным, моя книжка «Калина красная – калина черная» собрала заказов на 38,5 тыс. экземпляров. Надо идти к новому директору с заявлением, просить, чтобы издали массовым тиражом (40 – 50 тыс.). От этой необходимости меня, как обычно, гложет тихая, жалобная тоска» [167 : с. 106].

«25–III–79 г., воскресенье.

Верстка из «Современника» – «Соловецкая чайка». Очень мелкий шрифт» [167 : с. 111].

Приведем несколько записей из дневника Жигулина о подготовке и издании сборника стихотворений «Горящая береста» (Москва : Сов. Россия, 1977).

«25 января 1976 года, воскресенье.

<...> С утра – раздумья над названием и композицией книги для изд-ва «Советская Россия». Название мы с Ирой решили украсть у А. Вертинского: «Пред ликом Родины». <Хотя> «украсть» не совсем точное слово. В моем стихотворении «Родина» (1962) есть строфа о Родине, где сказано: «Древними архангельскими ликами строго ты смотрела на меня...» Решил разделить сборник на три части по времени, приблизительно так: I. 1957 – 1966 гг., II. 1966 – 1969 гг., III. 1970 – 1975 гг. Названия частей должны иметь некую общность, должны быть одномерны. Не должны противоречить друг другу по тону, по смыслу, по настроению. Скорее – должно быть движение, развитие чувства в течении времени. Например, «Марта», «Полынь», Соловецкая чайка»: страдание и любовь, и, наконец, горечь познания. <...> Весь вечер до глубокой ночи – работа над будущей книгой. Поиски текстов стихотворений, перелистывание сверок, версток, книг. Прикидывание расположения разделов. Надо делать расклейку и я думаю употребить для этого вторую сверку книги

«Стихотворения». Она чистенькая. Жаль, конечно, портить первую сверку, в которой еще стоят «Бурундук» и другие снятые цензурой стихи, но придется именно их и взять для расклейки. Печатное слово хоть немного успокоит редактора. Хорошо бы и «Кострожоги», и «Я помню разные погосты...», и «Летели гуси за Усть-Омчуг...» вставить в печатном виде в рукопись. Но портить два экземпляра «Памяти» и «Полярных цветов» не хочется. Их очень мало осталось. И вообще грех такие книги уничтожать. Есть молодогвардейская верстка «Полынного ветра», но я в ней перечеркнул косыми крестами стихи, снятые цензурой. И написал над каждым: «Снято цензурой» [149 : с. 135 – 137].

В издательстве «Советская Россия» книга вышла под названием «Горящая береста». О том, как родилось это название, свидетельствует следующая запись в дневнике Жигулина:

«13 февраля 1976 года, пятница.

День плохой. Опять долгий сон, опять плохое настроение. Единственная радость: нашел я, кажется, хорошее название для книги в «Сов. России» – «Горящая береста». Оно пришло в голову еще 5-го числа, как один из вариантов названия 3-го раздела. А тут вдруг осенило...» [149 : с. 165 – 166].

Рукопись книги «Горящая береста», как и все другие сборники стихов Жигулина тяжело проходила систему согласований с Главлитом. Своеобразным историческим документом является памятка Жигулина о том, как автору и редактору книги вести себя с цензором:

«20–IX–76 г., <понедельник>.

Мечты о прохождении книги «Горящая береста» через цензуру.

1. Самое идеальное – чтобы цензор не читал верстки, раз все печаталось в книгах. Поглядел бы только новое.

2. Нельзя ничем настораживать цензора (чтоб мысли не передались от редактора).

3. Приложить записку о публикациях.

4. Если уцепится за «Тбилиси», – снять строфу о Колыме, вернее заменить строку: «Товарищ мой по Колыме» на «Земляк на дальней стороне». И снять строфу «И вновь разбуженная память». Впрочем, она проходима. Можно и все стихотворение снять.

5. Самое важное – сохранить стихи «Кострожоги» и «Бурундук». Хотя бы «Бурундук». С ним все-таки легче. Издавался много (5 раз!).

6. Если дадут плановый тираж – 20 тысяч – пусть подписывают в печать.

7. Пусть хоть 76-м годом идет, лишь бы с Литом было благополучно.

8. «Охранную грамоту» (содержание с отметками и сносками к «трудным» стихам) – цензору не показывать. Только если уцепится давать книгу (где печаталось» [156 : с. 23 – 25].

«18 марта 1977 года, пятница.

В «Книжном обозрении» объявлено о выходе «Горящей бересты». Хоть бы поскорее попала она в книжные магазины! Так я за нее еще боюсь!» [160 : с. 33].

«13 июня 1977 года, понедельник.

<...> Из ЦДЛ – в издательство «Советская Россия». С бутылками шампанского, с тортом и конфетами – отпраздновать наконец выход «Горящей бересты». Инга, Светлана, Эра Александровна, Валя Курганова (позже – и Валя Мариничева). За окном бушевал сильнейший ливень, а мы праздновали книжку. Большая это удача – издать такую книгу, да еще в юбилейный год» [160 : с. 114].

Дневниковые записи Жигулина позволяют заглянуть в святая святых – творческую лабораторию писателя и увидеть, как рождаются стихи, образы, книги – все то, что в конечном итоге именуется поэзией и прозой.

Интересна история создания самого короткого стихотворения Жигулина, посвященного его супруге: «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...».

Сначала родились две последние строчки. И они не имели никакого отношения к И. В. Жигулиной.

«12 августа 1976 года, четверг.

«Литературная Россия»²⁸². Долгая задержка с полосой (обычно в час дня бывают полосы). А тут 2, 3 часа дня, а полосы с моими стихами все нет. Но пришла наконец. Дурное предчувствие оправдалось: подборка моя – без стихов, посвященных памяти Дм. Голубкова. Это резануло по сердцу. Стихи «В больничном саду», посвященные памяти Мити, были эмоциональным центром, вершиной, взлетом всей подборки. А теперь получилось: «Как елка без верхушки, / Как церковь без креста...»

Я сказал, что снимаю всю подборку. Меня стали уговаривать...» [150 : с. 181].

Как выяснилось, стихотворение «В больничном саду» запретил цензор. Не помог даже звонок главного редактора издательства «Советская Россия». На его вопрос: «Почему Вы сняли это стихотворение», – цензор ответил: «– Я думаю Вам как главному редактору не стоит объяснять, почему стихи сняты. Там восхваление самоубийства и загробной жизни!..» [150 : с. 184].

По этому поводу Жигулин горестно восклицает: «Боже мой! Какой низкий умственный уровень!» [Там же].

Через три месяца Жигулин возвращается к строчкам: «Как елка без верхушки, / Как церковь без креста...», пытается сочинить стихотворение, но – неудачно.

«13 ноября 1976 года, суббота.

<...> Нескладный, нелепый день. Ночью писал стихотворение... Нынче прочитал – тошно стало. Даже черновик уничтожил, вырезал лист 59 – 60. <...> Стихи не получились. Но строки хорошие, образ прекрасный: «Я без нее – как елка без вершины. / Я без нее – как церковь без креста!».

Но без чего? Какая духовная величина, какая нравственная категория, какой штрих, какая примета – что оно, это неведомое, что придает полную законченность душе, жизни, судьбе? Что это? Любовь ли? Малая ли конкретная родина? Душа ли чья-то близкая, родная? Совесть? Вера? Надежда? Боль?» [156 : с. 61 – 64].

---

²⁸² Опечатка: речь идет об издательстве «Советская Россия».

В августе 1980 г. Жигулин вновь возвращается к этому образу, пытается найти те единственные, заветные слова. И вот, наконец, они найдены: «Продли, Всевышний, дни моей Ирины. / Без глаз ее душа моя пуста. / Я без нее – как елка без вершины. / Я без нее – как церковь без креста!» [176 : с. 22 – 23].

Таким образом, самое короткое стихотворение в творчестве Жигулина (да, наверное, и в отечественной поэзии в целом) состоит всего из четырех строк или около двух десятков слов. Но создавались эти четыре строки целых четыре года. Это стихотворение Жигулин в дальнейшем обязательно включал во все свои сборники и публичные выступления.

Сибирский библиофил В. С. Сербский вспоминал: когда после выхода в свет в 1987 г. в издательстве «Молодая гвардия» книги «Весеннее имя» Жигулин не обнаружил в ней стихотворения «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...» (оно было исключено из сборника в результате редакторского произвола), он во все экземпляры, которые дарил знакомым и друзьям, вписывал его от руки. Для него это короткое, но емкое по содержанию стихотворение, заменяющее целую поэму о любви, – было бесконечно дорого²⁸³.

В дневнике Жигулина подробно отражена кропотливая работа автора не только над содержанием, но и оформлением каждой книги. Приведем конкретный пример.

«17–IV–82 г., Великая суббота.

Пришли из Воронежа эскизы оформления моей книги²⁸⁴. Молодец художник Л. Карюков! И портрет похожий и интересный, особенно с дальним планом; но его надо еще проработать. Но слишком детализировать не надо. Форзац с травами-колосьями и стихотворением «О Родина! В неярком блеске...» – просто прекрасен. Надо сделать такой же и в конце книги. И стихи «О Родина!..» из общего текста книги не вынимать. Хороши и эскизы ко всем трем разделам. Ко второму предпочтительней железная дорога с березой, чем

²⁸³ Сербский В. «Продли, Всевышний, дни моей Ирины!» //Александровский Централ (Братск). – 2002. – Янв.

²⁸⁴ Речь идет о сборнике стихов : Жигулин А. В. Воронеж. Родина. Любовь : Кн. лирики. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. – 350 с.

сосна на вырубке. Не надо ни оленя, ни высоковольтных опор – приелось это. Да и оленей на Колыме я видел только в городе Магадане. Менять шрифт на разворотном титуле, на мой взгляд, не надо. Хороший шрифт. Особенно – соотношение размеров букв в трех ключевых словах названия.

Дуб (I раздел). Здесь можно усилить тревожную ситуацию. Впрочем, она там есть: туча, ветер, пригнутые травы, колосья.

Береза (II раздел). М. б., четче обозначить березу? Именно раскраской ствола. И убрать белую елочку. Она почти на рельсах растет. Так не бывает. Отодвинуть ее правее или вовсе убрать. Солнце или луна – непонятно. Это хорошо. М. б., прорисовать крону березы? Стилизованно, конечно.

Березы (III раздел). Слишком идеализированная картинка. Маленькие стожки, кудрявенькие березы. Какой-то тревожный элемент нужен. М. б., могилка со звездой? М. б., небо сделать суровее. Да. И, наверное, «низкий холмик со звездой». Но можно им и испортить рисунок. Это прямолинейно. И нужна тогда и колокольня с крестом.

Обложка. Здесь важен материал, шрифт. Колосья внизу – хорошо. Это общий мотив. Но нижняя часть (линия) прямоугольника должна присутствовать – пусть пунктирно или отрывочно – сквозь колосья. И поскорее сдавать в производство» [192 : с. 60 – 64].

Таким образом, анализ дневниковых записей Жигулина показывает, что 1970-е годы были одним из самых продуктивных периодов его творческой деятельности, временем закрепления его литературной репутации, как крупнейшего поэта второй половины XX века.

3.2 О литературной критике и критиках

Газетно-журнальная, литературная критика и деятельность профессиональных критиков являются одной из сюжетообразующих линий дневника Жигулина.

Об этом свидетельствуют не только дневниковые записи, но и специальные рабочие тетради, в которых сам писатель или его жена и помощница И. В. Жигулина записывали сведения о публикациях в журнально-газетной периодике, как центральной, так и региональной (по мере поступления текстовых источников).

Иногда эти сухие библиографические записи сопровождаются краткими комментариями Жигулина.

В дневнике Жигулина есть запись: «Критиков мы – увы! – не выбираем. Дороги выбираем, а критиков – далеко не всегда» [157 : с. 233].

Вот далеко не полный перечень имен критиков, с которыми Жигулин поддерживал личные и творческие отношения и которые часто встречаются на страницах его дневника: А. Абрамов, В. Акаткин, Л. Аннинский, Ю. Буртин, В. Гейдеко, Д. Голубков, А. Горловский, В. Гусев, Н. Дардыкина, В. Дементьев, В. Залещук, И. Золотусский, А. Истогина, Г. Красухин, В. Кожин, Л. Лавлинский, В. Лазарев, В. Лакшин, А. Ланщиков, О. Ласунский, В. Лободов, А. Македонов, В. Новиков, А. Преловский, А. Турков, А. Михайлов, О. Михайлов, Л. Жуховицкий, В. Огрызко, А. Преловский, М. Синельников, И. Шкляревский, С. Чупринин, О. Чухонцев.

Литературно-публицистические портреты критиков условно можно разделить на две основные группы: функционально-творческие (А. Македонов, В. Кожин, В. Огрызко, А. Турков), лично-творческие (А. Абрамов, В. Акаткин, Л. Аннинский, В. Гусев, А. Истогина, В. Лакшин, А. Ланщиков и др.).

Более подробно рассмотрим некоторые из них.

Безусловно, очень интересны и содержательны в дневнике Жигулина портреты «корифеев» литературной критики и публицистики В. Я. Лакшина и Л. А. Аннинского. В первом из них автор выделяет блестящие литературные способности, опыт и мастерство, ярко проявившиеся еще во время его работы в «Новом мире» Твардовского, а во втором восхищается стилем, афористичностью мышления, сократовской мудростью его суждений.

«2 января 1976 года, пятница.

Р<азгово>р слевой Аннинским. Он один из немногих критиков, которых интересно читать. Критик-писатель, представитель вымершего жанра» [149 : с. 96].

«26–V–79 г., суббота.

Звонил Лева Аннинский. Он приехал из Еревана и прочел верстку моей «совписовской» книги. Вот что он сказал (Ира тоже слушала телефон, и мы вместе записали все почти дословно):

– Толя, твои стихи в «Калине» пронзили меня до слез... Мне это очень близко... Ты человек уникальной душевной организации. Ты уникально отзываешься на боль, на страдание – в старом древне-русском ключе, идущем от христианства, не озлобляешься. Ты благодаришь ужасную, тяжелую судьбу. Жизнь тебя изломала, искорежила, а ты говоришь ей «Спасибо!»; страдание обращаешь в свет. Ты единственный такой поэт в современной русской поэзии – уникальный. Ты никого не обвиняешь, не ищешь виновных в бедах – Тохтамыш виноват, евреи виноваты – нет! Мы виноваты, и мы все – братья! – и те, кто все это натворил, и мы, которые их не жалеем теперь...

<...> Я перечитал прежние свои статьи о тебе. Они мне не нравятся, буду писать заново» [167 : с. 144 – 145].

В 1987 г. Аннинский был одним из тайных хранителей копии «Черных камней», которую ему передал сам автор, опасаясь повторения участи рукописей произведений Солженицына и Гроссмана, изъятых у них при обыске представителями органов государственной безопасности.

Лакшин будучи первым заместителем главного редактора журнала «Знамя» восторженно воспринял представленную в редакцию рукопись «Черных камней» и всячески способствовал тому, чтобы преодолеть объективные препятствия, возникшие при подготовке ее публикации (об этом рассказывается в четвертой главе нашего исследования).

На протяжении всей жизни Жигулин поддерживал тесные связи со многими воронежскими писателями и критиками, в том числе с А. М. Абрамовым и В. М. Акаткиным.

Известный ученый, педагог, писатель, участник Великой Отечественной войны А. М. Абрамов (1917 – 2005) был одним из первых, кто заметил и поддержал Жигулина в начале творческого пути (что особенно важно).

Вот выдержки из его статьи, опубликованной в газете «Литература и жизнь» 1 февраля 1961 года: «Мы сейчас все чаще говорим о четвертом поколении советских поэтов. К сожалению, разговор нередко ведется узко. Упоминаются Е. Евтушенко, А. Вознесенский и еще два-три имени, что, конечно, мешает понять истинное лицо этого поколения. Думая об этом, хочется рассказать об Анатолии Жигулине, молодом инженере-строителе, уже лет пять серьезно выступающем в поэзии и выпустившем в Воронеже книгу «Огни моего города». Книга А. Жигулина сразу нашла своего читателя. Несмотря на то, что она поступила только в магазины Воронежского книготорга, в продаже ее уже нет. На недавнем диспуте о младшем поколении советских поэтов в Воронежском университете стихи А. Жигулина получили высокую оценку»²⁸⁵.

В конце статьи Абрамов обращался к руководству Литфонда Союза писателей с просьбой оказать помощь молодому поэту и сообщал его адрес: Курская область, город Льгов, санаторий, палата 51.

В дневнике Жигулина запечатлена его реакция на эту статью:

«4 февраля 1961 года, суббота.

<...> Получил письмо из дому. И прислали мне газету «Литература и жизнь», № 14 (1–II–61 г.). Вверху на третьей полосе под рубрикой «Новые имена» – статья А. Абрамова «Один из молодых». Статья обо мне, и большая (строк 300, четверть страницы). Очень теплая, очень благожелательная статья. Написана с большим чувством, интересно. Абрамов обращается к биографии, много цитирует. В общем, замечательная статья!.. Я просто не могу найти слов. Анатолий Михайлович удивительно чуткий человек. Какой трогательной заботой и вниманием к молодому поэту проникнута статья! Ей-богу, я тронут до глубины

---

²⁸⁵ Абрамов А. Один из молодых // Литература и жизнь. – 1961. – 1 февр.

души, до слез. <...> Чувствуется, что его глубоко волнует моя творческая судьба, мое здоровье. Действительно, «человек-костер», дающий тепло другим. Раз десять я уже прочитал статью и читаю снова и снова» [55 : с. 25 – 26].

На этапе становления и развития таланта Жигулина А. М. Абрамов был, по сути, его учителем, хотя не всегда и не во всем «ученик» соглашался с «наставником». Став национальным поэтом, Жигулин регулярно посылал Абрамову новые стихи, советовался с ним по писательским делам, хотел, чтобы именно он подготовил для столичного издания его юбилейный литературный портрет.

«21 января 1962 года, воскресенье.

...В последние дни раздумываю над поэмой. <...> Анатолий Михайлович Абрамов советует не упрощать событий, которые были в жизни» [65 : с. 32 – 33].

«6 сентября 1976 года, понедельник.

<...> Переписывал набело письма А. Абрамову – 11 страниц. Часа четыре ушло на это. Пальцы устали перо держать!» [157 : с. 43].

О многогранных творческих и личных отношениях поэта и критика рассказывается в книге «Дорогой Анатолий Михайлович!...» : письма А. Жигулина А. Абрамову», подготовленной сотрудниками филологического факультета Воронежского государственного университета²⁸⁶.

Жигулин всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминал людей, поддержавших его в начале творческого пути. Например, 17 января 1985 г. в его дневнике появилась такая запись: «А. Абрамов – автор двух рецензий на мою первую книгу. Послал мои книги с письмом А. Твардовскому. Образно говоря, взял за руку и привел в «Н<овый> м<ир>» [214 : с. 79].

На страницах дневника Жигулина часто упоминается имя В. М. Акаткина, литературного критика, ученого, публициста, земляка, автора многих работ о жизненном и творческом пути писателя.

Одна из первых записей о нем в жигулинском дневнике:

«24 марта 1971 года, среда.

---

²⁸⁶ «Дорогой Анатолий Михайлович!...» : письма А. Жигулина А. Абрамову. – 169 с.

Вчера вечером – визит к А. М. Абрамову. Сумбурный, долгий разговор. Некоторые «вехи» беседы: аспирант Абрамова Виктор Акаткин написал рецензию на «Прозр^ачные дни», но не может ее напечатать» [116 : с. 232].

«10 марта 1973 года, суббота.

<...> Звонок и приезд В. Акаткина. Беседа, стихи, библиография, письма Твардовского и Солженицына и многое другое. Говорили, в частности, о КПМ (о нашем деле), о поэзии и критике...» [120 : с. 149].

«19 октября 1976 года, вторник.

<...> О рецензии В. Акаткина. <...> Конечно, сократили они ее сильно. Но много важного, нужного и интересного осталось. Сказано главное. <...> Я был бы счастлив, если бы статья В. Акаткина в том виде, в котором она опубликована в «Октябре», появилась бы в «ЛГ» как мой литпортрет» [157 : с. 124 – 125].

«4 января 1980 г., пятница.

<...> Звонил из Воронежа А. М. Абрамов. Рассказал, что вчера в «Мол. коммунаре» появилась очень хорошая [по словам А. М.] статья обо мне Виктора Акаткина²⁸⁷» [172 : с. 19].

«17 июня 1980 года, вторник.

<...> Ночью читал статью В. Акаткина обо мне в «Подъеме»²⁸⁸. Прекрасная статья! Умная, сильная и даже изящная. Точный анализ, впрямую сказано о судьбе».

Строки из статьи В. Акаткина «У поэта есть судьба»: «А. Жигулин входил в литературу как поэт особой, «трудной» темы. Первые стихи честно и скупо повторили его биографию. Однако он не выставлял ее напоказ как болячку, чтобы пожалели. Заново надо было пережить такое, что не назовешь простым щекотанием нервов. Стихи первых сборников как раз удивляют сдержанностью и нежеланием ковыряться в душевных ранах. Он не теряет от обилия

---

²⁸⁷ Акаткин В. Воронеж... Родина... Любовь... : Исполнилось 50 лет сов. поэту А. Жигулину // Мол. коммунаре. – 1980. – 3 янв.

²⁸⁸ Акаткин В. «У поэта есть судьба» : К 50-летию А. Жигулина // Подъем. – 1980. – № 3. – С. 136 – 143.

тяжелых впечатлений, готов преодолеть их иронией, даже юмором («надо номер ему на спину», «страна Лимония» и др.). Порой он способен произнести фразу какой-то удивительной, детской простоты и откровения: «Мы отдыхали очень редко», «И очень трогательно пели про славный город Магадан». Поэт не проклял, не вычеркнул из памяти северное прошлое, напротив, многое оставил в душе как нечто дорогое и неизбежное. Ведь это было не только с ним, но и с его страной. Поэтому он готов попросить прощения у колючего колымского стланика за «невольную жестокость»: его рубили топорами, чтобы уберечься от цинги, но не от жадности, не со зла. Он уловил в «трудном» материале немало идеальных моментов: суровая дружба, взаимовыручка, уважение, рабочий азарт. То есть, поэт видел жизнь, людей, а не строку своего приговора»²⁸⁹.

Судя по дневниковым записям Жигулина, из нескольких десятков столичных критиков, писавших о его жизни и творчестве, он особо выделял и ценил творчество Дмитрия Николаевича Голубкова (1930 – 1972), прозаика, поэта, переводчика, живописца, автора шести поэтических сборников и восьми книг прозы, безвременно ушедшего из жизни.

Голубков проработал более 10 лет старшим редактором в издательстве «Советский писатель», он был редактором сборника стихотворений Жигулина «Прозрачные дни» (1970). Как пишет Жигулин, Голубков сражался с начальством и цензурой буквально за каждое его стихотворение, каждую строфу, каждое слово. Беседы поэта и редактора – личные и по телефону – затрагивали и другие темы.

Запись в дневнике Жигулина:

«1 декабря 1971 года, среда.

<...> Я помню Митин взволнованный звонок, когда он прочел «Прозрачные дни». Митя недоумевал: откуда эта поэзия? Где ее источник? Что ты читаешь, Толя, какие книги? – был в этой связи его первый вопрос. Милый Митя! Разве в книгах главный источник поэзии!? За свои «Прозрачные дни» я

---

²⁸⁹ Там же.

всю жизнь плачу дорогой ценой: война, беспризорщина и голод – в детстве, тюрьма и колымские лагеря – в юности, тяжелая болезнь и цензурные терзания – в зрелости. Это постоянный конфликт с государством из-за «лагерных» стихов и всего прочего, эти операции, когда ясно виден порог, за которым – пустота, иной мир, смерть, это безденежье и неустроенность, это постоянная боль, боль и боль...» [118 : с. 62 – 63].

Мысль о том, что настоящая поэзия невозможна без испытаний в судьбе писателя, неоднократно повторяется в дневнике Жигулина. Вот, например, прочитав новую книгу известного поэта, он пишет: «Прекрасные стихи! А если бы ему еще войну или Колыму, или что-нибудь в этом роде!» [179 : с. 30].

В июле 1971 г. в журнале «Молодая гвардия» была опубликована статья Д. Голубкова «Душа-победительница». В ней прямо были названы «учителя» поэта: «Если рассматривать поэтику Анатолия Жигулина, так сказать, под углом литературоведческим, то, как мне кажется, она представляет собой любопытнейший сплав двух таких различных стилистических манер, как обнажено-размашистая эмоциональность Есенина и прицельная точность Бунина-поэта»²⁹⁰.

Несмотря на то, что самому поэту статья Д. Голубкова понравилась, у критиков она вызвала возражения. И прежде всего как раз по поводу «учителей» Жигулина.

Например, Л. Аннинский не согласился с доводами Д. Голубкова: «...все-таки у Жигулина нет эмоциональной размашистости и красоты Есенина и нет бунинской суховатой щегольской точности. Тут вообще нет щегольства и красоты слова, а есть иное, свое. Есть и эмоциональность, и точность, но они не есенинские и не бунинские, а жигулинские. Уж ближе Твардовский, хотя иная там необходимость и иная тяжесть слова, тяжесть нрава. Жигулин легче, добрей, отходчивей, и страдание его потаенней. У Жигулина интонация стиха возникает вроде бы произвольно, в ней откликается многое, и иногда мне

---

²⁹⁰ Голубков Д. Душа-победительница // Мол. гвардия. – 1971. – № 7. – С. 278 – 284.

чудится в ней то чистосердечная кольцовская мечтательность, то пленительная монотонность Никитина – словно сама воронежская земля отзывается Жигулину голосами своих поэтов»²⁹¹.

Прочитав статью Д. Голубкова, В. Акаткин, отметил, что «с тем же правом можно говорить о близости» Жигулина Никитину и Кольцову. Раздумчивый, тяжеловато неторопливый, прозаически основательный Никитин и певучий, легко подъемный Кольцов отозвались в нем сквозь даль времен»²⁹².

Жигулин был потрясен смертью Д. Н. Голубкова, случившейся 4 ноября 1972 г. (известие об этом и похороны на Ваганьковском кладбище столицы подробно описаны в его дневнике).

В последующие годы Жигулин не раз вспоминал Д. Н. Голубкова.

«17 февраля 1973 года, суббота.

<...> 15 – 16 и 17 – чтение по вечерам стихов Ивана Бунина. Стыдно признаться, но кроме знаменитых стихов с последней строкой о собаке: «Хорошо бы собаку купить», – я Бунина-поэта никогда прежде не читал. Да и о собаке не читал, а слышал. Позор!.. И вот взял книгу «Стихотворения», 1956, – и не мог оторваться. Давно уже ни чьи стихи не читал с таким удовольствием! Прелесть какая! Точность слова, детали. Недаром Митя Голубков писал о моем родстве с Буниным в этом отношении. И я ощутил близость удивительную! Но как это произошло – ведь я не читал стихов Бунина! «Уж подсыхает хмель на тыне...», «Старик у хаты веял», «Псковский бор», «Молодость» («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), «Михаил» и многое другое – так близко сердцу и уму, что кажется, это я сам написал! Вероятно, в этом случае имеет значение совпадение поэтических реалий, материала. Хмель на тыне, хата, кнут, можжевельник, изображение архангела в лагах на старинной церкви – это все и мне родное. Читал пока не подряд, что попадалось из разных отделов. Теперь буду читать подряд. Какой прекрасный поэт Иван Бунин!» [120 : с. 133 – 134].

²⁹¹ Аннинский Л. Калина черная : предисловие // Жигулин А. В. Жизнь, нечаянная радость : Избранное. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – С. 8 – 9.

²⁹² Акаткин В. «У поэта есть судьба» : К 50-летию А. Жигулина // Подъем. – 1980. – № 3. – С. 136 – 143.

«17 марта 1973 года, суббота.

<...> Звонок из Переделкина критика К. Статью, говорит, пишет. Тема: Рубцов, Жигулин, Куняев, Дрофенко, Прасолов. Не слишком ли много покойников – трое из пяти?.. За что-то ругать меня собирается. За что – я не понял. Ни хрена не петрят в поэзии эти критики! <...> Один только Митя Голубков, царствие ему небесное, настоящую статью написал – с пониманием. Когда теперь еще такую дождешься?..» [120 : с. 154].

«28 февраля 1977 года, понедельник.

<...> Самая интересная, самая лучшая статья обо мне – это по-прежнему статья Дмитрия Голубкова. Какое удивительное понимание – глубокое проникновение. Какое буйство таланта! Одно название чего стоит – «Душа-победительница»!.. Ах, Митя, Митя!..» [Дн. 158, с. 81 – 82].

В 1975 г. Жигулин написал пронзительно грустное стихотворение «В больничном саду», посвященное памяти поэта Д. Голубкова. Строки из стихотворения: «И навязчиво снова и снова, / Ветром осени жадно дыша, / Вспоминаю глаза Голубкова. / Митя, Митя! Святая душа!.. / Что там, Митя, в пустыне безмерной? / Существует ли там благодать? / Очень странно и пусто, наверно, / Не любить, не писать, не страдать?..»²⁹³.

Прекрасные личные и творческие отношения связывали Жигулина с Александрой Яковлевной Истогиной (1947 – 2007), поэтессой и критиком. А. Я. Истогина родилась в Курской области, окончила филологический факультет МГУ. Тяжелый недуг, приковавший ее к инвалидной коляске, не помешал ее творческому развитию. Жигулин активно содействовал принятию Истогиной в Союз писателей и переезду на постоянное место жительства в столицу.

Перу Истогиной принадлежит с десяток статей о жизни и творчестве Жигулина, в которых автор сумела сказать о главном в судьбе поэта.

---

²⁹³ Жигулин А. В. В больничном саду // Далекий колокол. – С. 77 – 78.

В 2000 г. вышла в свет ее книга «Цветущий терновый венец : Творчество Анатолия Жигулина»²⁹⁴. Как сказано в предисловии: «Впервые творчество Анатолия Владимировича Жигулина, поэта и прозаика, рассматривается как динамически развивающееся целое, определяемое судьбой и особенностями художественного дара. Родословная, восходящая к древнему роду Раевских, воронежское детство, обрубленное войной, участие в молодежной антисталинской организации и жестокая школа лагерей... Память, восстанавливающая целостность жизни и истории, где бытийно значима каждая деталь, создает четко ориентированный ценностный мир стихов и прозы (знаменитых «Черных камней»).

И, наконец, несколько слов следует сказать еще об одном критике, оставившем заметный след в дневнике Жигулина, – Л. И. Лавлинском. Ровесник Жигулина, выпускник историко-филологического факультета Ростовского госуниверситета, Лавлинский серьезно увлекался поэзией, писал стихи, выступал в роли литературного критика. В журнально-газетной периодике тех лет вышло немало его статей, посвященных творчеству Жигулина и других советских поэтов.

По этому поводу Жигулин сочинил и запечатлел в дневнике шуточные строки, применив стилистический прием литературной аллюзии: «Великий критик был Белинский. / Теперь Белинским стал Лавлинский».

Несмотря на расхождения в их взглядах по отдельным литературным и политическим вопросам, следует отметить в целом позитивную роль Лавлинского в жизненной и творческой биографии писателя.

---

²⁹⁴ Истогина А. Я. Цветущий терновый венец : Творчество Анатолия Жигулина. – Москва : Русский путь, 2000. – 152 с.

3.3 Работа в редакциях «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов»

Чуть более четырех месяцев – с 21 марта по 1 августа 1967 г. – А. В. Жигулин работал в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы.

На эту должность его рекомендовал Л. И. Лавлинский, работавший в то время инструктором отдела культуры ЦК КПСС.

В дневниках Жигулина встречается немало записей, посвященных работе в «Литературной газете». Например, такие:

«Сегодня, 23-го <марта 1967 г.>, в четверг, – тяж<елый> раб<очий> день. Задание Е. Кривицкого²⁹⁵ – стихи для полосы к Всесоюзным дням молодой поэзии. Задание Ю. Буртина²⁹⁶ – в среду сделать обзор «Севера», «Дона», «Подъема», «Волги» [99 : с. 90].

«11 апреля 1967 года, вторник.

Вчера, 10-го, надо мною и Ю. Буртиным прогремела гроза. Мы дали в номер стихи И. Озеровой, В. Полякова и А. Марченко, а они не участники слета молодых поэтов. <...> Чаковский²⁹⁷ бушевал» [99 : с. 97].

«9 июня 1967 года, пятница.

<...> Вторая половина 7 июня, среды... Редакционная работа началась с прихода Евг. Евтушенко, которому я собирался посылать телеграмму, но он сам явился. Представил его Кривицкому...» [100 : с. 79].

«25 июня 1967 года, воскресенье.

<...> Говорили с Ирой и о моей работе. С «Мол. гвардией», кажется, получается договор. Может, и в Воронеже «клянет». В любом случае надо

---

²⁹⁵ Кривицкий Евгений Алексеевич (1929 – 1997) – литературный критик. С 1966 г. – сотрудник, зам. гл. редактора «Лит. газеты».

²⁹⁶ Буртин Юрий Григорьевич (1932 – 2000) – литературный критик, публицист, историк, один из ярких представителей поколения «шестидесятников».

²⁹⁷ Чаковский Александр Борисович (1913 – 1994) – советский писатель и журналист. Гл. редактор журнала «Иностранная литература» (1955 – 1963), «Лит. газеты» (1962 – 1988).

сейчас писать, надо дополнять сборник. Следовательно, надо уходить с работы. А к работе я уже вроде привык, нет того утомления, что было. Если бы прибавили зарплату, можно было бы еще поработать [101 : с. 30 – 31].

Более продолжительный опыт редакционной работы А. В. Жигулин приобрел в независимом литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Дружба народов», который на протяжении четверти века возглавлял С. А. Баруздин²⁹⁸. Этот человек, по образному выражению одного из московских критиков, за двадцать пять лет из «братской могилы», как в шутку называли «Дружбу народов», сделал интереснейший современный журнал с массовым тиражом.

2 октября 1972 г. Жигулин был принят на работу в редакцию журнала «Дружба народов» в должности заведующего отделом поэзии, а три недели спустя – утвержден в должности члена редколлегии. Перемены в судьбе Жигулина произошли вновь благодаря покровительству его «ангела-хранителя» Лавлинского, который к тому времени, успев поработать в Госкомитете по печати РСФСР и в аппарате ЦК КПСС, был назначен на пост первого заместителя главного редактора журнала «Дружба народов».

В редакции «Дружбы народов» Жигулин проработал более двух с половиной лет. За этот период на страницах журнала были опубликованы яркие поэтические циклы: «Зов Алазани» Ир. Абашидзе, «Уманские воспоминания» М. Бажана, «Времена жизни» Фл. Васильева, «Салават» М. Карима, «Лик степи» Д. Кугультинова, «Дзукийские зарницы» А. Малдониса, «Белое озеро» С. Орлова, «Журавлиное небо» П. Панченко, «Сентябрьские раздумья» Вл. Соколова, «Плоды ивы» О. Сулейменова, «Пора медосбора» Л. Татьянической, «Злаки моих долин» Н. Тряпкина, «Воробьиная ночь» О. Чухонцева, «Баллада Брестской крепости» Р. Бородулина, «Солнце отчего края» Д. Вааранди, «Я думал, что война во мне...» О. Вацietиса, «Скорость» А. Кулешова, «Белый

---

²⁹⁸ Баруздин Сергей Алексеевич (1926 – 1991) – советский писатель. Автор многих книг для детей и юношества. С 1965 г. возглавлял журнал «Дружба народов».

остров Чюрлениса» Э. Межелайтиса, «Волна и камень» Д. Самойлова, «Самое начало войны» Б. Слуцкого и др.

Постоянными авторами журнала были Л. Мартынов, Л. Васильева, Е. Винокуров, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, В. Костров, Б. Окуджава, Б. Олейник, М. Танк, И. Шкляревский и другие талантливые поэты.

В дневнике Жигулин подробно описывает редакционные будни (беседы с авторами, работа с рукописями, подготовка так называемых «внутренних отзывов» на поэтические произведения, редакционные летучки и заседания редколлегии, служебные командировки в союзные республики по литературным делам и т. д.).

В соответствии с должностными обязанностями Жигулин не только рассматривал рукописи, но и участвовал в подготовке издательских договоров с авторами, формулировал заключения о возможности публикации рукописи в представленном виде или после доработки с учетом предлагаемых исправлений, дополнений, сокращений. В случае отклонения рукописей (обычная редакционная практика) он готовил обоснованные письменные отказы, стараясь при этом не нарушать установленные сроки.

С одной стороны, этот рутинный производственный процесс был хорошо знаком Жигулину, как поэту, постоянно имевшему дело с представителями книжных издательств и редакций журналов и газет, в которых он регулярно печатался. С другой стороны, Жигулин, как редактор отдела поэзии, обязан был при рассмотрении рукописей строго придерживаться установленных правил, объективно оценивать предлагаемые стихи, поэмы или рецензии; несовершенные, слабые произведения – отклонять. И делать это надо было аргументировано и тактично, чтобы ненароком не обидеть автора, даже если он и был графоманом. Но так получалось не всегда...

Вот Жигулин записывает в дневнике впечатления по поводу ответа одного из редакционных сотрудников:

«1 августа 1974 года, четверг.

<...> Мне всегда щемили сердце эти длинные рецензии-письма П. авторам. Слишком вдохновенно-ядовито он их сочинял. Грубил, иронизировал, топтал несчастных графоманов. Поучал, предлагал свои решения, пускался во всякого рода экскурсы литературно-теоретического плана. Мне это всегда не нравилось. Главная задача письма автору – вежливо отказать, отказать так, чтобы он не обиделся. А вовсе не учить авторов писать стихи, не поучать. У нас вовсе не литконсультация и не детский сад.

Многое я П. возвращал, заставлял переписывать, сам правил. Но не все удавалось исправить. Так уж было заведено задолго до моего прихода – это нравоучительство, эти подробные, часто грубые разборы рукописей, поступавших в редакцию» [128 : с. 90 – 91].

В числе добрых дел Жигулина на посту редактора отдела поэзии – публикация большой подборки писем Твардовского в пятом, майском, номере журнала «Дружба народов» за 1973 год. Эта история также нашла отражение в его писательском дневнике.

В начале 1975 г. личные и служебные отношения между Жигулиным и Баруздиным осложнились. Руководство журнала предъявило Жигулину претензии в ненадлежащем исполнении им своих обязанностей. 8 мая 1975 г. он был уволен с занимаемой должности «по собственному желанию».

С 1978 г. по 1990 г. Жигулин работает в Литературном институте имени А. М. Горького Союза писателей СССР – сначала старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры литературного мастерства.

В августе 1990 г. он был уволен из Литинститута «в связи с переходом на творческую работу».

Дневниковые записи Жигулина о его деятельности в редакциях литературно-художественных изданий в качестве штатного сотрудника, несмотря на непродолжительное время работы, имеют важное значение для уточнения фактов его биографии и истории отечественной журналистики и литературы.

Краткие выводы

Основные события и темы в дневнике А. В. Жигулина в 1970-е гг. – первой половине 1980 гг:

Творческая деятельность, литературный процесс:

- гражданская лирика;
- выход сборников стихов «Прозрачные дни» (1970), «Чистое поле» (1972), «Свет предосенний» (1972), «Полынный ветер» (1975), «Стихотворения» (1976), «Горящая береста» (1977), «Калина красная – калина черная» (1979), «Соловецкая чайка» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Избранное» (1981), «Воронеж. Родина. Любовь» (1982), «В надежде вечной» (1983), «Стихотворения» (1984).

События в стране и мире:

- полеты космических кораблей «Союз» (СССР) и «Аполлон» (США);
- окончание процесса разрядки международной напряженности;
- политическое преследование А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова;
- деятельность профсоюза «Солидарность» в Польше (1980);
- кадровые перестановки в руководстве страны.

ГЛАВА 4. Переход к автобиографической прозе (вторая половина 1980-х гг.)

4.1 История создания автобиографической повести «Черные камни»

За период долгой, почти полувековой, творческой деятельности А. В. Жигулин написал около 30-ти поэтических книг. Каждую из них можно без всякого преувеличения назвать событием в отечественной поэзии второй половины XX века.

Однако главным свершением жизни писатель считал прозаическое произведение – автобиографическую повесть-хронику «Черные камни», впервые опубликованную в годы горбачевской «перестройки» на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Знамя»²⁹⁹.

Следует сказать о том, что в литературной критике сформировалось устойчивое мнение по поводу доминирующего места поэзии в творчестве Жигулина.

Например, А. Н. Кантомирова пишет: «Автобиографическая повесть «Черные камни» имеет несомненную ценность как «человеческий документ», однако в качестве значимого художественного явления интерес представляет собой прежде всего лирика Жигулина»³⁰⁰. Аналогичный вывод делает Г. В. Марфин: «Весь основной творческий путь А. Жигулин прошел как поэт»³⁰¹.

У нас иной взгляд на данную проблему. Мы считаем, что повесть «Черные камни» входит органической частью в *единый текст* Жигулина наряду с другими прозаическими и поэтическими произведениями, дневниковыми

---

²⁹⁹ Жигулин А. В. Черные камни : Автобиографическая повесть // Знамя. – 1988. – № 7. – С. 10 – 75 ; № 8. – С. 48 – 119.

³⁰⁰ Кантомирова А. Н. Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Волгоград, 2009. – С. 1.

³⁰¹ Марфин Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Воронеж, 2003. – С. 4.

записями, эпистолярным и т. д. Все структурные части контента синкретичны, обладают равными правами и возможностями, взаимодействуют друг с другом, образуя в конечном счете эго-текст или пред-текст в культурно-речевом пространстве своего времени.

«Творчество любого художника не укладывается в перечень созданных им произведений. Рядом с художественными текстами всегда существуют творческие заготовки – отдельные записи, высказывания, зафиксированные в письмах, дневниках, разговорах с близкими и друзьями, в воспоминаниях современников, позволяющих понять творческую манеру автора», – справедливо замечает В. В. Колесникова³⁰².

Судя по дневниковым записям, желание написать автобиографическое произведение в прозе о пережитом возникло у Жигулина сразу же после освобождения из сталинских лагерей. В определенный момент он почувствовал, что его стихи, какими бы совершенными они ни были, не могут вместить все то, о чем ему хотелось рассказать.

Развернутые сюжетные линии, фабула повествования, образы главных героев по своим жанрово-типологическим признакам не могли вписаться в границы поэтических произведений, даже в рамки такого крупного жанра, каким является поэма, – это можно было сделать только в прозе.

Первые такие записи появляются в дневнике Жигулина во время проведения XX съезда КПСС (14 – 25 февраля 1956 г.), на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом о культе личности и его последствиях. Эти записи говорят о том, что идею написать документальное произведение о пережитом сразу же поддержали его товарищи, бывшие члены КПМ, будущие герои повести «Черные камни».

«26 марта <1956 года>.

---

³⁰² Колесникова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр. – Воронеж, 2009. – С. 10.

<...> 17 ч. 45 м. Часа два уже сижу у Бориса <Батуева>. Он лишь недавно пришел. Пока ждал его, прочитал от нечего делать «Двойную ошибку» П. Мериме... Сию минуту, когда я собрался уже покинуть эту обитель скуки, явился Юрка Кисель. Вид у него чрезвычайно болезненный. <...> 18 часов. Какое совпадение! Юрка выразил сейчас мысль, аналогичную моей, о написании истории нашей трагедии! Говорит, что давно думает об этом.

19 ч. 30 м. Дома. Долго беседовали втроем – я, Борис и Юрка. Пришли к выводу, что написать правду о КППМ необходимо и что ребята будут помогать мне в работе. В какой форме будет создано это произведение, не знаю.

Очевидно, в форме хроникальных воспоминаний» [24 : с. 90 – 91].

Спустя несколько дней в том же блокноте Жигулина идея начинает приобретать конкретные очертания:

«2 апреля <1956 года>, понедельник.

<...> Работу над повестью, мне кажется, нужно начинать с плана. Придется, вероятно, писать от первого лица.

I часть (до вступления в КППМ). 1) Коротко о себе (биография до 17 октября 1948 г., несколько «лирических отступлений»: а) Детство (военные годы 42–45); б) Кисловодск. <...> 1947 – 48 гг.; в) Друзья и товарищи. Батуев, Киселев, Туголуков, Рудницкий, Мышов, Радкевич, Заморюев, Аквисон. Обратить внимание на тех, кто в будущем примет участие в КППМ; г) Стремления, мечты, наклонности. Взгляды на жизнь. Стихи. Поэма о Вл<адимире> Рад<кевиче> (до КППМ).

II часть. КППМ. 1) Вступление. 2) Создание и оформление организации.

Здесь же наброски и зарисовки по памяти первых собраний, а также короткий очерк, предшествующий истории <КППМ> (до моего вступления).

3) Мои представления о главных инициаторах создания КППМ (по тому времени, конечно). Батуев, Аквисон, Киселев. Коротко о Рудневе. Их характеры, портреты.

4) Почему я вступил в КПМ. Дать также и общий вывод, обобщить причины, толкнувшие не только меня, а и других к вступлению и созданию партии.

5) Журналы, программа и задачи КПМ.

Устав. Все это в широком плане.

6) Группа Мышова. Ее история. Все инциденты, связанные с ней.

7) Активизация работы перед новым (1949) годом. Массовое привлечение людей» [24 : с. 91 – 93].

Если сравнить первоначальный план с композицией и сюжетом повести «Черные камни», то можно увидеть в них много общего. Характерно, что сразу же (на уровне интуиции) был верно обозначен жанр будущего произведения: повесть. В дальнейшем Жигулин в своих записях по-разному именовал свой замысел: роман, новеллы, хроника. На завершающем этапе он вновь вернулся к прежнему определению, уточнив его: автобиографическая повесть.

В дневнике Жигулина подробно описан долгий и трудный путь реабилитации бывших членов КПМ. Часть из этих записей позже в том или ином виде вошла в текст «Черных камней».

Драматические обстоятельства судьбы, жажда восстановления справедливости являются постоянной авторефлексией автора.

Запись в дневнике Жигулина в один из заключительных дней работы XXII съезда КПСС, продолжившего курс борьбы с культом личности Сталина:

«29 окт. 61 г., воскресенье. 23.00.

<...> Узнал, что недавно умер от туберкулеза Володя Голованов. Я сидел с ним в одной камере в 1950 году. Он уже тогда харкал кровью. Он аннинский. Были у него два подельника еще (кажется, Титов и Калугин). <...> Хорошо помню, за что осудили трех этих аннинских мальчишек. Во время голода в 1946 году они написали письмо Сталину с вопросом: почему нет хлеба? Было тогда ребятам лет по 15 – 16. Три года их искали по почерку и нашли, наконец, в 49-м году и осудили.

Я очень редко записываю подобные воспоминания в дневник, очень редко. А сколько такого разного, очень страшного толпится перед глазами! Сколько увидено, испытано, прочувствовано, услышано за долгие пять лет скитаний по тюрьмам и лагерям! Никогда всего ни рассказать, никогда ни описать!

Грандиозное полотно можно было бы сделать на этом материале, большой роман. Только очень больно писать, очень больно вспоминать!» [61 : с. 17 – 20].

«5 ноября 1956 года, понедельник.

<...> Сегодня днем в обком партии сообщили из Центрального комитета КПСС о полной реабилитации (по 5 пункту) всех бывших участников Коммунистической партии молодежи (КПМ)! Необходимо сделать маленькую оговорку. Дело в том, что мы давно уже были реабилитированы, но по ст. 8 УПК. Новое решение ЦК КПСС еще раз и более жестко подтверждает нашу невиновность; вернее – правильность наших позиций в 48 – 49 годах. Известие вполне официальное. Об этом сообщил председатель парткомиссии Самодуров и через В. П. Батуева³⁰³ поздравил всех товарищей» [29 : с. 18].

В начале 1960-х гг. Жигулин предпринял попытку написать поэму о пережитом в юношеские годы. Под «крышей» поэмы он попытался объединить цикл лагерных стихов: «Москва», «Допрос», «Поезд», «Вина» и др. Однако попытка «взять штурмом» большие формы поэзии оказалась неудачной, о чем ему прямо сказал при личной встрече Твардовский.

Болезненно пережив критику, Жигулин возвращается к мыслям о прозе.

«21 января 1962 года, воскресенье.

<...> Упрощение, сведение до минимума нашей «вины» лишает меня многих возможностей. Прежде всего, в некоторых местах неизбежно появляется фальшь. Не совсем получается наше энергичное, стойкое сопротивление моральному надлому в тюрьме и в лагерях. Это сопротивление, а также отсутствие в настоящее время обиды и горечи объясняется, прежде всего, тем, что у нас была цель, тем, что у нас была «вина». Я беру слово вина в

---

³⁰³ Батуев Виктор Павлович, отец Б. Батуева, создателя и руководителя КПМ; в конце 1940-х гг. – секретарь Воронежского обкома КПСС.

кавычки потому, что сейчас это уже перестало быть виною (да и не было никогда ею, если говорить с точки зрения справедливости, народа).

Да, мы говорили, что колхозники живут плохо. Да, мы говорили, что Сталина напрасно обожествляют. Так оно и было в те годы. XX и XXII съезды подтвердили наши наивные мальчишеские мысли. Это громко, но это верно. И это типично. Разве одни только мы понимали, что Сталин кровавый диктатор?! Взрослые люди знали это лучше нас, но они лучше нас знали и другое – что в таких случаях лучше молчать. Такие вот, значит, возникают мысли.

Таким образом, КПМ – явление все-таки типичное. Это одно из выражений протеста против культа личности и связанных с ним ненормальностей; протеста, может быть, еще не совсем осмысленного. Тем не менее, это был яркий, организованный протест. Надо рассказать обо всем, что было» [65 : с. 33 – 36].

«2–V–64 г. Москва.

<...> Решил писать прозу. Но надо сначала научиться ее писать, приобрести кое-какие самые простые навыки. А еще раньше надо научиться видеть. Но это на будущее, ибо прошлый материал придется переваривать в том виде, в котором он есть» [87 : с. 31].

Одной из главных движущих сил творчества Жигулина является память как нравственно-философская категория. Концепт *память* в дневнике Жигулина, как и в его стихах и прозе, – встречается весьма часто. Память у Жигулина – синоним концепта *совесть*.

«21 мая 1964 года, четверг.

Вчера мне снился сон, будто я заключенный и меня вызывают на вахту. Иду по лагерю к вахте в старом своем зеленом костюме и вдруг замечаю у себя на пиджаке институтский значок. И начинаю мучительно припоминать, разрешаются ли значки в лагере. В конце концов, решаю значок спрятать, прикрываю его рукой и... просыпаюсь.

Да. Вот уже не семь, а десять лет, как я вышел из тюрьмы, а тюрьма снится регулярно, особенно – побеги. Крепко загружены были мозговые клетки мыслями о побегах! Никак не разгрузятся» [87 : с. 48 – 49].

«22 мая 1964 года, пятница.

Сны, сны, сны... Снова видел себя в морозном Бутугычаге, на разводе. А потом была вроде поверка, шмон. Я старательно прятал какие-то лезвия... Много лет снятся такие сны!» [87 : с. 53].

«24 мая 1964 года, воскресенье.

<...> Задумал, между прочим, новый вариант поэмы. КПМ не будет. Это не годится для стихов, это для романа. В поэме будет письмо Сталину. Это, кстати сказать, еще более типично, чем организация. Несколько юношей пишут письмо мудрому вождю. Взволнованное искреннее письмо о недостатках и несоответствиях вокруг. И попадают в тюрьму. Все остальные ситуации этот вариант не исключают. Коллизии следственные и иные – те же самые. Надо лучше обдумать этот план» [87 : с. 65 – 66].

В мае 1965 г. Жигулин в составе делегации Высших литературных курсов совершил экскурсию в Ленинград. Интересна запись в его дневнике, посвященная посещению Петропавловской крепости.

Как пишет Жигулин, в мрачном бастионе он вновь испытал то чувство, которое у него было, когда он впервые в 1949 г. попал в тюрьму – в подвал Воронежского УКГБ. Далее он продолжает:

«21 мая 1965 года, пятница.

<...> Экскурсовод обратил наше внимание на висящую под стеклом в коридоре тюремную азбуку, придуманную еще Бестужевым. Вот, мол, как люди общались через стены в те далекие времена. Я стоял рядом с экскурсоводом и, усмехнувшись, сказал, что пользовался подобной азбукой в 1949 году. И не только подобной, но и этой самой. Да. Устойчивы традиции русских революционеров! А прогулочных дворишков, этих каменных коробок с куском неба вверху, в 19-м веке еще не придумали. И узники Петропавловки гуляли под бдительной охраной просто во дворе, под редкими деревцами...» [91 : с. 22 – 25].

Воспоминания о прошлом в дневнике Жигулина доминируют над всеми другими темами, становятся почти навязчивой идеей. Один из первых

поэтических сборников Жигулина не случайно назывался : «Память» (1964).
Память – сквозная тема его стихов: «Который год измученная память / Гудит во мне во все колокола...».

«19 ноября 1968 года, вторник.

<...> Вспоминаю все время, как и обычно, впрочем, прошлое. Плывут, разворачиваются кинолентами Подгорное, довоенный Воронеж, детство, война, Борисоглебск... Потом вдруг: лагерь, институт, тюрьма, школа... Картины возникают стихийно, не по порядку. Так все ясно вижу, словно все вчера было. Каждую капельку застывшей смолы на бревнах нашего давно сгоревшего старинного дома различаю, каждую заплату на лагерном бушлате! Людей как живых вижу – и друзей детства, и подельников, и соклассников. Вновь переживаю все незабытое. А главная книга жизни так и остается не только не написанной, но и не начатой. Видно, так она и останется лишь в моих мыслях. Некогда уже учиться прозу писать... А стихи – в стихах всего не скажешь!

<...> Всего не запишешь, что вспоминается. Видно, придется писать прозу. Куда же еще я могу деть свои мучительные воспоминания?! Писать рассказы, повести. В них будет уютно и спокойно и Юрке Суворову, умершему в 1944-м, и Володьке Хариусу, убившему себя в 1966-м. Там найдут себе место все мои боли и терзания, все разрозненные куски ушедшей жизни, оставшиеся лишь в моем сознании» [109 : с. 133 – 134].

«21 ноября 1968 года, четверг.

<...> Обнаружилось вдруг, что память у меня немая. Как немой фильм. Цветной широкоэкранный, но немой. Прекрасно все вижу, но ничего не слышу. Вижу прекрасно – разрушенную улицу 25-го Октября в 1943 году. Спускается она вниз, к реке, от Мясного базара. <...> Мы с Юркой Суворовым прячем в развалинах большие жестяные банки от дымовых шашек. В банках этих уже тронутые зеленью автоматные патроны. Мы набрали их на поле боя за гражданским аэропортом. Юрка – худой мальчишка в грязно-зеленой телогрейке с солдатскими пуговицами. Вижу его очень четко, но что он говорит – увы! – не слышу. Голоса юркиного в моей памяти не осталось» [109 : с. 135 – 136].

Календарные дни 17 сентября (день ареста) и 17 октября (день вступления в КПМ) навсегда стали для Жигулина днями памяти о трагических событиях в его жизни. В эти дни он всегда мысленно возвращался в прошлое, в послевоенный Воронеж, записывая в дневнике все новые и новые детали.

«17 сентября 1966 года, суббота.

Сегодня исполнилось 17 лет со дня ареста.

И день удивительно похож на тот день – такой же теплый, солнечный. Те же сентябрьские паутинки летят, те же – за окном – рыжеющие тополя. И даже суббота нынче, как тогда, в тот день...» [98 : с. 20 – 21].

«18 сентября 1968 года, среда.

<...> Вчера был юбилейный день – девятнадцать лет после моего ареста 17 сентября 1949 года. Мне тогда было 19 лет, а сейчас – 38. Жизнь, таким образом, разделилась на две равные части: девятнадцать – до, девятнадцать – после. Часто в «юбилейные дни» я собираюсь описать тот памятный день, да все откладываю: кажется, что нет в этом необходимости – слишком уж все хорошо помнится... Вчера тоже был очень холодный день. А 17 сентября 1949 года в Воронеже день был теплый и ясный, совсем летний. Впрочем, и на этот раз я, пожалуй, не буду описывать этот день...» [108 : с. 191].

«17 октября 1968 года, четверг.

...Ровно двадцать лет назад в этот день произошло событие, которое вскоре круто изменило мою жизнь. 17 октября 1948 года в Воронеже в квартире Б. Батуева меня приняли в КПМ – Коммунистическую партию молодежи. Год спустя в протоколах допросов ее называли не иначе как: «нелегальная молодежная террористическая организация, преступно именовавшая себя КПМ».

Но 17 октября 1948 года организации по существу еще не было. Кроме меня, в КПМ было только три человека, но среди них уже был один предатель... Впрочем, тогда он еще не был предателем. Он предал нас позже, почти год спустя. <...> Ко дню первых арестов – 17 сентября 1949 года – в рядах КПМ было не менее 60 – 70 человек. И хотя среди них было немало провокаторов вроде <...>, КПМ, насколько мне известно, – наиболее крупная нелегальная антисталинская

организация того послевоенного времени... Меня принимали Борис Батуев и Юрий Киселев... 20 лет прошло с того дня, но какой важной вехой он стал в моей жизни. Веха эта до сих пор видна в густом тумане прошлого...» [109 : с. 66 – 67].

В приведенном выше отрывке обращает на себя внимание фраза Жигулина о том, что КПМ являлась «нелегальной антисталинской организацией». Заметим, это написано в 1968 г. – до публикации в журнале «Знамя» повести «Черные камни» остается ровно 20 лет.

«17 сентября 1972 года, суббота.

Ровно 23 года назад в 15 часов дня в Воронеже начали брать <членов> КПМ. Была тоже суббота. Я был арестован в 15.05 на квартире Г. Луткова вместе с ним. В других местах в это же время были взяты Б. Батуев. Ю. Киселев, В. Рудницкий, В. Радкевич, Л. Сычев, очень многие. <...> Началось тяжелое 11-месячное следствие. <...> Осуждено было 23 человека. А насчитывала КПМ в лучшее время, в конце 1948 года – до 70 человек» [119 : с. 171 – 172].

«17 сентября 1975 года, среда.

День юбилейный – 17 сентября 1949 года я был взят двумя (тремя?) работниками Воронежского управления КГБ. Был прелестный – ясный и теплый – сентябрьский день, ровно три часа дня, суббота. И было у меня назначено свидание на 7 вечера с Зоей, но не с Соболевой, а с другой – с Плехановской улицы. Не могу сейчас вспомнить ее фамилию. Она была студенткой 2-го курса мединститута. Свидание не состоялось... Впрочем, состоялось, но через пять лет» [145 : с. 52 – 53].

«31 июля 1976 года, суббота.

<...> Ночью, почти до трех – беседа с Ириной. КПМ, вся эта наша история, наша боль. Требуется она все-таки творческого воплощения. И никуда мне уже не уйти. Необходимо написать. Это, вероятно, будет повесть от первого лица. Повесть-воспоминание. Со стихами, с отвлечениями, с «перепадами» во времени. Документальной, строго документальной сделать ее просто физически невозможно – закрыт доступ к главнейшим источникам – к двум многотомным

следственным нашим делам 1949–1950 гг. и 1953–1954 гг. Кроме того, было ведь и расследование 1956 года, когда приезжали товарищи из ЦК КПСС – для полной нашей реабилитации.

Так что писать придется полудокументальную лирическую повесть-«киноленту», начиная, наверное, с детства, с войны. Впрочем, трудно сказать, как все получится. В моих дневниках (в 155 больших и малых тетрадях), в тетрадях рабочих и, особенно в тетрадях рабочих-«подсобных», таких, как тетради № № 422, 423, 434, – везде в них рассыпано, записано множество бесценного материала. Написать! Материал необычный. Такого не было еще. Нелегальная антисталинская организация. Юность. Сомнения. Попытки осмысления жизни. Возникновение КПМ. Благородный юношеский порыв, беззаветный порыв, какой возможен только в ранней юности.

Почти игра, но какая игра! Игра со смертью, с судьбой, с всесильным бериевским МГБ! Характеры, люди. Борис Батуев. Кисель. Радкевич. <...> Аресты. Следствие...

Да. Много говорили вчера. Писать! Но как жить? И мало того: ведь когда напишешь, захочешь опубликовать?!. И вечный, давний, уже совсем подступивший к горлу вопрос... Вечный этот российский вопрос отношений писателя с государством...» [150 : с. 155 – 157].

Одна из записей в дневнике Жигулина объясняет, как появилось прозвище *Фиря* у главного героя повести «Черные камни» Бориса Батуева.

«28–V–81 г., четверг.

<...> Вечером – последняя серия фильма по роману Шишкова «Угрюм-река». Вот классика. Мы читали ее в детстве – во время и после войны. От имени Филька Шкворень постепенно образовалось в школьные годы прозвище Бориса Батуева – Фирька, Фиря» [179 : с. 37 – 38].

«10 мая 1983 года, во вторник – было большое мое выступление (3 часа по времени, с двумя небольшими перерывами) на В<ысших> л<итературных> к<урсах> у Межирова. Но были оба семинара – и поэты, и прозаики, т. е. человек 25 молодых членов СП СССР. Описать, записать все выступление

невозможно – сил нет и времени. <...> Впервые (хоть и на малолюдном, но все-таки официальном выступлении) я кратко рассказал о КПМ, о моих лагерных скитаниях, в основном, о Колыме, о Бутугычаге. <...> Очень, очень устал и долго не мог уснуть, плохо спал, и сейчас еще сердце болит. Так, наверное, нельзя» [200-а : с. 55 – 56].

К началу 1980-х гг. объем дневниковых записей о необходимости создания прозаического произведения о пережитом достиг некой «критической» массы, граничащей с риторикой. Что же мешало писателю приступить к реализации плана? Таких причин, на наш взгляд, было несколько. Во-первых, Жигулин хорошо понимал, что произведение, посвященное правдивому рассказу о трагических страницах в истории страны, не могло быть опубликовано в условиях советской цензуры, а «в стол» писать он не привык. Во-вторых, он не допускал для себя возможности печататься, как, например, Солженицын, в *самиздате* и *тамиздате*. И, в-третьих, ему не хотелось еще раз, как в юношеские годы, вступать в *прямое противостояние* с властями и повторить в своей судьбе «сибирско-колымскую одиссею».

«Ночь на 8–Х–83 года. 02 ч. 25 м.

Я сейчас уже настолько зрелый художник, что писать прозу (или стихи) только для денег, ради денег я не могу. Даже самая невинная моя повесть, например, о военном детстве, будет совершенно непроходима. Все, к чему бы я ни прикоснулся в своей жизни, – все будет больно. Мне скоро будет 54 года. С этой высоты мне все далеко видно – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Я еще не написал Главную книгу своей жизни. Это должно быть что-то вроде романа-воспоминания. Все, начиная с детства. Довоенное сельское и городское время. Война. Школа. Тюрьма, лагеря. И, конечно же, самое главное – история КПМ. Ее возникновение, существование, арест, долгое следствие. Подобного материала еще не было в русской советской литературе. К нему не прикасался никто, даже А. Солженицын. Нелегальная, молодежная, антисталинская организация (не выдуманная, а настоящая!) в сталинское время – таким материалом просто никто не обладает, кроме меня» [206 : с. 36 – 37].

«1 марта 1985 года, пятница.

<...> Решил, что надо начинать писать свою прозу. Придумал даже название – «Новеллы моей жизни». Оно освобождает меня от строгой документальности, которой сейчас никак невозможно достигнуть: всякие мои поиски – встречи и беседы с подельниками (Киселев, Рудницкий, Буденный, Миронов, м. б., даже Лутков и Аквисон – и так далее – Стародубцев, Жихарева...), такая деятельность моя будет замечена. И мне могут просто не дать написать свою главную книгу».

Возможности для публикации «лагерной прозы» появились в середине 1980-х гг., после кадрового обновления руководства страны. В марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 54-летний М. С. Горбачев. На апрельском пленуме ЦК КПСС он заявил о необходимости «обновления социализма», придания ему «второго дыхания». Несмотря на неопределенность и туманность провозглашенных целей, советские люди с энтузиазмом восприняли новый политический курс.

По решению Политбюро ЦК КПСС из тюрем и ссылок были освобождены в порядке помилования десятки диссидентов. Были сняты препятствия в сфере правозащитной деятельности, существенно ограничены права цензуры, прекращено глушение передач зарубежных радиостанций. В печати появились публикации, в которых предпринимались попытки объективно проанализировать историю страны, роль Ленина и Сталина.

Вновь был поставлен вопрос о реабилитации жертв политических репрессий. Как известно, эта работа, начатая сразу после смерти Сталина, вскоре была необоснованно свернута. Н. С. Хрущев и многие члены руководства страны, по сути, испугались дальнейшего раскручивания маховика реабилитации, так как сами были причастны к вопиющему произволу и беззаконию. После назначения в сентябре 1987 г. председателем Комиссии Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х – 1940-х и начала 1950-х гг., секретаря ЦК КПСС, участника Великой Отечественной войны, члена-корреспондента Академии

наук СССР А. Н. Яковлева, этот процесс возобновился и приобрел достаточно широкий размах. Аналогичные комиссии вскоре были созданы и на местах, как правило, их возглавляли секретари обкомов Коммунистической партии Советского Союза или заместители председателей облисполкомов.

В дневнике Жигулина, как и в повести «Черные камни», много светлых и одухотворенных страниц посвящено близкому другу, создателю и руководителю КПМ Борису Викторовичу Батуеву (1930 – 1970).

Дневниковые книжки Жигулина переполнены такими записями: «Сиж у Бориса. Читаю стихи Есенина...», «Был у Бориса. Проводил его до трамвайной остановки...», «Завтра, наверное, поеду с Борисом в Латное...», «Утром зашел к Борису...», «Из института приехал к Борису...», «Зашел к Борису. Сидим и мирно беседуем на лирические темы...», «Вчера вечером был у Бориса...», «Приходил Борис. Смотрели мой «архив», беседовали...» и т. д.

В дневнике Жигулина отражены основные этапы жизни и деятельности Б. В. Батуева после освобождения из сталинских лагерей и полной реабилитации: работа на Воронежском заводе тяжелых механических прессов, поступление на учебу в Высшую партийную школу. После окончания ВПШ – работа главным редактором Воронежского комитета по радиовещанию и телевидению.

Дневниковые записи Жигулина стали основой нескольких глав повести «Черные камни», посвященных другу: «Арест Бориса Батуева», «Еще немного о Борисе Батуеве», «Звезда и гибель Бориса Батуева».

На страницах дневника Жигулина не раз упоминается имя Владимира Филина – одного из героев повести «Черные камни» (ему же посвящен жигулинский рассказ «Урановая удочка»).

Владимир Сергеевич Филин родился в Астрахани 1 сентября 1929 г. В 1948 г. окончил школу в Петрозаводске, где по месту службы отца (высокопоставленного сотрудника органов госбезопасности) жила его семья. Поступил в Ленинградский юридический институт, в котором проучился до марта 1949 г. Во время каникул приезжал в родной город и стал членом

подпольной молодежной организации «Свободная мысль». В марте 1949 г. был арестован, доставлен в Астрахань и Особым совещанием при МГБ СССР приговорен к пяти годам лишения свободы по 58-й статье УК РСФСР. После освобождения закончил факультет иностранных языков Астраханского педагогического института. Работал в Астраханском педагогическом училище в качестве преподавателя английского, французского и немецкого языков. Увлекался литературой, писал стихи и прозу. Жизнь этого неординарного человека оборвалась на пятьдесят третьем году.

В 1990 г. московское издательство «Современник» выпустило сборник стихов В. С. Филина «Лихолетье» с предисловием Жигулина³⁰⁴.

Строки из предисловия: «И сейчас вижу я перед собою Володю Филина – в слишком большом лагерном бушлате, подпоясанном – для тепла – веревкой, в истертых ватных рукавицах. Глаза – большие и возвышенно прекрасные. И в них – не по возрасту зрелая готовность умереть за высокую правду, за идею. Такие глаза встречаются у мучеников на древнерусских иконах. А ведь мы и вправду были мучениками, хоть и не сознавали этого».

Еще один из положительных персонажей повести «Черные камни», запечатленный в дневнике Жигулина, – генерал Клебер, герой гражданской войны в Испании.

Дневниковые записи Жигулина перекликаются с текстом одной из ключевых глав автобиографической повести «Черные камни» – «Посылка Эдидовича».

«18 декабря 1976 года, суббота.

<...> Главное – еще вчера пришло извещение на ценную бандероль из Магадана. Я думал, что это А. Черевченко прислал урановый флюорит с Бутугычага. Он обещал. И звонил не очень давно (был в Москве), но исчез. Оказалось – и вправду – с Бутугычага посылочка, но не с куском урановой

---

³⁰⁴ Филин В. С. Лихолетье : Стихи [Вступ. ст. А. Жигулина]. – Москва : Современник, 1990. – 126 с.

руды. <...> Прислал мне нынешний житель Магадана поэт Михаил Эдидович страшноватый сувенир: сухой, высушенный обломок колышка с прибитой к нему жестяной (из консервной банки) табличкой. На табличке выбито чем-то острым: Г-13...

Прислал Эдидович и камень с Бутугычага (какой-то кварцит), и свою книгу, и письмо, в котором, в частности, пишет: «...Столбик и камень из Бутугычага. Я дерево или древко не вытаскивал из земли. Оно лежало в выбросе, свежем выбросе... Спутники предполагают – медведь копался... Рядом ссохшаяся, коричневая кисть человеческая да белые кости...»

А раньше: «...ездил на Бутугычаг и смотрел на постройки... на частокол полусгнивших столбиков с номерами сквозь Ваши строки...»

Да... Вот и пришла ко мне из почти потустороннего мира одна из моих реалий. Не выдумка, и не из книги вычитано, а взято из жизни». [157 : с. 224 – 226].

Далее Жигулин вспоминает: «Г-13... А, Б, В... Человек номер Г-13 – это легко вычислить – был переведен в Берлаг (Береговой лагерь) в числе самых первых его жителей, а именно 3010-м (каждая буква вмещала числа от 1 до 999). А мой номер в Берлаге был И-2-594 (уже второй алфавит пошел), т. е. я был уже в сороковой тысяче заключенных. А введены спецлагя были в 1948 – 1949 годах. Я прибыл на Бутугычаг осенью 1951 года. Когда умер Г-13? В промежутке между 1949 и 1953 годами включительно. В 1954-м номера отменили. Значит, я мог быть с Г-13 в одном бараке, в одной даже бригаде.

Мало того, по номеру можно сказать, что до Колымы Г-13 был в Озерном лагере, мало того – на ДОКе, где в 1950 – 1951 гг. был я (на ДОКе или где-то около). До нас на ДОКе (Чуна) были сплошь каторжане со сроками 15 или 20 лет каторги. Это были, в основном, власовцы, бандеровцы и полицаи...

Вот как много может рассказать один лишь номер. А в архивах по номеру этому легко найти и личное дело заключенного Г-13, и его судебное дело...» [Там же : с. 227].

Потрясенный «страшноватым сувениром», пришедшим «почти из потустороннего мира», Жигулин отправляет посылку назад, в Магадан, сопроводив ее письмом неизвестному поэту:

«25 декабря 1976 года. Москва.

Михаил Давидович!

Спасибо Вам за книгу и письмо! Спасибо за кусок породы из рудника, на котором я когда-то работал. Это – реалья суровой, но неизбежной и необходимой памяти о Бутугычаге. <...> В своем письме Вы совершенно верно предположили «...не бестактно ли посылать» столбик с «дощечкой номерной» с Бутугычагского погоста. Конечно, не только посылать мне, но и вообще брать эту горестную мету с кладбища не следовало бы. Ведь этот колышек с номером – какое ни есть, а – надгробие (как крест, как обелиск и т. д.). Надгробие же – это часть могилы, то, что принадлежит погребенному в ней человеку.

И вовсе не оправдание в том, что это, как Вы пишете, был свежий раскоп, что Вы не выдергивали колышек, а лишь взяли его. Брать что-либо с могилы, тем более – надгробие (да еще в качестве «сувенира») – тяжкий грех по всем – и религиозным, и общечеловеческим моральным – нормам.

Вы – как поэт – особенно хорошо это должны знать. Вам и Вашим спутникам надо было по мере возможности забросать камнями раскоп, укрепить над ним колышек. Поэтому возвращаю Вам надгробие (простите, но поступить иначе я не могу).

Возвращаю с просьбой: при первой же возможности отвезите эту «дощечку номерную» на Бутугычагское кладбище, на то место, где она лежала.

Могу еще добавить (хотя это вовсе не главное), что человека Г–13 я знал и работал с ним в одной бригаде» [Там же : с. 237 – 238].

Между страниц дневника Жигулина вклеена телеграмма:

«СПАСИБО УРОК ПОДОБНОЕ НЕ ПОВТОРЮ БОЛЕЕ ТОГО ИСПРАВЛЮ ПЕРВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСТИТЕ ЭДИДОВИЧ».

Приведенные выше дневниковые записи и фрагменты из письма Жигулина магаданскому поэту легли в основу главы «Посылка Эдидовича».

Вот из таких новелл-воспоминаний, записанных Жигулиным в разные годы в дневниковых книжках, и состоит, в основном, автобиографическая повесть «Черные камни».

Дневниковые записи Жигулина позволяют точно определить время создания повести «Черные камни».

В некоторых статьях и интервью Жигулин датой создания повести ошибочно называет 1984 год. Вот, к примеру, фрагмент из его интервью «Мы были той виной сильны...», опубликованного в воронежской областной газете «Молодой коммунар» 1 декабря 1988 г.: «Черные камни» написаны в 1984 году. Конечно, увидеть повесть напечатанной я тогда и не надеялся. Но существовал долг перед товарищами, некоторые из них уже погибли или умерли. Я просто не имел права допустить, чтобы история КПМ канула в Лету, бесследно исчезла»³⁰⁵

В дневнике Жигулина читаем:

«23 и 24 мая 1987 года, суббота и воскресенье.

Работа тяжелая. Болят глаза. Ошибок очень много. К концу дня, уже в воскресенье, отладил экземпляр «Знамени». Определил дату написания романа: ноябрь 1985 – май 1986. Пришлось хорошенько порыться и в рукописях, и в дневниках. Да, именно в это время был написан роман – с оговоркой, что главы «Истоки судьбы» и отчасти «Вина» были написаны на основе автобиографических заметок, сделанных в 1977 году. Я оговорил это в сносках...» [228 : с. 24].

Основную часть текста – около 17 авторских листов (более 300 машинописных страниц) – Жигулин написал за рекордно короткий срок – семь месяцев. До определенного момента он даже не пытался опубликовать повесть. Понимал: в условиях советской цензуры – это бесполезно. Опасаясь ареста и изъятия повести органами госбезопасности, как это было в случае с Солженицыным, Гроссманом, Булгаковым, Мандельштамом, Пильняком, Бабелем и др. писателями, Жигулин хранил несколько экземпляров рукописи

---

³⁰⁵ Жигулин А. «Мы были той виной сильны...» // Мол. коммунар. – 1988. – 1 дек.

«в надежных местах». Когда процесс «перестройки» и «гласности» стал необратим, Жигулин принял решение о публикации повести.

Почему он выбрал журнал «Знамя»? Дневниковые записи Жигулина позволяют ответить на этот вопрос. Когда были написаны «Черные камни», Твардовского давно уже не было на свете. «Новый мир» по-прежнему считался ведущим печатным изданием Союза писателей СССР, но Жигулин не был в числе его основных авторов. Как, впрочем, и в «Знамени». Долгие годы журнал был рупором Политического управления Красной Армии, на его страницах публиковались произведения советских писателей, строго выдержанные в рамках социалистического реализма.

Ситуация изменилась в конце 1986 года, когда журнал возглавил Григорий Яковлевич Бакланов (1923 – 2009), писатель-фронтовик, один из ярких представителей «лейтенантской прозы», уроженец Воронежа.

В первых же номерах журнала, вышедших под руководством Бакланова, проявилась четкая линия – ориентация на фундаментальные либеральные ценности (признание гражданских прав, личной свободы, частной собственности, рыночной экономики; ответственности правительства и прозрачности государственной власти).

При поддержке члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева новый главный редактор добился утверждения своим первым заместителем В. Я. Лакшина, знаковой фигуры в советской литературе 1960-х гг., одного из ближайших соратников Твардовского в «Новом мире».

В первом же номере журнала (1986, № 10), подписанном Баклановым, был напечатан многострадальный роман Александра Бека «Новое назначение», много лет кочевавший из одной редакции в другую (табу на его опубликование наложили первые лица государства).

Затем на страницах журнала были опубликованы «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Михаила Булгакова, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка, поэма А. Твардовского «По праву памяти», «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Верный Руслан» Г. Владимова, произведения

Ф. Искандера, Ю. Трифонова, Д. Самойлова, Б. Окуджавы, Л. Петрушевской, В. Маканина, Ю. Давыдова, В. Аксенова, В. Войновича, Е. Ржевской.

Знаковая запись в дневнике Жигулина:

«27–I–87 г., вторник.

Вручили с Ирой рукопись «Тяжелые камни»³⁰⁶ Г. Бакланову. Подарили В. Лакшину книгу «Из разных лет, <из разных далей>» [225 : с. 24].

Судя по дневниковым записям, отдавая рукопись «Черных камней» в журнал «Знамя», Жигулин до конца сам не верил в то, что «главная книга» его жизни будет опубликована. Даже в сокращенном, купированном цензурой и редакцией виде.

В дневнике Жигулина подробно описывается работа по подготовке рукописи повести к публикации в журнале «Знамя», которую автор проделал совместно с сотрудником редакции О. В. Труновой: правка, вычитка, сокращения, переделка текста и т. д. Часть редакторских замечаний Жигулин признал справедливой, и сразу же внес в текст изменения, часть – спорной, а часть – неприемлемой. Например, редактор, дойдя до главы «Медовый месяц в Тайшете», в которой автор рассказывает трогательную историю о встрече и любви с немецкой девушкой Мартой, и до рассказа об испанском гражданине Фернандо, выразила опасение, что цензура, скорее всего, не пропустит все, что касается темы пребывания иностранцев в советских исправительно-трудовых лагерях. Но пожертвовать выстраданными главами автор не мог, для него это было бы равносильно гибели всей рукописи.

Также Жигулин категорически не согласился с замечанием редактора о том, что рассказы о посещении Б. Батуевым, В. Туголуковым и Ю. Киселевым зимой 1946 г. села Хвощеватка, где они увидели умирающих на полу, распухших от голода людей, и о стрельбе в портрет Сталина, «несколько повисают» и их следовало бы сократить.

---

³⁰⁶ Символическая ошибка в названии повести допущена, видимо, из-за накопившейся усталости и волнения автора.

Отверг Жигулин и предложение редактора разделить на две части главу «Следствие», которая, по его мнению, оказалась слишком большой по объему (60 страниц).

Словом, работа над рукописью шла непросто. Но, как оказалось, главные трудности были впереди. В один из последних дней 1987 года Жигулин пишет:

«Последняя подлость минувшего года, перешедшая в новый. Сейчас Лит ничего не снимает, но направляет на консультацию в КГБ. Такого материала для направления в КГБ много – ибо «гласность» и т. п.

А КГБ не рекомендует печатать. Не запрещает (прав на это нет), а не рекомендует. И все зависит от редактора. Захочет ли он проявить смелость. В моем случае, с моей повестью, все зависит от Г. Бакланова. Лит уже решил направить ее для консультации в КГБ» [231 : с. 20].

«Вчера, 3-го января 1988 года, в воскресенье, я позвонил к вечеру О. В. Труновой, которая редактирует мою повесть в «Знамени». Она сообщила мне, что ни во втором, ни в третьем номерах журнала повести моей не будет. Теоретически печатание возможно только с 4-го номера. Я, мол, знала об этом, но не хотела расстраивать Вас перед Новым годом.

– Это что, решение Главной редакции?

– Никакого решения не было. Просто мы уже не успеваем по срокам. А повесть целиком (новый набор первой части и вторую часть в машинописи) решено направить для консультации в Пресс-бюро КГБ. Что они скажут.

– Что они скажут – известно. Известно также, что запретить публикацию они не имеют права. Могут только написать: не рекомендуем. И все будет зависеть от Бакланова» [231 : с. 32 – 33].

«4 января 1988 года, понедельник.

Редактура... Нелепый институт. Особенно у нас, в СССР. В «Литературной газете» на днях прочел о том, что в СССР посмертно реабилитировано более 500 профессиональных писателей (да, статья Э. Белтова, 23.XII.87 г.). А сколько было не просто убито, а отправлено в лагеря. Талантливые, настоящие <писатели> были истреблены или заключены в лагеря

смерти. Вот тогда и хлынул графоманский поток в писатели, тогда, в конце 30-х годов, и потребовался и окреп институт сталинской редакции литературных и иных произведений. Редактор стал как бы соавтором писателя (если писатель графоман) или убийцей писателя, если автор истинно талантлив.

Первую, да и вторую часть «Черных камней» у меня в «Знамени» «заредантировали», в значительной степени умертвили. Осталось нам с О. В. Труновой отредактировать три последние главки. Приду, скажу:

– Ну, что ж, Ольга Васильевна, закончим нашу работу, обмоем труп моей повести?!» [231 : с. 34].

«6 января 1988 года, среда.

<...> Ира ездила в «Знамя»... <...> Привезла 2 экз<емпля>ра новой послеразгромной верстки (внутренней сверки). Изуродовали и обескровили мои «Черные камни». Много ошибок. Но не в них суть. <...> Как разбитый Воронеж после освобождения – вот какая получилась внутренняя моя сверка» [231 : с. 38].

«25 января 1988 года, понедельник.

<...> Травмирующая беседа о Пресс-бюро КГБ, о «Детях Арбата», о ситуации с моей повестью. Я полагаю, не пройдет она через Пресс-бюро КГБ. Да и Г. Бакланов от чистого сердца биться за нее не будет. Это делал Твардовский. Вот кто боролся и с Цензурой, и со всем тогдашним режимом! Г. Бакланов – другой человек. Конечно, он заинтересован в публикации «Черных камней». Они были объявлены в двух осенних номерах журнала на 1988 год, их он особенно выделил в своем интервью в «Л<итературной> г<азете>», их он рекомендовал для издания и в «Худ<ожественной> лит<ератур>е», и во Франции. <...> Поэтому, полагаю, он готов напечатать мою повесть в любом виде, с любыми сокращениями, с любыми поправками – лишь бы напечатать. Но я на такую публикацию не соглашусь. Соглашусь на купюры и поправки лишь в разумных пределах» [231 : с. 79 – 80].

Давая столь жесткую оценку позиции Бакланова, Жигулин, на наш взгляд, был излишне категоричен. Причина была понятна: автор остро переживал за

судьбу своей «главной книги», был расстроен значительными сокращениями и правкой текста.

Спустя четыре года после публикации «Черных камней» Бакланов рассказывал корреспонденту «Литературной газеты»: «У этой книги особая судьба, хотя про каждую публикацию можно рассказать многое. В то время без штампа цензуры ни одна рукопись не могла быть напечатана. Но кроме общей цензуры Главлита, была еще и особая – цензура КГБ. Вот туда, в это ведомство, Главлит сразу же и направил «Черные камни». Но мы упредили их, объявили книгу на обложке журнала раньше, чем они ее прочли, заранее взяли на себя ответственность. Теперь не напечатать ее – значило запретить. Но запретить, когда начали возвращать из небытия запрещенные книги, это уже сложнее. Долго исследовали ее и в Москве, и в Воронеж отправили, по месту действия. Мы боролись за книгу, автор это знал.

Но одновременно и у нас были свои не претензии, нет, – просьбы. Например, пишет Жигулин без жалости, как для побега им надо было зарезать охранника. Мальчик, зек, для кого охранник – враг, так вправе рассказать, но писатель, умудренный жизнью и страданиями, на мой взгляд, рассуждать так не может. Вот же на заседании Конституционного суда Лев Разгон говорил, что система погубила не только миллионы в лагерях, но растлила миллионы душ таких вот мальчиков, которых сделала охранниками лагерей. Переубедить Жигулина мне, к сожалению, не удалось.

Но вот, наконец, после многих месяцев приходят ко мне в кабинет двое в штатском. Одного из них я знал – генерал КГБ. Другой, в темных очках, мне – неизвестен. И долгий тяжкий разговор, смысл которого: не печатать «Черные камни». Или принять такие поправки, которые погубят книгу. Интересная подробность: зачитывают претензии, а сам этот документ мне в руки не дают. И вот последний аргумент: «Он ненавидит органы!». А вы, – спрашиваю, – если

бы вас посадили на десять лет, да еще били бы, как били его, любили бы «органы»? В общем, не поддались мы, напечатали»³⁰⁷.

Дневник свидетельствует: ни одной другой своей книги Жигулин не ждал так долго и с таким нетерпением, как повести «Черные камни». Реакция читателей, литературных критиков и книгоиздателей была ошеломляющей.

«12 июля 1988 года, вторник.

<...> Схема прошедшего дня. Главное – не утихают звонки. В связи с выходом в 7-м номере «Знамени» первой половины повести «Черные камни» все агентства и печатные органы хотят взять у меня интервью: от АПН (Вестник «Государство, политика, общество») до журнала «Пионер» [234 : с. 2 – 3].

«26 июля 1988 года, вторник.

<...> Примечательны уже самые первые отзывы на начало, на первую часть моей повести «Черные камни». Известный писатель (поэт, прозаик и драматург) Эдуард Пашнев, давний мой товарищ и друг по литературе (начинали вместе в Воронеже почти 35 лет назад), прочитав первую часть повести, восторженно сказал:

– Ты совершил важное дело. Можно сказать, даже подвиг. Ты заполнил материалом своей повести пустовавшую социальную нишу эпохи. Ты реабилитировал целое поколение, считавшееся раньше рабским и безъязычным!» [234 : с. 48].

«19 августа 1988 года, пятница.

<...> Пришла к нам, словно сам Господь послал, еженедельная газета «Книжное обозрение», и в нем почти на двух полосах (с переносом с 4-й – на 15-ю стр.) моя беседа с Вячеславом Огрызко³⁰⁸. Прекрасно! И все сохранено, все на месте – и письма А. И. Солженицына, и все мои заветные мысли <...> Прекрасная беседа-публикация. Такие беседы – празднуют!» [234 : с. 110 – 111].

«25 августа 1988 года, четверг.

³⁰⁷ Бакланов Г. Но «Дама с собачкой» мне дороже // Лит. газета. – 1992. – 25 нояб.

³⁰⁸ Речь идет о статье: Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным] // Кн. обозрение. – 1988. – 19 авг. – С. 4, 15.

<...> Звонок <сотрудника> отдела прозы изд<ательст>ва «Молодая гвардия». Они собираются (и, вероятно, еще в этом году) издать коллективный сборник «Зарок» (тираж 100 – 150 тыс.): Шаламов, Жженов, Солженицын («Один день...»), Жигулин («Черные камни»). А ведь это проблема – перепечатать рукопись (да еще и вычитать и заплатить за нее). Он сказал о расклейке, но журнальный вариант я решил больше не переиздавать. Скорей бы вышла книга в «Московском рабочем» в полном объеме, с фотографиями.

Помоги, Господи!» [234 : с. 124 – 125].

«26 августа 1988 года, пятница.

<...> Возникла проблема перепечатки. Ксерокс не годится. А кроме «Московского рабочего» (туда рукопись уже сдана), «Черные камни» хотят издать следующие издательства: «Книжная палата», «Современник», «Книга», «Молодая гвардия» (в коллективном сборнике), Центрально-Черноземное кн<ижное> изд<ательст>во, «Советская Россия». Все хотят издать в 1989 году, а Воронеж и «Молодая гвардия» – возможно, в 1988-м. <...> С «Книгой», вероятно, ничего не выйдет – они дают тираж 50 тыс., даже «Московский рабочий» дает 100 тыс., хоть я прошу 200. Только «Книжная палата» и Воронеж обещают по 200 тысяч» [234 : с. 127 – 128].

Восторженно встретила «Черные камни» литературная общественность Воронежа. Из рецензии В. Акаткина:

«Теперь много пишут об эпохе культа и репрессий. И не потому только, что открыты шлагбаумы гласности. Прорвало души, оттаяли сердца, горькие исповеди стучатся у горла и ждут своего слова. Привыкшие к слащавой похлебке благополучной беллетристики, мы обжигаемся крутым кипятком правды, мучаемся, проклинаяем, плачем, задаем вопросы, вопросы, вопросы...

<...> Повесть Жигулина читают с каким-то тревожным интересом. От многих слышал: хотели бы видеть ее отдельно изданной книгой. Это человеческий документ большой силы, у которого долгая оздоровляющая работа впереди. Это явление нашей духовной и культурной жизни, от него

прибывают силы, обостряется совесть. Хочется верить, что наше издательство откликнется на читательские голоса»³⁰⁹.

Из статьи писателя и журналиста Вячеслава Лободова: «Черные камни» Анатолия Жигулина – это повесть-потрясение. Наверное, каждого, кто болеет «белыми пятнами» истории нашей страны, а значит, и «белыми пятнами» состояния нашей общественной совести и морали, не может не мучить вопрос, который остается пока необъяснимой загадкой: почему, ну почему кристально чистые люди, прошедшие царские тюрьмы и каторги, закаленные в подпольной борьбе и гражданской войне, не раз смотревшие смерти в лицо, вдруг ломались в сталинских застенках, оговаривали себя, признаваясь в чудовищных, заведомо ложных преступлениях, покрыв позором не только свое благородное имя, но и своих товарищей?! пытки? Страх за судьбу близких? Да, да, все это было, было, но, однако, история доносит до нас имена тех, кто не сломился в руках ежовских и бериевских палачей, не подписал сфабрикованных документов. Правда, их было единицы.

...Эта повесть – реквием невинно погибшим и мужественная ода борцам, это гневное обличение предательства, в какую бы тогу оно ни рядилось, и это горькое предупреждение всем нам, чтобы подобного никогда не повторилось»³¹⁰.

В первые же месяцы после опубликования в журнале «Знамя» повесть-хроника «Черные камни» вошла в число самых популярных среди читателей произведений.

У книги «Черные камни», как и у ее автора, оказалась непростая судьба – явление в русской литературе, особенно советского периода, в общем-то, не редкое. В период работы над повестью автор был лишен возможности пользоваться засекреченными архивами и опирался в основном на свою память и воспоминания друзей-капээмовцев. Это, с одной стороны, придавало рассказу

---

³⁰⁹ Акаткин В. Резервы «трудной» темы // Мол. коммунары. – 1988. – 3 сент.

³¹⁰ Лободов В. Камни судьбы // Воронежский университет. – 1988. – 2 сент.

непринужденный и подкупающий искренностью характер, с другой – делало его уязвимым с точки зрения традиционной документальной прозы.

Повесть «Черные камни» пришлась не всем по душе. По указанию «сверху», в сентябре 1988 г. в воронежской областной газете «Молодой коммунар» была напечатана тенденциозная статья «Росказни», в которой Жигулин обвинялся в искажении исторических фактов, погоне за личной популярностью. Статья взорвала общественное мнение и вызвала большой резонанс далеко за пределами Воронежа.

Начавшись в Воронеже, дискуссия вокруг «Черных камней» продолжилась на страницах центральных газет и журналов. Друзья и оппоненты Жигулина разделились на два непримиримых лагеря. Позицию поэта в целом поддержали «Знамя» (что было естественно, именно здесь были впервые опубликованы «Черные камни»), «Нева», «Октябрь», «Огонек», «Молодой коммунист», «Литературная газета», «Литературное обозрение», «Книжное обозрение», «Комсомольская правда» и другие издания. В противоположном лагере оказались «Наш современник», «Молодая гвардия», «Агитатор», «Литературная Россия», «Советская Россия».

В личном архиве Жигулина хранилось более 250 публикаций на тему «Черных камней», появившихся в центральной и региональной прессе в 1988 – 1998 гг. Подавляющее большинство из них – в защиту Жигулина и его повести³¹¹.

---

³¹¹ См. : Млечин Л. Не пыль на ветру : «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и «Черные камни» Анатолия Жигулина // Новое время. – 1988. – 29 июля. – С. 48 ; Новиков В. Клич чести : Заметки о «Черных камнях» Анатолия Жигулина // Лит. газета. – 1988. – 17 авг. – С. 4. ; Яковлева Е. Борьба и победа // Комс. правда. – 1988. – 31 авг. ; Турков А. Не склонившие головы : Читая повесть и стихи А. Жигулина // Известия. – 1988. – 12 сент. ; Синельников М. «Мы были той виной сильны...» // Лит. Россия. – 1988. – 30 сент. – С. 14 ; Огрызко В. «Я – последний поэт сталинской Колымы» // Магаданская правда. – 1988. – 24 авг. ; Верин В. А. Платонов, А. Жигулин... Кто следующий? // Лит. газета. – 1988. – 12 окт. ; Яковлева Е, Муратов Д. Вторая попытка. Как и почему сегодня писатель Л. Коробков пытается оправдать приговор, вынесенный бериевскими следователями // Комс. правда. – 1988. – 25 окт. ; Сорокин А. ...И только правда на всех одна // Мол. коммунар. – 1988. – 3 нояб. ; Лободов В. Камни судьбы // Воронежский университет. – 1988. – 2 сент. ; Чупринин С. Предвестие : Заметки о журнальной прозе 1988 года // Знамя. – 1989. – № 1. – С. 210 – 224 ; Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным] // Кн. обозрение. – 1988. – 19 августа. – № 34. –

На страницах дневника Жигулина запечатлены комментарии по поводу многих публикаций.

Дискуссия о «Черных камнях» поставила перед литературоведами, теоретиками и историками журналистики ряд вопросов, не потерявших актуальности по сей день: является ли повесть Жигулина сугубо автобиографическим произведением или же она выходит за рамки мемуарного жанра? Соответствует ли действительности изложенная автором история создания и деятельности в послевоенном Воронеже нелегальной юношеской организации «Коммунистическая партия молодежи»? В какой мере в автобиографическом произведении могут сочетаться такие жанры, как публицистика и художественная проза, мемуары и воспоминания, дневник и исповедь? Уместны ли в таком произведении художественный вымысел, философские обобщения, домисливание, дорисовка портретов, аберрация памяти?

Наиболее радикальные критики «Черных камней» обвиняли автора повести в том, что он якобы в угоду «модной» в те годы темы борьбы с культом личности в эпоху Сталина «приукрасил» историю КПМ и, попросту говоря, искусственно сконструировал ряд сюжетных линий (антисталинская направленность КПМ, сцена ареста Бориса Батуева, романтическая история любви главного героя повести и немецкой девушки Марты, побег из лагеря «Черные камни» и т. д.).

Один из таких критиков писал на страницах воронежской молодежной газеты о том, что в случае экспресс-переиздания «Черных камней» он «не посоветовал бы, нет, а категорически потребовал бы от автора заменить

С. 4, 15 ; Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Анатолий Жигулин размышляет над читательской почтой] // Кн. обозрение. – 1988. – 18 нояб. – № 46.– С. 8 – 9 ; Шахова Е. Вызвавшие огонь на себя // Мол. коммунист. – 1989. – № 7. – С. 64 – 70 ; Истогина А. Под знаком памяти // Лит. обозрение. – 1989. – № 7. – С. 54 – 57 ; Кораллов М. Из Воронежа и Берлага... // Вопросы литературы. – 1989. – № 9. – С. 118 – 149 ; Аннинский Л. КПМ, 19–58–8, Я – 815, И2 – 594 // Дружба народов. – 1990. – № 10. – С. 267 – 270 ; Ришина И. Два поэта из КПМ // Лит. газета. – 1992. – 7 окт. – С. 3 ; Бакланов Г. Но «Дама с собачкой» мне дороже // Лит. газета. – 1992. – 25 нояб. и др.

указание на строгую документальную подлинность рассказанного («заменены лишь некоторые имена и второстепенные географические названия») вот на что: «любое совпадение с реальными лицами и событиями – случайно»³¹².

Отсутствие культуры ведения диалога и научного подхода к рассмотрению проблем (особенно на первом этапе дискуссии) послужило одной из главных причин того, что журнально-газетная полемика по поводу «Черных камней» в конце 1980-х гг. оказалась контрпродуктивной и фактически зашла в тупик, не ответив в полной мере ни на один из поставленных вопросов.

Между тем, ответы на эти вопросы невозможно было найти без обращения к истории и теории журналистики, истории и теории литературы, других гуманитарных дисциплин, без анализа художественных и документальных жанров.

4.2 Жанрово-тематические особенности повести «Черные камни»

Автобиографическая повесть-хроника «Черные камни» продолжает и развивает традиции русской лагерной прозы, коррелируя с такими произведениями, как «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Житие протопопа Аввакума», «Повести временных лет» и др., в которых на художественном и документальном уровне поднимаются темы несвободы, конфликта человека и государства, нравственно-духовной эволюции (или деградации) личности в критических жизненных условиях.

Страстная исповедь протопопа Аввакума, описавшего все ужасы заключения (холод и голод, унижения и оскорбления, смерть и болезни,

---

³¹² Коробков Л. Рассказы : Опыт этико-психологического расследования одной драмы времен Бери, предпринятый с журналом и газетой в руках // Мол. коммунар. – 1988. – 20 сент.

падение нравов), с одной стороны, и торжество несломленного духа, с другой стороны, является каноническим примером лагерной прозы.

Концепты *тюрьма, каторга, лагерь, плен, ссылка, изнурительная физическая работа в местах отбывания наказаний* на протяжении веков были неотъемлемым атрибутом жизни русского народа и, соответственно, не могли не найти отражения в художественной, документальной и мемуарной литературе. Не случайно в русском языке так много поговорок на эту тему: от сумы и от тюрьмы не зарекайся; в тюрьму двери широки, а обратно узки; пошел к куме, да засел в тюрьме; кому тюрьма, а кому дом родной; тюрьма по ком-то плачет и т. д.

В XX веке «лагерная» тема отражена в произведениях А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, О. В. Волкова, Л. И. Бородина, А. Н. Рыбакова, В. С. Гроссмана, А. А. Бека, Е. С. Гинзбург, В. П. Аксенова и др. писателей.

В отличие от Шаламова, считавшего, что лишение свободы и условия содержания заключенных в лагерях калечат душу человека, превращают его в безропотное и безликое существо, Жигулин так же, как Достоевский и Солженицын, благодарил судьбу за испытание, преодолев которое он стал писателем. Кроме того, как считал Жигулин, перенесенные тяготы и страдания способствовали его духовно-нравственной эволюции и в итоге привели к православной вере.

В застойные годы Жигулин прочитал официально опубликованные и самиздатские произведения Солженицына и был поражен их исторической глубиной и художественной мощью.

Естественно, он не мог пройти мимо жизненного и философского опыта Ф. М. Достоевского, которому пришлось четыре года провести «во глубине сибирских руд».

«29 февраля 1964 г. (год високосный), суббота.

<...> Читаю «Записки из Мертвого дома». Я попал в особый лагерь ровно через сто лет, на сто лет позже, чем Достоевский на каторгу. Но – боже мой! – как много в его записках нахожу я похожего на то, что самому пришлось испытать и увидеть, узнать. «Умри ты сегодня, а я завтра!». Никогда бы не

подумал, что этой формуле уже сто лет (а может, и больше). А что такое сто лет в сущности? Срок очень небольшой. И естественно, сохранились какие-то общие категории. Каторга есть каторга, и она в разное время рождает по существу очень близкие характеры. Условия чрезвычайно близкие, оттого и мысли сходные, и ощущения. Российская каторга имеет свою славную историю. И сталинское время – одна из самых примечательных страниц этой истории» [86 : с. 34 – 36].

Это не единственная подобная запись в дневнике Жигулина.

Итак, что же общего между «Записками из Мертвого дома» и «Черными камнями»? Для того чтобы ответить на вопрос, рассмотрим жанрообразующие признаки этих произведений.

Предмет отображения – и в том, и в другом случае один и тот же: лагерь, каторга, острог, время и пространство несвободы.

Целевая установка (функция) отображения: показать жизнь людей (разных по своему прежнему социальному статусу, национальности, образованию, возрасту, привычкам, характеру и тяжести совершенных преступлений), попавших в экстремальные условия тюремной действительности, глазами заключенного.

Система персонажей в обоих произведениях пестра и разнообразна. Это уголовники, политические заключенные, надзиратели, солдаты-охранники, вольнонаемные, соседи по бараку, вертухай, кумы, люди, сильные духом, и люди, опустившиеся на дно жизни.

Метод отображения – художественно-публицистический анализ, художественное обобщение.

Композиционно-архитектоническая структура. «Записки из Мертвого дома» и «Черные камни» не имеют целостного сюжета и состоят из новелл о жизни заключенных, объединенных личностью повествователя. В «Записках из Мертвого дома» – это Александр Петрович Горянчиков, человек в возрасте 35 лет, осужденный за убийство жены из ревности и приговоренный к каторге на 10 лет. В «Черных камнях» образ автора и образ повествователя совмещен в

одном лице. Но значит ли это, что это один и тот же образ, единый и неделимый? Ответ необходимо искать в определении и специфике *жанра* повести.

В литературной критике принято считать произведение Достоевского повестью в двух частях, сам же автор определял жанр как *записки*, то есть как мемуарно-документальное произведение.

Вопрос об определении жанра «Черных камней» после представления рукописи в редакцию журнала «Знамя» вызвал дискуссию автора и редактора повести.

«22 ноября 1987 года, воскресенье.

<...> Почему я возражаю против подзаголовка к «Черным камням» – «Документальная повесть»? На мой взгляд, документальные очерки, повести и т. п. ближе по сути своей к документально-историческому исследованию, нежели литературному произведению, пусть даже и автобиографическому... Затаскано у нас это слово «документальный» (так и вспоминаются «документальные» очерки о БАМе, о выдающихся людях – председателях колхозов и т. п.). Кроме того, из сноски к названию повести и из ее текста совершенно ясно, что она предельно документальна» [229 : с. 18].

Необходимо отметить, что сам автор считал «Черные камни» не только автобиографическим, но и художественным произведением, имея в виду жанрово-тематические особенности, содержание и стиль произведения.

«15 июня 1988 года, среда.

«Черные камни» ни в коем случае не история КПМ и даже не история «дела КПМ». Это художественное произведение на точной документальной основе. Главные герои: Борис Батуев, Юрий Киселев, Вячеслав Рудницкий, Николай Старубцев, Анатолий Жигулин, Владимир Радкевич, Аркадий Чижов» [231 : с. 226].

В конце концов, автор и редактор пришли к консенсусу, назвав произведение «автобиографической повестью».

С подобными трудностями при определении жанра автодокументальных произведений сталкивались многие известные писатели. Например, А. Н. Рыбаков, автор антисталинского романа «Дети Арбата», писал: «Воспоминания не поддаются точной хронологии. Написав три повести о детстве и три романа о юности, я смешал правду с вымыслом, трудно теперь отделить одно от другого»³¹³.

Как показывает анализ, многие фрагменты текста повести целиком или частично взяты из дневниковых тетрадей и записных книжек Жигулина, в том числе основные события «сибирско-колымской одиссеи»:

- детские годы в селе Подгорном на юге Воронежской области, Великая Отечественная война, скитания по селам, голод и холод, бомбежки, возвращение в Воронеж;

- учеба в лесотехническом институте. Создание в 1947 г. подпольной организации КПМ;

- арест 17 сентября 1949 г. Пребывание во внутренней тюрьме Воронежского областного управления МГБ. Следствие, допросы, пытки;

- отправка летом 1950 г. этапом в Москву. Краснопресненская пересыльная тюрьма;

- прибытие в Озерный лагерь (Иркутская область). Знакомство на Тайшетской пересылке с немецкой девушкой Мартой Миттельберг. Романтическая история любви в неволе. Разлука. Известие о рождении дочери Анны. Встреча с испанцем Фернандо и защитником Мадрида генералом Клебером. Работа на строительстве железной дороги Тайшет – Братск;

- прибытие на Колыму. Лагерь «Черные камни». Работа на руднике. Кладбище в Бутугычаге;

- этап в Воронеж. Освобождение 22 июля 1954 г. в связи с амнистией. Пересмотр дела. Полная реабилитация. Гибель Бориса Батуева и Владимира Радкевича. Клятва увековечить подвиг КПМ.

---

³¹³ Рыбаков А. Н. Роман – воспоминание. – Москва : Вагриус, 1997. – С. 5.

Ниже представлен сопоставительный анализ отдельных фрагментов повести и дневника Жигулина.

Дневник А. В. Жигулина	Повесть «Черные камни»
Образ священника Анохина (в книге – Матвеев), сильного духом человека, не склонившего головы перед своими мучителями	
<p>«Ночь на 5 декабря 1981 года. <...> Вчера вспомнил священника Анохина. Как он в тюрьме КГБ крестил, осенял крестным знаменем надзирателей и следователей со словами:</p> <p>– Изыди, сатана проклятый!..</p> <p>Били его, бросали в мерзлый карцер на лед, на снег в одном белье. А он молился, пел хвалу Богу и торжествовал душой... А мучители бесились от своего бессилия. Ничего не могли сделать. Он стоял насмерть, как мученик, как подвижник. Мы долго были вдвоем в камере. Он рассказал мне Священное Писание – историю Иисуса Христа. Научил молитвам. С детства я знал от матери лишь отрывки из Нового Завета – о Голгофе, как Христос нес крест, как его распяли, как кричали: «Распни его! Распни!». Мне было так жалко его, что я плакал. Мне было лет пять-шесть. И «Отче наш» я знал с детства. Вот немного, что смогла передать мне мать, и за это спасибо. Другие выросли вовсе без Бога. Потом я встретил его (Анохина) в Тайшете на пересылке...» [185 : с. 5 – 8].</p>	<p>«И меня увели во Внутреннюю тюрьму, в камеру, в которой я обитал уже месяца два со священником Митрофаном Матвеевым. Удивительной духовной и нравственной силы был человек. Когда открывалась дверь в камеру и в дверях показывался надзиратель или дежурный офицер, он всегда осенял их крестным знаменем со словами:</p> <p>– Изыди, сатана проклятый!</p> <p>Его, как и меня, часто били. Но он терпел побои мученически – читал во время избиения молитвы, – славил Господа. Какая это была чистая и светлая душа! <...> За время – а время в тюрьме длинное-предлинное, – какое мы прожили в одной камере, он прочитал мне наизусть все Евангелие – по-церковнославянски и по-русски. И рассказал мне своими словами Ветхий Завет. Я же читал ему стихи или пересказывал что-нибудь прочитанное, особенно часто историческое. Этого человека словно сам Бог мне в камеру прислал. Я ведь знал от матери всего четыре-пять молитв, а Священного писания не читал. Хотя у матери было до и после войны Евангелие с двойным текстом – славянским и русским. Я листал его и читал некоторые места, меня интересовало</p>

	<p>сопоставление двух славянских языков – древнего и нового. <...> Дня через три после моего вызова к Литкенсу отца Митрофана выдернули с вещами. И я его встретил лишь несколько месяцев спустя на Тайшетской пересылке» .</p> <p>Черные камни // Далекий колокол. – С. 358 – 359.</p>
<p>Эпизод, связанный с реабилитацией бывших членов КПМ</p>	
<p>«19 апреля 1956 года, четверг.</p> <p><...> Получил справку такую же, как раньше ребята получили. <...> Гуляли с Фирей (я встретил его, выходя из дому).</p> <p>...В полученной мною справке сказано, приблизительно, следующее:</p> <p>«Постановление Особого Совещания от 24 июля 1954 года ОТМЕНИТЬ и дело на основании ст. 8 УК РСФСР ПРЕКРАТИТЬ».</p> <p>Я к этим словам мысленно делаю такое прибавление: «...и получение оной справки в уголовном порядке ОБМЫТЬ», т. е. выпить по этому поводу» [25 : с. 30 – 31].</p>	<p>«Когда большой веселой группой мы получали эти справки, каждый повторял формулировку и находил ее весьма приличной. А я сделал серьезное и даже несколько огорченное лицо:</p> <p>– А у меня формулировка другая!</p> <p>– Да ты что, Толич? Не может быть, прочти! Ребята стояли вокруг меня, у всех обеспокоенные лица. А я, глядя в справку, говорю:</p> <p>– У меня окончание не такое. Все, как у вас, но окончание другое: «Постановление Особого Совещания... ОТМЕНИТЬ и дело на основании ст. 8 УК РСФСР в уголовном порядке ПРЕКРАТИТЬ и указанную справку в обязательном порядке ОБМЫТЬ!».</p> <p>Раздался дружный хохот. И пошли обмывать...» .</p> <p>Черные камни // Далекий колокол. – С. 510 – 511.</p>
<p>О гибели и похоронах Б. Батуева, бывшего руководителя КПМ</p>	
<p>«10 января 1970 года, суббота, 23.00.</p> <p>Сегодня около полудня погиб Борис Батуев. Они ехали в район что-то снимать или</p>	<p>«10 января 1970 года работники воронежского телевидения ехали в район что-то снимать. Их было пятеро в</p>

записывать. Гололед. Обледеный мост возле Рогачевки. Машина упала в овраг. Двоим – совсем ничего, двое побились, но живы, Борис – насмерть...

Обо всем этом часа три назад рассказал мне по телефону из Воронежа Витька Поляков.

И с тех пор болит у меня сердце.

Не стало и Бориса! Кажется, совсем недавно оплак<ив>али Хариуса, и вот – Борис! Лучший, самый близкий друг мой Фиря! Генсек КПМ. Почти четверть века нашей дружбе. После смерти Хариуса и Бориса один теперь Кисель остался из близких. Нелепость-то какая! Горе-то какое! Сын без отца остался, Валерка. Лет 13–14 ему... В общем – что и говорить, что и писать. И сил даже нету писать. Главную часть жизни вместе прошли. «Ты помнишь, мой друг? На окне занавеска...» Отметила судьба. 39 лет всего Борьке-то. И вот нету. Опустят в землю и – конец. В Воронеж ехать надо – гроб до могилы донести, водки холодной хлебнуть и поплакать... Говорил он, когда Хариуса поминали:

– Знаешь, Толька, у меня такое ощущение, что и я скоро пойду за Харюней...

Так и случилось. Пишу сейчас, а сам голос Фирькин словно слышу – так живо его представляю... Давно ли мы с Борисом ветки резали для венка Подмолодину в Новом парке? 14 лет, впрочем, прошло. Подмолодин самый первый был из ушедших».

«12 января <1970 года>, понедельник.

специальной телевизионной машине: кроме Бориса, операторы, осветитель, шофер. С обледенелого мостика через реку Усманку между Новой Усманью и Рогачевкой машина упала в речной овраг. Все остались живы, погиб только Борис. Об этом сообщил мне по телефону (я жил уже в Москве) воронежский поэт Виктор Поляков. Сердце заболело, и стал я сам не свой. Нет больше Бориса! Кажется, совсем недавно оплакивали Хариуса, и вот тебе - Борис! Лучший, самый близкий друг мой Фиря! "Генсек" КПМ. Почти четверть века дружбы. Всего тридцать девять лет было Борису. Горе-то какое! Сын без отца остался, Валерка.

Я выбежал из дому, за три минуты до отхода поезда взял билет, еле пробился к кассе, прорвался, как в бою. На ходу вскочил в поезд – он уже тронулся. Ночь без сна в душном вагоне. В окнах - деревья в белых саванах и огни. Двенадцать часов напряженного, бессонного ожидания - скорей бы Воронеж. Вспомнилось почему-то, что, когда поминали Хариуса, Борис сказал: "Знаешь, Толька, у меня такое ощущение, что я скоро пойду за Харюней..." Так и случилось. Давно ли мы с ним резали ветки для венка Подмолодину?

Наконец утренний Воронеж. Скорей к киоску. Развернул "Коммуну". Некролог. Похороны 13 января. Не опоздал!

Около десяти-одиннадцати я подошел к так хорошо знакомой арке на проспекте

<...> Осмыслилась необходимость: ехать надо обязательно, плохо, если не приеду, на сердце будет плохо. За час до отхода поезда выбежал бегом из дому, за три минуты до отхода взял билет. Еле пробился к кассе. Ночь без сна в душном вагоне. Деревья в белых саванах, огни. 12 часов напряженного ожидания: скорей бы Воронеж».

«13 января 1970 года, вторник.

Наконец – вокзал. Скорей – к киоску. Развернул «Коммуну». Некролог. Похороны 13-го. Правильно, не опоздал. <...> Уже около одиннадцати подошел я к так хорошо знакомой арке на проспекте Революции. Навстречу – Колька Стародубцев, Славка Рудницкий. И того, и другого по несколько лет не видел. Горе всех светло. Тут же Юрка Кисель («– Спасибо, Толя, что приехал!»), и Лутков, и Туголуков, и Миронов, и Сашка Селезнев, и Иван Сидоров, которого я почти забыл, и Землянухин, которого я вообще-то и не узнал, а потому и не видел; только слышал, что и он здесь.

Кого-то не записал я, вероятно, сейчас, но в общем собрались все оставшиеся в живых, кроме В. Жихаревой да И. Струкова (он на Сахалине где-то). Ленька Сычев печальный... Все печальные... Пьяный Димка Буденный... Аня в черном. Виктор Павлович <Батуев> – какой-то совсем маленький. Светка, Юрка – младший Фиря, как мы его звали – в офицерской форме... Всех не перечислишь, много людей...

<...> Почетные караулы, красно-черные

Революции. Навстречу – Колька Стародубцев, Славка Рудницкий. Я их несколько лет не видел. Горе всех светло. Тут же и Юрка Киселев:

– Спасибо, что приехал!

Тут же и Селезнев, Миронов, и Иван Сидоров, которого я почти забыл, один из Землянухиных, и Чижов... Приехали и пришли попрощаться с Борисом все оставшиеся в живых бывшие члены КПМ. Не приехал только с Сахалина Игорь Струков, не приехала из-за опоздания телеграммы Марина Вихарева.

Ленька Сычов, Димка Буденный. Аня в черном:

– Толечка, здравствуй! Ты совсем белый лицом! Не спал ночь? Пойди выпей водки на кухне. Там ребята.

На кухне сидела ставшая совсем взрослой сестра Бориса Светка, младший его брат Юрка в офицерской форме, Виктор Павлович – какой-то совсем маленький. Мне налили чайный стакан водки, полный. Я выпил залпом, не закусывая, и – к гробу. Уступили мне сразу место в изголовье, напротив Ани. Валерка – рядом с нею, худенький, бледный мальчик в сером свитере и в очках. Особенно тяжело было смотреть на него.

Борис в гробу совсем как живой. Синячки небольшие на лице. Я поцеловал его холодный лоб.

Небрежные швы вскрытия на голове и на шее. Вскрытие показало, что не было

повязки. Крикливый администратор вроде курортного массовика («Еще, еще один проход давайте организуем...»). Доска с соболезнованиями от областных организаций. Всего три-четыре бумажки, от редакций газет в основном да от райкома партии. Но что это? «УКГБ ВО...» Знакомые, крепко врезавшиеся в память буквы! «Воронежские чекисты глубоко скорбят... трагической гибели... честного коммуниста». Я долго потом раздумывал – почему от областного УКГБ? Понял: решили еще раз подчеркнуть, что осужден был Борис в 1949 году несправедливо, решили отмежеваться от тех прежних «воронежских чекистов», которые год держали нас в подвалах, а потом отправили в лагеря...

И наконец – последний путь по белому кладбищу. Холод. Все наши – без шапок, хоть и долго-долго шли. Митинг. Дурацкие, составленные из самых казенных шлакоблоков речи <...> официальных лиц. Только Галя Поваляева, дикторша, сказала несколько человеческих, по-женски грустных и точных слов.

Глубокая, с нишей в торце, могила. Суглинок. Слишком большая ограда. Юрка на заводе тяжелых прессов сделал. Юрке много пришлось – и ограда, и венок, и собрание друзей со всех концов – все Юрка Кисель делал... Как всегда, в таких случаях. Добрая и нежная душа – Кисель. Рыдал, говорят, накануне, с ума сходил от

никаких серьезных повреждениях. Смерть наступила от замерзания! Да, воды чуть-чуть хлебнул. Но шофер с поломанными двумя руками вытащил его из воды. Нужно было ему искусственное дыхание сделать или хотя бы головой вниз потрясти. Нельзя было бросать его, оставлять на снегу. Борис (это тоже показала экспертиза) сам начал дышать, лежа на снегу, и дышал, пока не замерз. Шофер обессилел - оказалось, что у него сломана и нога... А остальные пошли искать попутную машину и оставили Борьку мокрого на снегу. Мы с Юрой Киселевым Бориса не оставили бы никогда... А мороз был большой. Замерз. Даже видно - уши синие, обмороженные.

Гроб несли только друзья. Машина похоронная. Улица Карта Маркса. Телецентр. Внесли цветы, венки. Один был особенный: "...от самых близких друзей-единомышленников". То есть от КПМ. От КПМ, которой давным-давно уже не было, но которая особенным образом жива в душе каждого из наших ребят. Дружба осталась, остался какой-то внутренний долг, какая-то сила, живущая в каждом из нас. Много венков. На одном лента: "УКГБ ВО. Воронежские чекисты глубоко скорбят... трагической гибели... коммуниста..." На похороны приехал с группой офицеров сам генерал. Стояли в почетном карауле. Они правильно сделали, что приехали на похороны, – отмежевались от тех "горечкистов", которые год держали нас в

горя. <...> Поминки. Снова глупые речи. А ведь Борька известен был в Воронеже не тем, что он главный редактор телевидения. Но все словно сговорились молчать о самом главном, что было в жизни Бориса. О том высоком взлете в юности и страшной его и нашей трагедии, которая озарила всю жизнь.

«Заговор молчания» нарушил я. Что я сказал приблизительно? <...> О том, что Боря был по-настоящему сильным человеком. Еще в юности он сумел повести за собой людей. Пусть была какая-то даже ошибка, юношеская романтика, пусть вроде бы нельзя сейчас говорить об этом. Но почему же нельзя? Зачем у нас шторы эти на глазах? Давайте откроем, отодвинем их и скажем вслух то, что каждый знает и о чем каждый сейчас думает! Борис был руководителем организации... еще в юности. Можно об этом сказать! Надо! Судьба была жестока. Но было что-то высокое в этом порыве. Дело его в КГБ, надеюсь, не сожгли. <...>

Я пытался выразить мысль: жизнь есть жизнь, и обо всем, что было в жизни Бориса, – можно говорить. Плохого в ней не было. <...> Пусть, может быть, было заблуждение какое-то, но то был своего рода нравственный подвиг... Вот что я приблизительно там сказал.

Более четко сформулировать свои мысли мне помешали страшная усталость и огромное нервное напряжение. <...>

подвалах, а потом отправили в лагеря...

И, наконец, последний путь к кладбищу. Холод. Все наши - без шапок, хоть и долго шли. Митинг. Составленные из казенных блоков речи. Только Галя Поваляева, диктор, сказала несколько человеческих, точных и по-женски грустных слов.

Глубокая, с нишей в торце могила. Суглинок. Слишком большая награда. Это Юрка на заводе тяжелых прессов сделал. Юрке много пришлось - и ограду, и венок, и собирать друзей со всех концов - все Юрка Кисель делал... Как всегда в тяжелых случаях. Добрая и нежная душа - Юра Кисель. Рыдал, говорят, накануне, с ума сходил от горя...

Поминки. Снова речь о журналисте Батуеве. Но ведь Борис Батуев известен был в Воронеже не только тем, что он главный редактор телевидения. А все, словно сговорились, молчат о самом главном, что было в жизни Бориса. О том высоком взлете в юности и страшной его и нашей трагедии, которые озарили всю его жизнь. "Заговор молчания" нарушил я. Что я сказал?

– Борис был по-настоящему сильным человеком. Еще в юности он сумел повести за собой людей к возвышенному, светлому идеалу. Пусть это была юношеская романтика, пусть сейчас почему-то нельзя говорить об этом. Но почему нельзя? Зачем у нас шторы на глазах? Давайте отодвинем, снимем эти шторы и скажем вслух то, что знает каждый... Борис был руководителем

<p>Аня исправила положение, попросила меня прочесть любимые Борины стихи. Я выдал «Кострожоги» и «Ты помнишь, мой друг? На окне занавеска...»</p> <p>Стихи понравились (Галя Поваляева даже в любви мне призналась), но не знаю, все ли были довольны, даже из тех, кто выражал соболезнования...» [112 : с. 133 – 143] ; [112-а : с. 49 – 54].</p>	<p>организации... еще в юности. Можно об этом сказать? Конечно, можно. Нужно! Судьба Бориса была жестока, но возвышенна. Была большая, смелая честность и высота в этом благородном порыве!.. Жизнь есть жизнь, и обо всем, что было в жизни Бориса Батуева, можно говорить, не боясь. Плохого, дурного в ней не было. И та часть жизни Бориса, о которой мы нынче так старательно умалчивали, была его высоким нравственным подвигом!».</p> <p>Черные камни // Далекый колокол. – С. 519 – 522.</p>
<p>Образ героя войны в Испании генерала Клебера</p>	
<p>«10 сентября 1968 года, вторник.</p> <p>Вечер, 18 часов. Последние три дня заполнены необыкновенным волнением. 8-го числа, читая уже упомянутые мною воспоминания Алексея Эйснера, я наткнулся на строку: «герой обороны Мадрида командир интернациональных бригад генерал Клебер». Боже мой! Да ведь я почти целый год провел с «генералом Клебером» на 031-й лесоповальной колонне Озерного лагеря и очень хорошо знал его!</p> <p>Вспоминается осень, октябрь или начало ноября 1950 года. Меня вместе с небольшим этапом других заключенных перегоняли на станции Чуна с огромного ДОКа (деревообделочного комбината) на расположенную по соседству в тайге маленькую ноль–тридцать первую командировку.</p>	<p>«В каптерке (двери были открыты, было тепло) нас встретил еще на крылечке высокий, лет 55-60 человек стройной военной выправки. Лицо доброе и мудрое, глаза большие, выпуклые, над ними густые седые брови.</p> <p>– Толя! – закричал вдруг Фернандо, – ты знаешь, кто это?</p> <p>– Нет!</p> <p>– Это генерал Клебер, герой обороны Мадрида! Я хорошо его знаю.</p> <p>Клебер услышал слова Фернандо, и они быстро и восторженно заговорили по-испански. Потом вдруг перешли на французский. Я уже знал почему: Фернандо провел детство и учился во Франции, а Клебер, видимо, знал французский лучше, чем испанский. Фернандо познакомил нас:</p> <p>– Анатолий Жигулин-Раевский, студент из</p>

Было очень холодно, широкая снежная просека спускалась вниз между стенами высоких сосен. А впереди за нешироким звенящим ручьем на возвышении виднелись уже обветшалые, опутанные колючей проволокой заборы и строения небольшого лагеря. Ворота. «Первая! Вторая!» Первым делом людей повели в каптерку – сдать личные вещи. И я пошел сдать свой тощий мешочек. Каптерка (склад личных вещей) помещалась в дальнем конце одного из бараков. Несколько ступенек деревянного крылечка. В небольшой натопленной комнате вещи мои принял каптер – высокий стройный седой человек.

Выразительное лицо, густые седые брови и усы, большие добрые и внимательные глаза. Черный лагерный китель сидел на нем как военный мундир. Что-то серьезное, внушительное сразу чувствовалось в этом человеке. Каптер расспросил меня, кто я и откуда. Я рассказал коротко о себе: студент из Воронежа; 58–10 I часть, 58–11, 19–58–8; 10 лет Особым Совещанием...

Голоден я был страшно, и каптер, видно, угадал это по моим глазам:

– Есть хотите? Могу предложить селедку. Хлеба, к сожалению, нет.

Пока я ел селедку, в комнату вошел мой товарищ – испанец Фернандо–Рафаэль Пелаио, с которым я познакомился еще летом на Новосибирской пересылке. Он тоже представился каптеру и тот заговорил с Фернандо по-испански. Потом они

Воронежа...

– А меня, – сказал Клебер, подавая руку, – зовут Манфред Штерн – по формуляру, а здесь, для простоты, – Александр Федорович.

На подоконнике в помещении каптерки лежала большая селедка. Я был страшно голоден. Александр Федорович сразу это заметил:

– Хотите селедку? Она не очень соленая. Жаль вот только, что хлеба нет. Здесь не ДОК, здесь очень трудно с хлебом.

Селедку я с большим удовольствием съел и без хлеба. И мне вспомнилось, что во время гражданской войны в Испании радио и газеты говорили о каком-то генерале Клебере.

Почти всю мою жизнь на 031-й колонии Александр Федорович Штерн помогал мне – по мере возможности, конечно. Он, например, руководил моим чтением (в колонии со времен Тайшетлага осталась случайно не уничтоженная небольшая библиотека). В совсем хорошие времена (когда я порубил себе левую ногу и кантовался в зоне – об этом особый сказ) он помогал мне в изучении английского языка. Я очень страдал оттого, что прервалась моя учеба в институте, что нет возможности много читать, и восполнял эти лишения беседами с людьми. От людей порою узнаешь больше, чем из книг.

После реабилитации я жадно искал литературу о генерале Клебере. Я нашел

перешли на французский.

– Ты знаешь, кто этот человек!? – говорил мне потом Фернандо. – Это Алексей Федорович Штерн (Штерн) – командир интернациональной бригады генерал Клебер!

Фернандо шепелявил и, может быть, именно поэтому настоящая фамилия генерала Клебера звучит в моей памяти двояко: то ли Штерн, то ли Стерн. Скорее, однако, Стерн.

Так давно это было, что я даже не совсем уверен, правильно ли я помню его имя и отчество, хотя потом мы довольно много общались и были в хороших отношениях.

Штерн-Клебер очень много знал. Частенько я обращался к нему за разъяснением непонятных слов, встречавшихся в книгах (на лагпункте была небольшая библиотека, и я иногда читал). В теплой каптерке у Штерна за дощатым столом я писал домой письма – в бараке было слишком шумно и тесно. Помню, писал я одно письмо под Новый 1951-й год. В каптерке весело потрескивала чисто выбеленная печка, и было уютно, как дома. Это было в один из немногих выходных дней. Алексей Федорович с интересом расспрашивал меня о нашем деле – о КПМ, о моих родителях. О себе он говорил мало, сдержанно: после возвращения из Испании был осужден на десять лет. Году к 49-му благополучно их отбыл и устроился работать где-то на Дальнем Востоке в больницу по приобретенной то ли в юности, то ли в

некоторые сведения о нем в автобиографической повести А. В. Эйснера «Двенадцатая интернациональная», опубликованной в «Новом мире» в шестидесятых годах. Правда, о том, что генерал Клебер был репрессирован, в повести сказано не было. И наконец в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., «СЭ», 1983) появилась биографическая справка: «Штерн (Stern) Манфред (1896 г. – г. смерти неизв.)...» Без портрета. Всего 18 кратких строк. Цитировать их я не буду, а лишь добавлю к ним, что после возвращения из Испании Штерн был посажен (в 1937 или 1938 г.) за то, что не отстоял Мадрид и плохо боролся в осажденном городе с подчиненными ему военными отрядами троцкистов, анархистов и т. п. А Сталин требовал этой борьбы – борьбы с товарищами по окопам. После отбытия десяти лет (они прошли для него сравнительно легко – выходец из австрийско-еврейской семьи, он имел среднее медицинское образование) Штерн поступил на работу в больницу, но вскоре (в 1948 году) был снова взят, как все тогдашние повторники. Светлый был человек, добрый, хороший. И лицо его вовсе не было властно-жестоким, как описывает его А. В. Эйснер по военным мадридским плакатам...»

Черные камни // Далекий колокол. – С. 397 – 399.

лагере специальности фельдшера. Но вскоре был снова арестован по статье 58–10, и получил новую десятку. Стерн очень сокрушался по этому поводу. Дело, по его словам, было дутое, ничем не мотивированное.

В лагере было немало интеллигентных людей. Помню секретаря Ленинградского горкома партии Беспрозванного и его товарища – худенького человека с красивой еврейской фамилией, осужденного за троцкизм. Порою я бывал невольным слушателем их бесед со Стерном-Клебером. Алексей Федорович знал близко много довоенных государственных и военных деятелей. Помню, однажды он рассказывал что-то о каком-то видном дипломате.

Клебер относился ко мне по-отечески, советовал, как вести себя в лагере, чтобы не заработать довесок по 10-му пункту. Когда я начал получать посылки из дому, я всегда делился с ним продуктами и табаком. Получал ли он сам посылки, не помню. Видимо, не получал. Но помню, он говорил, что в Москве у него есть родные (кажется, дочь). Удивляло меня, что Стерн знал несколько языков. При мне он порою беседовал с немцем по-немецки, с поляком по-польски и т. д. В лагере были люди многих национальностей. Особенно часто разговаривал Клебер-Стерн с Фернандо. Они обсуждали какие-то очень близкие обоим темы. В лагере почти все знали, что каптер Алексей Федорович Стерн был в

<p>прошлом крупным военным, участвовал, кажется, еще в Гражданской, затем воевал в Испании. Относились к нему все с уважением. И не только заключенные, но даже и лагерное начальство. Была в его облике какая-то, я бы сказал, величественность, какое-то благородство, которые не могла уничтожить даже лагерная форма, обшитая номерами. Знакомство наше продолжалось до лета 1951 года. В конце июля 1951 года меня с большим этапом отправили в телячьих вагонах в порт Ванино, оттуда – на Колыму. А Фернандо отправили с 031–й на какую-то другую колонну Озерлага еще раньше, зимою» [108 : с. 164 – 173].</p>	
<p>О подвиге Воронежа в годы Великой Отечественной войны</p>	
<p>«8 мая 1975 года, четверг. <...> И еще событие дня: в «Известиях» указ о награждении г. Воронежа орденом Отечественной войны I степени. Конечно, Воронеж заслуживает звание города-героя. Как пишет в своей заметке В. Комов, «Более 200 дней и ночей... во фронтовом Воронеже шли ожесточенные бои». А Киев был сдан и освобожден без боя, но получил звание города-героя. Не только с людьми, но и с городами поступают несправедливо» [141 : с. 31 – 32].</p>	<p>«...Судьба часто бывает несправедлива не только к отдельным людям, но даже к целым городам и народам. Киев отдали без боя, но присвоили звание город-герой. Через Воронеж восемь месяцев проходила линия фронта, восемь месяцев шли тяжелые, упорные бои. Но Воронеж наградили лишь орденом Великой Отечественной войны. Почему? Наверное, наше областное руководство плохо хлопотало...» Черные камни // Далекый колокол. – С. 244 – 245.</p>

Дневник Жигулина подтверждает документально-автобиографическую основу повести «Черные камни» и принцип реализованной идентичности главных сюжетных и тематических линий.

Полемика по поводу документальности «Черных камней», фактически не утихавшая до самой смерти автора, заслонила на какое-то время другой, не менее важный, вопрос – о художественных достоинствах автобиографической повести Жигулина. Не подлежит сомнению, что это произведение написано настоящим мастером слова, ярко и талантливо отражает время, и ему, безусловно, суждена долгая жизнь в отечественной литературе и журналистике.

Поэт Евгений Евтушенко назвал эту повесть «неоценимым свидетельством на суде истории»³¹⁴, а воронежский писатель Г. Троепольский взволнованно признавался автору: «Ты написал не просто воспоминания, а кровью сердца окропленные строки. В нашей литературе этого «жанра» не было. Теперь же он пробивается сквозь кору потрескавшейся за много лет почвы, на которой буйно росли бурьяны-романы и стихов пырей ползучий...»³¹⁵.

«Черные камни» являются одним из самых значительных и ярких текстов второй половины XX века наравне с такими произведениями, как «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Новое назначение» А. Бека, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Московская сага» В. Аксенова. Повесть Жигулина рассказывает суровую правду о трагической истории страны и в этом плане является уникальным литературно-историческим документом эпохи, свидетельствующим о страшных преступлениях тоталитарного режима.

Краткие выводы

Анализ контента (дневниковые записи Жигулина разных лет, поэтические и прозаические произведения, различные документы на тему КПМ) подтверждает оригинальность жанрово-типологических особенностей и правдоподобность основных сюжетных линий повести «Черные камни»:

- общий исторический фон, мотивация создания КПМ;
- антисталинская направленность подпольной молодежной организации;

---

³¹⁴ Евтушенко Е. А. Человек со страниц Шаламова / А. В. Жигулин // Далекий колокол. – С. 673.

³¹⁵ См. : Жигулин А. В. «Трудная тема, а надо писать...» / Записал В. Огрызко] // Кн. обозрение. – 1988. – 18 нояб. – С. 8 – 9.

– романтическая история любви главного героя повести заключенного А. Жигулина и немецкой девушки Марты Миттельберг (глава «Медовый месяц в Тайшете»);

– образы главных героев повести (Б. Батуев, Ю. Киселев, В. Радкевич и др.);

– образы героев второго плана (В. Филин, Фернандо, генерал Клебер и др.).

Что касается истории побега Жигулина и его троих товарищей из лагеря «Черные камни» (глава «Побег»), в связи с недостаточным количеством дневниковых записей и другой необходимой информации на эту тему, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию.

По морально-этическим причинам мы оставили за рамками настоящего исследования вопрос о дневниковых записях Жигулина, касающихся сложной и деликатной темы о предателях и внедренных в КПМ агентах органов госбезопасности.

Основные события и темы в дневнике А. В. Жигулина во второй половине 1980-х гг:

Творческая деятельность, литературный процесс:

– переход к автобиографической прозе, создание повести «Черные камни» и серии рассказов и очерков на «лагерную» тему («Жертвы и палачи», «Про японца и китайца», «Должок» и др.);

– выход книг: «Из разных лет, из разных далей» (1986), «Весеннее имя» (1987), «Стихотворения» (1987), «Белый лебедь» (1988), «За рекой Чуною» (1988), «Стихотворения» (1988), «Летающие дни» (1989), «Черные камни» (1989).

События в стране и мире:

– пик эпохи «застоя»;

– война в Афганистане;

– авария на Чернобыльской АЭС (1986);

– падение коммунистических правительств в Восточной Европе, разрушение Берлинской стены (1989);

– политика жесткой экономии, перестройка, антиалкогольная кампания в СССР.

ГЛАВА 5. Жизненная и творческая позиция писателя в 1990-е гг.

5.1 Отношение А. В. Жигулина к общественно-политическим процессам в стране в конце XX века

Дневник А. В. Жигулина дает наглядное представление об эволюции общественно-политических и духовно-нравственных взглядов писателя в последнее десятилетие XX века.

Фиксируя в дневнике различные общественно-политические события в стране и мире, Жигулин невольно выступает в роли летописца эпохи. Заслуживают внимания комментарии автора по поводу частой смены Генеральных секретарей ЦК КПСС в первой половине 1980-х гг., вызванной их почтенным возрастом и критическим состоянием здоровья, и различных слухов о возможных преемниках, циркулировавших в обществе.

«11 ноября 1982 года, четверг.

Радио сообщило: вчера в восемь часов утра скоропостижно скончался Л. И. Брежнев. Жаль его. Сравнительно хороший был правитель. Хоть и развалил экономику, но без вины не сажал, боролся за мир. Бог знает, каков будет его преемник. И кто? – Андропов, Черненко? Председатель похоронной комиссии: Андропов. Наверное, он и будет новым вождем... Водитель-левак сказал мне в машине:

– Надо хорошего молодого мужика на место Брежнева!..

Но где ж его взять, молодого-то? Там, в Политбюро, – все старики. Да и хорош ли будет молодой – вдруг сажать начнет, вдруг дерзнет начать войну. Помогите, Господи, нашей несчастной стране: «Чтобы власти были поумнее, / Чтобы вовсе не было войны...»³¹⁶ [180 : с. 154 – 155].

«11 марта 1985 года, понедельник.

---

³¹⁶ Строки из стихотворения А. В. Жигулина «Перепелка над пшеничным полем...»

...Умер вчера Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко. Об этом сегодня сказали по радио в 14 часов. И до 19.00 была только одна печальная музыка. В 19.00 сообщили о пленуме ЦК КПСС. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев. Ему всего 54 года (родился в 1931-м). Выходец из крестьянской семьи. Имеет два высших образования – юридическое и сельскохозяйственное. Молодой. По всем данным подходящий человек. «...Но мы, однако, всего лишь люди». Каков характер у него? Какова личность?» [214 : с. 103 – 104].

«15 марта 1990 года, четверг.

Слава Богу! Избрали М. С. Горбачева Президентом СССР! 52,5 % голосов от списочного состава. 499 чел. голосовали против. Около 300 депутатов получили изб. бюллетени, но не опустили их в урны. Это тоже противники (возможно, прибалты или региональная группа). Около 300 отсутствовали...

Мудро, честно и отважно поступил вчера Рыжков, сняв свою кандидатуру. Не поддался искушению, хотя оно, вероятно, было велико – простая арифметика и логика показывают, что он наверняка был бы избран. Но перестройка в этом случае захлебнулась бы...» [250 : с. 72 – 73].

Дневниковые записи Жигулина показывают, что эволюция общественно-политических взглядов писателя включала в себя следующие этапы: усталость от эпохи «застоя», ожидание перемен, восторженная встреча «перестройки», полное разочарование ее итогами на практике.

Одна из главных тем дневника Жигулина в 1990-е гг. – триумфальное возвращение А. И. Солженицына на Родину, его литературная и общественная деятельность в условиях строительства новой России.

27 мая 1994 г. великий писатель вместе с семьей прилетел из США в Магадан. Затем из Владивостока проехал на поезде через всю страну и закончил путешествие в столице.

Жигулин пишет:

«13 июня 1994 года, понедельник.

Медленно, с остановками, едет в Москву великий писатель А. Солженицын» [255 : с. 39].

Жигулин крайне негативно отнесся к злобной травле писателя в так называемой демократической печати:

«5 июля 1994 года, вторник.

<...> Солженицын совершил великий нравственный и творческий подвиг. Живя в изгнании, но беззаветно любя свою Родину, он написал бессмертные книги «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо» и многие другие. Сейчас Александр Исаевич Солженицын возвращается в нашу безжалостно ограбленную и проданную Россию. Радость! Конечно, радость. Тем более что на франкфуртском аэродроме в 1974 году он сказал:

– Я еще вернусь в Россию!

И вернулся. Но в газетах и по телевидению вдруг развернулась <...> злобная травля великого писателя. Появились полные злобы, ревности и зависти публикации <...> Кто вы, нынешние травители Солженицына? Это, прежде всего, либо чистые графоманы <...>, либо неталантливые, конъюнктурные литераторы, усердно служащие любой власти <...>. Побойтесь Бога, неуважаемые господа! <...> О таких И. Крылов писал: «Ах, Моська! Знать, она сильна,/ Что лает на Слона».

Заткнитесь в своей злобе, хулители А. И. Солженицына! Стыдно завидовать гению, а тем более – оскорблять его. От вас и пылинки не останется, а Солженицын – навсегда, как Пушкин, Толстой, Достоевский!» [255 : с. 48 – 52].

«21–VII–94, четверг.

<...> Приезд в Москву А. И. Солженицына. Смотрели весь вечер по телевидению его приезд, его встречу на Ярославском вокзале, его интервью. Великий писатель, великий человек» [255 : с. 57 – 58].

«27 ноября 1997 года, четверг.

<...> Главное событие, освятившее весь день, – звонок А. И. Солженицына. Формальный повод – мое выступление к юбилею «Одного дня Ивана Денисовича». Я, словно с голодухи, на него набросился. И получил ли он

мои книги в Америке и т. д., и т. п. О здоровье. У него был в прошлом году инфаркт. Заинтересовали его и мои микроинсульты и почка. И о «Черных камнях», о КПМ. Забастовка журналистов в Воронеже и прочее. <...> Об «Одном дне Ивана Денисовича», о трудностях, связанных с выходом подобных книг при жизни писателей. О том, что все следователи названы в «Черных камнях» своими именами. За это он меня похвалил» [260 : с. 92].

«14 января 1998 года, среда.

Вечером звонил А. И. Солженицын: поздравить с Новым годом. Вы, дескать, поздравили меня с Рождеством Христовым, а я вот со Старым Новым годом Вас поздравляю. <...> Говорили о многом. Разговор был очень хороший» [260 : с. 114 – 115].

«16 февраля 1990 года, пятница.

Я мало пишу о политических своих раздумьях в дневнике. Не от боязни – времени и сил нет. Но я ежеминутно с болью переживаю все, что творится со страной, начиная еще с войны. Поэтому и в КПМ вступил. Политик из меня не вышел. А неудавшиеся политики, как известно, идут в поэзию. Я стал поэтом. Но политик живет во мне всю жизнь...» [249 : с. 19 – 20].

Как свидетельствуют дневниковые записи, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. А. В. Жигулин принял деятельное участие в создании двух общественных организаций – «Мемориала» и Союза российских писателей.

«18 августа 1989 года, пятница.

<...> Звонил Виктор Антонович Булгаков, один из руководителей «Мемориала». <...> Говорили о созданной официальными властями Ассоциации незаконно репрессированных, которой руководит некто Нумеров. Руководство Ассоциации занято лишь сферой льгот для незаконно репрессированных: заказы, жилье, путевки в санатории и т. п. <...> В отличие от Ассоциации Нумерова «Мемориал» хочет быть политической организацией. Власти этого не хотят» [243 : с. 84 – 85].

17 сентября 1990 года, понедельник.

<...> Заходили в «Мемориал»... Получили давно заказанные удостоверения. На печати – свеча горящая. На моем и Ирином – подпись А. Д. Сахарова, на Вовином – Е. Евтушенко» [251 : с. 96].

«30 июня 1991 года, воскресенье.

Позвонил, а потом приехал... Женя Евтушенко. Письмо-манифест о создании независимого союза писателей. Длинный документ. Он прочел мне его вслух. А потом читал по телефону Б. Можаяву и с трудом уговорил его дать подпись. Документ предполагается опубликовать в очередном номере «Литгазеты» [253 : с. 4 – 5].

«20 мая 1997 года, вторник.

...Долгая беседа с Людой Абаевой. <...> Люда хочет уговорить Е. Евтушенко стать нашим председателем – для пробивной силы, и меня привлекает к этому делу (уговорить). А Женя живет в США, читает лекции. Приехал в Россию на каникулы. <...> О Лужкове – надо к нему пойти – о СРП поговорить, чтоб помог» [257 : с. 158 – 159].

В июле 1997 г. Жигулин направил мэру Москвы Ю. М. Лужкову телеграмму с просьбой выделить помещение Союзу российских писателей. В ней, в частности, говорилось:

«Дорогой Юрий Михайлович!

На Сретенке проектируется дом, в котором будет помещение для бездомного Союза российских писателей. Но Ваши чиновники препятствуют этому строительству. Союз российских писателей осажден сейчас со всех сторон, как Севастополь. Помогите, ради Бога, ради Христа Спасителя.

Поэт Анатолий Жигулин.

6–VII–97 г.» [260 : с. 6].

После встречи руководства СРП с первым заместителем мэра Москвы дело сдвинулось с мертвой точки [260 : с. 32].

1990-е гг. стали, пожалуй, самым трудным временем в послелагерной жизни Жигулина. Смерть родителей, безденежье, болезни, ожесточенная дискуссия вокруг «Черных камней», общая негативная обстановка в стране не

могли не сказаться на физическом и психологическом состоянии здоровья писателя. И тем не менее, Жигулин не раз удивлял читательскую публику зрелыми и оригинальными поэтическими и прозаическими произведениями.

«5 ноября 1992 года, четверг.

Вести дневник не успеваю по прекрасной причине – идут стихи. Порою почти без черновика или с единственной помаркой. Слава Богу!» [254 : с. 70].

Приведем список стихотворений, сочиненных Жигулиным в те дни:

– 14–X–92 г. «Я в больнице для бедных хочу умереть...» [254 : с. 49];

– 16–X–92 г. «Ах, Россия, Россия! Глухая тоска...» [254 : с. 51];

– 19–X–92 г. «Нищий в вагоне, как в годы войны...» [254 : с. 58];

– 4–XI–92 г. «Дым струится и сладкий, и горький...» [254 : с. 67 – 68];

– 5–XI–92 г. «Над могилой отцовской стою...» [254 : с. 69 – 70];

– 6–XI–92 г. «Палачи вы мои, палачи...» [254 : с. 72 – 73];

– 7–XI–92 г. Ирине («Песня счастья и песня любви...») [254 : с. 75];

– 7–XI–92 г. Николаю Панченко («Друг мой нежный, старик бородатый...» [254 : с. 76 – 77];

– 7–XI–92 г. «Нынче темы открыты – пиши...» [254 : с. 54].

Последнее стихотворение отразило настроение многих поэтов-шестидесятников: «Нынче темы открыты – пиши / Все, что прежде цензура марала. / Лишь бы только хватило души. / А душа-то как раз и устала. / От глухой постоянной борьбы – / По законам любви и отваги – / За высокое право судьбы / Отразиться на белой бумаге»³¹⁷.

После конфликта Жигулина с властями из-за повести «Черные камни» его практически перестали печатать и в Москве, и в Воронеже. Последняя книга стихов «Летающие дни» вышла в 1989 году, последнее издание «Черных камней» – в 1996-м.

Вот несколько характерных для того периода записей из его дневника:

«2–II–94, среда.

---

³¹⁷ Жигулин А. В. «Нынче темы открыты – пиши...» // Далекий колокол. – С. 213.

Приезжал В. Кулиничев. Привез посылочку из Воронежа – от себя, А. Сорокина, П. Новикова – колбасу воронежского завода, банку сардин, кажется, пачку чая и лимон. Очень меня это тронуло. Колбаса полукопченая, вкусная, как в годы застоя».

«4–II–94, пятница.

...Вечером снова был Вадим Кулиничев. Он приезжал за интервью к Старшинову. Ира их познакомила и все уст<р>оила. Принес Вадим еще два лимона и пачку чая – от Льва Кройчика. Они в Москве оба по каким-то университетским делам. Спасибо».

«9 декабря 1999 года, четверг.

Кончилась примерно неделя голодного времени. Ира получила наши с ней пенсии и купила еды».

Как свидетельствуют записи в дневнике А. В. Жигулина, в это трудное время писателю и его семье помогали В. М. Акаткин, В. И. Битюцкий, В. Г. Кулиничев, О. Г. Ласунский, Л. Е. Кройчик, П. И. Новиков, А. В. Сорокин, другие воронежцы. Посылали в Москву деньги, продукты, дары садово-огородных участков, тем самым спасая писателя и его семью от голода.

5.2 Духовно-нравственная эволюция писателя

Русская литература всегда являлась и является частью отечественной и мировой культуры, частью национального богатства нашего народа. В центре ее внимания традиционно был человек, его совесть, душа, его переживания и устремления.

Как отмечал академик Д. С. Лихачев: «Русская литература всегда была литературой патриотической и гражданственной. Она всегда была совестью народа. Ее место в общественной жизни страны всегда было почетным и

влиятельным. Она воспитывала людей и стремилась к справедливому переустройству жизни»³¹⁸.

В воспитании человека, формировании личности, мировоззрения, нравственной и гражданской позиции русская литература всегда опиралась на православие.

Ключевую роль православия в развитии цивилизации отмечал А. С. Пушкин. В рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого он отмечал: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. <...> Горе стране, находящейся вне европейской системы!»³¹⁹.

Подобную мысль высказывал Ф. М. Достоевский: «В сущности, все народные начала у нас сплошь вышли из Православия»³²⁰.

Глубоко одухотворенным и проникнутым верой в Бога было все творчество Н. В. Гоголя, которого современники называли «пророком православной культуры».

Дневник Жигулина позволяет заглянуть в святая святых – душу писателя, проанализировать его духовно-нравственную эволюцию, прикоснуться к такой глубокой и деликатной тайне, какой является вера человека, его религиозные взгляды и убеждения.

Для поэтических произведений Жигулина разных лет и для его поздней автобиографической прозы характерны концепты: *храм, церковь, Бог, Господи, Рождество, Пасха, Великий Пост, Троица, Крещение, молитва, свеча, причащение, исповедь, покаяние, венчание, колокола, душа, вера, религия, духовность, патриотизм* и т. д. Православная тематика постепенно, органически входит в художественную ткань его сочинений.

---

³¹⁸ Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. III. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – Ленинград : Худож. литература, 1987. – С. 342.

³¹⁹ Пушкин А. С. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Собр. соч. : В 10 т. Т. VI. Критика и публицистика. – Москва : Правда, 1981. – С. 99.

³²⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Собр. соч. : В 9 т. Т. 9. Кн. 1. – Москва : АСТ, 2007. – 208 с.

Дневниковые записи Жигулина рассказывают, как рождались такие стихи и проза.

«31–X–80 г., пятница. <...> Весь день сидел над старыми рабочими тетрадами. Нашел много незаконченных стихотворений. Переписал многие строфы и строки в новую толстую записную книжку. Два из стихотворений («О Господи! Царь наш небесный!..» и «Вхожу, как в храм, в березовую рощу...») оказались почти готовыми. Немного подправил, немного дописал, дотянул, и получились стихи. Не очень сильные, но вроде бы живые» [173 : с. 142].

Строки из стихотворения: «О, Господи! Царь наш небесный! / Какая густая метель! / У этой речушки безвестной / Кому она стелет постель? / И нету следа человека, / И волка поблизости нет. / Как будто из прошлого века / Струится серебряный свет...»

Символично, что повесть «Черные камни» заканчивается фразой: «Слава Богу! Я свой долг выполнил»³²¹.

Мысли о Боге одухотворяют многие страницы дневника А. В. Жигулина. Вспоминая дни своего пребывания в санатории г. Кисловодска в конце 1940-х гг., он с удовлетворением отмечает, что в письмах к родителям «уже тогда я писал: Бог – с большой буквы» [253 : с. 17].

О философско-нравственных взглядах А. В. Жигулина свидетельствует такая небольшая, но важная запись: «28–XI–77 г., понедельник. Поездка с Ирой в новый писательский дом, в Безбожный (отвратительное название!) переулок» [160 : с. 167].

В 1992 г. Безбожный переулок, расположенный в центре столицы рядом с Ботаническим садом, по инициативе жителей был переименован в Протопоповский, чему Жигулин был очень рад.

Начиная с конца 1970-х гг. в дневнике Жигулина все чаще появляются записи о чтении книг на религиозную тему, Нового и Старого Заветов, о его раздумьях над судьбами великомучеников, например, протопопа Аввакума.

---

³²¹ Жигулин А. В. Черные камни // Далекий колокол. – С. 522.

«12 марта 1981 года, четверг.

<...> Вечером читал статьи у Брокгауза «Христианство, Христос». У Брокгауза и Эфрона (хоть почти век прошел со времени издания) много ценнейших и теперь статей, сведений – на такие темы, что только в Ленинке можно найти» [180 : с. 49 – 50].

«12–II–85 г. О Нагорной проповеди. Это самая гениальная глава в «Новом Завете». Эта проповедь – гениальное произведение – не могла быть создана человеческим умом и сердцем. Так мог сказать только Бог» [215 : с. 34].

«23 марта 1991 года, понедельник. <...> Все эти дни на ночь читаю Евангелие или статьи на религиозные темы у Брокгауза» [180 : с. 67].

«8 мая 1991 года, пятница. <...> Чтение акафиста в честь чудотворной иконы Владимирской Богоматери. Сочинил Патриарх Сергей во время Великой Отечественной войны. Хорошо, поэтично сочинил. Слезы подступают, когда читаешь» [180 : с. 111].

«22 января 1992 года, среда. В прошедшие полтора месяца главным чтением у меня были Евангелие и М. Булгаков...» [Дн. 253, с. 77].

Видно, как постепенно меняется образ мыслей автора, преображается его мировоззрение, как православие входит в душу и ум писателя, становится его духовной и нравственной обителью. В дневнике А. В. Жигулина увеличивается количество записей о посещении храмов и монастырей, о беседах на православную тему, соблюдении постов, обрядов и т. д.

«18–IV–87 г., суббота. Приехали поздно, к шести. Пошел снег. Ожидание Воскресения Христова. Вышли в темень. Асфальт во дворе, а за воротами грязь и вода – далеко-далеко, до шоссе. Уже не успевали в церковь. Молились дома. Да воскреснет Бог, и расточатся врази его! И Христос воскрес!» [Вкладка в дн. 228 : с. 3].

«22–IV–89 г. <...> Ко мне в годы Брежнева, в годы «застоя» приезжали и не единожды корреспонденты, режиссеры нашего телевидения – снимали меня, записывали мои стихи. Но располагали камеру так, чтобы иконы не попали в кадры. Мало того, даже любую книгу о древнерусском искусстве просили

убрать, если она попадала в объектив, скажем, на задний план. <...> А ведь религия – независимо от того веришь ты в Бога или не веришь – одна из важнейших составляющих духовной культуры человечества, общества, народа. Без Веры нет Надежды, нет Любви. А следовательно, нет поэзии, музыки, изобразительного искусства. Нет того, что мы называем душою» [240 : с. 3–4].

«15 апреля 1990 года. Светлое Христово Воскресенье. Пасха. Встречали Великий праздник с Ирой у телевизора. Впервые по нескольким программам велась прямая трансляция богослужения. Слава Богу! <...> Надо сказать, что впервые (кроме лагеря) я соблюдал строгий пост всю страстную неделю» [250 : с. 124 – 125].

«25 апреля 1997 года. Великая Страстная Пятница. Господь страдает на кресте, и всем нам, земным людям, плохо в этот день. Я спал всего лишь чуть более двух часов (03–05), встал в семь. Ужасно болит голова, чувствую себя совершенно разбитым. <...> День идет к концу. Десятый час вечера: Он уже во гробе и в воскресенье воскреснет. Кончились его муки и всем стало чуть легче» [258 : с. 135 – 136].

«26 апреля 1997 года, Великая Суббота. Кончается страстная седмица (неделя), скоро воскреснет наш Спаситель Господь Иисус Христос, сын Божеский и человеческий. <...> Ночью читал главы 26 – 28 Евангелия от Матфея. Я всегда их читаю и перечитываю, особенно в страстную седмицу.

Скоро два часа пополудни. Ходил в церковь. <...> Люди валом валят в храм, молятся. <...> Ничего больше у простых русских людей не осталось, кроме веры православной» [Там же : с. 137 – 138].

В дневнике Жигулина, особенно позднего периода, много молитв – обращений к Богу с просьбой помочь в той или иной тяжелой жизненной ситуации. Современному читателю они могут показаться простодушными, даже наивными, но, тем не менее, эти записи – свидетельство высокой духовности писателя, его смирения, готовности к жертвенности и покаянию.

Молитва о преодолении препятствий со стороны цензуры:

«13 февраля 1981 года, пятница. <...> Телефонная беседа с В. Осиповым – о конкретных стихах, которые придется уступить Литу. Он сказал, что поступиться, по его мнению, придется тем стихотворением, которое не публиковалось («Отдам еврею крест нательный...»), а также стихами «Поезд» и «Воспоминание». Я предложил вместо «Воспоминания» стихи «Сын» или в крайнем случае – «Поезд». Но как все устроится – не известно. <...> Остается только Богу молиться. Спаси, Господи, спаси и помилуй! И помоги провести книгу благополучно через цензуру! Ведь эта цензура проклятая, она – порождение антихриста. Помоги, Господи!» [180 : с. 9 – 10].

Молитва по поводу выхода книги:

«13 декабря 1982 года, понедельник. <...> Господи! Спасибо Тебе! Ведь там, в книге «В надежде вечной», есть три стихотворения, не публиковавшихся с 1966 года, с «Полярных цветов» – «Поезд», «Сын», «Поэт». Даже не верится в такое счастье. А обложка какая чудная получилась! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Пресвятая Богородица! Слава святому Георгию и другим святым – Николаю-Чудотворцу, Анатолию, Ирине, Владимиру» [180 : с. 188 – 189].

Молитва о мире:

«19 ноября 1985 года, вторник. <...> Помоги, Господи, сохранить мир на Земле! Не допусти войны жестокой и последней, и всякой другой! Помоги, Пресвятая Богородица! Помогите все святые силы небесные!» [219 : с. 35 – 36].

Молитва о сыне:

«26 февраля 1990 года, понедельник. <...> О, Господи! Помоги моему горю! Направь моего сына Владимира на путь истинный! Спаси его, сохрани и помилуй!..» [Дн. 250, с. 13].

Молитва об исцелении заболевшего Патриарха:

«23 декабря 1996 года, понедельник. <...> Заболел пневмонией наш Патриарх Алексей II-й. Его навещал в Кремлевской больнице Черномырдин³²²,

---

³²² Черномырдин Виктор Степанович (1938 – 2010) – председатель правительства Российской Федерации в 1993 – 1998 гг.

– сказали по телевидению. Исцели, Господи, нашего Патриарха Алексия! Дай ему здоровья и долгих лет жизни!» [268 : с. 79].

Молитва об исцелении автора:

«18 декабря 1997 года, четверг. <...> Помоги, Господи, чтобы обошлось без операции, чтобы не было у меня никакой опухоли. Прости, Господи, мя грешного раба Твоего – исцели. Помоги, Пресвятая Троица, Пресвятая Богородица!...» [261 : с. 3].

Дневниковые записи Жигулина свидетельствуют о его позитивном отношении к Русской Православной Церкви, высокой оценке роли православия в истории государства и духовном воспитании народа, формировании личности, мировоззрения, выработке нравственной и гражданской позиции.

Анализ дневниковых записей Жигулина позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Православие оказало мощнейшее влияние на жизнь и творчество А. В. Жигулина, формирование его мировоззрения.

Второе. В своем духовном развитии Жигулин прошел путь от нейтрально-сдержанного отношения к православию – до полного его принятия, став на завершающем этапе жизненного и творческого пути глубоко верующим человеком.

Третье. Запечатленные в художественных произведениях Жигулина образы и темы, касающиеся православной религии и православной культуры, его отношение к Богу и церкви, исповедальные записи в дневнике в полной мере позволяют считать его русским православным писателем.

5.3 Вневременные темы родины, природы, семьи, женщины в дневнике А. В. Жигулина

Вневременные темы родины, природы, семьи, женщины являются сквозными сюжетными линиями в дневнике и творчестве Жигулина.

Тема родины

Для дневника Жигулина, как и для его поэзии и прозы, характерен синкретизм понятий *Родина* и *малая родина*, личной судьбы и судьбы России, ее исторических свершений и испытаний.

Для Жигулина Родина – это не просто страна, где ему было суждено родиться и жить, это нечто большее, трудно объяснимое на рациональном уровне, это то, о чем писал когда-то Пушкин: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам...»³²³.

В *Югославской тетради* Жигулина запечатлен важный эпизод, произошедший во время дружеской вечеринки в Белграде:

«24 октября 1985 года, четверг.

...Уговорили меня рассказать, за что я был взят в 1949 году. Я рассказал кратко (антисталинская организация на марксистской платформе). Красочно изобразил арест Бориса Батуева...<...> Меня спросили, не было ли у меня мыслей уехать на Запад, остаться на Западе. Я сказал правду:

– Я предпочитаю умереть в русской тюрьме, чем покинуть родину. Без Родины – нет художника, поэта» [217 : с. 50 – 53].

Верное, на наш взгляд, умозаключение сделал воронежский журналист и издатель А. А. Свиридов: «Почти половина из написанного А. Жигулиным – это стихи о малой родине, о доме и матери, о родной природе, которую он нежно любит. А когда у человека есть дом и Родина, он выдержит любые удары судьбы и обратит на пользу грядущего»³²⁴.

Малая родина в стихотворениях Жигулина, представленная в образах придонского села Подгорное или послевоенного Воронежа, улочки детства или родных степных просторов, стремительно расширяясь, вырастает до масштабов России, современной и древней, могучей и единой.

---

³²³ Пушкин А. С. «Два чувства дивно близки нам...» – Собр. соч. : В 10 т. Т. 2. Стихотворения 1824 – 1836. – Москва : Правда, 1981. – С. 200.

³²⁴ Свиридов А. Три судьбы // Воронежская неделя. – 2004. – 18 авг.

В этом смысле типичным для творчества Жигулина является стихотворение, написанное в 1965 г.: «Полынный берег, мостик шаткий. / Песок холодный и сухой. / И вьются ласточки-касатки / Над покосившейся стрехой. / Россия...Выжженная болью / В моей простреленной груди. / Твоих плетней сырые колья / Весной стараются цвести. / И я такой же – гнутый, битый, / Прошедший много черных вех, / Твоей изрубленной ракиты / Упрямо выживший побег»³²⁵.

Образ Родины поэт сравнивает с *изрубленной ракитой*, а себя с *упрямо выжившим побегом*.

В другом стихотворении (1980) поэт сводит вместе слова *березовая роща* и *храм*, добиваясь поэтической символики и глубинного смысла.

«Вхожу, как в храм, / В березовую рощу, / Где мшистый пень – / Подобье алтаря. / Что может быть / Торжественней и проще: / Стволы деревьев / И тихая заря? / От горькой думы, / От обиды черной, / От неутешных / Подступивших слез / Иду забыться / В этот храм просторный / К иконостасу / Розовых берез».

Проанализировав русские лексемы с растительной (древесной) семантикой, которые выступают в стихах Жигулина как символы Отечества (России и малой, воронежской, родины), В. Г. Руделев проводит параллель между его творчеством и песнями Бояна в «Слове о полку Игореве»: «Богатое воображение А. Жигулина и его необыкновенный поэтический талант позволяли ему, подобно Бояну, проникать в смыслы слов, заложенные в них в самые древние времена и оживающие внезапно в наше время»³²⁶.

Характерная запись в дневнике Жигулина:

«19 января 1969 года, воскресенье.

<...> Звонил сейчас отец из Воронежа. Рад – в воронежских книжных магазинах появилась моя книжка «Поле боя». Купил, говорит, 6 штук... Только

³²⁵ Жигулин А. В. «Полынный берег, мостик шаткий...» // Далекий колокол. – С. 201.

³²⁶ Руделев В. Г. Символы Родины в поэтическом творчестве Анатолия Жигулина // Вестник ТГУ им. Г. Р. Державина. – Вып. 6. – 2014. – С. 223 – 234.

и мечтаю – поехать в Воронеж, отдохнуть немного, увидеть родных и близких» [110 : с. 16].

Воронежские воспоминания определили темы многих стихотворений Жигулина, ставших классикой: «Встреча с Воронежем», «На Острожном бугре», «Предок», «Отец», «Родина», «Воронеж!.. Родина! Любовь!», «Утиные дворики», «Кордон Песчаный», «Воспоминание о воронежских садах», «Я приеду к тебе, отец...», «Коршево» и др.

На страницах дневника Жигулина запечатлены его дружеские и многолетние отношения со многими воронежцами. В частности, с товарищами-капээмовцами Б. В. Батуевым, Ю. С. Киселевым, Д. А. Буденным, И. В. Сидоровым, Н. М. Стародубцевым, И. П. Струковым и др. Часто упоминаются имена воронежских писателей, ученых, журналистов: В. А. Кораблинов, В. Г. Гордейчев, Э. И. Пашнев, Г. Н. Троепольский, А. Т. Прасолов, Л. Е. Кройчик, А. М. Абрамов, В. М. Акаткин, О. Г. Ласунский, В. В. Будаков, А. Г. Пресман, В. Ф. Панкратов, Г. М. Умывакина, В. Г. Кулиничев, правозащитник В. И. Битюцкий.

Образ женщины

Образ женщины в дневнике и творчестве Жигулина представлен прежде всего в образе матери писателя – Евгении Митрофановны Раевской.

Этот образ – один из самых трогательных и лиричных в отечественной литературе: «Приехала мать из Воронежа, / Из милой моей стороны. / И мысли притихли тревожные, / И вспомнились детские сны. / Сидим, говорим про забытую, / Седую почти старину, / Про давние годы несытые, / Про дом, про родню, про войну... / И теплым дыханием родины / Согрет мой нерадостный быт... / Да, много нелегкого пройдено, / И много еще предстоит. / Но все же какие хорошие / Нам в жизни минуты даны!.. / Приехала мать из Воронежа, / Из милой моей стороны. /1969»³²⁷.

Запись в дневнике Жигулина:

---

³²⁷ Жигулин А. В. «Приехала мать из Воронежа...» // Далекий колокол. – С. 63.

«24–VIII–71 г., вторник.

Главное событие дня – ездили с мамой на улицу Авиационную, на Касаткину гору, как она раньше называлась. Семья Раевских жила там приблизительно до 1915 года. Дом, принадлежавший моей прабабушке, сохранился до сего времени. Она завещала его своей дочери – моей бабушке Марии Ивановне Раевской (урожденной Гавриловой). В этом доме и поселилась семья. Нынешний адрес дома – Мордовцев переулок, 6. <...> Сейчас дом разделен, одна половина сильно пострадала во время войны. Заходили в комнаты. По словам матери, все сохранилось по-прежнему – низкие потолки с выступающими балками, двери, печь, чулан, часть пола. Кажется, сохранилась даже одна из икон, но это предположение. Мать не была в своем родном доме лет 55.

Прошли по улицам в сторону реки. Район древний. Сохранилось много старых домов. Дом священника, красильня. А церковь Иоанна Богослова спасена. Один бурьян на кирпичах. Строят новую набережную, дымит электростанция. Вдали – в лесах – церковь Успения. Впервые в Воронеже восстанавливается в качестве памятника архитектуры одна из старинных церквей... Снова поднялись на Касаткину гору. В стороне от Каменной лестницы нарвали для матери жирных лопухов (она их прикладывает к ногам – от отложения солей)» [117 : с. 144 – 145].

«27 марта 1976 года, суббота.

Приехал днем от Неустроевых к родителям. У тещи хорошо, а у матери все-таки лучше. <...> Сейчас вечер (22.20), отец давно уж спит, а мы с матерью беседуем. Вспоминаем былое, почти забытое.

Алексеевский монастырь – где-то писали – будут восстанавливать.

А разрушенная церковь под Касаткиной горой – это церковь Иоанна Богослова. У Каменного моста – церковь Спаса. Там Лерочку крестили во время войны. Церковь была обгоревшая, но работала, служила. Служила народу после освобождения города. Сейчас там какой-то склад.

Вспоминаю, что и от Митрофановского монастыря (позавчера мельком видел) сохранились какие-то маленькие церквушки и часовенки.

Сейчас на том месте, где был монастырь, стоит казенный, как тюрьма, четырехэтажный квадрат Университета. Главный корпус.

У самого берега на Гусиновке была еще церковь Взыскания погибших. Когда ее взрывали после войны, свершилось чудо: заблестели, засияли иконы на стенах.

Полагаю, это не просто легенда. От сотрясения упала поздняя закопченная штукатурка и открылась яркая ранняя роспись» [151 : с. 21 – 24].

Сразу же после этих записей в дневнике Жигулина – текст нового стихотворения, навеянного разговорами с матерью: «Упал снаряд, и совершилось чудо: / На опаленной порохом стене / Возник в дыму неведомо откуда / Святой Георгий на лихом коне. / От сотрясения обнажилась фреска, / Упала штукатурка поздних лет, – / И он возник – торжественно и дерзко, / Как древний знак сражений и побед. / В сиянии возвышенного лика / Простер десницу грозную свою, / И острая карающая пика / Пронзила ядовитую змею. / А пулемет стучал в старинном храме, / И ладил ленту молодой солдат, / И трепетало яростное пламя, / И отступал безбожный супостат» [Там же : с. 24 – 27].

Нежностью, заботой и любовью к дорогому человеку наполнены стихи Жигулина: «Дорогие родители» (1976), «Ах, мама, мама! Как ты пела, мама...» (1998), «Мама! Дворянка Раевская...» (1998) и др.

Не менее трогательным и лиричным является образ Ирины Викторовны Жигулиной (в девичестве Неустроевой), жены, верной помощницы и музы писателя.

В истории отечественной литературы вряд ли найдется еще один подобный случай, когда поэт на протяжении почти четырех десятилетий посвящал стихи только одной женщине, воспевал ее образ в своих произведениях.

Многие из них («Хозяйка», «Две родинки, две отметинки...», «Потеряла в траве заколку...», «Любовь», «Ты о чем звенишь, овес...», «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...», «Она одна меня поймет...») вошли в

сокровищницу лирической поэзии и являются эталоном возвышенного отношения к прекрасной половине человечества.

Готовя к изданию итоговую книгу «Полвека боли и любви», которую ему не суждено было увидеть, Жигулин писал в автобиографии: «Чрезвычайно важным и даже, наверное, решающим фактором моей творческой жизни и жизни вообще была моя встреча осенью 1961 года с Ириной Викторовной Неустроевой, тогда молодым критиком, выпускницей ВГУ – моей возлюбленной, моей невестой и вот уже 35-й год моей женой. Всю мою послелагерную жизнь (и по сей день) меня преследуют болезни и душевные смуты. И всегда первым и надежным целителем была она...»³²⁸.

Образ И. В. Жигулиной также, как и матери писателя Е. М. Раевской, в дневнике Жигулина носит иконический характер.

Этот образ конструируется из самых возвышенных и благородных слов: «25–VI–75 г. Ты самая красивая и умная, самая гордая и добрая женщина на свете! Образ твой светел и прекрасен» [143 : с. 3].

Приведем рассказ писателя об истории создания известного лирического стихотворения, посвященного И. В. Жигулиной:

«28 октября 1976 года, четверг.

<...> Около полуночи на 29-е, словно само собой, написалось (вернее – без бумаги – сочинилось) стихотворение «Жизнь прекрасна и коротка...» Я лежал в душевном мраке – тревожный и больной. А Ира сидела рядом. Я держал ее теплую руку. Стихотворение сочиняли вместе. Во всяком случае Ира сказала мне о необходимости последнего двустипхия. Подказала эпитет: «Как живая твоя слеза...» [157 : с. 139 – 140].

«Стихи Ирине» являются одним из шедевров жигулинской лирики: «Жизнь прекрасна и коротка, / И тепла, как твоя рука... / О, видения детских лет, / Где казалось, что смерти нет!.. / Нынче сосны гудят в бору – / Все о том, что и я умру. / Сколько лет нам дано судьбой? / Что оставим мы здесь с тобой? / Сын

---

³²⁸ Жигулин А. В. Полвека боли и любви. – Москва : Союз рос. писателей, 2001. – 336 с.

останется – кровь моя. / Стих останется – боль моя. / Будет ветер у трех дорог / Разметать золотистый стог. / И тростиночка камыша / Будет петь, как моя душа. / И на ветке блеснет роса, / Как живая твоя слеза. / 1976» (Раб. т. 453 : с. 94 – 95).

После ухода Жигулина из жизни Л. И. Лавлинский написал воспоминания, в которых есть такие строки: «Из знакомых мне писательских жен (а повидал я их на своем веку немало) ни одна в такой степени не подчиняла себя интересам мужа. Это было какое-то подвижническое служение его таланту – до полного растворения собственной личности. И я нередко думаю: как знать, если бы Господь не послал Анатолию Владимировичу такую супругу, не завершился ли бы его земной путь гораздо раньше, чем это произошло в действительности?»³²⁹.

Самоотверженным служением поэту и поэзии И. В. Жигулина заслужила право стоять в одном ряду с такими неординарными женщинами, как А. Г. Достоевская, С. А. Толстая, В. Н. Муромцева-Бунина, Е. С. Булгакова, Н. Я. Мандельштам.

Тема природы

В своем творчестве Жигулин, несомненно, продолжает традиции лучших представителей натурфилософской поэзии и прозы: И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, М. М. Пришвина, С. А. Есенина, Н. А. Заболоцкого, А. П. Платонова, К. Г. Паустовского, Л. М. Леонова, В. П. Астафьева, Ч. Т. Айтматова, С. П. Залыгина, В. Г. Распутина и др.

Категорически не признавая термин «тихая лирика», Жигулин положительно воспринял появление словосочетания «натурфилософская поэзия и проза»³³⁰, в 1970-х гг. прочно вошедшего в литературоведческий оборот.

Как верно отметила А. Н. Кантомирова, образы природы в поэзии Жигулина являются «художественным средством репрезентации различных

---

³²⁹ Лавлинский Л. Анатолий Жигулин. Надежда и судьба // Литература. – 2004. – 14 июня.

³³⁰ Более подробно об этом самостоятельном идейно-эстетическом направлении литературного процесса см. : Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века : учеб. пособие. – 2-е изд. – Москва : Флинта, 2012. – 287 с.

типов пространства. Пространство несвободы воссоздается через образы суровой зимы, холода, тьмы, через приметы северного ландшафта (колымские камни, сосны), ахроматическую колористику. Идиллическое пространство репрезентируется через ряд флористических образов (деревьев, трав), через приметы ландшафта средней полосы России»³³¹.

Интересное наблюдение сделал Г. В. Марфин: «В стихотворениях [А. Жигулина] встречаются, по нашим подсчетам, около 100 обозначений только лишь деталей растительного мира. В художественном мире А. Жигулина все детали взаимодействуют на равных: одинаково дороги поэту и небо, и капелька росы на лопухе, бескрайние поля и придорожный бурьян»³³².

На примере дневниковых записей Жигулина хорошо виден метод создания художественного образа, умение писателя несколькими штрихами нарисовать ту или иную картину времени года:

«11 октября 1992 года, воскресенье.

<...> Вечером проводы Вовы в Москву. Золотые завалы кленовых листьев» [254 : с. 46].

Проходит всего один день и – уже совсем другая картина:

«12 октября 1992 года, понедельник.

Был пасмурный и холодный, но сухой день, а к вечеру выпал снег. На деревья, на кустарники. И сейчас лежит, не тает. На малине, на жасмине» [254 : с. 47].

Жигулин позиционирует себя, как человек любящий природу, и это его качество не вызывает у читателя сомнений.

«5 мая 1973 года, суббота.

Довольно нервический день. Но повозился с цветами – стало немного лучше. И лилии посадил возле дома. Кто-то их выкорчевал и выбросил на свалку. А я увидел: что-то зеленеет. В комке глины – корни, ростки. Какой-то многолетник. Оказалось, лилия. Спас я эту малую жизнь...» [121 : с. 1].

³³¹ Кантомирова А. Н. Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Волгоград, 2009. – С. 4.

³³² Марфин Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01. – Воронеж, 2003. – С. 11.

Сквозная тема дневника Жигулина – история жизни бурундука Тимофея. Бурундук – символ жигулинской поэзии: «Раз под осень в глухой долине, / Где шумит Колыма-река, / На склоненной к воде лесине / Мы поймали бурундука...» Рисунок с изображением бурундука можно увидеть во многих жигулинских сборниках. Редкая встреча с читателями обходилась без чтения канонического стихотворения «Бурундук».

Симпатичный и доверчивый зверек много лет жил на правах члена семьи в уютной квартире Жигулиных в писательском доме в Протопоповском (бывшем Безбожном) переулке. Записи Жигулина о бурундуке полны любви, доброты, заботы и чувства юмора, словно речь идет о близком человеке.

«28 декабря 1977 года, среда.

Бурундук Тимофей – парень с интеллектом. Проявил нынче явный интерес к живописи – почти насквозь прогрыз суздальскую икону XVII века» [160 : с. 182].

«3–IX–79 г., воскресенье.

Весь день – разбор книг. Тяжкая, утомительная работа. А Тимофею – веселье. Бегает вокруг меня по книгам, все осматривает, обнюхивает, исследует. Забавный маленький зверюшка!.. На меня влезал, как на дерево. Тимофей явный интеллектуал – интересуется живописью (иконами), книгами. Грызет и то, и другое» [169 : с. 56].

«9 июля 1982 года, пятница.

Главное событие дня – пел Тимофей. Сидел на краю книжной полки против моего стола и прямо-таки дивно пел – долго, тонко, мелодично с паузами. Бурундуки поют в неволе только тогда, когда им очень хорошо живется» [194 : с. 49 – 50].

Таким образом, вневременные темы родины, природы, семьи, женщины в дневнике и творчестве А. В. Жигулина являются духовно-нравственными опорами, на которых стоит художественный мир писателя.

Краткие выводы

Основные темы в дневнике А. В. Жигулина в 1990-е гг:

Выход книг:

«Черные камни» (Москва : Современник, 1990); «Полвека боли и любви (Москва : Союз рос. писателей, 2001), «Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей» (Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001). Последние две книги были подготовлены при жизни автора, но вышли в свет, когда его не стало.

События в стране и мире:

- объединение Германии (1990);
- распад Советского Союза и создание Содружества Независимых Государств (1991);
- выборы Президента РСФСР 12 июня 1991 г.;
- попытка государственного переворота в СССР 19 августа 1991 г.;
- либерализация цен, начало радикальных экономических реформ;
- Первая и Вторая чеченские войны;
- экономический кризис (август 1998 г.).

Как свидетельствуют дневниковые записи, в мироощущении А. В. Жигулина в этот период преобладают две тенденции: глубокое разочарование в результатах общественно-политических и социально-экономических реформ; усиление интереса к православной религии и православной культуре, духовная эволюция.

Все это нашло отражение в его творчестве позднего периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования, выполненного на стыке различных дисциплин (история и теория журналистики, история и теория литературы, история мировой художественной культуры, коммуникативистика, философия, социология, лингвистика и др.), рассмотрена проблема дневника писателя как документа эпохи (на материале дневника А. В. Жигулина).

В результате мы пришли к следующим научным выводам.

Первое. Дневник писателя является самостоятельным и самодостаточным жанром автодокументальной прозы, отличающимся целостностью художественного и публицистического дискурсов, отражающим время и пространство в их неразрывной взаимосвязи, с одной стороны, и частью единого *эго-текста* или *пред-текста*, включающего в себя весь спектр авторского концепта (литературные и документальные сочинения, рабочие тетради, записные книжки, письма, рукописи, черновики, инскрипты и т. д.), с другой стороны.

Жанрово-типологические, функциональные, лексико-стилистические свойства дневника позволяют в полной мере раскрыть масштаб личности и судьбы художника, его мировоззрение, общественно-политические и художественно-эстетические взгляды, гражданскую позицию, отношение к различным макрособытиям в стране и мире.

Дневник писателя – не научный трактат и не документ в общепринятом смысле этого слова. Это субъективный взгляд автора на ту или иную проблему. Это попытка самоидентификации личности в сложном окружающем мире. Это стремление познать и понять окружающий мир и себя в этом мире.

Многие дневники пишутся авторами для самих себя, но читает их все человечество.

Второе. Проведенное исследование свидетельствует о том, что в современной теории и истории журналистики, литературоведении четко не закреплены типологические и жанрообразующие признаки дневника писателя,

что представляет собой серьезную научную проблему, требующую дальнейшего комплексного изучения.

Результаты исследования позволяют нам сформулировать новую теоретическую модель, закрепляющую генезис и статус дневника писателя как автономного жанра нехудожественной прозы, имеющего собственные природообразующие признаки и подвижную композиционно-архитектоническую структуру.

Новые теоретические подходы к осмыслению и решению проблемы жанра дневника писателя основаны на системности анализа, применении метода историко-журнального изучения литературы и историко-литературного изучения журналистики.

Третье. Коммуникационные свойства дневника, его публицистичность, конвенциальность, оперативность, доступность, открытость и демократизм, а также возрастающий интерес широких читательских кругов к изучению истории своей страны в XXI веке выводят этот жанр на более высокий уровень по сравнению с другими видами художественного и нехудожественного повествования.

Это, в свою очередь, позволяет нам сделать вывод о том, что внимание исследователей к проблеме автодокументальных жанров будет возрастать.

Четвертое. Всесторонний анализ рукописного дневника Жигулина, предпринятый впервые в истории отечественной журналистики, позволил выявить жанровые, типологические, функциональные, лексико-стилистические особенности повествования, приемы создания образов, композиционно-архитектоническое устройство, пространственно-временную структуру текста. В научный оборот введены архивные материалы (дневники, записные книжки, рабочие тетради, письма, различные документы), ранее неизвестные исследователям и читателям, имеющие большую научную и художественно-документальную ценность.

Пятое. Определены типологические связи дневника Жигулина с его творчеством и литературным процессом в целом, исследована преемственность

традиций отечественной журналистики и литературы в его художественных, автобиографических и публицистических произведениях, обозначены особенности авторского повествования, проанализированы философско-нравственные и духовно-эстетические принципы писателя на разных этапах жизненного и творческого пути.

Шестое. Установлено, что дневник Жигулина продолжает и углубляет традиции автодокументальной прозы, заложенные В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, Н. А. Добролюбовым, А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, А. А. Блоком, И. А. Буниным, А. М. Горьким, К. И. Чуковским, Б. Л. Пастернаком, М. М. Пришвиным, З. Н. Гиппиус, А. Т. Твардовским, А. И. Солженицыным и другими классиками отечественной литературы и журналистики.

Научная и художественная ценность дневниковых записей Жигулина определяется тем, что они не только объясняют факты его творческой и жизненной биографии, являются органической частью писательского наследия, но и представляют своеобразный *документ своего времени*.

В дневнике Жигулина опосредованно через «магический кристалл» отражены две мировые войны, три революции и другие события первой половины минувшего столетия; и синхронно – макрособытия и катаклизмы второй половины XX века: массовые политические репрессии конца 1940-х – начала 1950-х гг., окончание периода культа личности, «оттепель», эпоха «застоя», «перестройка», строительство новой России.

Обращает на себя внимание не конъюнктурная, независимая от внутренних и внешних обстоятельств позиция писателя, проявляющаяся в оценке различных событий и фактов истории. Как свидетельствуют дневниковые записи разных лет (в том числе эпохи «застоя»), Жигулин, например, всегда считал Великую Октябрьскую социалистическую революцию «октябрьским переворотом».

Седьмое. Особый научный интерес для исследователей истории отечественной журналистики и литературы представляют дневниковые записи

Жигулина о Твардовском и журнале «Новый мир». Они дополняют и расширяют информацию о деятельности легендарного журнала и его главного редактора, направленной на публикацию художественных и документальных произведений, правдиво и талантливо отражающих действительность.

По мнению Жигулина, под руководством Твардовского «Новый мир» продолжил и развил традиции «Современника» А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, «Отечественных записок» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина и своей независимой, бескомпромиссной позицией способствовал духовно-нравственному пробуждению общества, формированию мировоззрения нового поколения советских людей.

Проведенный сопоставительный анализ дневника А. В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» 60-х годов А. Т. Твардовского свидетельствует об очевидной схожести взглядов их авторов, несмотря на разницу в возрасте, отличия в жизненном и творческом опыте.

Эта тема, на наш взгляд, требует отдельного глубокого исследования как теоретиков журналистики, так и литературоведов.

Восьмое. Текстологический, фактологический и лексико-стилистический анализ дневниковых записей Жигулина и автобиографической повести-хроники «Черные камни» позволяет сделать следующие выводы:

– дневник Жигулина подтверждает *документально-автобиографическую* основу повести и *принцип реализованной идентичности* главных сюжетных и тематических линий произведения;

– основным *мотивом* создания автобиографического произведения было желание и стремление автора рассказать *правду* о трагических страницах в истории нашей страны, о судьбе поколения, чуть «опоздавшего» на войну и бросившего вызов тоталитарному сталинскому режиму;

– при написании повести-хроники автор ориентировался на классические образцы «лагерной» прозы, в частности, «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, «Житие протопопа Аввакума», и отстаивал право автора

на использование в подобном произведении художественного вымысла, философских размышлений, нравственно-эстетических обобщений в целях создания широкого исторического полотна;

– основой для значительной части текста повести «Черные камни» послужили фрагменты дневника Жигулина разных лет, опровергающие утверждения отдельных недобросовестных критиков о том, что ряд сюжетных линий в произведении якобы был искусственно сконструирован автором в угоду модной в годы «перестройки» темы сопротивления тоталитарному режиму в эпоху культа личности;

– «Черные камни» являются одним из самых значительных и ярких текстов второй половины XX века, своеобразным «документом эпохи», свидетельствующим о страшных преступлениях тоталитарного режима.

Девятое. В преддверии приближающегося 100-летия со дня рождения А. В. Жигулина, на наш взгляд, целесообразно начать подготовку научного издания его дневника (это возможно, например, по линии Союза российских писателей, у истоков создания которого он стоял в начале 1990-х гг.).

Сразу скажем о том, что речь не идет о полном (академическом) издании дневника писателя. На наш взгляд, в этом нет необходимости по трем причинам. Во-первых, это вряд ли возможно и нужно в связи с огромным объемом текстового контента (несколько десятков тысяч рукописных страниц). Во-вторых, по своему содержанию дневники Жигулина неоднородны, часть текста (особенно первого периода творческой деятельности), на наш взгляд, не представляет особой художественной или исторической ценности. В-третьих, при рассмотрении вопроса о публикации дневника Жигулина возникает ряд вопросов морально-этического характера: часть материала должна «отлежаться», пройти закалку временем, еще живы многие из тех людей, о которых пишет автор, причем не всегда лицеприятно (в основном, это касается истории и деятельности КПМ).

Но даже того материала, который останется в результате тщательного отбора и редактирования, вполне хватит на несколько солидных томов,

посвященных жизни и творчеству А. В. Жигулина, литературному и журнальному процессу второй половины XX века.

Мы полагаем, что публикация дневника А. В. Жигулина вызовет новую мощную волну интереса читателей и исследователей к его жизни и творчеству, будет способствовать более ясному и четкому представлению о его месте и роли в истории отечественной литературы и журналистики, и станет еще одним поводом для того, чтобы на теоретическом и методологическом уровне попытаться разгадать тайну такого прекрасного и перспективного жанра автодокументального повествования, каким, безусловно, является дневник писателя.

«Изучение литературного дневника – перспективная и плодотворная задача, – писал О. Г. Егоров. – В этой области сделаны лишь первые шаги. Исследовательский вектор видится в переходе от индуктивного исследования... к дедуктивному анализу предмета. Такой поворот необходим, потому что рассмотрение частных проблем поможет в будущем уточнить общие формулировки и сделать более достоверными научные выводы»³³³.

Мы полностью согласны с этими словами.

---

³³³ Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : Исследование. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 269.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ**Текстовые источники**

1. Авторское дело Жигулина А. В. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 1358.
2. Жигулин, А. В. Белый лебедь : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Правда, 1988. – 32 с.
3. Жигулин, А. В. Весеннее имя : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Мол. гвардия, 1987. – 160 с.
4. Жигулин, А. В. В надежде вечной : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 320 с.
5. Жигулин, А. В. Воронеж. Родина. Любовь : Кн. лирики [Текст] / А. В. Жигулин. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. – 350 с.
6. Жигулин, А. «Все слышу, слышу эти пули...» [Текст] / А. Жигулин // Литературная газета. – 1983. – 13 апр.
7. Жигулин, А. В. Горящая береста : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. Россия, 1977. – 301 с.
8. Жигулин, А. В. Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей [Текст] / А. В. Жигулин / сост. И. В. Жигулиной ; вступ. ст. В. М. Акаткина. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – 696 с.
9. Жигулин, А. Два стихотворения : У костра («Мороз лютует три дня подряд...»); Костыли («Сосны пылят ледяною крупкой...») [Текст] / А. Жигулин // Подъем. – 1960. – № 6. – С. 101 – 102.
10. Жигулин, А. В. Дневниковые книжки и рабочие тетради / Фонд А. В. Жигулина. – Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.
11. Жигулин, А. В. Дневниковые записи. Рукопись. ГАВО. Ф. Р-3293. Оп. 1. Д. 2449.

12. Жигулин, А. В. Дневник семинарских занятий студентов дневного отделения Литературного института им. А. М. Горького. РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 3. Ед. хр. 566.
13. Жигулин, А. В. Жизнь, нечаянная радость : Избранное [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – 287 с.
14. Жигулин, А. В. За рекой Чуною [Текст] / А. В. Жигулин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд., 1988. – 192 с.
15. Жигулин, А. Земляника («Их было мало, этих сочных ягод...»); Якорь («Бывало, в детстве, понаслышав много...») [Текст] / А. Жигулин // Подъем. – 1958. – №3. – С. 122 – 123.
16. Жигулин, А. В. Избранная лирика [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Мол. гвардия, 1965. – 32 с.
17. Жигулин, А. В. Избранное : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Худож. литература, 1981. – 351 с.
18. Жигулин, А. В. Из разных лет, из разных далей : Стихотворения и эссе [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Современник, 1987. – 446 с.
19. Жигулин, А. В. Калина красная – калина черная : Стихи. Поэма [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. писатель, 1979. – 102 с.
20. Жигулин, А. В. Костер-человек [Текст] / А. В. Жигулин. – Воронеж : Воронежское кн. изд-во, 1961. – 79 с.
21. Жигулин, А. В. Летящие дни : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. писатель, 1989. – 416 с.
22. Жигулин, А. В. Лучше было бы умереть. Три рассказа [Текст] / А. В. Жигулин // Знамя. – 1998. – № 3. – С. 143 – 151.
23. Жигулин, А. «Мы были той виной сильны...» [Текст] / [Беседу вел А. Сорокин] // Молодой коммунар. – 1988. – 1 дек.
24. Жигулин, А. На Острожном бугре [Текст] / А. Жигулин // Подъем. – 1959. – № 5. – 127 – 128.
25. Жигулин, А. В. Огни моего города : Лирика [Текст] / А. В. Жигулин. – Воронеж : Кн. изд., 1959. – 55 с.

26. Жигулин, А. В. Обломки «Черных камней» [Текст] / А. В. Жигулин // Дружба народов. – 1998. – № 7. – С. 73 – 85.
27. Жигулин, А. О себе [Текст] / А. Жигулин / Огни моего города : Лирика. – Воронеж : Кн. изд., 1959. – С. 3.
28. Жигулин, А. В. Память : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Воронеж : Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1964. – 64 с.
29. Жигулин, А. В. Полынный ветер : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Мол. гвардия, 1975. – 222 с.
30. Жигулин, А. В. Полвека боли и любви [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Союз рос. писателей, 2001. – 336 с.
31. Жигулин А. В. Поле боя : Лирика [Текст] / А. В. Жигулин. – М. : Мол. гвардия, 1968. – 64 с.
32. Жигулин, А. В. Полярные цветы : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. писатель, 1966. – 78 с.
33. Жигулин, А. Поэзия – это жизнь! [Текст] / А. Жигулин // Мол. коммунары. – 1961. – 19 марта.
34. Жигулин, А. В. Прозрачные дни : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. писатель, 1970. – 71 с.
35. Жигулин, А. Рассказ о земляке : Стихи молодых поэтов [Текст] / А. Жигулин // Мол. коммунары. – 1954. – 17 сент.
36. Жигулин, А. В. Рельсы : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Мол. гвардия, 1963. – 103 с.
37. Жигулин, А. В. Свет предосенний : Кн стихов [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Современник, 1972. – 207 с.
38. Жигулин, А. «Слезам нужно верить...» [Текст] / А. Жигулин // Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 287–291.
39. Жигулин, А. Сердце майора («Врач произнес негромко...») [Текст] / А. Жигулин // Подъем. – 1959. – № 2. – С. 103 – 104.

40. Жигулин, А. В. Стихотворения [Текст] / А. В. Жигулин. – М. : Худож. лит., 1976. – 222 с.
41. Жигулин, А. В. Соловецкая чайка : Кн. лирики [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Современник, 1979. – 333 с.
42. Жигулин, А. В. Стихотворения [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. Россия, 1984. – 238 с.
43. Жигулин, А. В. Стихотворения [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Худож. литература, 1987. – 414 с.
44. Жигулин, А. В. Стихотворения [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Дет. лит., 1988. – 192 с. – (Поэтич. б-ка школьника).
45. Жигулин, А. В. Черные камни [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Кн. палата, 1989. – 240 с.
46. Жигулин, А. В. Черные камни [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Моск. рабочий, 1989.
47. Жигулин, А. В. Черные камни [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Современник, 1990.
48. Жигулин, А. В. Черные камни : Автобиографическая повесть [Текст] / А. В. Жигулин / Знамя. – 1988. – № 7. – С. 10 – 75 ; № 8. – С. 48 – 119.
49. Жигулин, А. В. Чистое поле : Стихи [Текст] / А. В. Жигулин. – Москва : Сов. Россия, 1972. – 111 с.
50. Жигулин, А. Флажки. Ночная смена. Земля [Текст] / А. Жигулин // Новый мир. – 1962. – № 1. – С. 78 – 79.
51. Жигулин, А. «Я последний поэт сталинской Колымы...» [Текст] / А. Жигулин // Кн. обозрение. – 1989. – № 12. – С. 1.
52. Письма А. Т. Прасолова А. В. Жигулину. ГАВО. Ф. Р-3293. Оп. 1. Д. 2464.

53. Анненкова, И. В. Стилистико-синтаксические особенности художественной публицистики М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / И. В. Анненкова. – Москва, 1997. – 28 с.
54. Антипина, Е. С. Лексико-семантическое пространство дневника писателя (на материале произведений И. А. Бунина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Е. С. Антипина. – Иваново, 2015. – 23 с.
55. Артамонова, Л. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как социокультурный феномен : особенности функционирования художественно-публицистических идей : антропологический и историософский аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / Л. А. Артамонова. – Самара, 2015. – 23 с.
56. Белотурова, М. М. Книга М. Горького «Заметки из дневника. Воспоминания». Проблематика. Поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / М. М. Белотурова. – Москва, 2008. – 17 с.
57. Боброва, О. Б. Дневник К. И. Чуковского в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. Б. Боброва. – Волгоград, 2007. – 24 с.
58. Бойко, С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в. : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / С. С. Бойко. – Москва, 2011. – 590 с.
59. Булдакова, Ю. В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920 – 1930-х гг. : типология и поэтика жанра : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Ю. В. Булдакова. – Киров, 2010. – 189 с.
60. Варламов, А. Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / А. Н. Варламов. – Москва, 2003. – 424 с.
61. Дмитриев, Д. П. «Новый мир» А. Твардовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 01. 01 [Текст] / Дмитриев Д. П. – Москва, 2001. – 16 с.

62. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник XIX века : История и теория жанра : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. Г. Егоров. – Москва, 2003. – 29 с.

63. Кальщикова, Т. А. Дневник как вид коммуникативной деятельности (на материале дневника А. Блока) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Т. А. Кальщикова. – Нижний Тагил, 2012. – 219 с.

64. Кантомирова, А. Н. Образы пространства в лирике Анатолия Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / А. Н. Кантомирова. – Волгоград, 2009. – 28 с.

65. Качалова, М. П. Природа в «Дневниках» М. М. Пришвина (1905 – 1935 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / М. П. Качалова. – Магнитогорск, 2011. – 25 с.

66. Кобзева, О. С. Проза Чингиза Айтматова в журнальном контексте «Нового мира» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 [Текст] / О. С. Кобзева. – Воронеж, 2004. – 25 с.

67. Колядина, А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / А. М. Колядина. – Самара, 2006. – 20 с.

68. Короткова, О. В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / О. В. Короткова. – Москва, 2000. – 25 с.

69. Короченский, А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / А. П. Короченский. – Санкт-Петербург, 2003. – 467 с.

70. Костионова, М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба») : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. В. Костионова. – Москва, 2015. – 523 с.

71. Криволапова, Е. М. Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX – XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Е. М. Криволапова. – Москва, 2013. – 48 с.

72. Крюкова, Н. Г. Дневники И. А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя : автореф. дис. канд... филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Н. Г. Крюкова. – Елец, 2000. – 24 с.

73. Кулакова, И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / И. И. Кулакова. – Орел, 2000. – 228 с.

74. Кускова, Н. А. Место и роль критического анализа в мемуарной литературе о писателях: воспоминания об Анне Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 [Текст] / Н. А. Кускова. – Москва, 1994. – 22 с.

75. Липич, О. В. Творчество протопопа Аввакума в контексте публицистики второй половины XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / О. В. Липич. – Москва, 2005. – 23 с.

76. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева : особенности поэтики : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.10 [Текст] / Ю. Н. Мажарина. – Воронеж, 2014. – 172 с.

77. Марфин, Г. В. Человек и мир в лирике А. Жигулина (к проблеме периодизации творчества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / Г. В. Марфин. – Воронеж, 2003. – 18 с.

78. Матюшкин, А. В. Проблема автора в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1873 г. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / А. В. Матюшкин. – Петрозаводск, 1998. – 21 с.

79. Муртузалиева, Е. А. Критическая проза Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Е. А. Муртузалиева. – Махачкала, 2001. – 171 с.

80. Николаичева, С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30 – 70 гг. XIX века) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / С. С. Николаичева. – Нижний Новгород, 2014. – 174 с.

81. Новикова, Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е. Г. Новикова. – Ставрополь, 2005. – 27 с.

82. Новикова, О. А. Проблемы «малой прозы» 1940–1960-х годов («Рабочие тетради» А. Т. Твардовского) : дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 [Текст] / О. А. Новикова. – Смоленск, 1999. – 194 с.

83. Новожилова, А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / А. М. Новожилова. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с.

84. Осипова, О. И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузьмин : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. И. Осипова. – Москва, 2014. – 438 с.

85. Подгорский, А. В. Жанр дневника в английской литературе эпохи Реставрации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.01.05 [Текст] / А. В. Подгорский. – Екатеринбург, 1998. – 34 с.

86. Прохоров, Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства : на материале литературы периода классического посттрадиционализма : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 [Текст] / Г. С. Прохоров. – Москва, 2013. – 437 с.

87. Разводова, О. А. Проза А. Т. Твардовского. Проблематика. Поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. А. Разводова. – Воронеж, 1989. – 195 с.

88. Ромашкина, М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 ; 10.01.03 [Текст] / М. В. Ромашкина. – Москва, 2016. – 182 с.

89. Скроботова, О. В. Жанрово-тематическое многообразие «внехудожественного» творчества И. А. Бунина 1917-1923 годов: дневники, публицистика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / О. В. Скроботова. – Елец, 2006. – 20 с.

90. Смылова, О. Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. Н. Смылова. – Москва, 2000. – 16 с.
91. Снежко, Е. В. Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И. А. Бунина эмигрантского периода : дис... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Е. В. Снежко. – Москва, 2005. – 173 с.
92. Снигирева, Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 10.01.01 [Текст] / Т. А. Снигирева. – Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Воронеж, 1997. – 46 с.
93. Страшнов, С. Л. Творческая эволюция А. Т. Твардовского : (в аспекте поэтических жанров) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 10.01.02 [Текст] / С. Л. Страшнов. – Москва, 1992. – 32 с.
94. Тарабукина, Ю. А. Концепция творчества в художественной и художественно-документальной прозе Ю. Нагибина («Вечные спутники», «Дневник») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Ю. А. Тарабукина. – Тюмень, 2006. – 23 с.
95. Тарасова, Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского 1876 г. : Творческая эволюция и история текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Н. А. Тарасова. – Петрозаводск, 2001. – 200 с.
96. Тарасова, Н. А. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского: роман «Подросток» и «Дневник писателя» за 1876 – 1877 гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / Н. А. Тарасова. – Москва, 2011. – 46 с.
97. Федотова, В. В. Поэтика дневниковой прозы И. А. Бунина : дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / В. В. Федотова. – Казань, 2010. – 182 с.
98. Фиронов, А. П. Человек и мир в русской поэзии «традиционной школы» (60 – 70-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.01 [Текст] / А. П. Фиронов. – Воронеж, 1998. – 16 с.
99. Фокин, П. Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876 – 1877 гг. Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / П. Е. Фокин. – Санкт-Петербург, 1995. – 30 с.

100. Чулюкина, М. Г. Дневник как жанр публицистики : предметно-функциональные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / М. Г. Чулюкина. – Казань, 2009. – 22 с.

101. Шемякина, М. К. Человек и мир в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / М. К. Шемякина. – Белгород, 2004. – 236 с.

102. Щурова, В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр, антропология : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 [Текст] / В. В. Щурова. – Воронеж, 2005. – 21 с.

Монографии, книги, публикации в научных сборниках и периодических изданиях

103. Абрамов, А. Анатолий Жигулин [Текст] / Абрамов А. // Голоса земли Алексея Кольцова. – Воронеж, 1964. – С. 115 – 130.

104. Абрамов, А. Голоса земли Алексея Кольцова [Текст] / А. Абрамов // Мол. гвардия. – 1962. – № 7. – С. 101 – 102.

105. Абрамов, А. Деловито, честно, всерьез [Текст] / А. Абрамов // Новый мир. – 1963. – № 10. – С. 252 – 254. – Рец. на кн. : Жигулин А. Рельсы : Стихи. – Москва : Мол. гвардия, 1963. – 104 с.

106. Абрамов, А. Дорога на океан [Текст] / А. Абрамов // Лит. и жизнь. – 1962. – 6 июня.

107. Абрамов, А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны [Текст] / А. М. Абрамов. – Москва : Сов. писатель, 1972. – 671 с.

108. Абрамов, А. Один из молодых [Текст] / А. Абрамов // Литература и жизнь. – 1961. – 1 февр.

109. Абрамов, А. М. Письма Александра Твардовского [Электронный ресурс] / А. М. Абрамов. – Режим доступа : <http://podyom.ruspole.info/node/1657>

110. Абрамов, Ф. Самый надежный судья – совесть [Текст] / Ф. Абрамов // Нева. – 1984. – № 5. – С. 144 – 160.
111. Аджубей, А. И. Крушение иллюзий : Время в событиях и лицах [Текст] / А. И. Аджубей. – Москва : Интербук, 1991. – 238 с.
112. Аджубей, А. И. Те десять лет [Текст] / А. И. Аджубей. – Москва : Сов. Россия, 1989. – 336 с.
113. Акаткин, В. М. Александр Твардовский и время. Служение и противостояние : Статьи [Текст] / В. М. Акаткин ; [вступ. ст. О. Алейникова]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006. – 258 с.
114. Акаткин, В. М. А. Т. Твардовский. Страницы творчества. Работы разных лет : Статьи [Текст] / В. М. Акаткин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008. – 342 с.
115. Акаткин, В. Воронеж... Родина... Любовь... : Исполнилось 50 лет сов. поэту А. Жигулину [Текст] / В. Акаткин // Мол. коммунар. – 1980. – 3 янв.
116. Акаткин, В. В поисках главного слова : К проблеме «тихой» лирики [Текст] / В. Акаткин // Вопросы литературы. – 1974. – № 3. – С. 3 – 60.
117. Акаткин, В. М. По следам культурного разлома [Текст] / В. М. Акаткин // А. Т. Твардовский : исследования и материалы : сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Ильин, О. А. Новикова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. Вып. 2. – С. 21 – 39.
118. Акаткин, В. М. Прощание с утопией : Статьи о литературе [Текст] / В. М. Акаткин. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1991. – 336 с.
119. Акаткин, В. Резервы «трудной» темы [Текст] / В. Акаткин // Мол. коммунар. – 1988. – 3 сент.
120. Акаткин, В. «У поэта есть судьба» : К 50-летию А. Жигулина [Текст] / В. Акаткин // Подъем. – 1980. – № 3. – С. 136 – 143.
121. Акиншин, А., Ласунский, О. Гласность по-воронежски [Текст] / А. Акиншин, О. Ласунский // Кн. обозрение. – 1989. – 1 сент. – С. 16.
122. Акопов, А. И. Аналитические жанры публицистики : письмо ; корреспонденция ; статья : уч.-метод. пособие [Текст] / А. И. Акопов. – Ростов н/Д : Ин-т массов. коммуникаций, 1996. – 88 с.

123. Акопов, А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов) [Текст] / А. И. Акопов. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 96 с.

124. Акопов, А. И. Некоторые вопросы журналистики : история, теория, практика : публикации разных лет [Текст] / А. И. Акопов. – Ростов н/Д : Терра, 2002. – 368.

125. Акопов, А. И. Периодические издания: уч.-метод. пособие. 2-е изд., доп. [Текст] / А. И. Акопов. – Ростов н/Д : Книга, 1999. – 91 с.

126. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 64 гг. [Текст] / Ю. В. Аксютин. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 330 с.

127. Александр Твардовский и его «Новый мир». Свидетельства, подготовленные Мариной Лунд [Текст] / сост. М. Аскольдова-Лунд // Знамя. – 2010. – № 1. – С. 139 – 156.

128. Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия : рабочие материалы [Текст] / Смол. гос. пед. ун-т, каф. лит., теории и методики обучения лит. ; ред. совет : Меркин Г. С. (гл. ред.) и др. – Смоленск, 2004. – 456 с.

129. Александров, И. Слова, идущие от сердца [Текст] / И. Александров // Комс. правда. – 1980. – 1 окт. – С. 4.

130. Анненков, Ю. П. Дневник моих встреч : Цикл трагедий [Текст] / Ю. П. Анненков ; под общ. ред. Р. Герра. – Москва : Вагриус, 2005. – 732 с.

131. Аннинский, Л. Восхождение к свету [Текст] / Л. Аннинский // Дружба народов. – 1972. – № 6. – С. 278 – 280.

132. Аннинский, Л. Восхождение личности [Текст] / Л. Аннинский // Мол. коммунар. – 1971. – 17 апр.

133. Аннинский, Л. Живые о живом [Текст] / Л. Аннинский // Лит. Россия. – 1984. – 16 нояб. – С. 16.

134. Аннинский, Л. Калина черная : предисловие [Текст] / Л. Аннинский // Жигулин А. В. Жизнь, нечаянная радость : Избранное. – Москва : Мол. гвардия, 1980. – С. 5 – 12.

135. Аннинский, Л. КПМ, 19–58–8, Я – 815, И2 – 594 [Текст] / Л. Аннинский // Дружба народов. – 1990. – № 10. – С. 267 – 270.
136. Аннинский, Л. Поэтический мир Анатолия Жигулина [Текст] / Л. Аннинский // Мол. коммунар. – 1970. – 4 янв.
137. Аннинский, Л. Проба истины [Текст] / Л. Аннинский // Наш современник. – 1970. – № 3. – С. 118 – 120.
138. Аннинский, Л. Цена милосердия [Текст] / Л. Аннинский // Юность. – 1983. – №1. С. 93 – 96.
139. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 – 1957 : документы [Текст]. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 808 с. – (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы).
140. Аскольдова-Лунд, М. Сюжет прорыва : Как начинался «Новый мир» Твардовского [Электронный ресурс] / М. Аскольдова-Лунд. – Режим доступа : <http://roslavl.ru/history/favorit/tvardovsky/askold.htm>
141. Астафьев, В. П. Зрячий посох : книга прозы [Текст] / В. П. Астафьев. – Москва : Современник, 1988. – 588 с.
142. Астафьев, В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952 – 2001 [Текст] / В. П. Астафьев [Сост., предисл. Г. Сапронова]. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
143. А. Т. Твардовский : исследования и материалы : сб. науч. трудов [Текст] / отв. ред. В. В. Ильин, О. А. Новикова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. Вып. 2. – 256 с.
144. А. Т. Твардовский и русская литература : сб. науч. работ, посвящ. 90-летию со дня рожд. А. Т. Твардовского [Текст] / Воронеж. гос. ун-т, филол. фак. ; науч. ред. В. М. Акаткин. – Воронеж : Полиграф, 2000. – 246 с.
145. [Афанасий Никитин]. Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466 – 1472 гг. [Текст] – Москва – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 232 с.
146. Ахмадулин, Е. В. Краткий курс теории журналистики: учеб. пособие [Текст] / Е. В. Ахмадулин. – Ростов-на-Дону: Издат. Центр «МарТ», 2006. – 272 с.

147. Ахмадулин, Е. В. Основы теории журналистики : уч. пособие [Текст] / Е. В. Ахмадулин. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 350 с.
148. Ахмадулина, А. Черный камень – в автора «Черных камней» [Текст] / Б. Ахмадулина, Ю. Давыдов, Ф. Искандер, А. Истогина, Ю. Карякин, Н. Коржавин, С. Липкин, И. Лиснянская, Б. Окуджава, Н. Панченко, Г. Поженян // Лит. газета. – 1995. – 24 мая.
149. Бакланов, Г. К 80-летию А. Т. Твардовского [Текст] / Г. Бакланов // Знамя. – 1990. – № 7. – С. 3.
150. Бакланов, Г. Остановить мгновение [Текст] / Г. Бакланов // Воспоминания об А. Т. Твардовском : сб. / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 413 – 436.
151. Бакланов Г. Но «Дама с собачкой» мне дороже [Текст] / Г. Бакланов // Лит. газета. – 1992. – 25 нояб.
152. Бакланов, Г. Чтоб это никогда не повторилось [Текст] / Г. Бакланов // Лит. газета. – 1962. – 22 нояб.
153. Банк, Н. Б. Нить времени : Дневники и записные книжки советских писателей [Текст] / Н. Б. Банк. – Ленинград : Сов. писатель, 1978. – 248 с.
154. Барабаш, Ю. Что есть справедливость? [Текст] / Ю. Барабаш // Лит. газета. – 1963. – 31 авг.
155. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Текст] / Р. Барт [пер. Г. К. Косикова] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – Москва : МГУ, 1987. – С. 387 – 422.
156. Бахтин, М. М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 336 с.
157. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 504 с.
158. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – Москва : Сов. Россия, 1979. – 315 с.
159. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 301 с.

160. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. – Москва : Худож. литература, 1975. – С. 234 – 405.
161. Белинский, В. Г. Эстетика и литературная критика : в 2 т. [Текст] / В. Г. Белинский. – Москва : Гослитиздат, 1959. – Т. 1 : [Статьи и рецензии. 1834–1842]. – 1959. – 782 с.
162. Белинский, В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя [Текст] / В. Г. Белинский. – Полн. собр. соч. : В 13 т. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953 – 1959. Т. 6. – С. 217 – 218.
163. Бердяев, Н. А. О русских классиках [Текст] / Н. А. Бердяев. – Москва : Высшая школа, 1993. – 368 с.
164. Березин, В. О Твардовском [Текст] / В. Березин // Новый мир. – 1996. – № 3. – С. 181 – 189.
165. Бережной, А. Ф. Русские предшественники ленинской печати [Текст] / А. Ф. Бережной. – Ленинград : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1969. – 124 с.
166. Бианки, Н. Александр Твардовский : штрихи биографии [Текст] / Н. Бианки // Кн. обозрение. – 1988. – 3 июня. – С. 4.
167. Бианки, Н. Встречи и расставания [Текст] / Н. Бианки // Кн. обозрение. – 1994. – 19 апр. – С. 5.
168. Бианки, Н. П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире» : Воспоминания [Текст] / Н. П. Бианки. – Москва : Виоланта, 1999. – 192 с.
169. Бианки, Н. Константин Симонов в «Новом мире» [Текст] / Н. Бианки // Кн. обозрение. – 1987. – № 48. – С. 3.
170. Биуль-Зедгинидзе, Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958 – 1970 гг.) [Текст] / Н. Биуль-Зедгинидзе Н. – Москва : КПЦ «Первопечатник», 1996. – 439 с.
171. Блок, А. А. Записные книжки [Текст] / А. А. Блок. – Москва : Худож. литература, 1965. – 663 с.
172. Блок, А. А. Собр. соч. : В 6 т. Т. 5. Лирическая проза. 1906 – 1921. Автобиография. 1915. Из дневников и записных книжек. 1901 – 1921.

Последние дни императорской власти. 1918 [Текст] / Блок А. А. – Ленинград : Худож. литература, 1982. – 406 с.

173. Боброва, О. Б. История жанра дневника [Электронный ресурс] / О. Б. Боброва. – Режим доступа : <http://konesh.ru/bobrova-o-b-istoriya-janra-dnevnika.html>

174. Богомолов, Н. А. От Пушкина до Кибирова : Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии [Текст] / Н. А. Богомолов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 624 с.

175. Богуславская, В. В. Моделирование текста : лингвосоциокультурная концепция : анализ журналистских текстов : монография. Изд. 2-е [Текст] / Богуславская В. В. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 276 с.

176. Бонди, С. М. Черновики Пушкина : Статьи 1930 – 1970 гг. [Текст] / С. М. Бонди. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 1978. – 231 с.

177. Борисова, И. Пляда [Текст] / И. Борисова // Первое сентября. – 2000. – № 7. – С. 8.

178. Борщаговский, А. «Пишите честно как перед расстрелом» : А. Жигулину – 70 лет [Текст] / А. Борщаговский // Лит. газета. – 2000. – 1–12 янв. – С. 11.

179. Бочаров, А. Г. Основные принципы типологии современных советских журналов [Текст] / А. Г. Бочаров // Вестник Московского университета. Сер. : Журналистика. – 1973. – № 3. – С. 30 – 34.

180. Бражник, Л. А. Тема войны в лирике А. Жигулина [Текст] / Л. А. Бражник // Человек и война в русском художественном сознании XX века. – Воронеж, 2000. – С. 24 – 29.

181. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика : учеб. пособие [Текст] / С. Н. Бройтман. – Москва : РГГУ, 2001. – 420 с.

182. Бунин, И. А., Бунина, В. Н. Устами Буниных. Дневники : В 2 т. [Текст] / И. А. Бунин, В. Н. Бунина [Сост. М. Грин, предисл. Ю. Мальцева]. – Москва : Посев, 2004. – Т. 1. – 304 с. ; 2005. – Т. 2. – 432 с.

183. Бунин, И. А. Окаянные дни [Текст] / И. А. Бунин. – Москва : Эксмо, 2011. – 672 с.
184. Бунин, И. А. Письмо к Н. Д. Телешову от 10 сентября 1947 г. [Текст] / И. А. Бунин // Лит. наследство. – Т. 84. Кн. 1. – Москва : Наука, 1973. – С. 637.
185. Бунин, И. А. Публицистика 1918 – 1953 гг. [Текст] / И. А. Бунин. – Москва, 1998. – 640 с.
186. Буртин, Ю. Александр Твардовский и Андрей Синявский [Текст] / Ю. Буртин // Независимая газета. – 1998. – 20 февр.
187. Буртин, Ю. «Вам, из другого поколенья» [Текст] / Ю. Буртин // Октябрь. – 1987. – № 8. – С. 191 – 202.
188. Буртин, Ю. Исповедь шестидесятника : творчество А. Твардовского [Текст] / Ю. Буртин // Дружба народов. – 2000. – № 12. – С. 122 – 134; 2001. – № 2. – С. 138 – 161.
189. Буртин, Ю. Ни шагу от самого себя [Текст] / Ю. Буртин // Жигулин А. В. Далекий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 668 – 669.
190. Буртин, Ю. «Новый мир» и его противники. Попытки редакционного дневника. 1969 г. [Текст] / Ю. Буртин // Лит. газета. – 1990. – 20 июня. – № 25.
191. Буртин, Ю. О сталинисте А. Твардовском, который терпел и молчал [Текст] / Ю. Буртин // Независимая газета. – 2000. – № 64. – 8 апр.
192. В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР [Текст] // Лит. газета. – 1963. – 28 дек.
193. Ваншенкин, К. Великий поэт, великий редактор [Текст] / К. Ваншенкин // Лит. газета. – Москва, 1996. – № 51. – С. 1, 3.
194. Варламов, А. Н. Современное прочтение Пришвина : дневники и очерки в литературном наследии М. М. Пришвина [Текст] / А. Н. Варламов // Литературная учеба. – 2001. – № 5. – С. 45 – 54.
195. Вартанова, Е. Л. О трех векторах будущей журналистики [Текст] / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2015. – № 68 (3). – С. 8 – 11.
196. Василевский, А. Ответы на вопросы анкеты [Текст] / А. Василевский // Лит. газета. – 1999. – 9 дек.

197. Васильев, В. Посвящается Жигулину [Текст] / В. Васильев // Мол. коммунары. – 1980. – 6 марта.
198. Верин, В. А. Платонов, А. Жигулин... Кто следующий? [Текст] / В. Верин // Лит. газета. – 1988. – 12 окт.
199. Вильчек, Л. Ш. Советская публицистика 50 – 80-х годов : От В. Овечкина до Ю. Черниченко : уч. пособие [Текст] / Л. Ш. Вильчек. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 141 с.
200. Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст] / В. В. Виноградов. – Москва : Высш. школа, 1971. – 240 с.
201. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы [Текст] / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
202. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей [Текст] / В. В. Виноградов. – Москва : Худож. лит., 1961. – 613 с.
203. Владимов, Г. «Не мешайте процессу развиваться» : К 90-летию Александра Твардовского [Текст] / Г. Владимов // Моск. новости. – 2000. – № 24. – 20 – 26 июня.
204. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия [Текст] / Аксютин Ю. В., Волобуев О. В., Данилов А. А. и др. ; Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл. и др. – Москва : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
205. Водолазов, Г. Г. «Новый мир» А. Твардовского и власть [Текст] / Г. Г. Водолазов // Костромской гуманитарный вестник. – 2012. – № 2 (4). – С. 5 – 17.
206. Воздвиженский, В. Позиция : «Новый мир» шестидесятых годов [Текст] / В. Воздвиженский // В мире книг. – 1988. – № 3. – С. 2 – 5.
207. Волгин, И. Л. Достоевский журналист : («Дневник писателя» и русская общественность) [Текст] / И. Л. Волгин. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 75 с.
208. Воробьев, К. «Вызывает Твардовский» [Текст] / К. Воробьев // Воспоминания об А. Т. Твардовском : сб. / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 270 – 273.

209. Воронков, К. Страницы из дневника. 1950 – 1970-е годы [Текст] / К. Воронков. – Москва : Сов. Россия, 1977. – 224 с.
210. Воскресенский, Л. Здравствуйте, Иван Денисович! [Текст] / Л. Воскресенский // Моск. новости. – 1988. – 7 авг.
211. Воспоминания и дневники XVIII – XX вв. : Указатель рукописей [Текст]. – Москва : Книга, 1976. – 622 с.
212. Воспоминания об А. Твардовском : сб. [Текст] / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – 488 с.
213. Высокая требовательность : [обзор ред. почты] [Текст] // Правда. – 1964. – 11 апр.
214. Выходцев, П. С. Александр Твардовский [Текст] / П. С. Выходцев. – Москва : Сов. писатель, 1958. – 411 с.
215. Вучетич, Е. Внесем ясность : Некоторые мысли по поводу одного юбил. выступления [Текст] / Е. Вучетич // Известия. – 1965. – 14 апр. (моск. веч. вып.); 15 апр.
216. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
217. Гайгор, Ю. Подвиг поэта : к 85-летию А. Твардовского [Текст] / Ю. Гайгор // Правда. – 1995. – 21 июня. – С. 8.
218. Галов, С. Стихи земляка [Текст] / С. Галов // Коммуна. – 1977. – 14 мая.
219. Гейдеко, В. Неожиданность постоянства [Текст] / В. Гейдеко // Знамя. – 1974. – № 8. – С. 247 – 249.
220. Гейко, Ю. Не спрашивай, по ком звонил колокол : С этим журналом не справились ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев [Текст] / Ю. Гейко // Комс. правда. – 1991. – 6 июня. – С. 4.
221. Герцен, А. И. Дневник [Текст] / А. И. Герцен. – Полн. собр. соч. : В 30 т. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954 – 1964. – Т. 2.
222. Гефтер, М. Судьба Хрущева. История одного неусвоенного урока [Текст] / М. Гефтер // Свет и тени великого десятилетия. Н. С. Хрущев и его время. – Ленинград : Лениздат, 1989. – С. 410 – 473.

223. Гинзбург, Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Санкт-Петербург : Искусство, 2002. – 768 с.
224. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Москва : Худож. литература, 1976. – 448 с.
225. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Сов. писатель, 1989. – 607 с.
226. Гиппиус, З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники : 1893 – 1919 [Текст] / З. Н. Гиппиус. – М. : Русская книга, 2003. – 576 с.
227. Гиппиус, З. Н. Собр. соч. Т. 9. Дневники : 1919 – 1941. Из публицистики 1907 – 1917 гг. Воспоминания современников [Текст] / З. Г. Гиппиус. – Москва : Русская книга, 2005. – 560 с.
228. Гнедин, Е. «Себя не потерять...» [Текст] / Е. Гнедин // Новый мир. – 1988. – № 7. – С. 173 – 209.
229. Гудошников, Я. Лирика молодых [Текст] / Я. Гудошников. – Коммуна. – 1958. – 1 июля.
230. Голубев, А. Колымский ветер : Уроки судьбы Анатолия Жигулина [Текст] / А. Голубев // Мол. коммунар. – 1996. – 17 сент.
231. Голубицкий, Ю. А. «Оттепель» на страницах «Нового мира» А. Твардовского [Текст] / Ю. А. Голубицкий // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 1. – С. 150 – 161.
232. Голубков, Д. Душа-победительница [Текст] / Д. Голубков // Мол. гвардия. – 1971. – № 7. – С. 278 – 284.
233. Горловский, А. Истоки чувства [Текст] / А. Горловский // Лит. Россия. – 1968. – 30 авг. – С. 16.
234. Горловский, А. «Себя ни капли не жалея» [Текст] / А. Горловский // Лит. газета. – 1969. – 17 сент. – С. 6.
235. Горловский, А. Поэзии горящая свеча [Текст] / А. Горловский [Беседа с А. Жигулиным] // Вопросы литературы. – 1983. – № 12. – С. 172 – 186.
236. Горский, В. С. Историко-философское истолкование текста [Текст] / В. С. Горский. – Киев : Наукова Думка, 1981. – 207 с.

237. Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. [Текст] / Т. М. Горяева. – 2-е изд. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 407 с.
238. Горький, М. Несвоевременные мысли : Заметки о революции и культуре [Текст] / М. Горький. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
239. Горький, М. О литературе : Литературно-критические статьи [Текст] / М. Горький. – Москва : Сов. писатель, 1955. – 902 с.
240. Грабельников, А. А. История русской периодической печати : 1703 – 2003: библиографический справочник : В 2 т. [Текст] / А. А. Грабельников, О. Д. Минаева. – Москва : РИП-холдинг, 2004. Т. 1. 2004. – 213 с. ; Т. 2. 2004. – 269 с.
241. Грабельников, А. А. Массовая информация в России : От первой газеты до информационного общества [Текст] / А. А. Грабельников. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – 330 с.
242. Грабельников, А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий : Итоги и перспективы [Текст] / А. А. Грабельников. – Москва : Изд-во РИП Холдинг, 2001. – 336 с.
243. Грабельников, А. А. Средства массовой информации постсоветской России : пятнадцать лет спустя [Текст] / А. А. Грабельников. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2008. – 340 с.
244. Гранин, Д. Прав ли критик? [Текст] / Д. Гранин // Лит. газета. – 1963. – 15 окт.
245. Гринберг, И. Осознание силы [Текст] / И. Гринберг // Знамя. – 1971. – № 8. – С. 217 – 232.
246. Гринберг, И. «Приходит время зрелости суровой» [Текст] / И. Гринберг // Сибирские огни. – 1972. – № 1. – С. 166 – 167.
247. Гринберг, И. Последовательность новизны / И. Гринберг // Нева. – 1974. – № 2. – С. 178 – 188.
248. Гринберг, И. Постигание времени [Текст] / И. Гринберг // Знамя. – 1974. – № 3. – С. 220 – 236.
249. Гришунин, А. Л. Творчество Твардовского [Текст] / А. Л. Гришунин. – 2-е изд. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 109 с.

250. Громова, Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени [Текст] / Л. П. Громова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994. – 155 с.
251. Губко, Н. Живые традиции; Сергеев, Н. Преддверье...; Савин, С. Односторонность [Текст] // Лит. Россия. – 1964. – 27 марта. – С. 11.
252. Гусев, В. В середине века : О лирической поэзии 50-х гг. [Текст] / В. Гусев. – Москва : Сов. писатель, 1967. – 300 с.
253. Гусев, В. И. В предчувствии нового : О некоторых чертах литературы шестидесятых годов [Текст] / В. И. Гусев. – Москва : Сов. писатель, 1974. – 328 с.
254. Гусев, В. Испытание веком : Сб. лит.-крит. статей [Текст] / В. Гусев. – Москва : Современник, 1982. – 256 с.
255. Гусев, В. «Огни» согреют сердце [Текст] / В. Гусев // Мол. коммунары. – 1960. – 10 февр. Рец. на кн. : Огни моего города / А. Жигулин. – Воронеж, 1959. – 55 с.
256. Гусев, В. Человек побеждает [Текст] / В. Гусев // Подъем. – 1961. – № 3. – С. 138 – 140.
257. Дардыкина, И. «Осени» Анатолия Жигулина [Текст] / И. Дардыкина // Моск. комсомолец. – 1971. – 5 февр.
258. Дардыкина, И. На просторной земле [Текст] / И. Дардыкина // Правда. – 1982. – 26 апр. – С. 7.
259. Дедков, И. Время Хрущева. Взгляд из провинции [Текст] / И. Дедков // Свободная мысль. – 1996. – № 1. – С. 116–122.
260. Дементьев, А. О традициях и народности [Текст] / А. Дементьев // Новый мир. – 1969. – № 4. – С. 215 – 235.
261. Десятников, В. Очаг Твардовских [Текст] / В. Десятников // Семья и школа. – 1991. – № 6.
262. Дементьев, В. В. Александр Твардовский [Текст] / В. В. Дементьев. – Москва : Сов. Россия, 1976. – 172 с.
263. Дементьев, В. Время возмужания [Текст] / В. Дементьев // Лит. и жизнь. – 1962. – 21 сент.

264. Дементьев, В. Земные огни : Раздумья над книгой стихов [Текст] / В. Дементьев // Лит. Россия. – 1977. – 2 дек. – С. 15.

265. Дикушина, Н. «...Не отступая – быть самим собой» : (По страницам книги Р. Романовой «Александр Твардовский. Труды и дни») [Текст] / Н. Дикушина // Вопросы литературы. – 2007. – № 1. – С. 6 – 29.

266. Дмитриев, Ю. Рельсы [Текст] / Ю. Дмитриев // Мол. коммунар. – 1963. – 16 авг.

267. Документы свидетельствуют : Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД). Как партия руководила литературой. Литературная борьба начала 60-х гг. [Текст] / Вступл. Ю. Буртина ; публ. Ан. Петрова // Вопросы литературы. – 1995. – № 2. – С. 273 – 291.

268. «Дорогой Анатолий Михайлович!..» : письма А. Жигулина А. Абрамову [Текст] / сост., вступ. ст. и прим. А. В. Фроловой, науч. ред. Т. А. Никоновой. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 169 с.

269. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн. 1. Дневник писателя [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Москва : АСТ, 2007. – 608 с.

270. Дробышев, В. Общность судьбы : О стихах А. Жигулина [Текст] / В. Дробышев // Волга. – 1978. – № 6. – С. 176 – 180.

271. Друзин, В. Надо это видеть [Текст] / В. Друзин // Октябрь. – 1973. – № 8. – С. 211 – 213.

272. Дьяков, Б. Повесть о пережитом [Текст] / Б. Дьяков // Октябрь. – 1964. – № 7. – С. 49 – 143.

273. Дьякова, Т. А. Онтологические контуры пейзажа. Опыт смыслового странствия : Монография [Текст] / Т. А. Дьякова. – Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. унта, 2004. – 168 с

274. Евтушенко, Е. Вначале было слово [Текст] / Е. Евтушенко // Труд. – 2004. – 5 февр.

275. Евтушенко, Е. А. Мое самое-самое [Текст] / Е. А. Евтушенко. – Москва : СИРИН, 1997. – 567 с.

276. Евтушенко, Е. Человек со страниц Шаламова [Текст] / Е. Евтушенко // Жигулин А. Далекий колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 673 – 674.

277. Евтушенко, Е. А. Шестидесантник : Мемуарная проза [Текст] / Е. А. Евтушенко. – Москва : Зебра Е, 2006. – 831 с.

278. Егоров, О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование [Текст] / О. Г. Егоров. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 288 с.

279. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : Исследование [Текст] / О. Г. Егоров. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 280 с.

280. Ермилова, Е. Открытия и прописи : Два мнения о двух сборниках Анатолия Жигулина [Текст] / Е. Ермилова // Лит. газета. – 1973. – 10 янв. – С. 5.

281. Ермоленко, С. И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа [Текст] / С. И. Ермоленко // Уральский филологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 5 – 23.

282. Есин, Б. И. История русской журналистики (1703 – 1917) [Текст] / Б. И. Есин. – Москва : Наука, 2000. – 464 с.

283. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX века [Текст] / Б. И. Есин. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 288 с.

284. Есин, С. Н. На рубеже веков : Дневник ректора [Текст] / С. Н. Есин. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 638 с.

285. Есин, С. Н. Попутные мысли: (Опыт исследования о писательском труде) [Текст] / С. Н. Есин. – Москва : Лит. ин-тут им. А. М. Горького, 2002. – 175 с.

286. Жигулина, И. «Золотое злое время, я любил тебя всегда...» / И. Жигулина // Лит. газета. – 2000. – 31 дек.

287. Жигулина, И. В. «По высокому праву судьбы» [Текст] / И. В. Жигулина // Уроки литературы. – 2005. – № 7. – С. 7–10.

288. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв. : уч. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Жирков. – Москва : Аспект-Пресс, 2001. – 367 с.

289. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы [2-е изд.] [Текст] / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1978. – 423 с.
290. Жирмунский, В. М. Теория стиха [Текст] / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Сов. писатель, 1975. – 664с.
291. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное [Текст]. – Москва, 1997. – 492 с.
292. Жуковский, В. А. Собр. соч. : В 4 т. [Текст] / В. А. Жуковский. – Москва ; Ленинград : Худож. литература, 1959 – 1960.
293. Журналистика и медиаобразование – 2008 : сб. трудов : в 2 т. [Текст] / Белгород. гос. ун-т ; А. П. Короченский (пред. редкол.). – Белгород : БелГУ, 2008. – Т. 1. – 367 с. ; Т. 2. – 210 с.
294. Жуховицкий, Л. Жаль, что время разбивается в капель [Текст] / Л. Жуховицкий // Культура. – 2000. – 12 янв. – С. 4.
295. Жуховицкий, Л. Как кровь в жилах [Текст] / Л. Жуховицкий // Юность. – 1981. – № 5. – С. 87–88.
296. Жуховицкий, Л. «Я спал, обняв сырую землю» [Текст] / Л. Жуховицкий // Жигулин А. В. Далекий колокол. Стихи, проза. Письма читателей. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 677 – 679.
297. Зайцев, Б. К. Собр. соч. : В 7 т. [Текст] / Б. К. Зайцев. – Москва : Русская книга, 2000. – Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 560 с.
298. Залещук, В. Все, чем живу и дышу [Текст] / В.Залещук // Мол. гвардия. – 1978. – № 11. – С. 311 – 315.
299. Зализняк, А. А. Дневник: к определению жанра [Текст] / А.А. Зализняк // Новое литературное обозрение. – 2010 . – № 106 . – С.162 – 180 .
300. Залыгин, С. Беседы... [Текст] / С. Залыгин // Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 336 – 345.
301. Залыгин, С. Новые времена «Нового Мира» [Текст] / С. Залыгин // Известия. – 1990. – 2 окт.

302. Залыгин, С. О Твардовском [Текст] / С. Залыгин // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 190.
303. Залыгин, С. Поклон Василию Теркину в день рождения Александра Твардовского [Текст] / С. Залыгин // Лит. газета. – 1995. – № 25. – 21 июня.
304. Заманский, Л. Наследники Есенина [Текст] / Л. Заманский // Русская советская поэзия : Традиции и новаторство : 1946 – 1975. – Ленинград, 1978. – С. 262.
305. Засурский, Я. Н. Испытание свободой. Российская журналистика : 1990 – 2007 [Текст] / Я. Н. Засурский. – Москва, Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 560 с.
306. Захаров, М. Ответ главному редактору журнала «Новый мир» А. Твардовскому [Текст] / М. Захаров // Соц. индустрия. – 1969. – 9 авг.
307. Захаров, М. Открытое письмо главному редактору журнала «Новый мир» тов. Твардовскому А. Т. [Текст] / М. Захаров // Соц. индустрия. – 1969. – 31 июля.
308. Зезина, М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950 – 60-е годы [Текст] / М. Р. Зезина. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 398 с.
309. Золотонос, М. Шестидесятники. Несуществующая партия. Наш прекрасный «Новый мир» [Текст] / М. Золотонос // Дело. – Санкт-Петербург, 2006. – 5 июня.
310. Золотусский, И. Покой и свет [Текст] / И. Золотусский // Лит. газета. – 1971. – 4 авг. – С. 6.
311. Золотусский, И. Прощай, XX век! Русские писатели. Сокровенные встречи [Текст] / И. Золотусский. – Москва : Алгоритм, 2008. – 288 с.
312. Иванов, В. Не приукрашен ли герой? [Текст] / В. Иванов // Известия. – 1963. – 28 дек. (моск. веч. вып.) ; 29 дек.
313. Иванова, Н. Судьба и фортуна [Текст] / Н. Иванова // День поэзии. – Москва, 1972. – С. 184 – 185.
314. Иванюшина, И. Ю. А. И. Солженицын в дневниках и письмах К. И. Чуковского [Текст] / И. Ю. Иванюшина // Известия Саратовского университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 2. – С. 36 – 40.

315. Идашкин, Ю. Память сердца [Текст] / Ю. Идашкин // Огонек. – 1965. – № 14. – С. 8.
316. Из летописи полувека : Публикации 1925 – 1975 гг. [Текст] // Новый мир. – 1975. – № 1. – С. 263 – 283.
317. Ильин, В. В. А. Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа [Текст] / В. В. Ильин // А. Т. Твардовский и русская литература. – Воронеж : Полиграф, 2000. – С. 12 – 21.
318. Ильин, В. Луч слова [Текст] / В. Ильин. – Москва : Моск. рабочий, 1973. – 216 с.
319. Ильин, В. В. Не пряча глаз : Александр Твардовский. Литературное окружение. Творческие связи [Текст] / В. В. Ильин. – Смоленск : Смядынь, 2000. – 388 с.
320. Ильин, В. В. Пушкин в творческом сознании А. Твардовского [Текст] / В. В. Ильин // Пушкин : проблемы творчества, текстологии, восприятия. – Калинин : Изд-во Калининского ун-та, 1989. – С. 136 – 148.
321. Ильин, В. В. Словник к энциклопедии «Александр Трифонович Твардовский» : рабочие материалы [Текст] / В. В. Ильин. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 91 с.
322. Ильин, В. В., Новикова, О. А. Мифологические и фольклорные основы поэтической системы А. Т. Твардовского [Текст] // А. Т. Твардовский : исследования и материалы : сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Ильин, О. А. Новикова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. Вып. 2. – С. 8 – 21.
323. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х гг. : Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. 1967 – 1970 [Текст] / публ. Ю. Буртина и А. Воздвиженской ; сост. Ю. Буртина // Октябрь. – 1990. – № № 8 – 10.
324. Из писем А. Т. Твардовского [Текст] / публ. подг. И. Брайнин // Русск. филология : Ученые записки. – Смоленск, 1994. – Т. 1. – С. 324 – 333.
325. Ионкин, А. У поэтического костра [Текст] / А. Ионкин // Подъем. – 1964. – № 1. – С. 174 – 175.

326. Иоффе, С. Анатолий Жигулин [Текст] / Живут стихи : Этюды о поэтах / Иоффе С. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – С. 254 – 262.

327. Исаковский, М. Так пришел он в нашу школу жизни... [Текст] / М. Исаковский // Воспоминания об А. Твардовском : сб. / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 55 – 63.

328. Истогина, А. Право на память [Текст] / А. Истогина // Подъем. – 1977. – № 6. – С. 122 – 125.

329. Истогина, А. Я. Под знаком памяти [Текст] / А. Я. Истогина // Лит. обозрение. – 1989. – № 7. – С. 54 – 57.

330. Истогина, А. Поэзия живет, как мы / А. Истогина // Лит. обозрение. – 1980. – № 9. – С. 57 – 60.

331. Истогина, А. Я. Два портрета : Очерки творчества Анатолия Жигулина, Михаила Шевченко [Текст] / А. Я. Истогина, Е. Г. Джичоева. – Воронеж, 1986. – 158 с.

332. Истогина, А. Свет предосенний : О поэзии Анатолия Жигулина [Текст] / А. Истогина // Лит. Россия. – 1986. – 18 апр. – С. 11.

333. Истогина, А. Я. Цветущий терновый венец : Творчество Анатолия Жигулина [Текст] / А. Я. Истогина. – Москва : Русский путь, 2000. – 152 с.

334. История русской журналистики XVIII – XIX веков : уч. для вузов [Текст] / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др. ; СПбГУ. 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2005. – 600 с.

335. История русской советской литературы : уч. пособие для филол. спец. вузов [Текст] / Е. П. Бахметьева, В. В. Бузник, П. С. Выходцев и др. ; под ред. и с предисл. П. С. Выходцева. – Москва : Высш. школа, 1986. – 630 с.

336. История русской советской литературы : 40 – 80-е годы [Текст] / под ред. А. И. Метченко, С. М. Петрова. 2-е изд., испр. – Москва : Просвещение, 1983. – 544 с.

337. Кавелин, И. «Новый мир» и другие [Текст] / И. Кавелин // Вестник новой литературы. – 1991. – № 3. – С. 246 – 261.

338. Каверин, В. Эпилог : мемуары [Текст] / В. Каверин. – Москва : Аграф, 1997. – 560 с.
339. Калашникова, О. Л. Гоголь в программе «Современника» А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / О. Л. Калашникова. – Офиц. сайт «Дом Гоголя. Мемориальный музей, научная библиотека», 2010. Режим доступа : <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1409/>
340. Калугин, В. «Полыни ветка горькая...» : О поэзии А. Жигулина [Текст] / В. Калугин // Лит. Россия. – 1979. – 20 июля. – С. 16.
341. Караганова, С. В «Новом мире» Твардовского [Текст] / С. Караганова // Вопросы литературы. – 1996. – № 3. – С. 318 – 344.
342. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника [Текст] / Н. М. Карамзин. – Ленинград : Наука, 1984. – 717 с.
343. Кардин, В. Не застрять на обочине [Текст] / В. Кардин // Дружба народов. – 1989. – № 2. – С. 248 – 249.
344. Кардин, В. «Новый мир» и новые времена : Постюбилейные заметки [Текст] / В. Кардин // Вопросы литературы. – 1996. – № 2. – С. 3 – 39.
345. Карпов, А. Уроки Мастера : К 80-летию со дня рождения А. Твардовского [Текст] / А. Карпов // Правда. – 1990. – 17 июня.
346. Ким, М. П. Жанры современной журналистики [Текст] / М. П. Ким. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 336 с.
347. Кихней, Л. Г. К герменевтике жанра в лирике [Текст] / Л. Г. Кихней // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 2007.
348. Кобрин, К. Похвала Дневнику [Текст] / К. Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 61. – С. 288 – 295.
349. Ковалев, Д. Черное и белое [Текст] / Д. Ковалев // Москва. – 1963. – № 10. – С. 206 – 207.
350. Ковский, В. Е. Литературный процесс 60 – 70-х гг. : динамика развития и пробл. изуч. совр. сов. лит. [Текст] / В. Е. Ковский – М. : Наука, 1983. – 336 с.

351. Колесникова, В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр / В. В. Колесникова. – Воронеж, 2009. – 70 с.
352. Колядина, А. М. Дневник как литературный жанр [Электронный ресурс] / А. М. Колядина. – Режим доступа : <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601914/>
353. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей : проблемы поэтики жанра [Текст] / Т. М. Колядич. – Москва : Мегатрон, 1998. – 276 с.
354. Кожевников, В. Товарищи в борьбе [Текст] / В. Кожевников // Лит. газета. – 1963. – 2 марта.
355. Кожин, В. Искусство долговечно [Текст] / В. Кожин // Лит. Россия. – 1986. – 21 марта. – С. 14.
356. Кожин, В. Климат поэзии [Текст] / В. Кожин // Комс. правда. – 1971. – 12 февр.
357. Кожин, В. Статьи о современной литературе [Текст] / В. Кожин. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 542 с.
358. Кондаков, В., Пятунин, А. Дело КПМ : Переписка на исторические темы [Текст] / В. Кондаков, А. Пятунин // Сов. Россия. – 1988. – 16 дек.
359. Кондратович, А. И. Александр Твардовский. Поэзия и личность : 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / А. И. Кондратович. – Москва : Худож. литература, 1985. – 318 с.
360. Кондратович, А. Новомирский дневник : 1967 – 1970 / А. Кондратович ; [вступ. статья и общ. ред. И. А. Дедкова]. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 526 с.
361. Кондратович, А. И. Призвание : Портреты, воспоминания, полемика [Текст] / А. И. Кондратович. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 448 с.
362. Кондратович, А. И. «Ровесник любому поколению» : Документальная повесть о Твардовском А. Т. [Текст] / А. И. Кондратович. – Москва : Современник, 1987. – 381 с.
363. Кондратович, А. Последний год. Из «Новомирского дневника» [публ. В. А. Кондратович] [Текст] / А. Кондратович // Новый мир. – 1990. – № 2. – С. 195 – 236.

364. Кораллов, М. Из Воронежа и Берлага...[Текст] / М. Кораллов // Вопросы литературы. – 1989. – № 9. – С. 118 – 149
365. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики [Текст] / С. Г. Корконосенко. – Москва : Аспект-Пресс, 2001. – 318 с.
366. Корман, Б. О. Лирика Н. А. Некрасова [Текст] / Б. О. Корман. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 392 с.
367. Коробков, Л. Рассказни : Опыт этико-психологического расследования одной драмы времен Берии, предпринятый с журналом и газетой в руках [Текст] / Л. Коробков / Мол. коммунар. – 1988. – 22, 22, 24 сент.
368. Короленко, В. Г. Дневник. Письма. 1917 – 1921 [Текст] / В. Г. Короленко. – Москва : Советский писатель, 2001. – 544 с.
369. Короченский, А. П. «Пятая власть»? : Медиакритика в теории и практике журналистики [Текст] / А. П. Короченский – Ростовск. гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовск. ун-та, 2003. – 283 с.
370. Кочетков, В. Слово об Александре Твардовском [Текст] / В. Кочетков // Наш современник. – 1986. – № 2. – С. 166 – 172.
371. Криволапова, Е. М. Дневники и художественные произведения М. Пришвина как единый текст [Текст] / Е. М. Криволапова // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – Т. 2. – № 3. – С. 86 – 91.
372. Криволапова, Е. М. Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893 – 1919 гг.): жанр, творческий метод, историко-литературный контекст [Текст] / Е. М. Криволапова. – Курск : Курский гос. ун-т, 2012. – 352 с.
373. Криволапова, Е. М. «Жизнь факта» в дневнике С. П. Каблукова [Текст] / Е. М. Криволапова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2012. – № 4. – С. 33 – 39.
374. Криволапова, Е. М. К вопросу о генезисе жанра дневника [Текст] / Е. М. Криволапова // Ученые записки : Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 188 – 196.
375. Криволапова, Е. М. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника [Текст] / Е. М. Криволапова // Ученые записки Орловского

государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 198 – 203.

376. Криволапова, Е. М. Литературный дневник «русской смуты» 1917 года [Текст] / Е. М. Криволапова // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – Т. 2. – № 4. – С. 105 – 108.

377. Криволапова, Е. М. Признаки «дневниковости» в произведениях В. Розанова «Опавшие листья» и «Уединенное» [Текст] / Е. М. Криволапова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 4. – С. 22 – 29.

378. Криволапова, Е. М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста [Текст] / Е. М. Криволапова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4 (23). – С. 66 – 73.

379. Кройчик, Л. Е. Автор публицистического текста как субъект высказывания [Текст] / Л. Е. Кройчик // Журналистика : информационное пространство. – Краснодар, 2003. – № 2 (8). – С. 14 – 21.

380. Кройчик, Л. Е. Между литературами (дневник как документальный текст) [Текст] / Л. Е. Кройчик // Акценты. – 1996. – № 2. – С. 65 – 70.

381. Кройчик, Л. Е. Публицистический текст : жанр и дискурс [Текст] / Л. Е. Кройчик // Акценты. – 2005. – № 3–4. – С. 11 – 15.

382. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров [Текст] / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 125 – 167.

383. Крутикова, Л. В. Федор Абрамов об Александре Твардовском : по материалам личного архива Абрамова [Текст] / Л. В. Крутикова // Творчество Александра Твардовского : исследования и материалы. – Ленинград : Наука, 1989. – С. 204 – 281.

384. Кублановский, Ю. Этюд о Твардовском [Текст] / Ю. Кублановский // Новый мир. – 2000. – № 6. – С. 131 – 135.

385. Кузнецов, Ф. На переломе : Из истории литературы 1960-70-х гг. : Очерки, портреты, воспоминания [Текст] / Ф. Кузнецов. – Москва : Наследие, 1998. – 269 с.
386. Кузнецова, Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад [Текст] / Г. Н. Кузнецова. – Москва, 1995. – 412 с.
387. Кулаков, В. Стихи и время [Текст] / В. Кулаков // Новый мир. – 1995. – № 8. – С. 200 – 208.
388. Куликов, Б. Я за все кругом в ответе : К 80-летию со дня рождения А. Т. Твардовского [Текст] / Б. Куликов // Дон. – 1990. – № 6. – С. 152 – 159.
389. Кулинич, А. В. Александр Твардовский : очерк жизни и творчества [Текст] / А. В. Кулинич. – Киев : Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1988. – 174 с.
390. Курбатов, В. «В зрелости все видней» [Текст] / В. Курбатов // Молодая гвардия. – 1974. – № 3. – С. 305 – 308.
391. Курбатов, В. «Все в этом мире ново...» [Текст] / В. Курбатов // Лит. обозрение. – 1977. – № 11. – С. 68 – 70.
392. Кучин, И. Память сердца : Слово о друге-поэте [Текст] / И. Кучин // Тамб. правда. – 1965. – 7 февр.
393. Лавлинский, Л. Анатолий Жигулин. Надежда и судьба [Текст] / Л. Лавлинский // Литература. – 2004. – 14 июня.
394. Лавлинский, Л. Быть созвучным своей эпохе [Текст] / Л. Лавлинский // Мол. гвардия. – 1965. – № 3. – С. 309 – 315.
395. Лавлинский, Л. И. Мета времени, мера вечности : Статьи о совр. лит. [Текст] / Л. И. Лавлинский. – Москва : Худож. литература, 1986. – 269 с.
396. Лавлинский, Л. И. Не оставляя линии огня [Текст] / Л. И. Лавлинский. – Москва : Современник, 1975. – 319 с.
397. Лавлинский, Л. О «тихой» лирике [Текст] / Лавлинский Л. // Юность. – 1971. – № 10. – С. 58 – 60.
398. Лазарев, В. Судьба поэта : Анатолию Жигулину – 50 лет [Текст] / В. Лазарев // Моск. литератор. – 1979. – 31 дек.

399. Лазарев, В. Чувство пути : Заметки о поэзии А. Жигулина [Текст] / В. Лазарев // Наш современник. – 1978. – № 2. – С. 179 – 185.
400. Лакшин, В. Иван Денисович, его друзья и недруги [Текст] / В. Лакшин // Новый мир. – 1964. – № 1. – С. 223 – 245.
401. Лакшин, В. Еще о Твардовском и Солженицыне. Как разгоняли «Новый мир» : Полемические заметки участника событий [Текст] / В. Я. Лакшин // Аргументы и факты. – 1989. – № 52. – 30 дек. – С. 4 – 5.
402. Лакшин, В. «Новый мир» во времена Хрущева : Дневник и попутное. 1953 – 1964 [Текст] / В. Лакшин. – Москва : Кн. палата, 1991. – 269 с.
403. Лакшин, В. «Новый мир» во времена Хрущева (1961 – 1964) : Страницы дневника [Текст] / В. Лакшин // Знамя. – 1990. – № 6. – С. 66 – 121; № 7. – С. 90 – 137.
404. Лакшин В. Я. Пути журнальные : Из литературной полемики 60-х годов / В. Я. Лакшин. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 432 с.
405. Лакшин, В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» [Текст] / В. Лакшин // Альманах «XX век». – Лондон, 1976.
406. Лакшин, В. Солженицын и колесо истории [Текст] / В. Лакшин; [сост., предисл., коммент. С. Н. Кайдаш-Лакшиной]. – Москва : Вече : АЗЪ (Знатнов), 2008. – 461 с.
407. Лакшин, В. Я. Твардовский [Текст] // Открытая дверь : Воспоминания и портреты / В. Я. Лакшин. – Москва : Моск. рабочий, 1989. – С. 109 – 243.
408. Лакшин, В. Я. Феномен «толстого» журнала в России как явление национальной культуры [Текст] / В. Я. Лакшин // Берега культуры. – Москва : МИРОС, 1994. – С. 104 – 111.
409. Ланщиков, А. П. Анатолий Жигулин : «Уроки гнева и любви» [Текст] / А. П. Ланщиков. – Москва : Сов. Россия, 1980. – 128 с.
410. Ланщиков, А. В одних ли метафорах дело? [Текст] / А. Ланщиков // Лит. газета. – 1979. – 21 нояб. – С. 4.
411. Ланщиков, А. П. Возраст судьбы [Текст] / А. П. Ланщиков. – Москва : Современник, 1985. – 365 с.

412. Ланщикова, А. Многообразие искусства [Текст] / А. Ланщикова. – Москва : Моск. рабочий, 1974. – 192 с.
413. Лапчинский, Г. О, Родина! [Текст] / Г. Лапчинский // Подъем. – 1974. – № 4. – С. 135 – 137.
414. Ласунский, О. Г. Два поэта (по письмам А. Т. Прасолова) [Текст] / О. Г. Ласунский // Литературный Воронеж : Имена и факты. Эссе, воспоминания, этюды. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – С. 411 – 414.
415. Ласунский, О. Г. «...Для согрева души» : инскрипты на книгах из библиотеки А. В. Жигулина [Текст] / О. Г. Ласунский // Литературный Воронеж : Имена и факты : Эссе, воспоминания, этюды. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – С. 282 – 286.
416. Ласунский, О. Поэтическая родина А. Жигулина [Текст] / О. Ласунский // Коммуна. – 1979. – 30 сент.
417. Ласунский, О. Г. Тончайший лирик России [Текст] / О. Г. Ласунский // Анатолий Владимирович Жигулин : указатель литературы / сост. О. М. Андреева. – Воронеж, 1985. – С. 5 – 8. – (Серия библиогр. указателей «Воронежские писатели и литературоведы». – Вып. 13).
418. Латынина, А. Колокольный звон – не молитва : К вопросу о литературных полемиках [Текст] / А. Латынина // Новый мир. – 1988. – № 8. – С. 232 – 244.
419. Лебедев, А. Когда все это и не снилось : Заметки на полях книги Владимира Лакшина о «Новом мире» Твардовского [Текст] / А. Лебедев // Лит. газета. – 1991. – 23 окт. – С. 11.
420. Левицкий, Л. Рецензия [Текст] / Л. Левицкий // Новый мир. – 1970. – № 2. – С. 280. – Рец. на кн. : Жигулин А. Поле боя. – Москва : Мол. гвардия, 1968. – 64 с.
421. Лежен, Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет [Текст] / Ф. Лежен // Иностранная литература. – 2004. – № 4. – С. 108 – 122.

422. Лезинский, М., Молчанюк, Н. Наше мнение [Текст] / М. Лезинский, Н. Молчанюк // Лит. газета. – 1964. – 11 янв.
423. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература : нов. учеб. по лит-ре : в 3 кн. Кн. 1 : Литература «оттепели» (1953 – 1968) [Текст] / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 286 с.
424. Лейдерман, Л. Н. Теория жанра. Исследования и разборы [Текст] / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Словесник, 2010. – 904 с.
425. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Собр. соч. : В 4 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 4. Проза. Письма. – С. 275 – 475.
426. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1596 с.
427. Лифшиц, М. Дневник Мариэтты Шагинян [Текст] / М. Лифшиц // Новый мир. – 1954. – № 2. – С. 206 – 231.
428. Лифшиц, М. Почему я не модернист? [Текст] / М. Лифшиц. – Москва : Искусство-XXI век, 2009. – 606 с.
429. Лихачев, Д. С. Избранные работы : В 3 т. [Текст] / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Худож. литература, 1987. – Т. II. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – С. 3 – 342.
430. Лихачев, Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Сб. ст. [Текст] / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1986. – 405 с.
431. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества [Текст] / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. – 191 с.
432. Лобанов, М. Послесловие. Из воспоминаний [Текст] / М. Лобанов // Наш современник. – 1988. – № 4. – С. 157 – 158.
433. Лободов, В. Власть вечности и поля : Некоторые особенности поэтики А. Жигулина [Текст] / В. Лободов // Подъем. – 1977. – № 4. – 130 – 135.
434. Лободов, В. Камни судьбы [Текст] / В. Лободов // Воронежский университет. – 1988. – 2 сент.

435. Локотков, К. Писатель – друг и наставник молодежи [Текст] / К. Локотков // Мол. коммунары. – 1963. – 1 окт.
436. Лотарева, А. А. Журнал «Молодая гвардия» и идеологические противоречия 1960-х годов [Текст] / А. А. Лотарева // Библиотекословесие. – 2010. – № 3. – С. 65 – 69.
437. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация : «Я» и «Другой» как адресаты [Текст] / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек текст – семиосфера – история. – Москва, 1996. – С. 163 – 176.
438. Лотман, Ю. М. О русской литературе [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – Санкт-Петербург, 2005. – 842 с.
439. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2000. – 704 с.
440. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 275 с.
441. Луначарский, А. В. Основы позитивной эстетики [Текст] / А. В. Луначарский. – Собр. соч. : В 8 т. – Т. 7. – Москва : Худож. литература, 1967. – С. 32 – 619.
442. Любарева, Е. П. Александр Твардовский : критич.-биограф. очерк [Текст] / Е. П. Любарева. – Москва : Сов. писатель, 1957. – 186 с.
443. Макарова, Н. «Новый мир» после Твардовского [Текст] / Н. Макарова // Учительская газета. – 1990. – № 14. – С. 11.
444. Македонов, А. Почва и судьба [Текст] / А. Македонов // Нева. – 1982. – № 3. – С. 156 – 160.
445. Македонов, А. В. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги [Текст] / А. В. Македонов. – Москва : Худож. литература, 1981. – 367 с.
446. Македонов, А. В. Эпохи Твардовского [Текст] / А. В. Македонов. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1996. – 448 с.
447. Малышкина, О. И. А. Т. Твардовский глазами А. И. Солженицына в книге «Бодался теленок с дубом» [Текст] / О. И. Малышкина // Вестник

Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. – 2008. – № 1. – С. 159 – 166.

448. Марков, А. Александр Твардовский : поэт, редактор, человек : Воспоминания [Текст] / А. Марков // Москва. – 1992. – № 5/6. – С. 172 – 189.

449. Марков, А. Редактирует Твардовский : воспоминания [Текст] / А. Марков // Лит. учеба. – 1979. – № 2. – С. 98 – 103.

450. Марков, А. Таким он был : к 80-летию со дня рождения А. Твардовского [Текст] / А. Марков // Лит. Россия. – 1990. – 22 июня. – С. 8 – 9.

451. Маршак, С. Правдивая повесть [Текст] / С. Маршак // Правда. – 1964. – 30 янв.

452. Масик, В. Творческая заявка [Текст] / В. Масик // Коммуна. – 1960. – 14 февр. – Рец. на кн. : Огни моего города / А. Жигулин. Воронеж, 1959. – 55 с.

453. Машинский, С. И. Слово и время [Текст] / С. И. Машинский. – Москва : Совет. писатель, 1975. – 559 с .

454. Медведев, Ж. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича» [Текст] / Ж. Медведев // Подъем. – 1991. – № 4. – С. 3 – 28; № 5. – С. 3 – 35; № 6. – С. 96 – 202.

455. Мещерин, Ю. Ярче пылай, костер! [Текст] / Ю. Мещерин // Мол. коммунар. – 1961. – 30 июля.

456. Михайлов, А. Горький привкус победы [Текст] / А. Михайлов // Мол. гвардия. – 1978. – № 8. – С. 314 – 317.

457. Михайлов, А. Живут на Руси поэты [Текст] / А. Михайлов. – Москва, 1973. – 400 с.

458. Михайлов, А. О родине, о России [Текст] / А. Михайлов // Москва. – 1971. – № 8. – С. 211 – 213.

459. Михайлов, А. Ритмы семидесятых [Текст] / А. Михайлов // Новый мир. – 1976. – № 3. – С. 232 – 246.

460. Михайлов, А. Опыт : не Лаокоон, но о живописи и поэзии без установления границ меж той и другой [Текст] / А. Михайлов // Новый мир. – 1978. – № 1. – С. 235 – 243.

461. Михайлов, А. Скорби и радости Анатолия Жигулина [Текст] / А. Михайлов // *Собеседники : Статьи. Очерки. Портреты.* – Москва, 1985. – С. 231 – 260.
462. Михайлов, О. Верность : Родина и литература [Текст] / О. Михайлов. – Москва, 1974. – 254 с.
463. Михеев, М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) [Текст] / М. Ю. Михеев. – Москва : Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
464. Михеев, М. Записные книжки и дневники (30-х гг.) (из курса лекций) [Текст] / М. Михеев // (<http://uni-persona.srcc.msu.ru/miheev/filpri.htm>)
465. Млечин, Л. Не пыль на ветру : «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и «Черные камни» Анатолия Жигулина [Текст] / Л. Млечин // *Новое время.* – 1988. – 29 июля. – № 31. – С. 48.
466. Муравник, М. Перевоплощение Жигулина [Текст] / М. Муравник // *Вечерняя Москва.* – 1995. – 25 апр.
467. Муравьев, В. С. Литературно-художественные журналы [Электронный ресурс] / В. С. Муравьев // *Большая советская энциклопедия.* Режим доступа : <http://www.bse.info-spravka.ru/>
468. Муравьева, И. «Ах как трудно все на свете» : К 80-летию со дня рождения А. Твардовского [Текст] / И. Муравьева // *Континент.* – 1991. – № 68. – С. 287 – 304.
469. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина : Беседы с памятью [Текст] / В. Н. Муромцева-Бунина. – М. : Вагриус, 2007. – 512 с.
470. Нагибин, Ю. Дневник / Ю. Нагибин. – Москва : Подкова, 1996. – 622 с.
471. Недостойная игра : по поводу присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну [Текст] // *Известия.* – 1970. – 9 окт.
472. Некрасов, В. И всегда человеком : воспоминания об А. Т. Твардовском [Текст] / В. Некрасов // *Нева.* – 1990. – № 6. – С. 188 – 190.
473. Неустроева, И. Гореть кострам [Текст] / И. Неустроева // *Мол. гвардия.* – 1962. – № 6. – С. 303 – 308.
474. Нечаева, В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842 – 1848 [Текст] / В. С. Нечаева. – Москва : Наука, 1967. – 526 с.

475. Нечаева, В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861 – 1863 гг. [Текст] / В. С. Нечаева. – Москва : Наука, 1972. – 317 с.
476. Нечаева, В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864 – 1865 гг. [Текст] / В. С. Нечаева. – Москва : Наука, 1975. – 303 с.
477. Нечаева, В. С. Из архива журнала «Время» [Текст] / В. С. Нечаева // Достоевский и его время. – Москва : Наука, 1971. – С. 283 – 295.
478. Нива, Ж. Солженицын [Текст] / Ж. Нива. – Москва : Худож. литература, 1992. – 191 с.
479. Никитенко, А. В. Дневник : В 3 т. [Текст] / А. В. Никитенко. – Ленинград : Худож. литература, 1955 – 1956.
480. Нечкина, М. И. Грибоедов и декабристы [Текст] / М. И. Нечкина. – Москва : Худож. литература, 1977. – 735 с.
481. Никольсон, М. Шаламов в споре о лагерной поэзии [Текст] / М. Никольсон // IV-е международные Шаламовские чтения. Москва, 18 – 19 июня 1997 г. : тезисы докладов и сообщений. – Москва : Республика, 1997. – С. 104 – 113.
482. Никонова, Т. А. Лирика и эпос жизни профессора А. М. Абрамова [Текст] / Т. А. Никонова // Университетская площадь. – Воронеж, 2013. – С. 54 – 56.
483. Никонова, Т. А. Мифологическая основа сюжета поэмы А. Твардовского «Страна Муравия» [Текст] / Никонова Т. А. // Наследие А. Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим : сб. науч. статей, посвящ. 100-летию со дня рождения А. Т. Твардовского / под ред. проф. В. М. Акаткина ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 158 – 165.
484. Новиков, В. Клич чести [Текст] / В. Новиков // Лит. газета. – 1988. – 17 авг. – С. 4.
485. Новиков, В. Чистый звук [Текст] / В. Новиков, О. Новикова // Новый мир. – 1982. – № 3. – С. 247 – 250.
486. Новикова, О. А. Фольклорные элементы в «Рабочих тетрадах» А. Т. Твардовского [Текст] / О. А. Новикова // Наследие А. Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим: сб. науч. статей, посвящ. 100-летию со дня

рождения А. Т. Твардовского / под ред. проф. В. М. Акаткина; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 166 – 173.

487. Новоселова, И. Г. Дневник как жанр в творчестве И. А. Бунина и М. М. Пришвина [Текст] / И. Г. Новоселова // И.А. Бунин в диалоге эпох. – Воронеж, 2002. – С. 75 – 80.

488. Об ошибках журнала «Новый мир» : резолюция президиума правления Союза советских писателей [Текст] // Лит. газета. – 1954. – 17 авг. – С. 3.

489. Овсепян, Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX [Текст] / Р. П. Овсепян. – Москва : РИП-холдинг, 2001. – 316 с.

490. Овсепян, Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917–1990-е гг.): уч. пособие [Текст] / Р. П. Овсепян. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1999. – 302 с.

491. Овчаренко, Ф. Частицы сердец [Текст] / Ф. Овчаренко // Комс. правда. – 1963. – 7 авг.

492. Огрызко, В. История одной громкой отставки. Первое изгнание Александра Твардовского из «Нового мира» в 1954 году [Текст] / В. Огрызко // Лит. Россия. – 2015. – № 23. – 26 июня.

493. Огрызко, В. Радость творчества [Текст] / В. Огрызко // Кн. обозрение. – 1980. – 10 окт. – С. 8.

494. Огрызко, В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным [Текст] / В. Огрызко // Кн. обозрение. – 1988. – 19 авг. – № 34. – С. 4, 15.

495. Огрызко, В. «Трудная тема, а надо писать...» : [Анатолий Жигулин размышляет над читательской почтой] [Текст] / В. Огрызко // Кн. обозрение. – 1988. – 18 нояб. – № 46. – С. 8 – 9.

496. Огрызко, В. «Я – последний поэт сталинской Колымы» [Текст] / В. Огрызко // Магаданская правда. – 1988. – 24 авг.

497. Одоевский, В. Ф. Хроника и особые происшествия. Дневник 1859 – 1869 [Текст] / В. Ф. Одоевский // Литературное наследство. – Москва, 1936. – Т. 22.

498. Озеров, Л. Поздняя оглядка [Текст] / Л. Озеров // Вопросы литературы. – 1996. – Вып. V. – С. 293–323.
499. Олеша, Ю. Книга прощания [Текст] / Ю. Олеша. – Москва : Вагриус, 1999. – 477 с.
500. Орлов, С. Душой народа озаренная : Заметки о совр. рус. поэзии [Текст] / С. Орлов // Октябрь. – 1975. – № 4. – С. 206.
501. Осада «Нового мира». Из хроники одного года по документам архива ЦК КПСС [Текст] / публ. документов А. Петрова и А. Брайнина, коммен. Ю. Буртина // Лит. газета. – 1995. – № 25. – 21 июня.
502. Осетров, Е. Весомость строки [Текст] / Е. Осетров // Правда. – 1973. – 16 дек.
503. Осипова, О. И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузьмин : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Текст] / О. И. Осипова. – Москва, 2014. – 438 с.
504. Оскоцкий, В. Д. Дневник как правда [Текст] / В. Д. Оскоцкий // Вопросы литературы. – 1993. – Выпуск V. – С. 3 – 58.
505. Основы журналистской деятельности : учебник для бакалавров [Текст] / под ред. С. Г. Корконосенко. – Москва : Изд-во Юрайт, 2014. – 332 с.
506. Островский, А. Н. Дневники [Текст] / А. Н. Островский. – Собр. соч. : В 12 т. – Москва : Искусство, 1978. – Т. 10. – С. 348 – 444.
507. Павлов, В. Н. Споры о славянофильстве и русском патриотизме в советской научной литературе 1967–1970 гг. [Текст] / В. Н. Павлов // Грани. – 1971. – № 82. – С. 183 – 211.
508. Павлов, С. Творчество молодежи – служению великих идеалов [Текст] / С. Павлов // Комс. правда. – 1963. – 22 марта.
509. Паллон, В. Здравствуйтесь, кавторанг [Текст] / В. Паллон // Известия. – 1964. – 14 янв. (моск. веч. вып.); 15 янв.
510. Пашнев, Э. И. Послесловие к «Прогулкам...» [Текст] / Жигулин, А. В. Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей / А. В. Жигулин / сост. И. В.

Жигулиной ; вступ. ст. В. М. Акаткина. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – с. 661.

511. Пашнев, Э. «Словно лебедь в алмазной короне» [Текст] / Э. Пашнев // Воронежский курьер. – 31 дек. 1999 – 10 янв. 2000. – С. 8.

512. Первушина, Е., Шигина, Е. «Стих останется – боль моя» [Текст] / Е. Первушина, Е. Шигина // Воронеж. ун – т. – 1980. – 11 янв.

513. Первых, Д. К. Традиции «Современника» Пушкина в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева [Текст] / Д. К. Первых, В. В. Орехов // Наследие А. С. Пушкина в современном мире : Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Псков, 3 – 5 июня 2016 г. – Псковский гос. ун-т, АНО «Пушкинский образовательный центр». – 2016. – С. 75 – 90.

514. Петров, А. Лесные университеты Анатолия Жигулина [Текст] / А. Петров // Жигулин А. Далекый колокол. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 584 – 590.

515. Петров, М. К. Язык, знак, культура [Текст] / М. К. Петров. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

516. Пигров, К. С. Интимный дневник как «простая вещь» [Текст] / К. С. Пигров // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2008. – № 1 (3). – С. 64 – 78.

517. Письмо 62-х литераторов Москвы в защиту Даниэля и Синявского [Текст] // Посев. – 1966. – № 45. – 4 нояб.

518. Плимак, Е. Г. Поэт Александр Твардовский и Верховный в годы Великой Отечественной и после нее [Текст] / Е. Г. Плимак // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 24 – 32.

519. Подкопаев, Б. Отсвет костра [Текст] / Б. Подкопаев // Мол. коммунар. – 1976. – 14 окт.

520. Подкопаев, Б. Честный и мужественный талант [Текст] / Б. Подкопаев // Коммуна. – 1966. – 23 окт.

521. Полякова, Л. В. В Г. Белинский : уроки литературной теории и методологии [Текст] / Л. В. Полякова // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. – 2011. – № 6. – С. 109 – 119.

522. Померанцев, В. М. Об искренности в литературе [Текст] / В. М. Померанцев // Новый мир. – 1953. – № 12. – С. 218 – 245.

523. Поплавский, Б. Ю. Неизданное : Дневники, статьи, стихи, письма [Текст] / Б. Ю. Поплавский. – Москва : Христианское изд-во, 1996. – 512 с.

524. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня // Потебня А. А. – Слово и миф. – Москва : Правда, 1989. – 624 с.

525. Прасолов, А. Строгая мера [Текст] / А. Прасолов // Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 304 – 306.

526. Пресса в обществе (1959–2000) : оценка журналистов и социологов. Документы [Текст] / А. И. Волков, М. Г. Пугачева, С. Ф. Ярмолюк, Р. Н. Аджубей. – Москва : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 613 с.

527. Пришвин, М. М. Собр. соч. : В 8 т. [Текст] / Сост., подгот. текста и коммент. Т. Бедняковой, Я. Гришиной, Л. Рязановой. – Москва : Худож. литература, 1986. – Т. 8. Дневники, 1905 – 1954. – 759 с.

528. Прохоров, Е. П. Исследуя журналистику [Текст] / Е. П. Прохоров. – Москва : РИП-Холдинг, 2005. – 202 с.

529. Пушкин, А. С. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Собр. соч. : В 10 т. Т. VI. Критика и публицистика [Текст] / А. С. Пушкин. – Москва : Правда, 1981. – С. 97 – 100.

530. Пушкин, А. С. Дневники [Текст] / Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – Москва : Правда, 1981. – Т. IX. Дневники, воспоминания. – С. 5 – 47.

531. Пушин, И. «Костер-человек» [Текст] / И. Пушин // Коммуна. – 1961. – 18 июля.

532. Разводова, О. А. «Родина» и «чужбина» в поэзии А. Твардовского [Текст] / О. А. Разводова // Русская литература XX века / под ред. Е. Г. Мущенко, Т. А. Никоновой. – Воронеж, 1999. – С. 515 – 533.

533. Распутин, В. Передо мной оживают картины [Текст] / В. Распутин // Сов. культура. – 1977. – 23 дек.
534. Рассадин, С. Давайте разберем... [Текст] / С. Рассадин // Лит. газета. – 1979. – 21 марта.
535. Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении [Текст] / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 330 с.
536. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикер. – Москва : Академический Проект, 2008. – 695 с.
537. Ришина, И. Два поэта из КПМ [Текст] / И. Ришина // Литературная газета. – 1992. – 7 окт. – С. 3.
538. Розанов, И. Н. Литературные репутации : Работы разных лет [Текст] / И. Н. Розанов. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 462 с.
539. Розенблюм, Л. М. Творческие дневники Достоевского [Текст] / Л. М. Розенблюм. – Москва : Наука, 1981. – 368 с.
540. Романова, Р. М. Александр Твардовский. Труды и дни [Текст] / Р. М. Романова. – Москва : Водолей Publishers, 2006. – 768 с.
541. Романова, Р. М. Александр Твардовский : страницы жизни и творчества [Текст] / Р. М. Романова. – Москва : Просвещение, 1989. – 160 с.
542. Ростовцева, И. «История неведомо для нас все запишет...» : вспоминая Твардовского [Текст] / И. Ростовцева // Подъем. – 2007. – № 9. – С. 149 – 156.
543. Рыбаков, А. Н. Роман – воспоминание [Текст] / А. Н. Рыбаков. – Москва : Вагриус, 1997. – 383 с.
544. Рымарь, Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности [Текст] / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Самара – Воронеж : Логос-траст, 1994. – 263 с.
545. Руделев, В. Г. Символы Родины в поэтическом творчестве Анатолия Жигулина [Текст] / В. Г. Руделев. – Вестник ТГУ им. Г. Р. Державина. – Вып. 6 (134). – 2014. – С. 223 – 234.

546. Русакова, Е. Искать и находить : Заметки о творчестве молодых писателей Курска и Воронежа [Текст] / Е. Русакова // Комс. правда. – 1959. – 4 сент.

547. Русские писатели 20 века. Биографический словарь [Текст] / [Гл ред. и сост. П. А. Николаев]. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Рандеву-АМ, 2000. – 808 с.

548. Савельев, В. «Поэзия – она живет, как мы...» [Текст] / В. Савельев // Новый мир. – 1978. – № 2. – С. 264 – 267.

549. Савинков, С. В. Творчество А. И. Герцена : философия и поэтика (1830 – 1840 гг.) [Текст] / С. В. Савинков. – Воронеж : ВГПУ, 2005. – 119 с.

550. Свиридов, А. Три судьбы [Текст] / А. Свиридов // Воронежская неделя. – 2004. – 18 авг.

551. Сербский В. «Продли, Всевышний, дни моей Ирины!» [Текст] / В. Сербский // Александровский Централ (Братск). – 2002. – Янв.

552. Сидоров, Е. Тишины не будет : Заметки о «Дне поэзии 1972» [Текст] / Е. Сидоров // Лит. Россия. – 1973. – 26 янв. – С. 11.

553. Симонов, К. М. Глазами человека моего поколения : размышления о И. В. Сталине [Текст] / К. М. Симонов. – Москва : Изд-во АПН, 1988. – 480 с.

554. Симонов, К. Таким я его помню (Несколько глав из записей об А. Твардовском) [Текст] / К. Симонов // Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1978. – С. 323 – 347.

555. Симонов, К. М. Письмо А. В. Жигулину от 21 декабря 1977 г. [Текст] / К. М. Симонов. – Собр. соч. : В 10 т. – Москва : Худож. литература, 1979 – 1987. – Т. 12. (доп.). Письма 1943 – 1979 гг. – С. 480 – 481.

556. Синельников, М. «Мы были той виной сильны...» [Текст] / М. Синельников // Лит. Россия. – 1988. – 30 сент. – С. 14.

557. Синельников, М. «На большаках своей эпохи» [Текст] / М. Синельников // Правда. – 1980. – 26 мая.

558. Синельников, М. Там, где сочиняют сны [Текст] / М. Синельников // Знамя. – 2002. – № 7. – С. 166 – 170.

559. Скобелев, В. Память поэта [Текст] / В. Скобелев // Коммуна. – 1965. – 18 апр.
560. Скоробогач, Т. Новое о Твардовском А. Т. [Текст] / Т. Скоробогач // Проблемы эволюции русской литературы XX века. – Москва, 1995. – Вып. 2. – С. 202 – 204.
561. Слово о полку Игореве : Сборник [Текст] / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; реконстр. древнерус. текста и перевод Д. С. Лихачева; сост., подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. – Ленинград : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
562. Слуцкий, Б. Рецензия [Текст] / Б. Слуцкий // Юность. – 1965. – № 4. – С. 98. – Рец. на кн. : Жигулин А. Память. – Воронеж : Воронеж, кн. изд-во, 1964. – 64 с.
563. Слюсарева, И. В разорванном тумане [Текст] / И. Слюсарева // Юность. – 1985. – № 5. – С. 70 – 76.
564. Смирнов, В. В «новомирском коридоре» [Текст] / В. Смирнов // Лит. Россия. – 1995. – № 37. – С. 13.
565. Смирнов, В. Кому принадлежит Твардовский? [Текст] / В. Смирнов // Наш современник. – 2006. – № 10. – С. 259 – 263.
566. Смирнов, В. Объемлет небо всю Россию : К 80-летию со дня рождения А. Твардовского [Текст] / В. Смирнов // Правда. – 1990. – 17 июня.
567. Смирнов, В. Я вам жить завещаю : Неизвестный Твардовский [Текст] / В. Смирнов // Роман-журнал XXI век. – 2000. – № 6. – С. 94 – 101.
568. Смирнов, В. Б. Больше века назад : избранные статьи о русской литературе XIX века [Текст] / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Комитет по печати и информации, 1997. – 288 с.
569. Смирнов, В. Б. Ф. М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70–80-х годов [Текст] / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 1996. – 128 с.

570. Смирнов, В. Б. Журналистика и литература. Методолог. и истор.-лит. пробл. : монография [Текст] / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2005. – 357 с.

571. Смирнов, В. Б. Литературная история «Отечественных записок». 1868 – 1884 : учеб. пособие [Текст] / В. Б. Смирнов. – Пермь : Изд-во Перм. пед. ин-та, 1974. – 314 с.

572. Смирнов, В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70 – 80-х годов XIX века [Текст] / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 1998. – 263 с.

573. Смирнова, А. И. Великая Отечественная война в творческой биографии В. П. Астафьева : по страницам «эпистолярного дневника» [Текст] / К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : Сб. науч. статей по мат-м науч. конф. / А. И. Смирнова. – Москва : МГПУ, Ин-т гум. наук, 2016. – С. 101 – 109.

574. Смирнова, А. И. И. А. Бунин // Литература русского зарубежья («первая волна» эмиграции: 1920 – 1940 годы) : в 2 ч. : уч. пособ. [Текст] / А. И. Смирнова – Волгоград, 2003. – Ч. 1. – С. 36 – 55.

575. Смирнова, А. И. От письма к «эпистолярному дневнику»: по книге В. П. Астафьева «Нет мне ответа...» [Текст] / А. И. Смирнова // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 255 – 261.

576. Смирнова, А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века : уч. пособие [Текст] / А. И. Смирнова. – 2-е изд. – Москва : Флинта, 2012. – 287 с.

577. Снежко, Е. «...Только тебе расскажу» [Текст] / Е. Снежко // Лит. Россия. – 1977. – 2 дек. – С. 18.

578. Снигирева, Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха [Текст] / Т. А. Снигирева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1997. – 384 с.

579. Снигирева, Т. А. Жанр литературной рецензии в рабочих записях А. Т. Твардовского [Текст] / Т. А. Снигирева // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе : жанр, автор, герой, текст. Мат-лы XVII межд. науч. конф. ; под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова ; отв. ред. Т. В. Мальцева. – 2012. – С. 94 – 95.

580. Снигирева, Т. А. Литературная рефлексия в «Новомирском дневнике» А. Твардовского [Текст] / Т. А. Снигирева // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 53 – 62.

581. Снигирева, Т. Творчество А. Т. Твардовского в отечественной критике : учеб. пособие [Текст] / Т. Снигирева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1994. – 86 с.

582. Снигирева, Т. А. «Я вам жить завещаю...» (Поздняя лирика А. Т. Твардовского) [Текст] / Т. А. Снигирева // Филологический класс. – 1999. – № 4. – С. 65 – 71.

583. Снигирева, Т. А. «Толстый» журнал в России как текст и сверттекст [Текст] / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов // Известия УрГУ. – 1999. – № 13. – С. 5 – 13.

584. Соколов, М. Хранить вечно : беседа с Анатолием Жигулиным [Текст] / М. Соколов // Собеседник. – 1988. – Авг. – № 35. – С. 12 – 13.

585. Солженицын, А. Богатырь : [Из очерков «Угодило зернышко промеж двух жерновов»] [Текст] / А. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 6. – С. 129 – 130.

586. Солженицын, А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни [Текст] / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № № 6–8, 11, 12.

587. Солженицын, А. И. Два письма А. Жигулину [Текст] / А. И. Солженицын // За что? Проза, поэзия, документы. – Москва : Новый ключ, 1999. – С. 231 – 233.

588. Солженицын, А. И. Как разгоняли «Новый мир» : [отр. из кн. «Бодался теленок с дубом» / предисл. ред.] [Текст] / А. И. Солженицын // Аргументы и факты. – 1989. – 2 – 8 дек. – С. 6 – 7.

589. Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича : повесть : [предисл. А. Твардовского] [Текст] / А. Солженицын // Новый мир. – 1962. – № 11. – С. 8 – 74.

590. Солженицын, А. И. Открытое письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей [Текст] / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 113 – 115.

591. Солженицын, А. Поминальное слово о Твардовском. Жить не по лжи! [Текст] / А. Солженицын // Наш современник. – 1989. – № 9. – С. 159 – 163.
592. Солженицын, А. «Твардовский расплачивался за меня» [Текст] / А. Солженицын // Рос. газета. – 2010. – 21 июня.
593. Солженицын, А. Угодило зернышко промеж двух жерновов : Очерки изгнания [Текст] / А. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № № 9, 11; 1999. – № 2; 2000. – № № 9, 12; 2001. – № 4; 2003. – № 11.
594. Сообщение секретариата правления Союза писателей СССР [Текст] // Лит. газета. – 1969. – 12 нояб.
595. Сорокин, А. ...И только правда на всех одна [Текст] / А. Сорокин // Мол. коммунар. – 1988. – 3 нояб.
596. Спивак, П. Когда началось литературное сегодня : К спорам о шестидесятничестве и о «Новом мире» времен Твардовского [Текст] / П. Спивак // Вопросы литературы. – 1991. – № 4. – С. 3 – 35.
597. Станько, А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е годы XIX в.) / А. И. Станько. – Ростов-на-Дону, 1986. – 206 с.
598. Старшинов, Н. Осенняя сосредоточенность [Текст] / Н. Старшинов // Лит. Россия. – 1969. – 18 апр. – С. 17.
599. Стернин, И. А. Природа, сущность и функции языка. Язык и мышление [Текст] / И. А. Стернин, О. Н. Чарыкова // Введение в языкознание : курс лекций ; пос. для ст-в филол. фак-в ун-в. Под общ. ред. О. Н. Чарыковой и И. А. Стернина. – Воронеж, 2016. – С. 12 – 21.
600. Стюфляева, М. И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения исследования) [Текст] / М. И. Стюфляева. – Воронеж, 1989. – 145 с.
601. «Считаю долгом сигнализировать» : письмо скульптора Е. Вучетича в ЦК КПСС, 1955–1956 [Текст] // Источник. – 1994. – № 4. – С. 85 – 87.
602. Тазеева-Гриценко, Т. Н. Журнал «Новый мир» сквозь призму его тиража (1960-е гг.) [Текст] / Т. Н. Тазеева-Гриценко // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2008. – № 11. – С. 171 – 182.

603. Тарасенко, Т. П., Величко, М. А. Автокоммуникация в дневнике / Т. П. Тарасенко, М. А. Величко // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. – Краснодар, 2016. – С. 65 – 97.

604. Тарасов, Е. И. Предисловие к дневнику Н. И. Тургенева [Текст] / Е. И. Тарасов. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. – СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук; тип. Имп. Акад. наук, 1911. – 512 с.

605. Тарле, Е. В. Пушкин как историк [Текст] / Е. В. Тарле // Новый мир. – 1963. – № 9. – С. 211 – 220.

606. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге [Текст] / А. Г. Тартаковский. – Москва : Наука, 1991. – 286 с

607. Твардовская, В. Александр Дементьев против «Молодой гвардии» [Текст] / В. Твардовская // Вопросы литературы. – 2005. – № 1. – С. 178 – 212.

608. Твардовская, В. Говорят лауреаты «Знамени» : конференц-зал [Текст] / В. Твардовская, О. Твардовская // Знамя. – 2001. – № 3. – С. 201 – 206.

609. Твардовская, В. «Им так и не удалось приручить отца» [Текст] / В. Твардовская // Караван историй. – 2004. – № 2. – С. 172 – 189.

610. Твардовская, В. А. А. Твардовский в жизни и литературе (письма 1950–1959) [Текст] / В. А. Твардовская. – Смоленск : Маджента, 2013. – 480 с.

611. Твардовская, В. А. Твардовский глазами М. Синельникова : по поводу воспоминаний М. Синельникова «Там, где сочиняют сны» [Текст] / В. А. Твардовская // Знамя. – 2002. – № 11. – С. 210 – 218.

612. Твардовская, В. Время «Нового мира» (У журнала была своя линия) [Текст] / В. Твардовская // Независимая газета. – 2000. – 3 марта.

613. Твардовская, В. М. Золотоносцев против «Нового мира» / В. Твардовская, О. Твардовская // Вопросы литературы. – 2007. – N 1. – С. 56 – 65.

614. Твардовская, В. А. Поэт и вождь : по поводу статьи Е. Г. Плимака «Поэт Александр Твардовский и Верховный в годы Великой Отечественной и после нее» [Текст] / В. А. Твардовская // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 170 – 173.

615. Твардовский, А. В редакцию «Литературной газеты» [Текст] / А. Твардовский // Лит. газета. – 1970. – 11 февр.

616. Твардовский, А. Вместо предисловия [Текст] / А. Твардовский // Новый мир. – 1962. – № 11. – С. 8 – 9.

617. Твардовский, А. Т. Из писем о литературе [Текст] / А. Т. Твардовский // Вопросы литературы. – 1983. – № 2. – С. 169 – 210.

618. Твардовский, А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) : публ. и прим. М. И. Твардовской [Текст] // Знамя. – 1989. – № 7. – С. 124 – 192; № 8. – С. 122 – 181; № 9. – С. 143 – 206. Рабочие тетради 60-х годов : вступ. ст. Ю. Г. Буртина ; публ. В. А. и О. А. Твардовских // Знамя. – 2000. – № 6. – С. 132 – 178; № 7. – С. 102 – 154; № 9. – С. 139 – 190; № 11. – С. 144 – 175; № 12. – С. 124 – 148; 2001. – № 12. – С. 130 – 164; 2002. – № 2. – С. 114 – 165; № 4. – С. 136 – 185; № 5. – С. 138 – 179; № 9. – С. 171 – 199; № 10. – С. 141 – 191; 2003. – № 8. – С. 136 – 170; № 9. – С. 122 – 158; № 10. – С. 137 – 177; 2004. – № 4. – С. 160 – 186; № 5. – С. 138 – 167; № 9. – С. 142 – 164; № 10. – С. 141 – 165; № 11. – С. 160 – 189. Рабочие тетради / Знамя. – 2005. – № 9. – С. 150 – 173; № 10. – С. 147 – 179.

619. Твардовский, А. Т. Как был написан «Василий Теркин» : Ответ читателям [Текст] / А. Т. Твардовский. – Москва : Сов. писатель, 1952. – 43 с.

620. Твардовский, А. Несколько слов к читателям «Нового мира» [Текст] / А. Твардовский // Новый мир. – 1961. – № 12.

621. Твардовский, А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1 : 1961 – 1966 [Текст] / Александр Твардовский ; [предисл. Ю. Г. Буртина ; подг. текста, коммент. В. А. и О. А. Твардовских]. – Москва : ПРОЗАиК, 2009. – 656 с. Т. 2 : 1967 – 1970 / Александр Твардовский ; [предисл. Ю. Г. Буртина ; подг. текста, коммент. В. А. и О. А. Твардовских]. – Москва : ПРОЗАиК, 2009. – 640 с.

622. Твардовский, А. О литературе [Текст] / А. Твардовский. – Москва : Современник, 1973. – 448 с.

623. Твардовский, А. Письма о литературе. 1930–1970 [Текст] / А. Твардовский ; [сост. М. И. Твардовская]. – Москва : Сов. писатель, 1985. – 512 с.

624. Твардовский, А. Проза. Статьи. Письма [Текст] / А. Твардовский. – Москва : Известия, 1974. – 784 с.
625. Твардовский, А. По случаю юбилея [Текст] / А. Твардовский // Новый мир. – 1965. – № 1. – С. 3 – 18.
626. Твардовский, А. Т. Родина и чужбина : записи, очерки [Текст] / А. Т. Твардовский. – [2-е изд.]. – Москва : Сов. писатель, 1960. – 471 с.
627. Твардовский, А. Т. Слово о Пушкине. Речь на торжеств. заседании в Большом театре 10 февр. 1962 г., посвящ. 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина [Текст] / А. Т. Твардовский. – Москва : Сов. Россия, 1962. – 27 с.
628. Твардовский, А. Статьи и заметки о литературе [Текст] / А. Твардовский. – 3-е изд., доп. – Москва : Сов. писатель, 1972. – 294 с.
629. Твардовский, А. «У меня как бы две биографии» [Текст] / А. Твардовский / публ. и коммент. Романовой Р. // Лит. газета. – 1992. – 16 дек.
630. Твардовский, А. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941 – 1945 [Текст] / А. Твардовский ; [сост. В. А. и О. А. Твардовские]. – Москва : Вагриус, 2005. – 397 с.
631. Творчество Александра Твардовского : исслед. и материалы [Текст] / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; под ред. П. С. Выходцева, Н. А. Грозновой. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. – 382 с.
632. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 320 с.
633. Толстой, А. К. Дневник [Текст] / А. К. Толстой. – Собр. соч. : В 4 т. – Москва : Худож. литература, 1963 – 1964. – Т. 4. – 584 с.
634. Толстой, Л. Н. Собр. соч. : В 22 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – Москва : Худож. литература, 1985. – Т. 21. Дневники : 1847 – 1894. – С. 575. Т. 22. Дневники : 1895 – 1910. – С. 559.
635. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 333 с.

636. Топоров, В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) / В. Н. Топоров // Восток Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып 4. Москва, 1989. – С. 78 – 99.
637. Топоров, В. Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) / В. Н. Топоров // Из истории русской культуры. Том III (XVII – начало XVIII века). – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 346 – 379.
638. Трифонов, Ю. Вспоминая Твардовского [Текст] / Ю. Трифонов // Огонек. – 1986. – № 44. – С. 21 – 24.
639. Трифонов, Ю. Записки соседа : [публ. О. Р. Мирошниченко] [Текст] / Ю. Трифонов // Дружба народов. – 1989. – № 10. – С. 7 – 43.
640. Троепольский, Г. Н. «И боль твоя – моя боль...» : [Письма Г. Н. Троепольского А. Т. Твардовскому] [Текст] / Г. Н. Троепольский // Подъем. – 2011. – № 2. – С. 206 – 213.
641. Тулупов, В. В. Российская пресса : дизайн, реклама, типология [Текст] / В. В. Тулупов. – Воронеж : Инфа, 1996. – 112 с.
642. Тулупов, В. В. Теория и практика современной российской журналистики : сб. статей [Текст] / В. В. Тулупов. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 232 с.
643. Тулупов, В. В. Техника и технология периодических изданий : учеб. пособие [Текст] / В. В. Тулупов. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 262 с.
644. Турков, А. Александр Твардовский [Текст] / А. Турков. – Москва : Мол. гвардия, 2010. – 416 с.
645. Тургенев, А. И. Хроника русского. Дневники (1825 – 1826 гг.) [Текст] / А. И. Тургенев. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 629 с.
646. Тургенев, И. С. Дневник [Текст] / И. С. Тургенев. – Полн. собр. соч. и писем : В 28 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1960 – 1968. – Т. 15.
647. Турков, А. Не склонившие головы : Читая повесть и стихи А. Жигулина [Текст] / А. Турков // Известия. – 1988. – 12 сент.
648. Турков, А. «Честно я тянул свой воз» [Текст] / А. Турков // Дружба народов. – 2006. – № 1. – С. 199 – 207.

649. Турков, А. «Я не ранен. Я убит». Из воспоминаний об А. Т. Твардовском [Текст] / А. Турков // Знамя. – 2000. – № 1. – С. 161 – 174.
650. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт [Текст] / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 225 – 270.
651. Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции [Текст] / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 270 – 281.
652. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 576 с.
653. Уилсон, Э. Жизнь Шостаковича, рассказанная его современниками [Текст] / Э. Уилсон. Санкт-Петербург : Композитор, 2006. – 536 с.
654. Урбан, А. Внимательность высокого искусства [Текст] / А. Урбан // Аврора. – 1976. – № 7. – С. 69, 72 – 74.
655. Урбан, А. Образ человека – образ времени [Текст] / А. Урбан. – Ленинград : Худож. литература, 1979. – 328 с.
656. Урбан, А. Художественная автобиография и документ [Текст] / А. Урбан // Звезда. – 1977. – № 2. – С. 192 – 208.
657. Ученова, В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики, публицистика и политика, у истоков публицистики [Текст] / В. В. Ученова. – Москва : Аспект-Пресс, 2009. – 556 с.
658. Ученова, В. В. У истоков публицистики [Текст] / В. В. Ученова. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1989. – 214 с.
659. Филатова, Е. М. Белинский [Текст] / Е. М. Филатова. – Москва : Мысль, 1976. – 174 с.
660. Хорольский, В. В. Теория массовой коммуникации и теория журналистики : нераздельное и неслиянное [Текст] / В. В. Хорольский // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия : Филология. Журналистика. – Воронеж, 2007. – № 2. – С. 244 – 247.
661. Храпченко, М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы [Текст] / М. Б. Храпченко. – 4-е изд. – Москва : Худож. литература, 1977. – 446 с.

662. Хрущев, Н. С. Воспоминания : избранные фрагменты [Текст] / Н. С. Хрущев. – Москва : Вагриус, 1997. – 564 с.
663. Цветаева, М. И. Из дневниковых записей [Текст] // Соч. : в 2 т. / М. И. Цветаева. – Москва : Худож. литература, 1988. – Т. 2. – 275 – 326.
664. Цыбин, В. Звездный возраст [Текст] / В. Цыбин // Сел. молодежь. – 1962. – № 4. – С. 18.
665. Цыбин, В. Между правдой и совестью : (А. Твардовский) [Текст] / В. Цыбин // Молодая гвардия. – 1997. – № 8. – С. 218 – 232.
666. Цыбин, В. О таланте и ответственности таланта [Текст] / В. Цыбин // Моск. комсомолец. – 1963. – 22 дек. ; Веч. Ленинград. – 1963. – 25 дек.
667. Чагин, А. «Мне слышатся Истории шаги...» [Текст] / А. Чагин // Лит. учеба. – 1979. – № 3. – С. 134, 138 – 141.
668. Чалмаев, В. А. А. Солженицын. Жизнь и творчество: книга для учащихся [Текст] / В. А. Чалмаев. – Москва : Просвещение, 1994. – 258 с.
669. Черниченко, Ю. Поднявшийся первым [Текст] / Ю. Черниченко // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 178 – 192.
670. Чернова, И. Лирический цикл А. Т. Твардовского «Памяти матери» [Текст] / И. Чернова // Лит. в школе. – 2000. – № 4. – С. 55 – 61.
671. Чернышевский, Н. Г. Дневники [Текст] / Н. Г. Чернышевский. – Полн. собр. соч. : В 15 т. – Москва : Худож. литература, 1939. – Т. 1. – 860 с.
672. Чехов, А. П. Дневники [Текст] / А. П. Чехов. – Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – Москва : Наука, 1987. – Т. 17.
673. Чудакова, М. О. «Я там был. Я жил тогда...» : А. Т. Твардовский : К 100-летию со дня рождения [Текст] / М. О. Чудакова. – Москва, 2010. – 56 с.
674. Чуковский, К. И. Дневник (1901 – 1929) [Текст] / К. И. Чуковский. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 544 с.
675. Чуковский, К. И. Дневник (1930 – 1969) [Текст] / К. И. Чуковский. – Москва : Сов. писатель, 1995. – 560 с.
676. Чуковский, К. Мастерство Некрасова [Текст] / К. Чуковский. – Москва : Худож. литература, 1971. – 712 с.

677. Чупринин, С. Позиция (Литературная критика в журнале «Новый мир» времен А. Т. Твардовского. 1958 – 1970 гг.) [Текст] / С. Чупринин // Вопросы литературы. – 1988. – № 4. – С. 3 – 47.

678. Чупринин, С. Предвестие : Заметки о журнальной прозе 1988 года [Текст] / С. Чупринин // Знамя. – 1989. – № 1. – С. 210 – 224.

679. Чупринин, С. Свет предосенний [Текст] / С. Чупринин // Лит. обозрение. – 1982. – № 4. – С. 42 – 46.

680. Чупринин, С. И. Крупным планом. Поэзия наших дней : проблемы и характеристики [Текст] / С. И. Чупринин. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 288 с.

681. Чупринин, С. Шестидесятые – семидесятые : волна вослед волне [Текст] / С. Чупринин // Новый мир. – 1981. – С. 237 – 248.

682. Чухонцев, О. Стихи Анатолия Жигулина [Текст] / О. Чухонцев // Юность. – 1977. – № 9. – С. 78.

683. Шаламов В. Т. Переписка с Жигулиным А. В. [Электронный ресурс] / В. Т. Шаламов. Режим доступа : <http://shalamov.ru/library/24/30.html>

684. Шаламов, В. Т. Письма к А. И. Солженицыну [Текст] / В. Т. Шаламов. – Собр. соч. : в 4 т. Т. 4 : Четвертая Вологда ; Вишера : Антироман; Эссе ; Письма / сост., прим. и послесл. И. Сиротинской. – Москва : Худож. литература, Вагриус, 1998. – С. 434 – 474.

685. Шаламов, В. Т. Твардовский. «Новый мир». Так называемая «некрасовская традиция» [Текст] / В. Т. Шаламов. – Собр. соч. : В 6 т. – Т. 5. Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979. – Москва : ТЕРРА–Книжный клуб, 2005. – С. 83 – 84.

686. Шапир, М. Данте и Теркин «На том свете» : О судьбах русского бурлеска в XX веке [Текст] / М. Шапир // Вопросы литературы. – 2002. – № 3. – С. 58 – 72.

687. Шахова, Е. Вызвавшие огонь на себя [Текст] / Е. Шахова // Мол. коммунист. – 1989. – № 7. – С. 64 – 70.

688. Шевченко, Т. Г. Дневник [Текст] / Т. Г. Шевченко. – Собр. соч. : В 5 т. – Москва : Худож. литература, 1964. – Т. 5.

689. Шестерина, А. М. Основы творческой деятельности журналиста: уч. пособие [Текст] / А. М. Шестерина. – Тамбовск. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. – 282 с.

690. Шестерина, А. М. Психология журналистики: в 2-х ч. [Текст] / А. М. Шестерина. – Воронеж : Изд-во факультета журналистики Воронеж. гос. ун-та, 2011. – Ч. 1. – 190 с. ; Ч. 2. – 216 с.

691. Шестинский, О. Нравственный фактор [Текст] / О. Шестинский // Лит. Россия. – 1981. – 3 апр.

692. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет : Статьи, воспоминания, эссе (1914 – 1933) [Текст] / В. Б. Шкловский. – М. : Сов. писатель. 1990. – 544 с.

693. Шкловский, В. Б. О теории прозы [Текст] / В. Б. Шкловский. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 383 с.

694. Шкловский, В. Б. Тетива. О несходстве сходного [Текст] / В. Б. Шкловский. — Москва : Сов. писатель, 1970. – 275 с.

695. Школьник, М. Воронеж!.. Родина. Любовь [Текст] / М. Школьник // Мол. коммунары. – 1980. – 9 окт.

696. Шлейермахер, Ф. Герменевтика [Текст] / Ф. Шлейермахер. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2004. – 242 с.

697. Шнеерсон, М. Трагедия сына века : «Из рабочих тетрадей» А. Твардовского [Текст] / М. Шнеерсон // Грани. – 1990. – № 157. – С.147 – 177.

698. Шохина, В. Битва в пути. Беглый очерк о «Новом мире» от Луначарского до Василевского [Текст] / В. Шохина // Кулиса НГ. – № 3. – 18 февр.

699. Шрейдер, Ю. А. Двойственность шестидесятых. Из истории советской интеллигенции [Текст] / Ю. А. Шрейдер // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 238 – 250.

700. Штильман, С. Нить Ариадны : о смысле названий некоторых произведений отечественных писателей XIX–XX вв. [Текст] / С. Штильман // Лит. в школе. – 2001. – № 8. – С. 20 – 22.

701. Эггелинг, В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953 – 1970 гг. [Текст] / В. Эггелинг. – Москва : «АИРО-XX», 1999. – 312 с.

702. Эйдельман, Н. Я. Первый декабрист : Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского [Текст] / Н. Я. Эйдельман. – Москва : Изд-во полит. лит., 1990. – 398 с.

703. Эйхенбаум, Б. М. О литературе [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 544 с.

704. Эйхенбаум, Б. М. О прозе [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Худож. литература, 1969. – 501

705. Ющенко, В. Близкое и дорогое [Текст] / В. Ющенко // Коммуна. – 1971. – 2 марта.

706. Яковлев, А. Против антиисторизма [Текст] / А. Яковлев // Лит. газета. – 1972. – 15 нояб. – № 46.

707. Яковлева, Е. Борьба и победа [Текст] / Е. Яковлева // Комс. правда. – 1988. – 31 авг.

708. Яковлева, Е, Муратов, Д. Вторая попытка. Как и почему сегодня писатель Л. Коробков пытается оправдать приговор, вынесенный бериевскими следователями [Текст] / Е. Яковлева, Д. Муратов // Комс. правда. – 1988. – 25 окт.

709. Ямпольская, Е., Окунева, И., Гольдберг М. Удача автора ; Резников, Л. Открытое письмо Ю. Барабашу ; Шейнис, В., Цимеринов, Р. «Так надо?» // Новый мир. – 1963. – № 10. – С. 193 – 198.